

В О П Р О С Ы И С Т О Р И И

В НОМЕРЕ:

МАРКСИЗМ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА В ИНДИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

ПАРТИЗАНЫ В 1812 ГОДУ

МОСКВА, 1941 ГОД

ЦИЦЕРОН И КАТИЛИНА

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР

2

МОСКВА · 1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

НОВЫЕ КНИГИ

БЛАГОЕВ Д. Кратки бележки из моя живот. София. «Изд-во на БКП». 1971. 159 с.

ДАВИДОВ Н. Парижката Комуна. София. «Партиздат». 1971. 109 с.

ДИМИТРОВ ГЕОРГИ. Отечественият фронт. София. «Изд-во на Отечествения фронт». 1971. 437 с.

80 години Българска комунистическа партия. Библиографски материали и разработки. (Съст.: П. Дюгмеджиева, Е. Василева, А. Караджова). София. Нар. библ. «Кирил и Методий». 1971. 145 с.

Енгелс и съвременното научно знание. Сборник. Съст. Светослав Славков. София. «Наука и изкуство». 1971. 354 с.

ИГНАТОВ П. Сърце за всички. София. «Народна младеж». 1971. 143 с.

МАРКС, КАРЛ и ЕНГЕЛС, ФРИДРИХ. Мисли и афоризми на Маркс и Енгелс. София. «Политиздат». 1971. 326 с.

Спомени за Георги Димитров. Т. I. 1882—1934. 520 с.; т. II. 1934—1949. 746 с. Съст.: Д. Андреев, Е. Кабакчиева, Д. Мишев, П. Раденкова. София. «Партиздат». 1971.

Чипровци 1688—1968. Материали от науч. сесия по случай 280-год. на Чипровското въстание. (Ред. колегия: Ив. Дуйчев и др.). София. «Изд-во на БАН». 1971. 283 с.

LIPTAI E. A Magyarországi Szocialista Munkáspárt 1925—1928. Budapest. «Kosuth Könyvkiadó». 1971. 288. old.

BADSTUBE K.-H. Partei-Staatsmacht-Staatsvolk. Berlin. «Staatsverlag der DDR». 1971. 121 S.

Erfolgreiche internationale Wirtschaftspolitik der SED. (Autorenkollektiv). Berlin. «Die Wirtschaft». 1971. 138 S.

GOSSWEILER K. Grossbanken, Industriemonopole, Staat. Berlin. «Deutscher Verlag der Wissenschaften». 1971. 424 S.

GRAF H., SEILER G. Wahl und Wahlrecht im Klassenkampf. Berlin. «Statsverlag der DDR». 1971. 441 S.

KALENSKI W. G., MOCEK R., LÖWE B. P. Politologie in den USA. Zur Kritik imperialistischer Machtkonzeptionen. Berlin. «Deutscher Verlag der Wissenschaften». 1971. 200 S.

LUXEMBURG ROSA. Briefe aus dem Gefängnis. Berlin. «Dietz». 1971. 86 S.

Philosoph der Arbeiterklasse. Friedrich Engels 1820—1970. Beiträge. Hrsg. von Alfred Kosing und Friedrich Richter. Berlin. «Dietz». 1971. 303 S.

Seht, welche Kraft! Die SED-Tradition, Gegenwart, Zukunft. (Hrsg. vom Inst. für

Gesellschaftswiss. beim ZK der SED unter Leitung von Otto Reinhold. Autorenkollektiv: Karl-Heinz Arnold u. a.). Berlin. «Dietz». 1971. 337 S.

KUMANIECKI J. Po traktacie ryskim. Stosunki polsko-radzieckie 1921—1923. Warszawa. «KiW». 1971. 282 s.

LIDER J. Nowe tendencje w myśli polityczno-wojskowej NRF (1966—1969). Wrocław. «Ossolineum». 1971. 387 s.

OLBROMSKI M. Przemijanie. Warszawa. «Czytelnik». 1971. 223 s.

RAMOTOWSKA F. Rząd carski wobec manifestacji patriotycznych w Królestwie Polskim w latach 1860—1862. Wrocław, etc. «Ossolineum». 1971. 441 s.

Szkoła nowego. Wspomnienia działaczy rad narodowych. Warszawa. «KiW». 1971. 276 s.

W kręgu inspiracji leninowskich. Materiały z Centralnej sesji nauk. PAN w 100-lecie urodzin W. I. Lenina. (Warszawa, 14—15 kwietnia 1970 r.). Wrocław (i. i.). «Wyd-wo Zakł. narod. im. Ossolińskich». 1971. 471 s.

CUȘNIR-MIHAILOVICI C. ș. a. Mișcarea muncitorească din România. 1916—1921. Crearea Partidului Communist Roman. București. «Ed. polit.». 1971. 524 p.

GEORGESCU T. De la revoluționarii democrați la făurarii partidului comunist român. București. «Ed. polit.». 1971. 245 p.

STĂNESCU M. C. Mișcarea muncitorească din România în anii 1921—1924. București. «Ed. polit.». 1971. 292 p.

Voluntari români în Spania. Amintiri și documente. 1936—1939. București. «Ed. polit.». 1971. 600 (7) p.

KSC predvoj nového života. K 50. výročí vzniku marxisticko-leninskéj strany. (Ved. red. Ján Čierny). Bratislava. «Pravda». 1971. 279 s.

BRINKE J. ...A znali jen kámen. Cesta geografa s československou vědeckou expedicí Moravského musea do Austrálie. Praha. «Novinář». 1971. 221 s.

ZUCKER-SCHILLING E. Er diente seiner Klasse. Eine Biographie. Mit Reden und Schriften von Johann Kopenig. Wien. «Globus». 1971. 218 S.

FISCHER R. Basic Negotiating Strategy. Intern. Conflict for Beginners. With a Forew. by Edward M. Kennedy. London. «Lane, the Penguin Press». 1971. 194 p.

KIRK-GREENE A. H. M. Crisis and Conflict in Nigeria. Vol. I. January 1966—July 1967. 1971. XIV, 459 p.

MACARTNEY C. A. The Habsburg Empire 1790—1918. 2-nd ed. London. «Weidenfeld and Nicolson», 1971. XIV. 908 p.

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1972 г.

★

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с января 1926 года.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» · МОСКВА

В О П Р О С Ы И С Т О Р И И

СО Д Е Р Ж А Н И Е

С Т А Т Ь И

- М. А. Окунева** — Теоретические взгляды основоположников марксизма и крестьянская революционность 3
Н. И. Ксензенко (Харьков) — Решение аграрного вопроса в свекло-сеющих районах Украины (1917—1922 гг.) 18
В. Л. Егоров — Государственное и административное устройство Золотой Орды 32
В. С. Парсаданова — Политическая борьба в крестьянском движении Польши (1944—1949 гг.) 43
В. Н. Никифоров — Из истории советского китаеведения 59
А. В. Райков (Липецк) — Индийские национальные революционеры и марксизм (1920-е—1930-е годы) 67

ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ БОЕВОГО ПРОШЛОГО НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

- Л. Г. Бескровный** — Партизаны в Отечественной войне 1812 года 81

ВОСПОМИНАНИЯ

- Генерал-лейтенант П. А. Ермолин** — Тыл Красной Армии в Московской битве 98

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

- И. В. Оржиховский** — Третье отделение 109
С. Л. Утченко — Цицерон и Катилина 121

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР

- Л. Е. Минц** — 95-летие академика С. Г. Струмилина 133

Обзоры

- А. О. Зильберман** — Новые библиографические издания для историков 137

Рецензии

С. Л. Дмитренко — Ф. М. Ваганов. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928—1930 гг.)	142
М. Г. Панкратова — Г. З. Иоффе. Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии	145
В. Е. Иллерицкий — В. Г. Мирзоев. Историография Сибири (домарксистский период)	147
В. В. Мавродин (Ленинград), А. Л. Шапиро (Ленинград) — А. П. Пронштейн. Методика исторического исследования	149
Н. Г. Аполлова — В. Я. Басин. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII веках	151
А. Н. Красильников — В. А. Рыжиков. «Социализм» по-лейбористски: мифы и реальность	155
Э. О. Берзин — В. А. Тюрин. Ачехская война (Из истории национально-освободительного движения в Индонезии)	157
Е. В. Гутнова — Б. Г. Могильницкий. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в.— начала 900-х годов	160
А. Д. Люблинская (Ленинград) — А. Р. Корсунский. Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории)	163
Новые книги	166
Статьи в советских периодических изданиях	169
Хроникальные заметки	172

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

А. И. Борозняк (Липецк) — Вернер Бертольд. Марксистская историческая концепция — народный фронт и антифашистская демократическая революция	177
Г. Г. Литаврин — Д. Оболенский. Византийское сообщество государств. Восточная Европа. 500—1453	180

По страницам зарубежных журналов

О. М. Медушевская — Польский источниковедческий ежегодник «Studia źródłoznawcze. Commentationes» (1957—1971 гг.)	185
Содержание журналов, выходящих в социалистических странах	192

Заметки о статьях

Е. И. Спиваковский — Румынские социалисты и группа «Освобождение труда»; Б. И. Александров — Послевоенная Западная Германия — «политический вакуум» или арена социальной борьбы?; А. Г. Судейкин — Консерваторы и империя; О. М. Михайлова — Польские ученые обсуждают методологические вопросы исторической науки; Э. С. Львова — К вопросу о доколумбовых контактах африканцев и американцев	194
Рецензии на советские издания	200
Хроникальные заметки	202

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Г. Б. Антонов — Бригадир женской тракторной	204
Ю. А. Федосюк — Тверской бульвар	207
Н. В. Ревякина (Новосибирск) — Бруни и гуманистическая образованность	212

У исторической карты народов мира

А. Ейне (ГДР), В. Е. Владыкин (Ижевск) — Лужичане	216
Сведения об авторах	220
<u>Леонид Михайлович ИВАНОВ</u>	221
Резюме статей на английском языке	222

СТАТЬИ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ

М. А. Окунева

Международное Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 г. подчеркнуло важнейшее значение союза рабочего класса и крестьянства, имеющего первостепенное значение в антиимпериалистической борьбе и в дальнейшем развитии современного революционного процесса. В капиталистических странах, подчеркивает Л. И. Брежнев, трудовое крестьянство «остаётся главным союзником рабочего класса»¹. А в Азии и Африке вопрос о позиции крестьянства представляет собой одну из центральных проблем революционного процесса. Крестьянство составляет там большинство населения и является важной общественной силой, но, как правило, стихийной со всеми вытекающими отсюда колебаниями и противоречиями в его идеологии и политике. В большинстве освободившихся от колониализма стран развитой рабочий класс еще не сформировался. Однако там, где процесс индустриализации развернулся, рабочее движение завоевало серьезные позиции и в конечном счете будет играть определяющую роль и в этом районе мира. «Союз рабочего класса и крестьянства позволит довести до конца национально-освободительные революции, полностью ликвидировать наследие колониализма, сделать движение к социализму более уверенным и целеустремленным»². В странах, где большинство населения является не рабочими, а типичными представителями трудящейся эксплуатируемой массы крестьян и где (говоря по В. И. Ленину) не может быть и речи о чисто пролетарском движении, подлинно революционные силы могут одержать победу только при поддержке со стороны крестьянских движений. В условиях укрепления мировой социалистической системы и усиления антимонополистической борьбы международного рабочего класса проблема отношений рабочего класса с крестьянством вышла за рамки отдельных стран. Она приобрела интернациональный характер как проблема отношений международного рабочего класса, мировой социалистической системы, коммунистических партий с крестьянством и всеми трудящимися развивающихся стран, с национально-освободительным движением, с революционно-демократическими партиями. Эти проблемы исторического процесса не могут быть разрешены без научного анализа крестьянской революционности, ее истоков и перспектив. Дальнейшая разработка стратегии и тактики коммунистического движения в отношении бывших колоний и зависимых стран ставит наряду с другими задачами задачу глубокого изучения суммы взглядов основоположников марксизма по крестьянскому вопросу. Наследие К. Маркса и Ф. Эн-

¹ Л. И. Брежнев. За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы. «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.». М. 1969, стр. 58.

² Там же, стр. 63.

гельса находит творческое применение в современных условиях, когда объективные возможности революционной борьбы резко расширились. Глубокое изучение особенностей новой эпохи, социальных изменений во всем мире является основой выполнения завета К. Маркса «отстаивать революционные интересы таким путем, который соответствует изменившимся обстоятельствам»⁴.

К. Маркс и Ф. Энгельс, разрабатывая учение о всемирно-исторической миссии пролетариата, существенное внимание уделяли проблеме союзников рабочего класса, особенно крестьянству. В. И. Ленин особо отмечал, что К. Маркс и Ф. Энгельс обосновали большую роль крестьянства в общественной борьбе как союзника рабочего класса⁵. При этом они подчеркивали, что пролетариат выступит вождем крестьянства. Это теоретическое открытие основоположников марксизма базировалось, с одной стороны, на их учении об исторической роли пролетариата, а с другой — на анализе социально-экономических закономерностей развития деревни и истории крестьянских движений, что обусловило самую постановку вопроса о крестьянстве как естественном союзнике пролетариата, а также способствовало разработке основ марксистской аграрной программы и тактики пролетариата.

К. Маркс показал, что двойственность экономического положения крестьянства может служить объективной базой различных вариантов дальнейшего развития — и капиталистического, и социалистического; что капиталистическая эксплуатация крестьян лишь по форме отличается от эксплуатации рабочих. «Крестьяне поэтому находят своего естественного союзника и вождя в *городском пролетариате*, призванном ниспровергнуть буржуазный порядок»⁶, — писал К. Маркс. Интересы крестьян, подчеркивал он, находятся в непримиримом противоречии с интересами крупного капитала, и только падение капиталистического строя может поднять крестьянина, только приход к власти рабочего класса может положить конец экономической нищете и общественной деградации крестьянства. Крестьянский вопрос в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса впервые в истории общественной мысли был поставлен как часть проблемы социальной революции. Они раскрыли революционные возможности крестьянства, с одной стороны, и его ограниченность — с другой, показав неспособность крестьянства как класса к самостоятельному победоносному движению. К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что крестьянство оказывалось в истории либо союзником буржуазии, которая его предавала, либо союзником пролетариата. В. И. Ленин высоко оценил этот тезис основоположников марксизма: «Мы приходим к тому же выводу: простое большинство мелкобуржуазных масс еще ничего не решает и решить не может, ибо организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев *только* руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата»⁷.

Глубокое изучение истории крестьянских движений, теоретический анализ тех форм классовой борьбы, которые использовало крестьянство, привели К. Маркса и Ф. Энгельса к важным для перспектив мирового революционного процесса выводам о характере и объективных пределах революционных возможностей крестьянства. Слабость революционных выступлений крестьян, связанная, как подчеркивал В. И. Ленин, с их мелкобуржуазным положением⁸, четко раскрыта Ф. Энгельсом в

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 31, стр. 438

⁵ См. В. И. Ленин. Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.». М. 1959, стр. 20, 118, 228.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 211.

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 41.

⁸ См. там же.

его анализе Великой крестьянской войны XVI в. в Германии. Не идеализируя ни крестьянство, ни его борьбу, Ф. Энгельс подчеркнул, что крестьянству свойственна «долгая, переходившая от поколения к поколению привычка к подчинению»⁹. Он отметил разрозненный характер крестьянских выступлений, отсутствие организованной оппозиции вследствие свойственной крестьянству разобщенности, местную ограниченность и провинциализм: крестьяне «не пойдут дальше местных восстаний, которые будут бесплодны, пока победоносное восстание в городских центрах не придаст этим восстаниям недостающей спайки и не окажет им поддержки»¹⁰. К. Маркс, анализируя переворот Луи Бонапарта, совершенный 2 декабря 1851 г., со всей силой подчеркнул консервативность крестьянства, «приверженность класса крестьян к империи»¹¹. Он указывал, что, «поскольку между parcelными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации», они «неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени»¹². Выявив роль собственнического крестьянства, содействовавшего приходу Наполеона III к власти, К. Маркс подчеркнул, что «династия Бонапарта является представительницей не революционного, а консервативного крестьянина, не того крестьянина, который стремится вырваться из своих социальных условий существования, определяемых parcelлой, а того крестьянина, который хочет укрепить эти условия и эту parcelлу, — не того сельского населения, которое стремится присоединиться к городам и силой своей собственной энергии ниспровергнуть старый порядок, а того, которое, наоборот, тупо замыкается в этот старый порядок и ждет от призрака империи, чтобы он спас его и его parcelлу и дал ему привилегированное положение»¹³. К. Маркс показал, таким образом, что Бонапарты выступали представителями не прогресса для крестьянина, не его здравого смысла, не его исторического будущего, а его суеверия, его предрассудков, его исторического прошлого. Он отмечал, что пролетариат должен учитывать: крестьянство в истории давало примеры не только боевых антифеодальных восстаний, но порою и контрреволюционных мятежей, и призывал помнить не только о революционном запале крестьянства, но и о возможности новой, современной Вандеи¹⁴.

Однако, раскрывая историческую и социальную ограниченность крестьянской революционности, К. Маркс и Ф. Энгельс показали в то же время большое значение крестьянских движений, революционных потенций крестьянства в политике и идеологии. Они боролись против лассальянской теории о крестьянстве как о сплошной реакционной массе. К. Маркс называл Великую крестьянскую войну XVI в. в Германии наиболее радикальным событием немецкой истории¹⁵. Ф. Энгельс высоко оценил ее как героическую эпоху истории немецкого народа; восхищался революционными идеями и планами, выдвинутыми крестьянами и плебеями в XVI в. и приводившими в содрогание и ужас их потомков¹⁶. Он показал огромное значение выступлений крестьянства в том сложном общественном движении, которое происходило в Германии начала XVI в., и отмечал, что, не рассмотрев внимательно крестьянского движения, нельзя понять роль ни одного социального слоя того времени. Разрабатывая далее крестьянский вопрос при капитализме, К. Маркс и

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 357.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 38, стр. 136.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 209.

¹² Там же, стр. 208.

¹³ Там же, стр. 208—209.

¹⁴ См. там же, стр. 209.

¹⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 423.

¹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 345.

Ф. Энгельс исходили, в частности, и из реальной действительности стран, где крестьянство составляло большинство населения. Во второй половине XIX в. такими были еще все европейские страны, кроме Англии. Вот почему основополагающее значение для разработки известной научной идеи К. Маркса о втором издании крестьянской войны как условия победы пролетариата имело выяснение революционных возможностей крестьянства. В этой связи Энгельс подчеркивал роль крестьянства как весьма существенного фактора населения, производства и политической силы «от Ирландии до Сицилии, от Андалузии до России и Болгарии»¹⁷. Победа социализма, писал К. Маркс, возможна лишь тогда, когда пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню; пролетарская партия для завоевания политической власти, указывал Ф. Энгельс, «должна сначала из города пойти в деревню, должна сделаться силой в деревне... *Против воли* мелкого крестьянина никакой прочный переворот во Франции невозможен»¹⁹. Энгельс считал, что в случае революционных выступлений рабочего класса «крестьянские сыны «славной боевой армии» окажут мужественную поддержку»²⁰ —

Разрабатывая проблему союзников рабочего класса, основоположники марксизма подчеркивали, что социальный состав этих союзников меняется на различных этапах истории. В этой связи они особо отмечали социальную дифференциацию в среде крестьянства, которое никогда не представляет собой при капитализме единого класса. Среди всех категорий крестьянства «самый важный и не только для Западной Европы» разряд крестьянина — мелкий крестьянин, арендатор или собственник. Мелкого крестьянина К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали не только как собственника, но и как труженика. В то же время они показали, что мелкие крестьяне не способны к самостоятельной организованной борьбе в силу своей экономической и политической неустойчивости, раздробленности, социальной распыленности. От мелкого крестьянина Энгельс резко отделяет сельских пролетариев. Представляя собой наименее сознательную и организованную часть рабочего класса²¹, сельскохозяйственные рабочие в то же время осознают свои социальные интересы гораздо яснее, чем крестьяне. Вскрывая реакционно-утопический характер аграрной программы западноевропейского оппортунизма, выступавшего за сохранение мелкого крестьянского хозяйства, Энгельс видел перспективу для крестьянства лишь в его переходе под руководством пролетариата к общественному производству. Он подчеркивал, что навеки сохранить мелкого крестьянина экономически невозможно, и неоднократно выступал против теорий, исходивших из неверной оценки исторических перспектив мелкого крестьянства, например, против реакционных утопий прудонистского типа²². Буржуазные теории, идеализирующие ныне исторические возможности мелкокрестьянского хозяйства для ликвидации отсталости афро-азиатских стран, широко распространены; их цель — обосновать развитие этих стран по капиталистическому пути. Вскрывая еще в XIX в. утопичность и реакционный характер подобных концепций, Энгельс одновременно считал, что не следует искусственно ускорять процесс гибели мелкого крестьянства²³. Выражая мысли Маркса, он указывал, что партия рабочего класса стоит «решительно на стороне мелкого крестьянина; мы предпримем все в пределах возможного, чтобы сделать его участь более

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 503.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 504, 517.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 343.

²¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2, стр. 260.

²² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 18, стр. 276.

²³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 520.

сносной, чтобы облегчить ему переход к товариществу, если он на это решается, и даже дать ему отсрочку для размышления на своей парцелле, если он не может еще принять такого решения»²⁴. Задача рабочего класса состоит в том, чтобы избавить крестьянство путем кооперирования от обезземеливания и пауперизации. «Чем больше число крестьян, которых мы избавим от действительного превращения в пролетариев и которых мы сможем привлечь на свою сторону еще как крестьян, тем скорее и легче совершится общественный переворот»²⁵. Неизбежные при этом затраты средств сэкономят в десять раз большие суммы, которые пойдут на преобразование общества в целом.

Идеи Маркса — Энгельса — Ленина нашли яркое воплощение в СССР, где под руководством рабочего класса советское крестьянство с победой колхозного строя навсегда избавилось от эксплуатации и унижения. Рост производительных сил сельского хозяйства, постепенное превращение сельскохозяйственного труда в разновидность труда индустриального, подъем культуры деревни и перестройка сельского быта, отметил Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС, ведут «к изменению социального облика и психологии крестьянина»²⁶. В СССР продолжается процесс сближения крестьянства, рабочего класса и интеллигенции, растет образованность крестьянства, сельскохозяйственный труд становится все более привлекательным и интересным, успешно развивается колхозная демократия. Достижения советской деревни неразрывно связаны с политикой КПСС по укреплению союза рабочего класса и крестьянства, который является политической основой советского общества.

Ф. Энгельс подчеркивал важную роль социальной борьбы крестьян для рабочего движения капиталистических стран и обосновал необходимость поддержки этой борьбы как исходя из общих задач демократической революции, так и исходя из интересов собственно рабочего класса. Огромное значение придавал он разработке русскими социал-демократами революционной программы в отношении экспроприации помещичьих земель. Энгельс считал, что «русский социал-демократ, достойный этого имени», обязан обосновать такую программу и притом «не цитатами из Маркса, а продумав вопрос, как это сделал бы Маркс»²⁷. Этот завет был выполнен В. И. Лениным, создавшим аграрную программу большевизма, рассчитанную на использование революционного потенциала крестьянства, выступающего в союзе с рабочим классом и под его руководством. В. И. Ленин поддержал выдвинутое русским крестьянством в эпоху буржуазно-демократической революции требование о национализации земли, рассматривая его как программу революционной ломки пережитков крепостничества и расчистки пути для борьбы за социализм: национализация земли есть не только «последнее слово» буржуазной революции, но и «шаг к социализму»²⁸. Ленин высоко оценил революционный крестьянский натиск на помещичье землевладение, обосновывая пути «перехода от победы демократии к пролетарской непосредственной борьбе за социализм»²⁹, определил задачи организации сельских пролетариев и полупролетариев для подготовки их к социалистической революции и показал необходимость перехода к общественной обработке земли как к единственному пути социального прогресса крестьянства и избавления его от вековой нищеты.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза 30 марта 1971 года. М. 1971, стр. 90.

²⁷ А. М. Воден. Из воспоминаний. Встречи с Энгельсом. «Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе». М. 1969, стр. 105.

²⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 16, стр. 413.

²⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 12, стр. 266.

Изучая крестьянский вопрос как проблему соотношения демократии и социализма, основоположники марксизма рассмотрели не только его национальный, но и международный аспект: они выдвинули гениальную идею о связи рабочего движения стран Запада с аграрным и национально-освободительным движением стран Востока. Эта идея была развита в дальнейшем В. И. Лениным, а потом современным международным коммунистическим и рабочим движением. Рассматривая перспективы революционного процесса в глобальном масштабе, Маркс поставил «трудный», по его определению, вопрос о соотношении социалистической революции в Европе и восходящего (в то время) буржуазного развития «на неизмеримо большем пространстве» остального мира³⁰. «Главный представитель или главная социальная опора этой, способной еще на исторически прогрессивное дело азиатской буржуазии — крестьянин»³¹, — подчеркивал В. И. Ленин. Классовая сторона вопроса как раз и представляет собой международный аспект соотношения социализма и мелкобуржуазной демократии, взаимоотношений социалистических стран, пролетариата развитых капиталистических стран и крестьянства отсталых стран. Решение этого «трудного вопроса» должна определить победа дела социализма, победа пролетариата в передовых странах.

Маркс и Энгельс, показывая взаимозависимость этих двух революционных потоков и роль каждого из них в отношении другого, предвидели, что рабочий класс капиталистических стран выступит в качестве идейного руководителя крестьянства отсталых стран. Идеологи буржуазии борются против создания такого международного классового союза, за отрыв крестьянского движения «третьего мира» от революционной борьбы международного рабочего класса и при этом используют незрелость классовых отношений в бывших колониях. Основоволожники марксизма, настойчиво требуя классового подхода к социальным явлениям, разоблачали буржуазных идеологов крестьянства («крестьянская нация всегда вынуждена брать себе литературных представителей из среды городской буржуазии и ее идеологов»), для которых «всякое рабочее движение — чистойшей ересь» и которые стремились препятствовать союзу порабощенного крестьянства колоний (например, Ирландии) с социалистическими рабочими Европы³². Отмечая нарастание общенародной революции в России, Энгельс прямо рассматривал ее как союзника всеевропейской революции³³. В работах Маркса и Энгельса была высказана идея тесного союза пролетариата наиболее развитых стран и крестьянства прочих стран, причем особо подчеркнута роль пролетариата как гегемона этого международного классового союза. Основоволожники марксизма показали взаимосвязь революционного движения в Европе и национально-освободительного движения в Азии и пришли к выводу: докапиталистическое крестьянство отсталых стран может перейти к социализму при помощи победившей пролетарской революции в развитых странах Запада.

Победа социалистической революции в капиталистических странах окажет, считали Маркс и Энгельс, огромное влияние на отсталые регионы, «совершенно изменит и чрезвычайно ускорит их прежний ход развития»³⁴. Они подчеркивали ведущую роль самого фактора прихода к власти рабочего класса в развитых странах: «Раз только реорганизована Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полувцилизированные страны сами собой потянутся за нами;

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 29, стр. 295.

³¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 21, стр. 402.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 32, стр. 333.

³³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 146.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 334.

об этом позаботятся одни уже экономические потребности»³⁵. Именно рабочий класс, пришедший к власти в передовых странах, может обеспечить, по мысли Ф. Энгельса, путь сокращенного процесса развития³⁶ докапиталистического крестьянства — через ряд переходных ступеней — к социализму. Победивший пролетариат предоставит крестьянству отсталых стран необходимые условия для этого перехода, в частности материальные средства для развития производительных сил. Огромное значение придавали также основоположники марксизма силе примера победоносного пролетариата развитых стран. Успех продвижения по некапиталистическому пути стран, находящихся на докапиталистической ступени развития, указывал Ф. Энгельс, будет обеспечен «только тогда, когда отсталые страны увидят..., «как это делается», как поставить производительные силы современной промышленности в качестве общественной собственности на службу всему обществу в целом»³⁷. Этот союз рабочего класса развитых стран и крестьянства аграрных стран необходим для обеих сторон: в международном аспекте взаимоотношений рабочего класса и крестьянства заключен «вопрос вопросов всемирной истории»³⁸.

Немалое внимание уделяли основоположники марксизма влиянию крестьянства на борьбу рабочего класса. Высказанные ими в этой связи идеи касаются не только пролетариата развитых капиталистических стран, но и соотношения борьбы пролетариата и крестьянства в глобальном масштабе. Процесс прихода в революционное движение крестьянства и мелкой буржуазии имеет многозначные политические последствия: с одной стороны, является показателем его успехов и руководящей роли рабочего класса, а с другой — сопряжен с привнесением в революционное движение мелкобуржуазных утопий, чуждых научному социализму³⁹. Обосновывая возможность развития отсталых народов по некапиталистическому пути, К. Маркс и Ф. Энгельс настоятельно подчеркивали, что главным условием является опора на победивший пролетариат развитых стран, а не на местные особенности, как пытались представить это в свое время в России народники, говоря о роли русской общины, а в современных условиях — идеологи различных националистических течений в развивающихся странах. Крестьянство отсталых стран способно участвовать в этом классовом союзе под руководством рабочего класса в силу своих революционных потенций, не только антифеодальных, но и антикапиталистических. Выступая против идеализации общинных институтов, Маркс отмечал социальный паразитизм верхушки общины. Гипертрофирование самобытности общинных институтов, внутренних возможностей общины весьма характерно ныне для ряда деятелей националистического толка в Африке и других развивающихся регионах. Оно активно поощряется буржуазными идеологами Запада в целях отрыва революционно-демократических сил от использования всемирного опыта классовой борьбы. Неоценимое значение для критики этих концепций имеют, в частности, ленинские указания о том, что народническая теория самобытного пути является реакционной утопией, от которой «уже рукой подать» и «до узкого национализма, граничащего с шовинизмом»⁴⁰. Крестьянская община в теориях так называемого «африканского социализма» порою идеализируется, а современное африканское общество выдается иногда за общество, «лишенное» классовых конфликтов. Подобные взгляды имеют распространение и в Латинской Америке. Антинаучные концепции об

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 35, стр. 298.

³⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 446.

³⁷ Там же.

³⁸ А. М. Воден. Указ. соч., стр. 106

³⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 34, стр. 338.

⁴⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 527.

особой «роли крестьян-индейцев как революционной расы» не могут быть оценены иначе, как подмена классовой борьбы борьбой рас, отметил IV съезд Гватемальской партии труда в 1970 году. Критерием растущего участия индейского населения в революционном процессе может быть только его «классовая принадлежность и положение эксплуатируемой массы»⁴¹.

Развитая В. И. Лениным, КПСС и современным международным коммунистическим и рабочим движением теория некапиталистического развития учитывает революционные возможности и антиимпериалистические настроения крестьянства, полупролетарских и пролетарских слоев трудящихся и базируется на особенностях современной эпохи с характерным для нее значением мировой системы социализма, определяющей магистральную линию мирового развития. Игнорирование этих факторов приводит на деле к отрицанию возможностей некапиталистического пути развития⁴². Идеи Маркса — Энгельса — Ленина о роли победившего пролетариата ушедших вперед стран полностью подтверждены исторической действительностью. Помощь и опыт мировой системы социализма, политический и экономический союз с ней, солидарность международного рабочего класса, присущий ему интернационализм являются главным внешним условием успеха некапиталистического развития, осуществляемого без прямого, непосредственного руководства со стороны победившего пролетариата данной страны. «Успех народной революции в крестьянской стране, — отмечает монгольский историк, — был обеспечен благодаря тому, что она опиралась на опыт и всестороннюю помощь рабочего класса Советской России и его Коммунистической партии. Союз монгольского аратства с трудящимися Страны Советов — главное внешнее условие победы народной революции. Это была своеобразная форма интернационального союза рабочего класса и крестьянства»⁴³.

Дальнейшим развитием марксистско-ленинского учения о взаимодействии национально-освободительного движения и международного рабочего класса, мировой системы социализма является вытекающий из анализа современной эпохи вывод о том, что основным противоречием выступает ныне противоречие между империализмом и мировой системой социализма. Концепции, гипертрофирующие противоречия между империализмом и «третьим миром» и объявляющие противоречия между капитализмом и социализмом «потерявшими» свое решающее значение⁴⁴, ведут к отрыву национально-освободительного движения от мировой системы социализма, являющейся его оплотом и гарантом. «Это подтверждает теория, изложенная в трудах классиков марксизма-ленинизма, и об этом же говорит историческая практика», — отмечал на Международном совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г. Р. Гиольди⁴⁵. В. И. Ленин усматривал большую опасность для международного классового союза пролетариата и крестьянства со стороны буржуазного и мелкобуржуазного национализма. «Чем более отсталой является страна, тем сильнее в ней мелкое земледельческое производство, патриархальность и захолустность, неминуемо ведущие к особой силе и устойчивости самых глубоких из мелкобуржуазных предрассудков, именно: предрассудков национального эгоизма, национальной ограниченности»⁴⁶. Он предупреждал, что предрассудки национальной огра-

⁴¹ «Проблемы мира и социализма», 1970, № 12, стр. 23.

⁴² См. Р. Ульяновский. О некоторых вопросах некапиталистического развития стран Азии и Африки. «Проблемы мира и социализма», 1969, № 9, стр. 87.

⁴³ «Проблемы мира и социализма», 1971, № 4, стр. 55—56.

⁴⁴ См., например, J. P e g o n. *Latinoamerica: ahora o nunca*. Montevideo. 1967, p. 39.

⁴⁵ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, Москва, 1969». Прага. 1969, стр. 426.

⁴⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 168.

ниченности мешают крестьянству и ремесленникам быть последовательно революционными даже в рамках демократической революции⁴⁷. Признавая прогрессивность национализма угнетенных наций на определенном историческом этапе, В. И. Ленин указывал: «Тут есть грань, которая часто бывает очень тонка»⁴⁸.

Реакционные черты национализма используются буржуазными идеологами в целях противопоставления его (как якобы надклассовой и надпартийной идеологии⁴⁹ и псевдосинонима «конституционной демократии») марксизму, который объявляется ими «антитезой национального суверенитета»⁵⁰. Придавая огромное значение антиимпериалистическому движению огромного большинства человечества, В. И. Ленин отмечал, что мелкобуржуазные слои, объективно нападая на капитал, «неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки»⁵¹. А идеологи антикоммунизма, со своей стороны, стремятся не допустить союза коммунистических партий, рабочего класса капиталистических и социалистических стран с национально-революционными партиями «третьего мира». Союз этих сил, пророчествует английский антикоммунист У. Коларз⁵², «неизбежно кратковременен». Антикоммунисты ориентируют «националистические силы» на разрыв с компартиями, запугивают перспективой «поглощения националистов» коммунистами. Отрицание союза между мировой социалистической системой, борьбой рабочего класса капиталистических стран и крестьянством «третьего мира», национально-освободительным движением особенно характерно для правых и левозкстремистских концепций.

Так, чилийский экономист Ромео пишет, что не только буржуазия, но будто бы и рабочий класс развитых стран участвует в эксплуатации «третьего мира»⁵³. Обездоленные массы «третьего мира» в противовес рабочему классу развитых капиталистических стран рассматриваются такими авторами как «главные носители» марксизма-ленинизма и революционной инициативы⁵⁴. Коммунизм — это «феномен неразвитости»⁵⁵, пишет американский профессор Дж. Каутский. Многие ультралевые мелкобуржуазные концепции переняты и буржуазными идеологами, прямо стоящими на позициях антикоммунизма. Последние приписывают марксизму привлекательность «только лишь для полупролетаризированных или полностью оторванных от своей почвы крестьян... Этим крестьянам марксизм предлагает удобный для них штамп архаизма, завидную утопию, в которой государство и предприятия — институты принуждения — исчезнут»⁵⁶. Согласно левацим концепциям, революционность присуща слаборазвитости не только в масштабе Латинской Америки, но и на международной арене⁵⁷. Нарочитое противопоставление крестьянства как якобы главной революционной силы рабочему классу — характерная черта антимарксистских концепций левого экстремизма. В Латинской Америке рассмотрение крестьянства в качестве авангарда

⁴⁷ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 50.

⁴⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 132.

⁴⁹ «Expectant Peoples. Nationalism and Development». Ed. by K. H. Silvert. N. Y. 1963, pp. 96—98.

⁵⁰ «Expectant Peoples...», p. 126.

⁵¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 54—55.

⁵² W. Colarz. Communism and Colonialism. L.—N. Y. 1964.

⁵³ C. Romeo. Las clases sociales en América Latina. «Pensamiento crítico», 1968, № 16, p. 55.

⁵⁴ P. A. Vagan, P. M. Sweezy. Monopoly Capital. N. Y.—L. 1966, p. 9.

⁵⁵ J. Kautsky. Communism and the Politics of Development. Persistent Myths and Changing Behavior. N. Y. 1968, p. 1.

⁵⁶ A. Ullam. The Historical Role of Marxism and the Soviet System. «World Politics». Vol. VIII, № 1, pp. 25—45.

⁵⁷ I. L. Horowitz. The Norm of Illegitimacy: the Political Sociology of Latin America. «Latin American Radicalism. A Documentary Report on Left and Nationalist Movement». N. Y. 1969, p. 18.

революции на том основании, что это самая многочисленная и доведенная до отчаяния часть населения, представляет собой одну из распространенных мелкобуржуазных утопий. «Мелкий производитель сильно страдает от современных порядков, но он стоит в стороне от прямых, обнажившихся вполне противоречий, боится их и утешает себя наивно-реакционными мечтами...»⁵⁸, — отмечал В. И. Ленин.

Учитывая революционный потенциал подавленного нищетою крестьянства, компартии Латинской Америки в то же время не могут согласиться с мелкобуржуазной, неонароднической идеализацией крестьянства. Латиноамериканские компартии подчеркивают неправильность «недооценки рабочего класса и переоценки энтузиазма крестьян»⁵⁹. Важное значение придают компартии дифференцированному подходу к сельскому населению. Коммунисты в отличие от приверженцев ультралевых взглядов не смешивают сельскохозяйственный пролетариат и крестьянство. Реальной перспективой для подавляющего большинства крестьянства является социальное расслоение. «Один уже факт растущего бегства не только сельских рабочих, но и крестьян из деревень в города наглядно свидетельствует о росте пролетаризации. Но бегству крестьянина в город неизбежно предшествует его разорение»⁶⁰. Этот общеисторический для буржуазных стран процесс протекает, однако, противоречиво, а иллюзии о возможности избежать разорения в рамках капитализма препятствуют борьбе крестьянства в союзе с рабочим классом и под его руководством.

Антимарксистские концепции противопоставляют крестьянство или слои рабочего класса, недавно вышедшие из деревни⁶¹, рабочему классу, революционность которого как якобы «обуржуазившегося» ими отрицается⁶². С этой целью делаются тщетные попытки опровергнуть учение Маркса об источниках классового сознания пролетариата. Они стремятся доказать, что именно крестьянство, а не рабочий класс, обладает более высокой степенью классового сознания, высшим показателем которого ими объявляется «эгалитаризм»⁶³. Буржуазные социологи заявляют, что в Латинской Америке к крестьянству как «наиболее революционному» по своим настроениям классу примыкают маргинальные (не входящие в основные классы) слои города, но не рабочие. И все это происходит, дескать, «вопреки ожиданиям Маркса»⁶⁴. Роль латиноамериканского рабочего класса в революционном процессе здесь отрицается⁶⁵. Марксистскую теорию о роли рабочего класса «нетрудно опровергнуть»⁶⁶, — пишут И. Дэвис и Де Миранда. Различные антимарксистские социологические концепции, извращающие характер латиноамериканского общества (такие, как теории «внутреннего колониализма» мексиканского социолога Р. Ставенхагена⁶⁷, «однозначного капитализма» и «отсутствия в Латинской Америке феодализма» американского социолога А. Франка⁶⁸, служат идейной базой левого экстремизма. «Городской

⁵⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 404.

⁵⁹ «Проблемы мира и социализма», 1969, № 3, стр. 58.

⁶⁰ Ср. В. И. Ленин. ПСС. Т. 5, стр. 187—188.

⁶¹ Аграрным происхождением рабочего класса объясняется его революционность в концепциях троцкистов (F. W. Dupee. (Ed.). *The Story of the Russian Revolution*. N. Y. 1952, p. 9).

⁶² J. C. Leggett. *Uprootedness and Working Class Consciousness*. «*The American Journal of Sociology*», 1963, vol. LXVIII, № 6, p. 682.

⁶³ *Ibid.*, p. 685.

⁶⁴ *Ibid.*, p. 692.

⁶⁵ Editorial: «*The Immediate Future in Latin America: Revolutions, Insurrections or Coups d'Etat?*». «*Civilizations*», vol. XIX, 1969, № 3, p. 287.

⁶⁶ I. Davis, Sh. De Miranda. *The Working Class in Latin America. Some Theoretical Problems*. «*The Socialist Register*». L. 1967, p. 249.

⁶⁷ R. Stavenhagen. *Siete tesis equivocadas sobre America Latina*. «*Politica externa independiente*», 1965, № 1.

⁶⁸ A. G. Frank. *Capitalism and Underdevelopment in Latin America*. N. Y. 1967.

рабочий класс наших стран пользуется благами внутреннего колониализма. Это одна из причин, почему подлинно революционное рабочее движение не существует в Латинской Америке», — пишет Ставенхаген. Он пытается доказать невозможность рабоче-крестьянского союза вследствие «противоречия» экономических интересов этих двух классов, один из которых представляет метрополию, а другой — внутреннюю колонию. Ставенхаген рассматривает крестьянство как главную революционную силу. Революционность крестьянина, по его словам, возрастает обратно пропорционально возможностям его ухода из деревни и улучшения жизни даже в условиях пригородных «поселков нищеты»⁶⁹. Франк, отбрасывая «миф о феодализме» в Латинской Америке, не видит разницы между рабочим классом и крестьянством и отрицает в принципе всякий досоциалистический этап революции. Перуанский троцкист И. Фриас также утверждает, что в Перу никогда не существовало феодализма. Он характеризует социально-экономическую систему Перу как «колониальный капитализм», а в числе «врагов национальной революции» видит только «империализм и его агентуру — местную буржуазию»⁷⁰, но не латифундистов. Чилийский экономист Ромео утверждает, что латиноамериканский рабочий класс — это «рабочая аристократия», «привилегированный технико-экономический слой», и противопоставляет его революционному крестьянству⁷¹. Американский социолог Горовиц пишет, что «рабочий класс не может развивать революционные модели»⁷², что «город становится зоной реформизма, а деревня — зоной революции»⁷³. Ведь, по мысли этих авторов, население городов, в том числе и низшие по оплате и уровню жизни слои города, живут лучше, чем пеоны латифундий, сельскохозяйственные рабочие, крестьяне и арендаторы⁷⁴. Мелкобуржуазные идеологи упрекают марксистов в игнорировании нищеты, бедности крестьянства и низших слоев городского населения. Но еще в конце XIX в. В. И. Ленин показал, что именно рабочий класс воспринял наследие революционных демократов, завещавших «нам заботу об интересах трудящихся масс населения», и изблечил народников в том, что их «забота» об этих интересах «непоследовательна (ибо они усиленно смешивают крестьянскую буржуазию и сельский пролетариат)». В. И. Ленин показал, что польза от этих «забот» народников обесценивается мечтаниями о том, что могло бы быть вместо обращения своего внимания на то, что уже есть: их «заботы» крайне узки, ибо они никогда не умели оценить по достоинству условия (хозяйственные и другие), облегчающие или затрудняющие для крестьян возможность самим заботиться о себе⁷⁵.

Марксизм-ленинизм признает «факт непосильного труда и недостаточного потребления мелких крестьян, отрицать который могут только недобросовестные или невежественные люди»⁷⁶. «Мелкие крестьяне, — подтверждал В. И. Ленин результаты одного из специальных исследований, — надрываются над работой больше, чем наемные рабочие, и понижают уровень своих потребностей ниже уровня потребностей и жизни этих последних»⁷⁷. В. И. Ленин проанализировал положение и

⁶⁹ R. Stavenhagen. Seven Erroneous Theses about Latin America. «Latin American Radicalism...», pp. 116—117.

⁷⁰ I. Frias. La revolución peruana y la vía socialista. Lima. 1970, p. 17.

⁷¹ C. Romeo. Las clases sociales en América Latina, p. 50; e jus d. Revolutionary Practice and Theory in Latin America. «Latin American Radicalism...», pp. 583, 588—589.

⁷² I. L. Horowitz. The Norm of Illegitimacy, p. 13.

⁷³ I. L. Horowitz. Electoral Politics, Urbanization and Social Development in Latin America. «Latin American Radicalism...», pp. 166—167; C. Romeo. Revolutionary Practice and Theory in Latin America, p. 589.

⁷⁴ C. Romeo. Las clases sociales en América Latina, p. 51.

⁷⁵ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 544.

⁷⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 5, стр. 189.

⁷⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 90.

маргинальных слоев населения, для которых характерен ужасающий рост нищеты, притом не только социальной, но и физической нищеты, вплоть до прямого их голодания и деградации⁷⁸. Это отнюдь не означает, что люмпен-пролетариат выступает в противовес рабочему классу как «истинно революционная сила» (по утверждению профессора Иллинойского университета О. Льюиса — как решающая сила революционного процесса)⁷⁹ или что «ключ к будущему Латинской Америки связан с маргинальными слоями и сельскохозяйственными рабочими...»⁸⁰, а тактика современных революционных движений в Латинской Америке «в отличие от взглядов Маркса и Ленина» должна строиться исключительно на использовании революционного потенциала маргинальных слоев⁸¹. Идеализация отсталых форм капитализма, неразвитых капиталистических отношений и их порождения — маргинальных слоев характерна для мелкобуржуазных идеологов. Они не понимают или не хотят понять, что только место в производстве, отношение к средствам производства являются подлинно научным критерием, но не нищета и страдания, как полагали в свое время социалисты-утописты.

Замена средневековых форм эксплуатации, прикрытых личными отношениями господина и его подданного, отношениями патриархального «скромного и бородатого миллионера» к его «ребятам»⁸², капиталистической эксплуатацией вовсе не сопровождается сразу же освобождением от «крестьянской отсталости и забитости»⁸³. Рост классового самосознания рабочего происходит постепенно. Выйдя из деревни, крестьянин попадает на фабрику, снабженную чудесами новейшей техники. «Невежественная душа крестьянина усматривала в фабриканте своего благодетеля, кормильца, который дает работу, без которого не прожить рабочему. Беспомощный рабочий из заброшенной, захолустной деревенской жизни, попадая в бурлящий котел фабрики, где он получал более сносные условия существования и возможность кое-как прокормиться, подпадал под гнетущее ярмо капиталистической эксплуатации»⁸⁴. Только постепенно рабочий освобождается от своей крестьянской отсталости и забитости. Стачки, восстания, социальная революция, превращение в господствующий класс — таковы этапы роста классового самосознания рабочего. В этой связи отметим, что, например, концепциям о «неревolucionности» латиноамериканского рабочего класса на деле противостоят как факты самой истории, так, в частности, и результаты конкретных социологических обследований, показывающие, что рабочие, недавно пришедшие в город, имеют тенденцию к реформизму, а те, кто сильнее интегрирован в городской жизни, отличаются более радикальным сознанием⁸⁵. Обследование 82 делегатов Второго Национального конгресса металлургов в Бразилии (1959 г.) показало, что весьма значительная часть (42,9%) низкооплачиваемых слоев рабочих, недавних выходцев из деревни (зарплата менее 6 000 крузейро), рассматривает профсоюзы лишь как организации, предоставляющие медицинскую, юридическую и т. п. помощь, а не как классовые объединения. На вопрос,

⁷⁸ См. там же, стр. 208.

⁷⁹ Cambio Social in Santo Domingo. A. et A. Corten. Estudio Especial. Num. 5 del Instituto de Estudios del Caribe. Rio Piedras. 1968.

⁸⁰ I. Davis, Sh. De Miranda. Op. cit., p. 254.

⁸¹ A. Blaustein, R. Woods (Eds.). Man against Poverty. «World War». III, p. 270.

⁸² В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 421.

⁸³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 318.

⁸⁴ Там же, стр. 317—318.

⁸⁵ M. Lowy, S. Chucid. Opinoes et atitudes de lideres sindicais metalurgicos. «Revista brasileira de estudos politicos (Belo Horizonte)», № 13, Jan. 1962, pp. 132—169; O. Janni. Condicoes institucionais do compartamento politico operario. «Revista Brasilien-sc», 1961, № 36, pp. 16—39.

покровительствует ли правительство рабочим, 100% представителей этой группы ответило утвердительно. В то же время в группе опрошенных, представлявших лучше оплачиваемые слои рабочих (зарплата от 6 000 до 9 000 крузейро), лишь 24% рассматривало профсоюзы как организацию помощи. А в группе с оплатой свыше 9 000 крузейро — только 10,7%. Соответственно менялся и ответ на второй вопрос: 83,6% опрошенных рабочих, получавших свыше 6 000 крузейро, ответили, что правительство покровительствует хозяевам⁸⁶. Следовательно, с ростом материального благополучия рабочего вовсе не обязательно «падает» его классовая сознательность.

Для современного левого экстремизма характерен тот же отказ от применения классового анализа к пролетариату и крестьянству, что в свое время и для русских народников⁸⁷. Видя, что крестьянство выступает революционно под угрозой разорения, мелкобуржуазные идеологи смешивают прогрессивные и реакционные стороны крестьянской идеологии, не учитывают консерватизма крестьянства, борющегося за частную собственность на землю. В. И. Ленин требовал не игнорировать крестьянскую демократию, но и не принимать на веру ее социалистическую фразеологию⁸⁸ и, говоря о народниках, вскрыл эволюцию крестьянского социализма, прошедшего путь от программы, «рассчитанной на то, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества», до программы, рассчитанной «на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства при сохранении основ современного общества»⁸⁹. Концепции современного латиноамериканского левого радикализма, подобно былому народничеству, зачастую отражают противоположность интересов труда и капитала через призму жизненных условий и интересов мелкого производителя, противопоставляя недоступному для них разрешению этих противоречий на базе научного социализма бесплодные упования на иной путь развития⁹⁰. Многие идеологи левого экстремизма, как ранее Сисмонди и его последователи, «становясь на сторону пролетариата, прикладывали к капиталистическим условиям мелкобуржуазную и мелкокрестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения»⁹¹. Левацкие концепции представляют собой как раз разновидность мелкобуржуазной идеологии. Они отражают безвыходное, отчаянное положение крестьянской бедноты и некоторых городских слоев. Известному распространению этих тенденций способствуют внешнеполитические факторы: и идеологическое наступление империализма, с одной стороны, и политика нынешних пекинских лидеров — с другой, «вносящая, — как подчеркивают латиноамериканские коммунисты, — замешательство и путаницу в ряды революционного движения»⁹².

Для выяснения исторического места тех социалистических теорий, классовой базой которых является крестьянство, непреходящее значение сохраняет марксистское учение о развитии социализма от утопии к науке, постановка вопроса о том, что то, что «неверно в формально-экономическом смысле, может быть верно во всемирно-историческом смысле»⁹³. Приводя это замечательное изречение Энгельса, В. И. Ленин

⁸⁶ M. L o w y. Structure de la conscience de classe ouvrière au Brasil. «Cahiers internationaux de sociologie», vol. XLIX, 1970, p. 137.

⁸⁷ «Рабочие — это те же крестьяне, что и в деревне» («Земля и воля», № 4, 20 февраля 1879 г. См. Г. Ф. С п и р е в. Критика В. И. Лениным народнического социализма. Автореферат диссертации. М. 1966, стр. 7).

⁸⁸ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 305.

⁸⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 272.

⁹⁰ См. там же, стр. 422—423.

⁹¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 243.

⁹² А. Т а в а р е с. Болезнь «левизны» в Бразилии. «Проблемы мира и социализма», 1971, № 4, стр. 45.

⁹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 184.

показал, что народнический демократизм, справедливо рассматривавшийся им как международное, а отнюдь не специфически русское явление⁹⁴, и ложный в формально-экономическом смысле, «есть истина в историческом смысле...»⁹⁵, истина исторически обусловленной демократической борьбы крестьянских масс. Ленин считал, что, борясь с народничеством как с «неверной доктриной социализма», с псевдосоциалистической теорией, нельзя доктринерски игнорировать «исторически реальное и прогрессивное историческое содержание народничества, как теории массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего»⁹⁶. С другой стороны, Маркс и Энгельс вскрыли в мелкобуржуазных социалистических идеях (например, в идеологии Прудона) зерно «буржуазного социализма». Было бы поэтому опасной иллюзией констатировать сейчас только мелкобуржуазный, непролетарский, народнический характер крестьянских социалистических концепций в развивающихся странах и игнорировать возможность их эволюции в направлении буржуазных теорий.

Энгельс отметил также неизбежность порождения крестьянством и только еще возникающим пролетариатом левозэкстремистских течений, плебейско-пролетарского аскетизма, характерного для антифеодальных крестьянских восстаний и для начальной стадии каждого пролетарского движения⁹⁷. Исторически неизбежный, этот плебейско-пролетарский аскетизм «теряет свой революционный характер, по мере того как, с одной стороны, развиваются современные производительные силы, безгранично увеличивая средства потребления и делая тем самым ненужным спартанское равенство, и, с другой стороны, становятся все более революционными условия жизни пролетариата, а вместе с ними и сам пролетариат»⁹⁸. Анализ идеологии различных социальных слоев отсталых стран невозможен без всестороннего учета особенностей местных общественных отношений. В стране, где, говоря словами Энгельса, «современная крупная промышленность привита к первобытной крестьянской общине и одновременно представлены все промежуточные стадии цивилизации, в стране, к тому же в интеллектуальном отношении окруженной более или менее эффективной китайской стеной, которая возведена деспотизмом, не приходится удивляться возникновению самых невероятных и причудливых сочетаний идей»⁹⁹.

Идеи основоположников марксизма относительно критериев оценки немарксистских социалистических течений восприняты и развиты далее современным международным коммунистическим движением. Выступая против отказа от классового подхода, коммунисты в то же время отвергают нигилизм в отношении мелкобуржуазного социализма и различных революционных сил и их вклада в мировой революционный процесс. Коммунисты Туниса, например, подчеркивают, что эти течения, отражая «огромную притягательную силу социализма» и растущее влияние его идей, «могут послужить переходными формами к научному социализму и выражают в определенной степени социалистическую ориентацию»¹⁰⁰. Любопытно, что из 60 африканских партий, обнародовавших свои программы, за социалистическую экономику высказываются 43, за «либеральную» — 13 (4 занимают колеблющуюся позицию)¹⁰¹.

Крестьянский социализм как разновидность мелкобуржуазного утопического социализма связан с незрелостью классовых отношений. В ус-

⁹⁴ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 21, стр. 400.

⁹⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 120.

⁹⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 47, стр. 228—229.

⁹⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 377.

⁹⁸ Там же, стр. 378.

⁹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 39, стр. 344.

¹⁰⁰ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, Москва, 1969», стр. 235—236.

¹⁰¹ «Проблемы мира и социализма», 1970, № 9, стр. 69.

ловиях тех стран, где рабочий класс еще не сформировался, непролетарский социализм сохраняет в определенной степени свой революционный (хотя и носящий неизбежно мелкобуржуазный) характер. С другой стороны, налицо попытки вульгаризации, искажения научного социализма националистическими партиями или мелкобуржуазными группировками, которые хотя и «призывают к социализму», но, как подчеркнули иракские товарищи, отрывают «возможность продвижения по пути коренных социальных преобразований и некапиталистического развития», намечающего социалистическую перспективу, «от характера и структуры политической власти и от той роли, которую должны играть рабочий класс и его политическая партия в политической жизни и в процессе этих преобразований»¹⁰². Поэтому концепции «африканского социализма» и другие социалистические теории в развивающихся странах, даже сохраняя антиимпериалистическую направленность, в то же время весьма часто отличаются открытым недоверием к пролетариату, революционность которого «ставится под сомнение, а сам он объявляется привилегированным классом»¹⁰³.

Учение марксизма-ленинизма служит основополагающей теоретической базой для выявления истоков и пределов крестьянской революционности в современную эпоху, в центре которой стоит мировая система социализма — авангард освободительной борьбы трудящихся масс. Рабочему классу и его коммунистическим партиям, наиболее последовательной революционной силе, чужды сектантские представления и отказ от сотрудничества со всеми революционными движениями. В условиях усиления антиимпериалистической борьбы крестьянское революционное движение, выступая в союзе со странами социалистической системы, с международным рабочим классом и под их испытанным руководством, является важной составной частью антиимпериалистических сил.

¹⁰² «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, Москва, 1969», стр. 406.

¹⁰³ А. Дансоко. Критика Ф. Энгельсом утопического социализма и некоторые «социалистические» течения в Тропической Африке. «Проблемы мира и социализма», 1970, № 9, стр. 69—70.

РЕШЕНИЕ АГРАРНОГО ВОПРОСА В СВЕКЛОСЕЮЩИХ РАЙОНАХ УКРАИНЫ (1917—1922 гг.)

Н. И. Ксензенко

Разрешение аграрного вопроса в районах свеклосеяния — важная составная часть аграрных преобразований Великой Октябрьской социалистической революции. Своеобразие и сложность его состояли во взаимодействии двух проблем, неразрывно связанных между собою, — аграрной и промышленной. Объективные условия, как это подтвердила практика революционной переделки аграрных отношений, требовали одновременного их решения, что было сопряжено с целым рядом осложнений и трудностей, которые особенно выпукло проявились на Украине.

Здесь, главным образом в Киевской, Подольской, а частично в Харьковской, Волынской, Полтавской и Черниговской губерниях, издавна сложился основной центр свеклосахарного производства, который приобрел общероссийское значение. В 1914/15 г. только пахотные земли сахарозаводчиков и помещиков, обслуживавших сахарную промышленность Украины, составили 2 020 тыс. дес., а вместе с другими угодьями — 2 970 тыс. десятин¹. В январе 1922 г. Всеукраинский ЦИК (ВУЦИК) определил, что площадь под свекловичными хозяйствами заводов и помещиков на Украине в дореволюционные годы достигала 2 500 тыс. десятин². Эти земли в 1913/14 г. составляли 78% земельного фонда, обслуживавшего сахарную промышленность, а земли крестьян — только 22%³. Для свеклосеющих районов Украины характерными были острое безземелье и малоземелье, а также сильное аграрное перенаселение. На Правобережье (основной район свеклосеяния) беспосевные хозяйства в 1917 г. составляли 13,3%, а с посевом до 3 дес. — 68,4%⁴. В то же время плотность населения в этом районе была самой высокой на Украине⁵.

Переключение подавляющей части помещичьих земель на обслуживание сахарных заводов сильно обостряло аграрный вопрос в районах свеклосеяния. Начавшаяся в 1917 г. аграрная революция коснулась огромного земельного фонда сахарной промышленности, что не могло не отразиться как на сырьевой базе сахарных заводов, которую составляли помещичьи и заводские хозяйства, так и на самом сахарном производстве. Таким образом, противоречия между помещиками и крестьянством непосредственно затрагивали основы капиталистического произ-

¹ В. М. Ландо. Свеклосахарная промышленность Украины и аграрный вопрос. Вып. I. Киев. 1920, стр. 20.

² «Збірник постанов та розпоряджень Робітничо-Селянського Уряду України». Ч. I, ст. 5.

³ Л. А. Кириллов. Земельное устройство сахарной промышленности на Правобережной Украине. «Вісник цукрової промисловості» (далее — «ВЦП»), № 3 — 4, 1924, стор. 98.

⁴ «Підсумки вибіркового підрахунку сільськогосподарського перепису 1917 р.». Харків. 1931, стор. 108.

⁵ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств». Пгтр. 1917, стр. 4.

водства в сахарной промышленности. Их разрешила только Октябрьская революция.

Уже в первые годы Советской власти появилась значительная литература, освещавшая состояние сахарной промышленности и связанную с ней аграрную проблему⁶. Острая полемика развернулась по вопросу о путях создания сырьевой базы сахарной промышленности в новых условиях, вызванных социалистической революцией. Буржуазные специалисты (С. Л. Франкфурт, А. П. Корхов, Л. Б. Бухановский и др.) настаивали на необходимости сохранения крупных заводских хозяйств. Свекловичные плантации, утверждал, например, Франкфурт, могут быть сохранены при условии, «если частновладельческие земли, находящиеся в настоящее время под культурой свекловицы, и в будущем не будут дробиться, а будут эксплуатироваться как нечто цельное»⁷. Л. Б. Бухановский писал, что «сахарные заводы без латифундий обойтись не могут». Постановление ВУЦИК от 4 января 1922 г., передавшее подавляющую часть земельного фонда сахарной промышленности в пользование крестьян, по его словам, «вбивает последний «осиновый кол» в могилу сахарной промышленности»⁸. Иную точку зрения отстаивали В. М. Ландо, К. Г. Воблый, Г. К. Архипов и другие. Исходя из сущности аграрного вопроса в нашей стране, характера его разрешения социалистической революцией, они считали, что сахарная промышленность должна базироваться в основном на крестьянском свеклосеянии при вовлечении крестьян в различные виды кооперативных объединений. В. М. Ландо первым поставил вопрос об одновременном решении двух взаимосвязанных проблем — аграрной и промышленной⁹. Он отмечал, что разрушенная сахарная промышленность «возродится на совершенно новых началах, и основным фундаментом этого возрождения будет широкое и прочно организованное крестьянское свеклосеяние на индивидуальных, кооперативных и, по возможности, коллективистических началах»¹⁰. В целом литература 20-х годов, несмотря на определенные недочеты (спорность многих положений, односторонность и недостаточная глубина анализа), и в наше время в значительной мере не утратила своей ценности, хотя, к сожалению, очень мало используется исследователями.

В последующие годы разрешение аграрной проблемы в свеклосеющих районах не изучалось. Лишь в 50—60-е годы ей стало уделяться некоторое внимание в специальных работах об аграрных преобразованиях, а также в некоторых обобщающих трудах по истории советского общества¹¹. Однако при этом затрагивалась преимущественно полити-

⁶ С. Л. Франкфурт. Аграрная реформа и сахарная промышленность. Киев. 1918; Е. Пославский. О землях сахарных заводов. Киев. 1919; В. М. Ландо. Указ. соч.; его же. Крестьянские плантации в свекловичном хозяйстве Украины. «ВЦП», 1920, № 1; А. П. Корхов. Роль крупных и мелких хозяйств в снабжении сахарных заводов свеклой. Киев. 1922; Л. Б. Бухановский. Земельная обеспеченность цукроварень в 1914 та 1921 році на Україні. «ВЦП», № 7—8, 1922; П. Попов. Націоналізація земель для потреб цукропромисловості (1919—1921). «Сільське господарство», № 1—2, 1922; Г. К. Архипов. Сахарная промышленность и крестьянское свеклосеяние. Харьков. 1923; К. Воблый. Кооперация в свеклосахарной промышленности. «ВЦП», № 11—12, 1923; Л. А. Кириллов. Указ. соч., и др.

⁷ С. Л. Франкфурт. Указ. соч., стр. 39.

⁸ Л. Б. Бухановский. Указ. соч., стр. 94, 96.

⁹ В. М. Ландо. Свеклосахарная промышленность Украины и аграрный вопрос, стр. 5.

¹⁰ В. М. Ландо. Крестьянские плантации в свекловичном хозяйстве Украины, стр. 11.

¹¹ М. А. Рубач. Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине. Киев. 1956; П. Н. Першин. Аграрная революция в России, Кн. 2. Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1918 гг.). М. 1966; Н. И. Супруненко. Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине. М. 1966; И. К. Рибалка. Аграрні перетворення на Україні в період громадянської війни (1919 р.). Харків. 1967; «Історія селянства Української РСР». Т. 2. Київ. 1967, и др.

ческая сторона (установление правильных взаимоотношений с крестьянством свеклосеющих районов путем передачи ему земель сахарных заводов). Другие важные стороны, имеющие народнохозяйственное, социальное значение (например, взаимосвязь и взаимодействие аграрной проблемы с промышленной), оставались вне поля зрения исследователей. Г. И. Сургай¹² (автор недавно опубликованной небольшой статьи на эту тему) ограничивается лишь анализом завершающего этапа аграрных преобразований в районах свеклосеяния.

В настоящей статье преследуется цель охарактеризовать основное направление и особенности процесса разрешения аграрного вопроса в районах свеклосеяния Украины с 1917 по 1922 г., показать политические, социальные и народнохозяйственные последствия этих преобразований.

После Февральской революции крестьянское движение стремилось на первых порах к расширению аренды помещичьих земель. Однако в районах свеклосеяния оно встретило серьезную преграду. Помещичьи земли в подавляющем своем большинстве находились в долгосрочной аренде у владельцев сахарных заводов. Временное правительство и его местные органы взяли этих крупных арендаторов под свою опеку. Защищая неприкосновенность земельного фонда сахарных заводов и не принимая мер к смягчению земельного голода в районах свеклосеяния. Временное правительство решительно встало на сторону помещиков и сахарозаводчиков. Убедившись в тщетности попыток получить землю хотя бы в аренду, крестьяне стали силой пробивать «броню», ограждавшую земли свекловичного фонда. Об этом свидетельствовал поток телеграмм от помещиков, арендаторов, администрации сахарных заводов в адрес губернских и уездных земельных и продовольственных комитетов, Центросахара и министров Временного правительства с жалобами на захват крестьянами земель, обслуживавших сахарную промышленность. Порой в телеграммах проскальзывали угрозы «упразднить свеклосеяние», предостережения о «неминуемой дезорганизации хозяйства», «сокращении производительности заводов» и т. п. Так, в телеграмме Чарноминского сахарного завода (Ольгопольский уезд, Подольской губернии) захват помещичьей земли изображался как «угроза армии и населению сахарным голодом» и фарисейски утверждалось, что этот акт якобы «вредно отзовется на положении трудящихся, на финансовом положении государства, экономическом состоянии края»¹³. И все же под напором крестьянского движения губернские земельные комитеты вынуждены были допустить крестьянскую аренду земель свекловичного фонда, исключая те, что были предназначены под посев свеклы¹⁴. Однако на практике в районах острого безземелья и малоземелья соответствующие циркуляры далеко не всегда соблюдались. По сообщению с Бобровицкого сахарного завода, жители сел Ковалевки и Бурловки, Пирятинского уезда, Полтавской губернии, по постановлению местных и уездного земельных комитетов взяли под озимый посев 269 дес., подготовленных под свеклу в имениях Раковича, Благомыслова и Давыдовой¹⁵. Аналогичные сообщения поступали с Городокского (Подольская губерния), Ржевско-Павловского, Терновского (Харьковская губерния) и многих других сахарных заводов¹⁶.

¹² Г. И. Сургай. Завершения земельной реформы в цукровій промисловості України (1921—1925). «Вісник» Київського університету, 1967, № 9, серія історія, стор. 58—63.

¹³ ЦГАОР УССР, ф. 1792, оп. 1, ед. хр. 49, л. 239.

¹⁴ Там же, ф. 165, оп. 1, ед. хр. 1, л. 8; ф. 1390, оп. 1, ед. хр. 8, л. 50.

¹⁵ Там же, ф. 1412, оп. 1, ед. хр. 47, л. 16.

¹⁶ «Борьба за владу Рад на Поділлі (березень 1917 р.—лютий 1918 р.)». Документи й матеріали. Хмельницький. 1957, стор. 122; ЦГАОР УССР, ф. 1326, оп. 1, ед. хр. 90, л. 105; ед. хр. 25, л. 47.

Революционные события 1917 г. привели к сокращению посевов свеклы. В целом по Украине их площадь сократилась с 1916/17 г. по 1917/18 г. на 42,8 тыс. дес., главным образом за счет помещичьих хозяйств¹⁷. Но дело не только в количественных показателях. Крестьянское движение в 1917 г. нанесло первый серьезный удар по сложившейся системе снабжения сахарных заводов сырьем, в которой большое место занимали помещичьи хозяйства. Более того, ход событий в деревне показал, что прежняя сырьевая база сахарной промышленности исторически себя исчерпала в связи с назревшей потребностью перестройки аграрных отношений.

Коренные изменения в решение аграрного вопроса по стране в целом и в районах свеклосеяния в частности внесла Великая Октябрьская социалистическая революция. Один из первых декретов Советской власти, Декрет о земле, провозгласил отмену частной собственности на землю. Если раньше упорной борьбой крестьянство добилось перехода к нему части помещичьих земель, как правило, на правах аренды, то этот декрет изменял самую суть аграрных отношений. Полная ликвидация помещичьего и вообще частного землевладения открывала новые пути для создания и развития сырьевой базы сахарной промышленности. Центр тяжести снабжения сахарной промышленности сырьем переносился на крестьянское свеклосеяние. Вместе с тем Октябрьская революция осуществила переход сахарной промышленности в собственность рабоче-крестьянского государства. Необходимо было теперь найти разумную смычку между интересами мелких производителей (крестьяне) и общенародными хозяйственными интересами (национализированная сахарная промышленность). В условиях гражданской войны, хозяйственной разрухи, обострения аграрного вопроса в районах свеклосеяния это было сложной и трудной задачей. Политические условия, сложившиеся на Украине, задерживали разрешение аграрного вопроса. Буржуазно-националистическая Центральная рада в аграрном вопросе, по существу, продолжала политику Временного правительства. Крестьянство, разуверившись в обещаниях передать ему частновладельческие земли, усилило натиск на крупное землевладение. В особенно острых формах проходила борьба в районах сахарной промышленности. В Гайсинском уезде, Подольской губернии, к началу февраля 1918 г. крестьяне разгромили полностью или частично 64 экономии из 107, в Киевской губернии — 25% всех имений, в Черниговской — около 20%¹⁸.

I Всеукраинский съезд Советов, проходивший в Харькове 24—25 декабря 1917 г., провозгласил Советскую власть на Украине и одобрил декреты и распоряжения рабоче-крестьянского правительства России, в том числе и Декрет о земле. Вслед за установлением Советской власти на местах земельные комитеты (после реорганизации и обновления их состава) и земотделы Советов приступили к осуществлению аграрных преобразований. Относительно земель, обслуживающих сахарную промышленность, в «Положении о земельных комитетах» указывалось, что для этой категории земель «будут изданы особые положения»¹⁹, поэтому временно вопрос решался на основе решения местных советских органов. «Инструкция по урегулированию земельных отношений на 1918 г.», принятая Харьковским губернским съездом представителей волостных земельных отделов Советов крестьянских депутатов 24 февраля 1918 г., допускала в крайних случаях возможность распределения земель свекловичного фонда между крестьянами при условии обязательного посева ими свеклы и подготовки земли под посев 1919 го-

¹⁷ «Статистический бюллетень» ЦСУ Украины, 1923, № 23, стр. 19.

¹⁸ «Історія селянства Української РСР», Т. 2, стор. 28.

¹⁹ «Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.)». Документы и материалы. М. 1954, стр. 132.

да²⁰. В приведенном и аналогичных документах других крестьянских органов было отражено стремление крестьян закрепить переход к ним помещичьих земель, а снабжение сахарных заводов взять в свои руки. Однако основные вопросы, касавшиеся взаимоотношений сахарозаводчиков с крестьянством на почве использования земель сахарной промышленности, оставались неразрешенными. Препятствовал этому и тот факт, что сахарная промышленность на Украине в 1918 г. еще не была национализирована. Сахарозаводчики всеми способами пытались добиться восстановления частной собственности на землю²¹. 2 мая 1918 г. СНК РСФСР принял декрет «О национализации сахарной промышленности», а 13 июня — декрет «О дополнении декрета «О национализации сахарной промышленности». Они объявляли все земли (за исключением тех крестьянских участков, в севооборот которых за период с 1913/14 г. входил посев сахарной свеклы) с угодьями «неприкосновенным земельным фондом национализированных сахарных заводов»²². Эти декреты не могли быть проведены в жизнь на Украине, в то время оккупированной кайзеровскими войсками. За время господства на Украине контрреволюционных режимов (Центральная рада, гетманщина, Директория, денкининщина) развал сахарной промышленности быстро прогрессировал. В 1918 г. по сравнению с 1914/15 г. площадь посевов свеклы сократилась на 40%, а выработка сахара — на 80%²³. В 1919/20 г. производство сахара составляло всего 4,8% от уровня 1914/15 года²⁴.

Только восстановление на Украине Советской власти предотвратило полный крах сахарной промышленности. 16 января 1919 г. Временное Рабоче-Крестьянское правительство Советской Украины издало декрет «О национализации сахарных заводов», 11 февраля СНК Украины принял постановление «О национализации сахарной промышленности». Этими актами все земли, за исключением крестьянских, обслуживавших сахарную промышленность на протяжении последних 5 лет, признавались «неприкосновенным фондом национализированных сахарных заводов»²⁵. Но эти законодательные акты копировали положения декретов, принятых в РСФСР, и не учитывали местных условий и в первую очередь гораздо более широкое распространение на Украине культуры сахарной свеклы, приведшее к тому, что во многих местах почти вся помещичья земля стала обслуживать сахарную промышленность, а крестьянство страдало от безземелья и малоземелья. Главный просчет названных выше законодательных актов состоял в том, что при решении вопроса об обеспечении сахарной промышленности сырьем они недооценивали значение аграрных преобразований и брали за основу крупное сельскохозяйственное производство, требовавшее сохранения за сахарными заводами всего прежнего земельного фонда.

Между тем урегулирование аграрных отношений являлось первоочередной социально-экономической и политической задачей. При решении поставленных вопросов важное значение имело отношение к ним самого крестьянства. Оно в свекловичных районах в основной своей массе отрицательно встретило декрет от 16 января 1919 года. На съезде представителей земотделов Харьковской губернии 28 апреля 1919 г. в докладах с мест отмечалось, что в связи с закреплением за сахарными заводами большого количества пахотных земель «отношение

²⁰ ЦГАОР УССР, ф. 1326, оп. 1, ед. хр. 17, л. 119.

²¹ «Голос труда», 1919, № 2, стр. 6.

²² «Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.)», стр. 181.

²³ «Голос труда», 1919, № 2, стр. 7.

²⁴ ЦГАНХ СССР, ф. 6967, оп. 6, ед. хр. 126, л. 15

²⁵ «Узаконения и распоряжения Рабоче-Крестьянского правительства Украины за 1919 год». Харьков. 1923, стр. 127.

крестьян к сахарной промышленности остро враждебное»²⁶. На Втором совещании представителей губземотделов Украины делегат от Подольской губернии заявил, что «декрет «О национализации сахарной промышленности» вызвал со стороны крестьян бурю протестов»²⁷. В резолюции областного съезда работников сахарной промышленности, проходившего в Виннице 10—14 мая 1919 г., об этом декрете говорилось, что он составлен наспех и проводится в жизнь без учета особенностей отдельных районов и земельной нужды местного крестьянства, что приводит к нежелательному отношению его к сахарным заводам. Съезд потребовал пересмотреть декрет «с целью примирения интересов крестьян и заводов»²⁸. На III объединенном съезде трудящихся сахарной промышленности Украины и России (21 мая — 7 июня 1919 г.)²⁹ многие делегаты отмечали факт отрицательного отношения крестьянства к закреплению за сахарными заводами всех принадлежавших им прежде земель. У делегатов вызывал тревогу тот факт, что декрет обострил отношения между рабочими и крестьянами.

Крестьяне были особенно недовольны тем, что земотделы устранялись от распоряжения землей сахарных заводов, что многие заводоуправления, отказываясь передать землю крестьянам, сами были не в состоянии ее засеять. На Третьем съезде Трудосахара подчеркивалось, что крестьяне «никак не мирятся, что заводы остаются распределителями земли»³⁰. На уже упомянутом съезде представителей губземотделов Харьковской губернии отмечалось, что заводоуправления, «скрываясь за декретами и переоценивая свои силы... не в состоянии обсеменить свои поля... ими создана атмосфера злобы и недоверия», в результате чего «наблюдались случаи самовольного захвата земли крестьянами»³¹. О конфликтах на этой почве сообщалось из Сквирского уезда, Киевской губернии, Волчанского уезда, Харьковской губернии, Могилевского уезда, Подольской губернии, и других мест³².

Фактическое устранение земельных органов от распоряжения землями свекловичного фонда становилось большим препятствием в осуществлении аграрной реформы. Это подчеркнул съезд губземотделов Украины (май 1919 г.), назвавший декрет от 16 января 1919 г. «неустранимым препятствием для проведения землеустройства и аграрной политики в деревне»³³. С критикой этого декрета выступил и Наркомзем УССР В. Н. Мещеряков, который опубликовал в местной печати критические статьи по поводу декрета и на многих совещаниях обосновывал необходимость его замены. На III съезде Трудосахара он говорил о декрете как «об одной довольно серьезной ошибке», вызвавшей «страшное недовольство... у крестьян»³⁴. 16 мая 1919 г. Совнарком УССР издал

²⁶ Харьковский областной государственный архив (ХОГА), ф. 1631, оп. 2, ед. хр. 10, л. 10.

²⁷ «Отчет о II-ом совещании представителей губземотделов Украины (17—21 мая)». Киев. 1919, стр. 9.

²⁸ «Голос труда», 1919, № 12, стр. 10.

²⁹ Всероссийский профессиональный союз в сахарной промышленности (Трудосахар) возник в середине мая 1917 года. I (организационный) съезд союза состоялся в мае 1917 г., II — в июле 1917 года. Временное разделение союза произошло в результате господства на Украине буржуазно-националистических правительств, когда государственные связи между Россией и Украиной были прекращены. На III объединенном съезде единство союза было восстановлено.

³⁰ «Третий объединенный съезд трудящихся в сахарной промышленности Украины и России». Стенографический отчет. Киев. 1919, стр. 290.

³¹ ХОГА, ф. 1631, оп. 2, ед. хр. 10, л. 20.

³² ЦГАОР УССР, ф. 27, оп. 18, ед. хр. 18, л. 22; ед. хр. 13, л. 260; ХОГА, ф. Р-89, оп. 1, ед. хр. 25, л. 34.

³³ Винницкий областной государственный архив (ВОГА), ф. Р-38, оп. 3, ед. хр. 26, л. 8.

³⁴ «Третий объединенный съезд трудящихся в сахарной промышленности Украины и России», стр. 280.

новый декрет—«О национализации сахарной промышленности», который во многом шел навстречу крестьянству. Декрет передавал в распоряжение Наркомзема все угодья сахарных заводов, кроме частновладельческих земель со свекловичным севооборотом. Часть земель свекловичного фонда также подлежала передаче «во временное пользование крестьян»³⁵. Инструкцией по выполнению этого декрета, принятой на III съезде Трудосахара, допускалась передача в пользование крестьян от 40 до 80% озимых и яровых полей, если они участвовали в обработке свекловичных плантаций³⁶.

Несостоятельность закрепления за сахарными заводами всего свекловичного земельного фонда подтверждалась отношениями между сахарными заводами и крестьянством. Заводы своими силами не могли обработать всю отведенную им землю и вынуждены были передавать ее на определенных условиях крестьянам. По данным анкеты Главсахара от 15 мая 1919 г., только 61 завод передал крестьянам более 120 тыс. дес., в том числе свыше 11 тыс. под свеклу и около 109 тыс. дес. под яровые хлеба³⁷. По тем же сведениям, передача земли крестьянам производилась на самых разных условиях: «с половины», на условиях аренды, за уборку и обмолот хлебов, обработку свекловичного клина и т. п., то есть с нарушениями советского законодательства. В ряде случаев почти вся заводская земля оказывалась во владении крестьян или в распоряжении земельных органов³⁸. Таким образом, декреты, провозглашавшие неприкосновенность земельного фонда сахарных заводов, не могли оградить его от общего процесса перестройки аграрных отношений.

Еще одно важное обстоятельство оказало влияние на земельные отношения в свеклосахарных районах. В связи с катастрофическим сокращением производства большое число рабочих сахарных заводов, батраков и полубатраков, обрабатывавших плантации, лишились постоянного заработка и средств к существованию. С конца 1913 по 1921 г. количество только штатных рабочих в заводских хозяйствах сократилось со 126,3 тыс. человек до 38,7 тыс.³⁹, не говоря уже о многочисленной армии сезонных рабочих, которых до революции насчитывалось около 800 тысяч⁴⁰. Стремление получить клочок земли, хотя бы под огороды, стало жизненной потребностью деклассированного рабочего, батрака, полубатрака. Эти социальные изменения стали особенно ощутимо проявляться с 1919 г., оказывая влияние на разрешение аграрного вопроса.

Огромную роль в исправлении ошибок при решении аграрного вопроса в свеклосахарных районах сыграл курс земельной политики, разработанный при непосредственном участии В. И. Ленина. В резолюции ЦК РКП(б) «О Советской власти на Украине» указывалось на необходимость ее проведения «с особым вниманием к интересам земельного хозяйства бедного и среднего крестьянства»⁴¹. Земельным законом Всеукраевского комитета от 5 февраля 1920 г. предусматривалось закрепление за сахарными заводами в обязательном порядке части земель для организации призаводских хозяйств (маточных рассадников). Если в районе сахарного завода было достаточно земель для наделения безземельных и малоземельных крестьян, гласил этот закон, то земли, ранее обслу-

³⁵ «Узаконения и распоряжения Рабоче-Крестьянского правительства Украины за 1919 год», стр. 648.

³⁶ ЦГАОР УССР, ф. 27, оп. 18, ед. хр. 46, л. 12.

³⁷ В. М. Ландо. Свеклосахарная промышленность Украины и аграрный вопрос, стр. 23.

³⁸ Там же, стр. 30—31; ЦГАОР УССР, ф. 27, оп. 18, ед. хр. 8, л. 18.

³⁹ «Питання історії народів СРСР», Вып. I. 1965, стор. 61.

⁴⁰ І. Чопівський. Цукрова промисловість на Україні. Київ, 1918, стор. 23.

⁴¹ «КПСС в резолюціях і рішеннях съездів, конференцій і пленумів ЦК». Т. 2. Изд. 8-е, стр. 126.

живавшие сахарное производство, закреплялись за последним; при нехватке земель для обеспечения крестьян в размере трудовой нормы часть заводских земель через земотделы передавалась местным крестьянам на условиях обеспечения ими сахарных заводов сырьем⁴².

Крестьяне с удовлетворением встретили этот земельный закон. В районах свеклосеяния крестьянство, приветствуя передачу ему нетрудовых земель, изъявляло твердое желание создать условия для работы сахарных заводов. Крестьянский съезд Лебединского уезда (Харьковская губерния) 9—10 февраля 1920 г. отмечал, что наряду со справедливым удовлетворением земельной нужды безземельного и малоземельного крестьянства необходимо обеспечить землей и сахарные заводы. Сообразуясь с местными условиями и потребностями крестьян, съезд выделил сахарной промышленности неприкосновенный фонд — 1 798 десятин⁴³. В резолюции крестьянской конференции Литинского уезда, Подольской губернии, 4—5 апреля 1920 г. говорилось: «Отмечая огромную роль сахарной промышленности в процессе государственного товарооборота, крестьяне всеми силами поддержат ее и приложат все усилия, чтобы для сахарных заводов было отведено необходимое количество лучшей земли, а также, чтобы она собственными средствами крестьян была надлежащим образом вспахана и засеяна»⁴⁴. Бердичевская уездная беспартийная крестьянская конференция (10—11 июля 1920 г.) отметила, что надо «помочь сахарной промышленности, для чего свеклу должны сеять сами крестьяне кооперативами или индивидуально»⁴⁵. I съезд комитетов неземельных селян Конотопского уезда, Черниговской губернии (сентябрь 1920 г.), записал в своем постановлении, что «необходимо поддерживать сахарную промышленность... надо смотреть, чтобы земли, отведенные под свеклу, не пустовали, и поэтому принять за основу посев свеклы целыми селами на плантаторских началах»⁴⁶. Такие решения были особенно важны и показательны, если учесть отрицательное отношение крестьянства в дореволюционное время и в первые послеволюционные годы к сахарной промышленности.

В 1920 г. разрешение аграрного вопроса в районах свеклосеяния проходило в существенно изменившихся условиях. Завершился начавшийся в 1917 г. переход почти всего земельного фонда сахарной промышленности в пользование крестьян. Теперь наделение сахарных заводов землями под свекловичные плантации целиком зависело от земельных органов, получивших по закону от 5 февраля 1920 г. исключительное право распоряжаться нетрудовыми землями. Не располагая сколько-нибудь значительными материальными возможностями, сахарные заводы довольствовались небольшими размерами призаводских хозяйств. Потребность сахарных заводов в сырье удовлетворялась путем так называемых «временных отводов». Эта форма существовала с 1920 по 1923 год. В условиях кризиса и заводского и крестьянского хозяйства, не урегулированных окончательно земельных отношений это был единственный способ обеспечения сахарных заводов сырьем, дававший им возможность выполнять установленные производственные программы. В 1920/21 г. план Главсахара по первоначальному засеву свеклой 146 тыс. дес. (20% довоенного уровня) удалось даже довести до 184,5 тыс. десятин⁴⁷.

⁴² «Сборник декретов, положений, инструкций, циркуляров по земельному вопросу на Украине с 1 января по 1 августа 1920 г.». Харьков. 1920, стр. 9.

⁴³ Сумской областной государственной архив, ф. Р-80, оп. 1, ед. хр. 2, лл. 3—4.

⁴⁴ ВОГА, ф. Р-25, оп. 1, ед. хр. 6, л. 28.

⁴⁵ Филиал Житомирского областного государственного архива в г. Бердичеве, ф. Р-116, оп. 1, ед. хр. 1, л. 22.

⁴⁶ Черниговский областной государственной архив, ф. Р-16, оп. 1, ед. хр. 163, л. 9.

⁴⁷ «ВЦП», 1921, № 1—3, стр. 8, 10.

Распределение нетрудовых земель между крестьянами, обеспечение сахарной промышленности сырьем на основе временной передачи земель под свекловичные плантации были только первыми шагами на пути разрешения аграрного вопроса в районах свеклосеяния. Вслед за этим началось проведение крупных хозяйственно-организационных мероприятий, включавших четкое определение земельного фонда, необходимого для обслуживания сахарной промышленности, окончательное выделение земель для при заводских хозяйств, создание условий для устойчивого и планомерного развития крестьянского свеклосеяния и др.⁴⁸ Для осуществления этих мероприятий согласно постановлению Промбюро и Земельной комиссии при Всеукраевкоме от 14 февраля 1920 г. «О земле для нужд сахарной промышленности» были сначала созданы специальные губернские и уездные комиссии, деятельность которых развернулась с апреля 1920 г. и фактически сопутствовала текущей работе местных земельных органов. Однако решить сложный комплекс проблем, в основе которых лежали земельные отношения сахарных заводов и крестьян, они, как показал опыт их кратковременной работы, в силу своей «привязанности к местным земельным органам и зависимости от их настроений», а также по другим причинам были не в состоянии⁴⁹.

В апреле 1920 г. по постановлению Наркомзема и Промбюро при Наркомземе была учреждена Всеукраинская центральная комиссия по национализации земель (ВЦК) «для объединения и согласования всех работ по национализации земель для промышленных, научно-опытных и хозяйственных целей и для непосредственного руководства местными комиссиями по национализации»⁵⁰. На местах были созданы районные комиссии, непосредственно подчинявшиеся ВЦК и возглавляемые ее уполномоченными, включавшие по одному представителю от губземотдела и райуправления сахарной промышленности. Кроме того, при рассмотрении вопроса, касавшегося того или иного завода, в комиссию входили представители соответствующих уездных земотделов и заводоуправлений. В 1920 г. на Левобережной Украине было создано 8 районных комиссий, на Правобережье — 19, в 1921 г. их число увеличилось соответственно до 12 и 25⁵¹. Каждая комиссия охватывала своей деятельностью район, в котором насчитывалось в среднем 5—7 сахарных заводов. Районные комиссии укомплектовывались ответственными партийными и профсоюзными работниками.

Общая величина земельного фонда, отводимого для сахарной промышленности, по расчетам ВЦК, определялась в 1 487,8 тыс. дес., из которых 444,4 тыс. выделялось для при заводских хозяйств, а 1 043,4 тыс. — в пользование крестьян⁵². Работа районных комиссий, начавшаяся с конца июля 1920 г., первоначально ограничивалась Левобережьем, на которое приходилась лишь 1/4 часть указанного земельного фонда. Это объяснялось недостатком подготовленных работников, неблагоприятными условиями на Правобережье (прифронтовая полоса), а главное необходимостью практически проверить новые организационные формы в рамках одного региона. Деятельность комиссий проходила, как правило, в контакте с земельными органами, заводоуправлениями, местным населением. Кое-где начало работ райкомиссий было встречено

⁴⁸ Совокупность этих мероприятий называли «национализацией земель для сахарной промышленности». Этим подчеркивалась специфика назначения и использования земельного фонда промышленных предприятий и учреждений, его отличие от фонда, поступавшего в уравнительное пользование крестьян.

⁴⁹ П. Попов. Указ. соч., стр. 28.

⁵⁰ «Сборник декретов, положений, инструкций, циркуляров по земельному вопросу на Украине», стр. 94.

⁵¹ ЦГАОР УССР, ф. 744, оп. 1, ед. хр. 3, л. 49; ед. хр. 22, л. 31.

⁵² Там же, ед. хр. 22, л. 31.

крестьянством с предубеждением, а порой и с недовольством. На информационных съездах, созванных 4-й Харьковской райкомиссией, уполномоченные крестьянских обществ районов Янковского, Лютовского и Тростянецкого сахарных заводов выступали против выделения земель для сахарной промышленности, предполагая, что в этом случае они останутся без земли. «Без сахара можно обойтись, а без хлеба невозможно», — заявляли крестьяне⁵³. Аналогичные случаи были и в других местах. В специальных воззваниях, обращениях, в выступлениях на крестьянских съездах работники райкомиссий, местных парткомов, исполкомов, земотделов разъясняли крестьянам политическое и хозяйственное значение проводимых мероприятий.

ЦК КП(б)У обращал внимание местных партийных и советских органов на оказание всяческой помощи райкомиссиям. В телеграмме секретаря ЦК КП(б)У С. В. Косиора Ахтырскому уездному парткому говорилось: «Национализация земель для сахарных заводов является серьезнейшей советской работой в деревне. Оказывайте всемерное содействие широкой популяризации, правильному истолкованию основных положений и задач национализации. Действуйте в согласии с предрайкомиссией»⁵⁴. Успехи разъяснительной работы среди крестьян отмечались в отчетах райкомиссий. 1-я Харьковская райкомиссия в своем отчете указывала: «Отношение населения вначале было недружелюбное. После разъяснения целей и методов национализации изменялось к лучшему. Так что к работам национализации (крестьяне) отнеслись с интересом». О том же говорилось в докладе 4-й Харьковской райкомиссии⁵⁵.

Техническая сторона работы райкомиссий убеждала крестьян в том, что их интересы строго учитываются партией, государством. При составлении проектов выделения земель для нужд сахарной промышленности принципиально важной задачей райкомиссий было удовлетворение земель безземельного и малоземельного крестьянства. Примером в этом отношении может служить проект 2-й Харьковской райкомиссии по Мезеновскому сахарному заводу. Для при заводских хозяйств здесь решено было отвести 1 514 дес., а за крестьянами оставить 4 463 дес., причем часть земли передавалась им с освобождением от свекловичного севооборота⁵⁶. Комиссии должны были не только выделить крестьянам землю, но и создать условия для хозяйственного ее использования. Проектировалось осуществление в широком плане обмена заводских земель на крестьянские и наоборот с целью уничтожения чересполосицы, дальнотельности и прочих недостатков крестьянского землепользования.

К работе райкомиссий, направленной на усиление хозяйственной самостоятельности бедноты, с открытой враждебностью отнеслось кулачество. Как сообщалось в докладах 1-й и 2-й Харьковских, 3-й Черниговской и других райкомиссий, особенно сопротивлялись кулаки обмену земельных участков⁵⁷. Налеты кулацких банд в ряде мест вынуждали комиссии прекращать работу, как это имело место на Павло-Чутовском и других заводах⁵⁸. В тех же докладах подчеркивалось доброжелательное отношение бедноты к проводимым в районах сахарных заводов земельным преобразованиям. Получая землю, крестьяне изъявляли готовность включить свои хозяйства в свекловичный севооборот и т. п. Совещание ВЦК с райкомиссиями и представителями заинтересованных ведомств в марте 1921 г. на основании многих местных материалов под-

⁵³ Там же, ед. хр. 10, л. 149.

⁵⁴ Там же, ф. 27, оп. 1, ед. хр. 244, л. 74.

⁵⁵ Там же, ф. 744, оп. 1, ед. хр. 1, л. 76; ед. хр. 10, л. 149.

⁵⁶ Там же, ед. хр. 10, л. 30.

⁵⁷ Там же, ед. хр. 1, лл. 76, 77; ед. хр. 13, л. 15.

⁵⁸ Там же, ед. хр. 1, л. 77.

твердило тот факт, что «национализация выгодна бедноте и враждебна кулакам»⁵⁹. Составляемые райкомиссиями проекты, согласованные с земельными органами и учитывающие пожелания крестьян и сахарных заводов, поступали на рассмотрение ВЦК. Последняя, обстоятельно знакомясь с представленными материалами, часто шла на уступки в интересах обеспечения безземельных и малоземельных крестьян землей. При утверждении проекта по Павло-Чутовскому сахарному заводу (март 1921 г.) ВЦК постановила ввиду малоземелья крестьян сел Кочубеевки и Кантемировки передать дополнительно в их постоянное пользование 448 дес. земли⁶⁰. В связи с конфликтами на почве малоземелья после утверждения проекта по Тростянецкому сахарному заводу ВЦК пересмотрела его, изъяв из заводского фонда около 2300 дес. для передачи их крестьянам⁶¹.

Работа райкомиссий на Левобережье продвигалась в основном успешно. В начале 1921 г. большинство составленных ими проектов было утверждено ВЦК, а с лета развернулась практическая работа по их осуществлению. К концу года 23 проекта находились в стадии исполнения, а 18 — в стадии составления⁶².

Иные условия сложились для работы райкомиссий на Правобережье. Сформированы они здесь были из представителей губземоделов и районных управлений сахарной промышленности. Из-за отсутствия постоянной связи с ВЦК деятельность комиссий на Правобережье в 1920 г. пошла по неправильному пути временного выделения земель под свекловичные поля. Она осложнялась такими обстоятельствами, как наличие польского фронта, распространение бандитизма, отсутствие плановых материалов (на Правобережье никогда не проводилось генерального межевания) и др. К лету 1921 г. здесь была осуществлена реорганизация старых и созданы новые комиссии по образцу Левобережного района. Еще в конце 1920 г. ЦК КП(б)У принял решение направить 35 ответственных партработников для работы в этих комиссиях⁶³. IV съезд Трудосахара (1—8 июля 1921 г.) мобилизовал для этой цели из своего состава 40 человек (15 коммунистов и 25 беспартийных)⁶⁴. Развернувшаяся с июля 1921 г. деятельность райкомиссий Правобережья натолкнулась, однако, на большие трудности. Они были вызваны в значительной степени просчетами ВЦК, которая, руководствуясь опытом работы на Левобережье, не учитывала местных условий. На Правобережье концентрировалось 64% всех сахарных заводов Украины⁶⁵, было острее крестьянское безземелье и малоземелье, заводские хозяйства сильно разрушены, а их земли фактически находились в пользовании крестьян. В этих условиях решение ВЦК выделить в фонд сахарных заводов 1077,3 тыс. дес., из них 261,5 тыс. дес.⁶⁶ для при заводских хозяйств с целью восстановления их в прежних размерах вызвало упорное противодействие крестьянства и земельных органов. На информационном съезде райкомиссий Правобережья, земоделов и райсахаров (21—25 августа 1921 г.) представители почти всех райкомиссий заявили о сопротивлении крестьян выделению больших площадей для сахарных заводов. В докладе 3-й райкомиссии сообщалось, что «созданные согласно инструкции съезды представителей от крестьян отказались дать землю заводам. «Сначала дайте по норме, а затем, что останется заводам», — заявили крестьяне. Представитель 24-й райкомиссии гово-

⁵⁹ Там же, стр. 78

⁶⁰ Там же, ед. хр. 19, л. 10.

⁶¹ Там же, лл. 37, 38.

⁶² Там же, ед. хр. 22, лл. 32—33.

⁶³ Там же, ед. хр. 3, л. 50.

⁶⁴ «ВЦП», 1921, № 4—6, стр. 178.

⁶⁵ «ВЦП», 1921, № 1—3, стр. 42—43.

⁶⁶ ЦГАОР УССР, ф. 744, оп. 1, ед. хр. 22, л. 31.

рил: «Отношение крестьян крайне отрицательно. Все съезды крестьян никакой национализации не признают и постановляют разделить все земли»⁶⁷. Настроение крестьян сказалось на поведении земельных органов. Сообщения из Бердичевского, Белоцерковского, Каневского, Жмеринского и других уездов свидетельствовали о том, что уземотделы не выделили своих представителей в райкомиссии или отозвали таковых, не представляли нужных сведений, материалов, землемеров, что крестьяне с разрешения земотделов захватывали участки, предназначенные комиссиями для при заводских хозяйств, и т. д.⁶⁸. Такое положение было чревато серьезными последствиями.

Эти обстоятельства, а также переход к нэпу с внедрением таких методов хозяйствования, как хозрасчет, самокупаемость и др., ставили вопрос о пересмотре в принципе работы по отводу земель для сахарной промышленности. Ввиду ограниченности государственных средств целесообразно было сократить земельный фонд при заводских хозяйств, чтобы добиться их рентабельности, с одной стороны, и передать часть земли крестьянам, способствуя тем самым развитию их хозяйственной инициативы, в частности в свеклосеянии, — с другой. ЦК КП(б)У и СНК Украины подробно информировали ЦК РКП(б) о положении, сложившемся в районах свеклосеяния, особенно на Правобережье, в связи с выделением земель для сахарной промышленности, предлагая изменить характер проводимой реформы. Этот вопрос стал предметом обсуждения Политбюро ЦК РКП(б) 10 октября 1921 года. По предложению В. И. Ленина были приняты директивы «Об отведении земель под посевы сахарной свеклы на Украине»: количество земель, отводимых сахарным заводам, ограничивалось 400 тыс. дес., для обеспечения сахарных заводов сырьем предлагалось введение обязательного свекловичного севооборота. В директивах подчеркивалась необходимость величайшей осторожности при осуществлении этих мероприятий, чтобы «отношения сахарных заводов к сеющим свеклу крестьянам строились на началах действительно добровольного соглашения»⁶⁹.

Директивы ЦК РКП(б) были положены в основу деятельности специальной комиссии под председательством Н. А. Скрипника по разработке нового положения о землях сахарной промышленности. 4 января 1922 г. ВУЦИК принял новое постановление — «О национализации земель для сахарной промышленности Украины». Окончательно был установлен фонд в 400 тыс. дес. пахотной земли, переходивший в непосредственное пользование сахарными заводами. Остальные земли, ранее обслуживавшие сахарную промышленность, передавались земельным органам для распределения между безземельными и малоземельными крестьянами на общих основаниях, то есть без каких-либо условий, как и другие нетрудовые земли. Решались также вопросы о выделении для при заводских хозяйств других сельскохозяйственных угодий, введении для крестьянских хозяйств обязательного севооборота и пр.⁷⁰ Постановление от 4 января 1922 г. подводило итог коренной перестройки аграрных отношений в районах свеклосеяния. Им окончательно разрешились две взаимосвязанные проблемы — аграрная и промышленная — на базе сочетания интересов государственной промышленности, рабочего класса, с одной стороны, с интересами трудящегося крестьянства, задачами восстановления и развития сельского хозяйства — с другой. Предусматривая передачу максимального количества земель бывшего свекловичного фонда в полное пользование трудящегося крестьянства, это по-

⁶⁷ Там же, ф. 748, оп. 1, ед. хр. 26, л. 117.

⁶⁸ Там же, ед. хр. 29, лл. 10, 12, 19, 23, 26, 29.

⁶⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 137.

⁷⁰ «Збірник постанов та розпоряджень Робітничо-Селянського Уряду України». Ч. I, ст. 5.

становление возлагало на него роль главного поставщика свеклы для сахарной промышленности. В то же время она получила гарантии обеспечения сырьем как из крестьянских (обязательный свекловичный севооборот), так и из заводских хозяйств. Принципиально важное значение для государства и крестьянских хозяйств имело сохранение заводских хозяйств как центров высокой сельскохозяйственной культуры, новых форм производственных отношений в земледелии, служивших связующим звеном между промышленностью и сельским хозяйством, рабочим классом и трудящимся крестьянством.

Постановление было встречено крестьянством с одобрением и способствовало окончательному урегулированию земельных отношений в районах свеклосеяния. Показательной в этом отношении является резолюция съезда представителей сельских обществ Сидоровского завода (Киевщина) от 24 февраля 1922 года. В ней отмечалось, что «декрет от 4 января 1922 года, передавая часть нетрудовых земель в руки крестьянства и оставляя за заводами минимальные площади, вполне отвечает желаниям широких масс крестьянства, давая возможность удовлетворить острую земельную нужду». Участники съезда обещали оказать «полное содействие комиссии по национализации земли»⁷¹.

В 1922 г. работа райкомиссий пошла в быстром темпе. 28 ноября Правобережное бюро утвердило последний проект⁷². Утвержденные проекты передавались губземотделам для претворения их в жизнь, в результате чего за крестьянством закреплялась земля по существующим нормам наделения. На Левобережье районные комиссии пересматривали ранее составленные и утвержденные акты отведения земель для сахарных заводов, приводя их в соответствие с требованиями постановления от 4 января 1922 года. В начале 1924 г. Центральная и районные комиссии, выполнив свои задачи, прекратили существование. К этому времени для нужд сахарной промышленности было отведено 577 тыс. дес. пахотной земли и других сельскохозяйственных угодий⁷³ из 2 500 тыс. дес. земель свекловичного фонда, то есть 77% его перешло в пользование безземельного и малоземельного крестьянства.

Разрешение аграрного вопроса в районах свеклосеяния обусловило объективную необходимость создания на новых основах сырьевой базы для сахарной промышленности. То, что земли нетрудовых элементов, в том числе сахарозаводчиков, передавались безземельному и малоземельному крестьянству, создавало новый большой контингент производителей свеклы. По данным Наркомзема УССР, крестьянские посевы свеклы в 1921/22 г. на землях сахарных заводов, перешедших в пользование крестьян, составили 53% общей площади их посевов. Что касается соотношения крестьянских и заводских посевов, то первые составили 90,4% а вторые—9,6%⁷⁴. Постановление от 4 января 1922 г. окончательно закрепляло преимущества крестьянского свеклосеяния, ограничив заводские хозяйства минимумом (400 тыс. дес.), который даже при самом интенсивном использовании мог обеспечить сахарные заводы сырьем лишь на 20%, исходя из их полной производительности⁷⁵. Крестьянское свеклосеяние стимулировали такие мероприятия Советского государства, как освобождение от продналога крестьянских хозяйств, сеявших свеклу, проведение землеустройства, помощь кредитами, техникой, химическими удобрениями, специалистами сельского хозяйства и т. п.

⁷¹ ЦГАОР УССР, ф. 748, оп. 1, ед. хр. 33, л. 18.

⁷² Л. А. Кириллов. Указ. соч., стр. 89.

⁷³ «Революция и землеустройство». Харьков. 1924, стр. 7.

⁷⁴ Л. А. Кириллов. Указ. соч., стр. 97.

⁷⁵ П. Попов. Указ. соч., стр. 30.

Аграрные преобразования в районах свеклосеяния⁶ создавали условия для широкого развития производственных кооперативных объединений (свекловодческая кооперация). Еще в дореволюционные годы появилась кредитная кооперация для организации поставок крестьянской свеклы заводам. Коренные изменения, происшедшие после социалистической революции как в аграрных отношениях, так и в сахарной промышленности, обусловили возникновение принципиально нового явления — специальных свекловодческих объединений, кооперировавших не только сбыт свеклы, но и ряд производственных процессов, прежде всего вспашку и посев. Начало им было положено в 1920 г., когда в Киевской губернии возникли 79 небольших свекловичных кооперативов, засеявших 840 дес. земли⁷⁶. В 1923 г. на Украине насчитывалось уже 1 608 свекловичных товариществ и артелей с посевом свеклы в 33,8 тыс. десятин⁷⁷. Завершение перестройки аграрных отношений, проведение в широких масштабах землеустроительных работ, материальная заинтересованность крестьян и т. п. обусловили бурное развитие крестьянского кооперирования в свекловодстве. В 1924 г. из 400 тыс. хозяйств, сеявших свеклу, 47% были объединены в кооперации, а в 1927 г. из 650 тыс. хозяйств — 98%. Они засевали 99% всей крестьянской земли, отведенной под свеклу. Характерно, что 85,8% свеклосеющих хозяйств составляли хозяйства бедняков и середняков⁷⁸.

Коренной перестройкой аграрных отношений в районах свеклосеяния Советская власть разрешила одно из противоречий дореволюционной деревни. Свеклосеяние и сахарные заводы, в условиях капитализма бывшие причиной безземелья и малоземелья, жесточайшей эксплуатации и нищеты широких масс крестьянства и рабочих, стали средством подъема земледелия, всего народного хозяйства страны, общественно-политической активности трудящегося крестьянства, тесного сотрудничества рабочих и крестьян. Аграрные преобразования в районах свеклосеяния открыли дорогу массовому кооперированию крестьянских хозяйств в форме свекловичной кооперации, которая вместе с развитием заводских хозяйств как предприятий социалистического типа в земледелии явилась важным фактором в создании предпосылок для массовой коллективизации сельского хозяйства.

⁷⁶ «ВЦП», 1923, № 11—12, стр. 83.

⁷⁷ «ВЦП», 1924, № 3—4, стр. 111.

⁷⁸ ЦГАОР УССР, ф. 312, оп. 1, ед. хр. 384, лл. 2, 13, 17.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

В. Л. Егоров

История своеобразного государства, основанного монголами в южнорусских степях, неоднократно привлекала внимание исследователей. При этом вполне понятна тенденция большинства авторов рассматривать историю Золотой Орды в аспекте ее внешнеполитических проявлений, основой которых были угнетение и грабеж покоренных народов. В результате такого подхода до настоящего времени не разработаны многие вопросы внутренней жизни Золотой Орды. Одним из них является выяснение ее государственного и административного устройства¹. Изучение структуры Золотой Орды позволяет более четко определить не только причины раздиравших ее изнутри противоречий, но и те приемы, которые использовала русская дипломатия в своем стремлении ослабить ненавистный гнет и накопить силы для избавления от него.

Весной 1236 г. в прииртышских степях собралась огромная армия кочевников, которая направилась на запад. Во главе ее стоял внук Чингисхана Бату. Основная цель этого похода была заранее разработана на состоявшемся в 1235 г. курилтае, после которого сразу же началась подготовка к осуществлению намеченных завоевательских планов. Происшедшие вслед за этим трагические для судеб многих народов Европы события хорошо известны... В 1242 г. монгольские отряды вернулись с берегов Адриатики в прикаспийские и причерноморские степи, которые они избрали местом своего дальнейшего пребывания. Именно эта территория и явилась ядром вновь возникшего государства, в административной и социальной жизни которого было много необычного и противоречивого.

Эти противоречия сказались уже в наименовании государства, вернее, в отсутствии единого для него названия. Персидские и арабские авторы именуют его Улусом Джучи или Дешт-и-Кыпчаком (переноса, таким образом, более ранний географический термин на новое государственное образование), а также Улусом Бату, Улусом Берке и Улусом Узбека, причем эти наименования употреблялись не только непосредственно в период правления того или иного хана, но в большинстве случаев уже после их смерти². П. Карпини, хорошо осведомленный о названиях всех государств и народов, окружающих владения Бату, упоминая его державу, пользуется старым термином «страна Команов»³

¹ Б. Д. Греков, Ю. А. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.-Л. 1950.

² Например, в руководстве по дипломатической переписке Египта с Золотой Ордой об одном чиновнике говорится, что он является правителем в «землях Узбека», и тут же приводится его адрес: «Кутлубуга Инак, наместник хана Джанибека» (В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб. 1884, стр. 348).

³ «Путешествия в восточные страны Карпини и Рубрука». М. 1957, стр. 70, 82. Оба путешественника посетили Золотую Орду в середине XIII века.

или дает слишком общее наименование: «держава татар». То же самое делает Рубрук. Марко Поло вообще не приводит названия этого государства, а только говорит о его хане как о «царе Запада»⁴. Такому же принципу следовали западноевропейские государственные деятели в дипломатической переписке с золотоордынскими ханами в XIV веке. Например, письмо папы Бенедикта XII хану Узбеку адресовано следующим образом: «Его величеству хану Узбеку, императору татар», «Достойнейшей государыне Тайдолю, императрице северной Татарии»⁵.

Особый интерес в этом плане представляют русские летописи. В самом начальном периоде существования Золотой Орды летописцы по отношению к ней употребляют все тот же этнический термин: русские князья ездят «в татары к Батыеву» и возвращаются «ис татар»⁶. Название «Орда» впервые появляется в наиболее ранних летописных сводах в 1257 г. (Лаврентьевская летопись)⁷. Но не исключено, что это было более поздним исправлением, так как под 1258 г. в летописи вновь встречается выражение «в татары». В восстановленной М. Д. Приселковым Троицкой летописи «Орда» впервые фигурирует под 1277 г.⁸, а до этого употребляются выражения «в татары», «ис татар». В Рогожской летописи (середина XV в.) название «Орда» впервые применено под 1244 годом⁹. Это, видимо, является данью составителя летописи установившейся терминологии XV в.: он автоматически заменил при переписке с более древнего документа стоявшие там слова «в татары» на прочно укоренившиеся в XV в. «в Орду». Характерно, что в дальнейшем изложении составитель Рогожской летописи отнесся более внимательно к имевшимся в его распоряжении источникам, сохранив их терминологию («к Батыю», «в татары», «ис татар»)¹⁰. Наименование «Орда» в этом источнике прочно утверждается с 1293 г.¹¹ на все последующее время существования Золотой Орды. Для летописных сводов, составлявшихся в конце XV и XVI в., характерно употребление термина «Орда» с самого начала существования основного Бату государства¹². Следовательно, появление названия «Орда» в русских летописях можно отнести к середине 70-х годов XIII в., а упоминание его в годы, предшествующие этому времени, является характерной чертой источников середины XV—XVII веков¹³.

Происходившие в 1360-х годах в Золотой Орде междоусобные войны также нашли отражение в летописях. Согласно им, в это время возникают «Муратова орда» и «Мамаева орда»¹⁴. Составителям Патриаршей (Никоновской) летописи, располагавшим большим кругом источников, было известно существование нескольких орд в конце XIV и в XV в., о чем можно судить по титулу Тохтамыша: «царь Воложский и всех орд высочайший царь»¹⁵. Здесь же называются Синяя орда

⁴ «Книга Марко Поло». М. 1956, стр. 226.

⁵ «Записки» Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса. 1863, стр. 1002, 1005.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. М. 1962, стр. 470 и далее.

⁷ Там же, стр. 475.

⁸ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.-Л. 1950, стр. 334.

⁹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. М. 1965, стр. 31.

¹⁰ Там же, стр. 31, годы 1245—1247; стр. 32, годы 1252, 1259 (под 1259 г. наряду с выражением «ис татар» вставлены слова «из Орды»); стр. 33, год 1271.

¹¹ Там же, стр. 35.

¹² Московский летописный свод конца XV в.—с 1243 г. (ПСРЛ. Т. 25. М.-Л. 1949, стр. 136); Симеоновская летопись — с 1243 г. (ПСРЛ. Т. 18. СПб. 1913, стр. 65); IV Новгородская летопись — с 1246 г. (ПСРЛ. Т. 4. СПб. 1848, стр. 38); I Софийская летопись — с 1245 г. (ПСРЛ. Т. 5. СПб. 1851, стр. 182). При этом иногда встречаются рецидивы сохранения более древнего текста, использовавшегося при составлении этих летописей, например, в Симеоновской летописи под 1252 г.: «иде... в татары» (стр. 70).

¹³ См. также Патриаршую, или Никоновскую, летопись (ПСРЛ. Т. 10. М. 1965).

¹⁴ М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 379; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стр. 74; т. 25, стр. 182; т. 18, стр. 102.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 11. М. 1965, стр. 84, 152, 172.

и Заяицкая орда. В связи с этим составители свода для отличия владений Тохтамыша от других орд вводят по отношению к первым специальный термин — «Большая Орда Волжская» или просто «Большая Орда»¹⁶. Это последнее наименование впервые появляется в Московском летописном своде конца XV в. под 1460 годом¹⁷. Оно не было изобретением русских летописцев, — так называл свои владения хан Ахмед в ярлыке Ивану III¹⁸, пытаясь тем самым подчеркнуть свое главенство среди нескольких орд, возникших на развалинах основанного Бату государства. Московские летописцы, видимо, знакомые с этим ярлыком, первыми ввели в обиход сочетание «царь Ахмут Большая орды».

Что же касается привычного теперь названия «Золотая Орда», то оно стало употребляться в то время, когда от основанного Бату государства не осталось и следа. В русских письменных источниках это словосочетание зафиксировано с конца XVI века. Происхождение его также связано с ханской ставкой, а точнее, с богато украшенной золотом и дорогими материями парадной юртой хана, описанной путешественниками XIII—XIV веков. Вот что о ней говорит ибн-Батута: «Он (Узбек.— В. Е.) садится в шатер, называемый золотым шатром, разукрашенный и диковинный. Он (состоит) из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листками. Посредине его деревянный престол, обложенный серебряными позолоченными листками, ножки его из серебра, а верх усыпан драгоценными камнями»¹⁹. Подобные же описания есть у Карпини и Рубрука²⁰, причем первый сообщает, что эта юрта называется «золотой ордой».

Вполне вероятно, что термин «Золотая Орда» был известен на Руси уже в XIV в. и бытовал в разговорной речи, однако русские летописцы того времени никогда не употребляли его по отношению к государству Бату и Узбека. При этом, как справедливо отметила Г. А. Богатова²¹, они исходили из эмоциональной нагрузки слова «золотой», употреблявшегося в то время как синоним хорошего и светлого, чего нельзя было сказать о государстве-угнетателе, да еще населенном «погаными». Именно поэтому название «Золотая Орда» появляется только после того, как все ужасы монгольского владычества стерло время. Авторы XVI в., видимо, заимствовали указанный термин из дошедших до них устных рассказов о роскошной ханской юрте или из не сохранившихся до наших дней описаний ее русскими очевидцами. О том, что такие описания существовали, можно судить по известной русской народной песне конца XIV — начала XV в. о Щелкане, где приводится как бы краткая редакция одного из подобных рассказов:

А и деялося в Орде,
Передеялось в большой.
На стуле золоте,
На рытом бархате,
На червчатой камке
Сидит тут царь Азвяк,
Азвяк Таврулович...²².

Характерно, что авторы песни, как и летописцы, определяют Орду официальным прозаическим словом «большая», между тем как хорошо известна тяга русского фольклора к применению красочных эпитетов по

¹⁶ Там же, стр. 158, 159.

¹⁷ Там же. Т. 25, стр. 277.

¹⁸ К. В. Базилевич. Ярлык Ахмед-хана Ивану III. «Вестник» МГУ, 1948, № 1, стр. 31.

¹⁹ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч. Т. 1, стр. 290.

²⁰ «Путешествия в восточные страны...», стр. 76, 140.

²¹ Г. А. Богатова. Золотая орда. «Русская речь», 1970, № 1, стр. 76.

²² «Исторические песни XIII—XVI веков». М.-Л. 1960, стр. 76.

отношению к городам и странам. В двух вариантах песни XVI в. о Костроке также говорится о «Большой орде»²³. Попытки Л. Н. Гумилева искать корни названия «Золотая Орда» в переводе китайского термина «Цзинь», относящегося к империи чжурчженей XII—XIII вв., который в дальнейшем (да еще в XVI в.) якобы был перенесен на государство, основанное Бату, выглядят крайне неубедительно²⁴. Наконец, особую проблему представляет вопрос о соотношении понятий «Улус Джучи» и «Золотая Орда». Он во всех аспектах рассмотрен Г. А. Федоровым-Давыдовым²⁵, и сделанные им выводы говорят о неравнозначности данных названий. Термин «Улус Джучи» является более общим, включая в себя территории владений ханов Бату (правое крыло улуса) и его старшего брата Орды (левое крыло), которые фактически были разными государственными единицами. Таким образом, «Золотая Орда» является наиболее точным названием основанного Бату государства.

Многочисленные наименования, под которыми было известно основанное Бату огромное государство, лишней раз подчеркивают и без того очевидную его искусственность и непрочность. Это же подтверждается и тем, что сами монголы-завоеватели, занимавшие в нем ключевые государственные посты, рассматривали всю огромную территорию, на которой они утвердились, не как государственную единицу, а как родовое владение, в данном случае принадлежащее дому Джучидов. Характерно, что Тохтамыш в известном ярлыке Ягайлу называет свое государство просто «Великим Улусом»²⁶. Фактически так оно и было, о чем свидетельствует в первую очередь внутренняя структура Золотой Орды. Она была предопределена еще до ее появления и в самой своей основе точно калькировала устройство монгольской армии.

Период правления Бату и Берке с полным правом можно назвать «организационным» в истории Золотой Орды. Бату заложил основные общегосударственные устои, сохранившиеся и при всех последующих ханах. При нем оформляются феодальные владения аристократии, появляются столица и некоторые другие города, формируется аппарат чиновников, организуется почтовая (ямская) связь между отдельными районами, утверждаются и распределяются налоги и повинности. При этом Бату выступает как достаточно дальновидный государственный деятель, пытающийся перешагнуть в решении отдельных вопросов через монгольские кочевнические традиции. Берке успешно развил заложенные Бату государственные основы, в чем большую помощь ему оказал ислам и мусульманские деятели. Это время характеризуется в первую очередь абсолютной властью ханов, авторитет которых ассоциировался в сознании подчиненных с огромным количеством награбленных ими богатств. Источники единодушно отмечают, что ханы в то время имели «изумительную власть над всеми»²⁷. Да и не могло быть иначе: слишком свежи были воспоминания о жестокой дисциплине в армии. «И сле-

²³ Там же, стр. 134, 137. В одном из вариантов этой песни говорится и о Золотой Орде (стр. 123), но скорее всего это более позднее исправление слова «большая», на что косвенно указывает другой вариант песни, где Орда названа «клятой» (стр. 209).

²⁴ См. Л. Н. Гумилев. Поиски вымышленного царства. М. 1970, стр. 313—314. Автор путает два понятия: «Синяя Орда» (Кок-Орда) и «Белая Орда» (Ак-Орда), называя Золотую Орду Синей. Еще русским летописцам было хорошо известно, что Синяя Орда «еже есть близ Индеи» (ПСРЛ. Т. 11, стр. 152), то есть на территории современного Казахстана по р. Сыр-Дарье и к востоку от нее. Золотая Орда (правое крыло улуса Джучи) всегда называлась Ак-Ордой (см. Г. А. Федоров-Давыдов. «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда». «История, археология и этнография Средней Азии». М. 1968).

²⁵ Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. соч., стр. 228—229.

²⁶ И. Н. Березин. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу. Казань. 1850, стр. 51.

²⁷ «Путешествия в восточные страны...», стр. 45.

дует также знать,— пишет Карпини,— что всё настолько находится в руке императора, что никто не смеет сказать: «это мое или его», но все принадлежит императору, то есть имущество, вьючный скот и люди, и по этому поводу недавно появился указ императора»²⁸. Слова эти, относящиеся к великому хану, можно целиком применить и к Бату, который был «наиболее богат и могуществен после императора»²⁹.

Мероприятием первостепенной важности в организации государства явилось наделение главной опоры ханской власти — крупной кочевой аристократии — земельными владениями. При этом сам Бату имел личный домен, куда входили лучшие земли Нижнего Поволжья. Крупные и мелкие феодалы получали земли в соответствии с занимаемыми ими постами в армейских соединениях. Хан при распределении земель, естественно, занимался раздачей ленов только крупнейшим феодалам, которые, в свою очередь, предоставляли из полученных ими уделов земли состоявшим под их подчинением тысячникам и т. д.³⁰. Что же касается рядовых воинов, то они довольствовались в основном военной добычей и в мирной жизни продолжали так же зависеть от феодалов, как и на войне, с той только разницей, что теперь им предписывались маршруты перекочевков, а не военных походов. В результате внутренняя государственная структура получила ярко выраженный военно-феодалный характер. Передача земель в держание одновременно зафиксировала разделение всей территории Золотой Орды на четко разграниченные административные единицы, во главе которых стояли феодалы, обладавшие всей полнотой исполнительной и судебной власти³¹.

Одновременно искались пути осуществления одной из важнейших проблем — создания надежной и широко разветвленной системы взимания внутренних налогов и сбора дани с подчиненных народов, то есть органов исполнительной государственной власти, по сути дела, правительства. Решение этой сложной задачи в значительной мере упиралось в отсутствие стационарных пунктов, где мог бы постоянно пребывать исполнительный и фискальный аппарат. Необходимость в создании таких постоянных опорных пунктов государственной власти в кочевнической среде диктовалась и многими другими не менее важными обстоятельствами: завязывавшимися дипломатическими отношениями, организацией внутреннего рынка, чеканкой монет, снабжением огромной массы кочевников самыми разнообразными изделиями ремесленного производства. Таким образом, уже в самый начальный период существования золотоордынского государства стало ясно, что ему не обойтись без собственных городов³². Наличие большого количества военноплен-

²⁸ Там же, стр. 45—46.

²⁹ Там же, стр. 44. Все возникшие после монгольских завоеваний государства — улусы, как известно, считались единой империей, верховным правителем которой являлся каан, находившийся в Каракоруме. Он утверждал на престолах новых ханов, а также правителей вассальных государств, например, русских великих князей (ПСРЛ. Т. I, стр. 471). В Каракорум посылались определенная часть награбленных богатств и получаемой дани. Каан даже направлял на Русь своих чиновников для проведения переписи населения и исчисления дани. Подчеркивая свою зависимость от каракорумского правительства, первые золотоордынские ханы выбивали на монетах имя каана. Однако после смерти каана Мунке эта зависимость приобретает чисто формальный характер. Утверждение кааном новых ханов на престоле фактически уже не играет никакой роли. Так, Абага-хан воцарился на ильханском престоле в 1265 г., а утверждение этого акта пришло только в 1270 г. (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. М.-Л. 1946, стр. 66—86). С приходом к власти в Золотой Орде Менгу-Тимура (1266 г.) на монетах этого государства чеканятся только имена золотоордынских правителей. Таким образом, с конца 60-х годов XIII в. Золотая Орда и Хулагуидский Иран фактически освобождаются от политической опеки со стороны каанов.

³⁰ Там же, стр. 46.

³¹ Там же.

³² В. Л. Егоров. Причины возникновения городов у монголов в XIII—XIV веках. «История СССР», 1969, № 4.

ных, то есть рабской силы, позволило быстро создать такие пункты. В связи с этим происходит разграничение законодательной и исполнительной власти между кочующей ставкой хана и постоянной столицей. Эта одна из характерных особенностей золотоордынской государственности впервые была рассмотрена Г. А. Федоровым-Давыдовым³³. Однако как ни велика была роль городов в Золотой Орде, основная мощь государства продолжала базироваться на кочевом начале. Значительное место в экономике отдельных районов и государства в целом занимали продукты кочевнического хозяйства, а подавляющей массе населения оно давало все необходимое для жизни. На кочевниках зиждилась и военная мощь Золотой Орды.

Органы государственного управления и номенклатура чиновников Золотой Орды изучались в XIX в. И. Н. Березиным³⁴, который использовал в основном сведения Рашид ад-Дина, относящиеся, как правило, к государствам Хулагуидов. В государствах кочевников обычно не было большого числа чиновников. Однако в Золотой Орде наблюдалась совершенно иная картина. В источниках часто упоминаются самые разнообразные административные должности, что позволяет говорить о существовании в Золотой Орде развитого чиновничьего аппарата. Сам хан, как подчеркивают источники, не имел непосредственного касательства к нему: «Султан Узбек из дел своего государства обращает внимание только на сущность дел, не входя в подробности обстоятельств, и довольствуется тем, что ему доносят, но не доискивается частностей относительно взимания и расходования»³⁵. Для непосредственного руководства армией и всеми внутренними делами государства в Золотой Орде были учреждены две высшие государственные должности: беклярибек (бек над беками) и везир³⁶. Обязанности этих высших чиновников не всегда ясно и полно (а иногда и противоречиво) обрисовываются источниками. Особый интерес в этом отношении вызывают руководства по дипломатической переписке, составленные в Египте в XIV веке. Различные тонкости восточной дипломатии в титуловании высших золотоордынских чиновников позволяют охарактеризовать сферу деятельности каждого из них, так как косвенно в титуловании обязательно отражался круг их занятий. Если сопоставить титулы типовых образцов писем, посылавшихся из Египта двум этим чиновникам, то получится следующая картина³⁷.

Образец письма
Кутлубуге Инаку

правитель в землях Узбека
высокостепенство эмирское
ученый, правосудный
величие ислама и мусульман
глава эмиров двух миров
поборник воителей и борцов за веру
вождь ратей, предводитель войск
пособник царей и султанов
меч повелителя правоверных
подпись:
брат его
адрес:
наместнику хана Джанибека

Образец письма
Хусамеддину Махмуду
(по прозвищу «Диванный»)

везир ханский в землях Узбека
высокостепенство эмирское
полновластный
слава ислама и мусульман
величие эмиров и везирей в двух мирах
краса полновластных
советник царей и султанов
подпись:
родитель его
адрес:
везиру царства ханского

³³ Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы в X—XIV веках. М. 1966, стр. 28.

³⁴ И. Н. Березин. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. «Труды восточного отделения императорского Археологического общества». Ч. 8. СПб. 1864.

³⁵ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч. Т. 1, стр. 230.

³⁶ Там же, стр. 249. Арабские авторы переводили термин «беклярибек» на свой язык, и он звучит у них как «эмир над эмирами», «начальник эмиров», «старший эмир» (там же, стр. 295, 296, 412).

³⁷ Там же, стр. 348—349.

Как видно из сопоставления, оба сановника находятся почти на одной ступени феодальной иерархии и величаются «высокостепенствами эмирскими», однако по занимаемому чину в государственном аппарате первенствующая роль отводится беклярибеку, официально именуемому «правителем в землях Узбека» (то есть в переносном смысле Золотой Орды) и наместником хана. Это же подчеркивается и в откровенно льстивой подписи, где султан Египта называет себя братом беклярибека, тем самым низводя себя до одного уровня с ним и поступаясь своим царственным достоинством, подпись же под письмом, адресованным везиру, носит ярко выраженный покровительственный характер. Подобное внимание к персоне беклярибека со стороны правителя Египта объясняется еще и надеждой последнего на получение практического содействия в борьбе с Хулагуидами.

Судя по титулам, в руках беклярибека действительно была сосредоточена огромная власть. Во-первых, он являлся главнокомандующим всей армией (о чем говорят титулы «вождь ратей, предводитель войск», «меч повелителя правоверных»). Видимо, золотоордынские ханы со временем отошли от непосредственного руководства в военных действиях (за исключением особо важных кампаний, требовавших участия огромных армий, например, войны с Тимуром), превратившись из военачальников в «чистых» монархов. Юридически хан, конечно, оставался главой армии, но командовал ею по его поручению беклярибек. В качестве примеров можно привести действия золотоордынской армии в Азербайджане, командование которой при Берке осуществлял Ногай³⁸, а при Узбеке эти функции были возложены на Кутлугтимура³⁹. Другим известным примером является Куликовская битва, когда во главе золотоордынских войск стоял беклярибек Мамай⁴⁰. Во-вторых, беклярибек ведал дипломатическими сношениями с другими государствами, осуществляя функции министра иностранных дел. Это подтверждается сообщением источников о том, что иностранные послы после официального представления хану собирались для решения практических дел у беклярибека Ногай⁴¹. В другом месте сообщается, что прибывшие в Египет послы действуют согласно инструкции, данной им беклярибеком Кутлугтимуром⁴². Соединение в лице беклярибека должностей командующего армией и министра иностранных дел вполне отвечало духу времени, так как в ту эпоху войны и военные союзы между государствами были основным стержнем внешнеполитической деятельности любой страны.

Особый интерес представляют титулы беклярибека «ученый, правосудный», которые наводят на мысль о причастности его к судебной-правовой функции государства. В мусульманских странах, как известно, суд носил прецедентный характер, опираясь при этом на коран. К судопроизводству допускались только люди, досконально изучившие коран, которым присваивалось звание кади (судьи), очень часто с добавлением уважительного эпитета «ученый». В Золотой Орде также существовала эта должность, введение которой можно отнести к правлению Берке, бывшего первым ханом-мусульманином. В источниках часто встречаются сведения о кади Сарая, Азака, Крыма, Кафы, а также упоминается должность главного кади⁴³. Но при этом выясняется существенное ограничение прав кади в Золотой Орде: им были подсудны только дела религиозного характера. Ибн-Батута, лично присутствовав-

³⁸ В источниках сообщается о том, что «Ногай был начальником войск Бату и Берке» (В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч. Т. II, стр. 69).

³⁹ Там же. Т. I, стр. 326.

⁴⁰ Там же, стр. 350.

⁴¹ Там же, стр. 68.

⁴² Там же, стр. 324.

⁴³ Там же, стр. 64, 169, 238, 280, 281, 284, 298.

ший на одном из судебных разбирательств в канцелярии улусбека Хорезма Кутлугтимура, рассказывает, что в заседании участвовал кади вместе с правоведами, а также «один из старших эмиров, при котором 8 (других) старших эмиров». Далее ибн-Батута сообщает о существовании четкого разделения обязанностей участников суда: «Что относится к делам религиозным, то решает кади, другие же (дела) решают эти эмиры»⁴⁴. Из контекста рассказа следует, что улусбек Хорезма на этом заседании не присутствует, видимо, оставляя за собой право высшей судебной инстанции, к которой могут апеллировать недовольные решением гражданских дел. Высшей судебной инстанцией при рассмотрении религиозных дел являлся главный кади. Отсюда следует, что с введением мусульманства и появлением института кади в Золотой Орде монгольская аристократия не пожелала упускать из своих рук одну из важнейших прерогатив — судебную. Решение гражданских дел при этом основывалось скорее всего на ясе Чингисхана. Учитывая, что беклярибек официально считался «эмиром над эмирами», можно полагать, что его титулы «ученый, правосудный» говорят о сосредоточении в его руках высшей судебной власти в государстве.

Наконец, в титулах беклярибеков содержится намек на то, что в их ведении находились не только светские, но и религиозные дела («поборник воителей и борцов за веру»). В этом отношении характерно, что один из беклярибеков (Хасан Великий) имел также титулы «помощь ислама и мусульман» и «подпора веры». Причем особенно интересно то, что он носил одно из высших духовных званий — шейх⁴⁵. Именно это сосредоточение в руках беклярибеков стольких важнейших государственных обязанностей и приводило нередко к тому, что они становились фактическими правителями Золотой Орды, диктовавшими свою волю сидевшим на престоле Джучидам. Наиболее яркими примерами в этом отношении были Ногай и Мамай.

Следующим по рангу сановником в Золотой Орде являлся везир, в ведении которого была сосредоточена высшая исполнительная власть. Судя по прозвищу везира Хусамеддина Махмуда — «Диванный», он возглавлял центральный орган исполнительной власти — диван. В структуру последнего входило несколько палат во главе с секретарями⁴⁶, в ведении которых были определенные разделы финансовой, налоговой, экономической и внутривластной жизни государства. Именно эти стороны деятельности везира очень точно отражают титулы «полновластный» и «советник царей и султанов». Влияние его на межгосударственные отношения и внешнюю политику Золотой Орды не было столь значительным, как беклярибека, в результате чего в дипломатической переписке везир ставился ниже. Однако роль его во внутренней жизни страны была огромна, так как основную сторону его деятельности составляли сбор налогов и дани с покоренных народов. Именно поэтому Эль-Омари пишет, что «везир — настоящий султан, единовластно распоряжается денежной частью, управлением и смещением, даже в самых важных делах»⁴⁷.

В арабских источниках есть интересное сообщение о том, что в Золотой Орде «по принятому обычаю» все управление государством разделено между четырьмя высшими чиновниками, которых называют улусными эмирами (улусбеками)⁴⁸. Причем из дальнейшего контекста явствует, что одним из них был беклярибек, который, следовательно, кроме общегосударственных функций, осуществлял еще и непосред-

⁴⁴ Там же, стр. 311—312.

⁴⁵ Там же, стр. 347.

⁴⁶ И. Н. Березин. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадат-Гирея. Казань. 1851, стр. 10.

⁴⁷ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч. Т. I, стр. 249.

⁴⁸ Там же, стр. 348, 412.

венное управление определенной административной единицей, одновременно являвшейся его леном. Учитывая, что следующим по значению сановником выступал везир, который также должен был иметь свой лен, соответствующий его высокому положению, вторым улусбеком был именно он. Две остальные должности занимали особо знатные или чем-либо отличившиеся феодалы. Итак, вся территория государства была разделена на четыре крупных административных единицы — улусы, во главе которых стояли наместники хана — улусбеки. То, что эти области в первую очередь являлись именно ленами улусбеков, то есть источниками их личного дохода, подтверждает следующее высказывание Эль-Омари: «Что же касается совокупности (действий) всех их в имущественных делах народа, то эмирам большей частью они (дела) знакомы лишь настолько, насколько их знают наместники их»⁴⁹.

Одна из этих единиц точно известна — это Хорезм, наместником которого при Узбеке стал Кутлугтимур, смещенный с поста беклярибека⁵⁰. В этом отношении обращает на себя внимание сообщение Эль-Омари, который называет хана Золотой Орды «государем Сарая, Хорезма, Крыма и Дешт-и-Кыпчака»⁵¹. С большой долей вероятности можно считать, что именно эти названия и носили крупнейшие административные единицы государства. При этом несомненно, что такие важные области, как Сарай и Дешт-и-Кыпчак, отдавались в распоряжение беклярибека и везира. В частности, источники сообщают, что Кутлугтимур, бывший в начале правления Узбека беклярибеком, управлял улусом Дешт-и-Кыпчак⁵². Каждый из этих четырех улусов делился на какое-то количество «областей», являвшихся ленами феодалов следующего ранга (темников). Сведения об этом содержатся в рассказе ибн-Батуты, который, описывая свою поездку с одной из жен Узбека, сообщает, что «каждый эмир в этом крае сопровождал хатунь с войском своим до крайнего предела своего участка»⁵³. Косвенные данные о числе «областей», на которые разделялось государство, можно вывести из следующих соображений. Один из арабских авторов, описывая прием у Берке, сообщает, что в его юрте находилось 50—60 эмиров⁵⁴. В другом случае, при описании переговоров о выдаче за султана Египта принцессы джучидского рода говорится, что этот вопрос «собрались решать эмиры, начальники десяти тысяч, всего 70 эмиров»⁵⁵. Наконец, в ярлыке, посланном Ивану III ханом Ахмедом, упоминаются 70 орд, которые были ему подвластны⁵⁶. Учитывая, что каждый темник имел свое ленное владение, можно предположить, что вся территория Золотой Орды разделялась по количеству темников на 70 «областей»⁵⁷.

Интересные данные об административном устройстве Золотой Орды можно почерпнуть в рассказе о путешествии Пимена в Царьград. Плывая по Дону, русские путешественники «минухом Великую Луку и царев Сарыхозин улус... В четверток же пловуще минухом Бек-Булатов улус... в неделю же шестую, Слепаго, пловуще минухом Ак-Бугин улус»⁵⁸. По-видимому, здесь речь идет о мелких административных единицах — «районах», во главе которых стояли тысячники. Судить о размерах этих единиц трудно, но все же их можно представить, если учесть, что путе-

⁴⁹ Там же, стр. 249.

⁵⁰ Там же, стр. 328.

⁵¹ Там же, стр. 250.

⁵² Там же. Т. II, стр. 141.

⁵³ Там же. Т. I, стр. 303.

⁵⁴ Там же, стр. 193.

⁵⁵ Там же, стр. 168.

⁵⁶ К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 31.

⁵⁷ Ко времени хана Ахмеда эти «области» под влиянием центробежных сил, видимо, действительно превратились в полусамостоятельные по отношению к центральной власти орды.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 11. М. 1965, стр. 96.

шественники проплывали территорию «района» за один-два дня. Особые административные единицы представляли золотоордынские города, в каждом из которых был поставлен начальник⁵⁹. Должность начальника являлась не только чисто административной, так как тот или иной город закреплялся за ним на правах лена.

При рассмотрении административного устройства Золотой Орды нельзя не обратить внимание на такой традиционный для монголов обычай, как разделение всей территории государства на два крыла (правое и левое). Анализ имеющихся в нашем распоряжении письменных источников позволяет прийти к заключению, что разделение всего государства и населения на крылья существовало у центральноазиатских кочевников задолго до образования империи Чингисхана. В созданном им государстве также был применен этот принцип. На первой стадии существования государства монголов подобная внутренняя структура удовлетворяла потребность в административно-территориальной организации. В дальнейшем, с развитием государственности и ростом территории, наблюдается постепенное утрачивание закрепленных за крыльями административно-территориальных функций. Это было связано в первую очередь с усложнением административной системы и бурным развитием чиновничьего аппарата. Достаточно примитивный древний кочевнический принцип перестал соответствовать во многом усложнившейся государственной жизни и только мешал ее развитию.

В источниках по истории Золотой Орды правое и левое крыло упоминаются, причем, как правило, всегда в сочетании с термином «оглан», который обозначает принадлежащего к царствующей фамилии царевича⁶⁰. Например, ярлык Тимур-Кутлуга начинается с фразы: «Правого крыла левого крыла огланам»⁶¹. В том случае, если бы огланов было только двое, можно было бы допустить, что они стоят во главе крыльев войска и возглавляют соответственные административные единицы. Однако в летописях приводится факт, когда Тохтамыш послал к Тебризу армию в 9 туманов «с 12 огланами Джучиева рода»⁶², то есть огланы занимали в армейских соединениях не всегда высокие командные посты. Это же подтверждается и ярлыком Саадат-Гирея, в котором говорится: «Великого улуса правого крыла левого крыла тьмой, тысячью, сотней, десятком начальствующим огланом»⁶³. Отсюда явствует, что царевичи-огланы занимали самые разнообразные посты в армии и имели соответствующие этим должностям владения, пользуясь при этом всеми привилегиями членов царствующего дома. Таким образом, традиционное деление на правое и левое крыло в Золотой Орде сохраняется только в отношении воинских соединений. В административной структуре государства оно было заменено более удобным подразделением на четыре основные территориальные единицы, возглавляемые улусбеками.

Таким образом, специфические условия, в которых происходило становление и развитие Золотой Орды как государства, постепенно рождали новые формы общественной и государственной жизни, оттесняя традиционные кочевнические обычаи монголов. В связи с этим возникает вопрос о существовании курилтаев в Золотой Орде. Источники очень часто упоминают об этих своеобразных съездах правящего рода, происходивших при Чингисхане и продолжительное время после его смерти. Но с окончательным разделением империи монголов на самостоятельные во всех отношениях государства сведения о курилтаях встречаются все реже и, наконец, совсем исчезают из источников. Необходимость в этом институте, носившем в значительной степени догосу-

⁵⁹ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч. Т. I, стр. 284, 287; т. II, стр. 141.

⁶⁰ И. Н. Березин. Очерк внутреннего устройства..., стр. 426.

⁶¹ И. Н. Березин. Тарханные ярлыки Тохтамыша..., стр. 10.

⁶² В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч. Т. II, стр. 151.

⁶³ И. Н. Березин. Тарханные ярлыки Тохтамыша..., стр. 21.

дарственный военно-демократический характер, отпадает с появлением наследственной монархии. В Монголии, где были более сильны кочевнические традиции, курилтай собирались вплоть до воцарения Хубилая, официально основавшего Юаньскую династию и утвердившего новую систему наследования престола — без предварительного обсуждения кандидатуры наследника на общем съезде членов правящей фамилии.

В имеющихся источниках нет конкретных сведений о том, что в Золотой Орде проводились курилтай. Правда, при описании отречения от престола Тудамэнгү сообщается, что с этим согласились «жены, братья, дяди, родственники и приближенные»⁶⁴. Очевидно, для обсуждения данного экстраординарного случая было созвано специальное совещание, которое можно считать курилтаем. В другом месте сообщается о предложении Ногая Токте собрать курилтай для решения возникшего между ними спора⁶⁵. Однако предложение Ногая не было принято. Он в данном случае выступает как носитель отживающих традиций, которые не находят поддержки у хана нового, более молодого поколения. После этого случая источники по истории Золотой Орды больше не упоминают о курилтаях, так как изменения, происшедшие в административной и государственной структуре, свели на нет роль традиционного кочевнического института. Отпала необходимость созывать из разбросанных кочевий родовитых князей, большинство которых занимало теперь важные государственные посты. Имея в постоянной столице правительство, состоящее из представителей царствующего рода и крупнейших феодалов, хан больше не нуждался в курилтаях. Обсуждение важнейших государственных вопросов он мог проводить, собирая по мере надобности высших административных и военных чиновников государства. Что же касается такой важной прерогативы, как утверждение наследника, то теперь она стала исключительно компетенцией хана. Впрочем, особенно со второй половины XIV в. куда большую роль играли в сменах на престоле дворцовые заговоры и всеильные временщики.

Таким образом, при организации управления огромной многонаселенной территорией перед монголами возник ряд задач, разрешение которых требовало отказа от привычных кочевнических традиций. Однако структура государственного управления и административного деления Золотой Орды сохранила военно-феодальную сущность, заключенную в новые формы лишь чисто внешне. Крупные монгольские феодалы, заняв высокие государственные посты, приобретя еще большую власть и влияние во внутривосточной жизни государства, открыто высказывали сепаратистские тенденции. Закономерным результатом этого явилась «великая замятня», начавшаяся в 1360 г. и ввергшая государство в 20-летний период хаоса и политической неразберихи. Блестяще воспользовавшись этим, Дмитрий Донской одержал победу над державшими в страхе всю Европу золотоордынскими армиями.

⁶⁴ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч. Т. I, стр. 105—106.

⁶⁵ Там же. Т. II, стр. 71.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В КРЕСТЬЯНСКОМ ДВИЖЕНИИ ПОЛЬШИ (1944—1949 гг.)

В. С. Парсаданова

Победа народной революции в июле 1944 г., установление власти трудящихся в Польше явились результатом усилий объединившихся вокруг Польской рабочей партии (ППР) революционных и последовательно демократических сил. В строительстве новой, народной Польши, начало которому положило образование Польского комитета национального освобождения (ПКНО), участвовало левое, радикальное крыло крестьянского движения. Участие в строительстве народной Польши открыло новую страницу в истории польского крестьянства. В союзе с рабочим классом оно пришло к власти, стало ответственным за дальнейшие судьбы страны и народа.

Изучение политической истории польского крестьянского (людовского) движения ведется особенно активно после создания в 1950 г. в Польской Народной Республике Института истории крестьянского движения и издания им «Ежегодников истории людовского движения». В руках исследователя имеются программные документы всех политических направлений польского крестьянства за 1886—1959 гг. и специальный сборник документов, отражающий борьбу коммунистов и радикальных людовцев за укрепление рабоче-крестьянского союза в 1944—1949 гг., материалы объединительного съезда крестьянских партий 1949 г. и другие¹. Весьма интересны мемуарная литература и публицистика, относящиеся к рассматриваемому периоду². По общим проблемам истории крестьянского движения в польской историографии можно назвать два труда, разделенных почти двадцатилетним промежутком. Конкретно интересующей нас темой занимается Р. Халаба³. В советской исторической литературе политическая история польского крестьянства, сложный путь его перехода на социалистические позиции

¹ «Programy Stronnictw Ludowych. Zbiór dokumentów». Warszawa. 1969; «W walce o sojusz robotniczo-chłopski. Wybór materiałów i dokumentów. 1944—1949». Warszawa. 1963; S. Ignar. Droga rozwoju społeczno-gospodarczego wsi w Polsce. Referat wygłoszony na Kongresie Zjednoczenia ruchu ludowego. Warszawa. 1950; W. Kowalski. Podstawy programowe Zjednoczonego Stronnictwa Ludowego (ibid); J. Niećko. Podstawy programowe Zjednoczonego Stronnictwa Ludowego (ibid.); «Podstawy zjednoczenia ruchu ludowego» (Warszawa). 1949; «Przyczyny ucieczki Mikołajczyka. Zatajony dokument, rewelacyjne zeznania». Poznań. 1947.

² Cz. Wysech. Z myślą o Polsce Ludowej. Warszawa. 1959; A. Korzycki. SL-Wola Ludu. Warszawa. 1962; K. Banach. Z dziejów Batalionów chłopskich. Wspomnienia. Rozważania. Materiały. Warszawa. 1967; W. Kowalski. Wybór pism publicystycznych. Warszawa. 1967; J. Niećko. Na drodze do Polski Ludowej. Wybór pism z lat 1945—1949. Warszawa. 1967; «Wspomnienia weteranów ruchu ludowego. Praca zbiorowa». Kraków. 1968.

³ T. Rek. Ruch ludowy w Polsce. T. I—III. Warszawa. 1947; «Drogi rozwoju ruchu ludowego 1895—1949—1964». Warszawa. 1964; R. Halaба. Stronnictwo Ludowe 1944—1946. Warszawa. 1966.

освещались главным образом в общих работах по истории Польши и политике ПОРП (ППР)⁴ и не были еще предметом специального рассмотрения.

В июле 1944 г. существовало два политических центра в людовском движении. Группа «Стронництво Людове» (СЛ)—«Воля Люду» стояла за союз с ППР, за признание ее руководящей роли, за разрыв с буржуазными партиями и союз с рабочим классом⁵. Эта часть людовцев представляла те слои крестьянства, которые сразу же включились в строительство новой жизни. Вера в «старых», «крестьянских» вождей, влияние их социальной демагогии привели к тому, что часть трудового крестьянства вопреки своим коренным интересам шла еще за «РОХ-овцами» — политическими лидерами, которые поддерживали буржуазно-помещичье лондонское эмигрантское правительство во главе с правым людовцем С. Миколайчиком.

Правые людовцы участвовали в попытках эмигрантского правительства захватить власть в освобождаемых Советской Армией районах, в создании двоевластия, то есть параллельного функционирования органов ПКНО и делегатуры лондонского лагеря, которое продолжалось фактически до 10—12 августа 1944 г., когда делегатура была разгромлена революционными силами, а формально до июня 1945 г. — до ликвидации эмигрантского правительства. После освобождения страны руководство СЛ—РОХ осталось в подполье и продолжало сотрудничать с органами эмигрантского правительства: делегатурой и Радой единости народовой (РЕН)⁶. Военные отряды этой партии — «батальоны хлопске» — по-прежнему подчинялись командованию Армии Крайовой (АК). Это свидетельствовало о том, что руководство СЛ—РОХ сохраняло союз с буржуазными и правосоциалистическими силами и несло ответственность за деятельность наиболее реакционных отрядов АК, начавших вооруженную борьбу против народной власти. Летом 1944 г. СЛ—РОХ имела большее влияние на крестьянство, чем радикальные людовцы (на ее стороне были традиции, старые кадры, деньги). Она была крупнейшей политической группировкой «лондонского» лагеря.

Перед крестьянским движением с первых дней новой власти встали два важнейших вопроса: вопрос о политической ориентации и вопрос о земле, об отношении к аграрной реформе, которую провозгласил ПКНО. Инициативу возрождения крестьянской партии взяли на себя радикальные людовцы. Состоявшийся 17—18 сентября 1944 г. в Люблине съезд СЛ — «Воли Люду» официально подтвердил факт существования и начало легальной деятельности радикальной крестьянской партии. Съезд заявил, что программа ПКНО соответствует интересам крестьянства и поэтому возрождаемая партия полностью его поддерживает и «стоит на общественных и политических позициях Манифеста Польского Комитета Национального Освобождения от 22 июля 1944 г.». Партия приняла традиционное наименование «Стронництво Людове». Съезд призвал руководство партии вернуть СЛ ее радикальный демокра-

⁴ См., например, «Очерки истории Народной Польши». М. 1965, стр. 143—191, 548—555.

⁵ «W walce o sojuz robotniczo-chlopski», s. 24.

⁶ В состав РЕН, кроме СЛ—РОХ, входили буржуазные партии Стронництво Народове и Стронництво Праци, руководство антисоветской, антикоммунистической части довоенной Социалистической партии, так называемой ВРН («Вольность, Рувность, Неподлежность»), а также вступившие в РЕН перед самым началом освобождения Польши небольшие санационные организации и представители католической церкви. Имеются многочисленные факты, свидетельствующие о недовольстве низов СЛ—РОХ политикой руководства и их требовании установить сотрудничество с Крайовой Радой Народовой, а затем с ПКНО. На местах подобные связи широко практиковались. Группа «Воля Люду», обособившаяся в феврале 1944 г., выросла из оппозиции руководству СЛ—РОХ (ср. N. Kolomejczyk, B. Syzdek. Polska w latach 1944—1949. Warszawa. 1968, s. 35).

тический дух. Однако СЛ не проводила линии на решительное классовое размежевание двух течений в крестьянском движении, стремилась к сохранению видимости единства крестьянства, к соглашению с РОХ, вернее, с теми массами, которые шли за ним. Подобная позиция согласовывалась со стремлением ППР и Крайовой Рады Народовой ликвидировать органы делегаттуры, создать единое польское правительство, привлечь все крестьянское движение на свою сторону.

В вопросе об аграрной реформе людовское движение не было единым. Необходимость ликвидации помещичьего землевладения признавали оба направления. Разногласия шли по линии: когда делить, как делить — «по закону» или путем самочинного захвата. Следовало учитывать и экономическую сторону и политические аспекты, которые в 1944 г. определяли подход к разрешению проблемы и сроки проведения реформы. Вопрос стоял так: кто даст крестьянству землю, тот и поведет его за собой. Аграрный вопрос определял в значительной степени вопрос «кто кого?», то есть вопрос о власти. При выработке аграрной программы народной власти ППР учла пожелания людовцев, даже их правого крыла — СЛ — РОХ — о ликвидации помещичьих имений свыше 50 гектаров. Установленная граница не затрагивала интересов польского кулачества. Борьба внутри крестьянства и его политических организаций шла за величину наделов и сроки проведения реформы. Съезд СЛ счел, что надел до 5 га, предложенный ПКНО, слишком мал, чтобы создать благоприятные перспективы для экономического развития деревни. Поддержав проведение реформы по программе ПКНО, съезд заявил, что впоследствии аграрную реформу следует «улучшить»⁷. Часть руководства партии предлагала наделы в 10—12 гектаров. Но программа ПКНО, то есть наделы до 5 га, была одобрена бедняками, о чем свидетельствовали, например, съезды людовцев Жешовщины. СЛ — РОХ стояла за создание хозяйств в 20 и более га⁸ и передачу помещичьей земли не беднякам, а «крепким хозяйствам» для увеличения их угодий до «нормы». Что касается сроков, то СЛ соглашалась на немедленное проведение реформы органами государственной администрации. СЛ — РОХ предлагала отложить реформу на послевоенное время и проводить ее по решению Законодательного Сейма.

ППР понимала, что для того, чтобы рассеять недоверие крестьян, которых неоднократно обманывали буржуазные правительства, надо дать им землю немедленно, что откладывать реформу до полного освобождения страны политически нецелесообразно, так как это могло бы если не погубить, то по крайней мере осложнить судьбы революции. 6 сентября 1944 г. ПКНО опубликовал декрет о предоставлении земельной реформы⁹ и передаче земли безземельным и малоземельным крестьянам, а также многосемейным середнякам в частную собственность. Конкретное проведение аграрной реформы, которой ППР сумела придать характер аграрной революции, проводимой совместно рабочим классом и крестьянством, можно разделить на три этапа. Первый этап — в 1944 г. на территории так называемой Люблинской Польши, второй — весной 1945 г. на старых землях левобережья Вислы и третий — заселение и освоение воссоединенных земель (1945—1950 гг.). При разделе помещичьих земель в 1944 г. в связи с острой нехваткой ее для всех имевших право на ее получение преобладал, если можно так выразиться, политический фактор: стремились дать землю как можно большему числу хозяйств, связать их с народной властью, поэтому практически почти все

⁷ «W walce o sojusz robotniczo-chlopski», s. 31.

⁸ См. Cz. Madajczyk. Sprawa reformy rolnej w Polsce. Programy. Taktyka. Warszawa. 1961, s. 184—185.

⁹ «Основные законодательные акты Народно-Демократической республики Польши». М. 1950, стр. 124—134.

наделы были меньше 5 гектаров. Этот вариант раздела удовлетворил прежде всего беднейшее крестьянство.

В 1945 г., учитывая наличие больших помещичьих имений на левобережье Вислы, ППР основное внимание обращала на экономическую сторону, на создание рентабельных хозяйств. В тех районах, где был значительный запас земли, разрешалось создавать хозяйства в 7—8 га, на западных землях — до 15 га, а для скотоводческих хозяйств — до 20 га, то есть раздел земли в 1945 г. производился полностью в соответствии с пожеланиями Стронництва Людового. К началу весеннего сева 1945 г., как и требовала ППР, аграрная реформа на «старых землях» в основном была закончена. На 15 июля 1945 г. было разделено 1 116 787 га, которые получили 372 293 семьи (1,7 млн. человек). Вновь было создано 154 726 хозяйств¹⁰.

Всего в ходе аграрной реформы в руки крестьян перешло 6 млн. га земли. До войны же все польское крестьянство, проживавшее на территории теперешних «старых земель», имело 5,5 млн. гектаров¹¹. Треть всех хозяйств страны получила наделы или увеличила уже имевшиеся. Крестьянство было освобождено от долговых обязательств банкам, помещикам, кулакам. Аграрная реформа ликвидировала все остатки феодальных пережитков и крупное капиталистическое землевладение. В результате аграрной реформы деревня стала средняцкой. Исчезло основное противоречие в ней — между помещиками и крестьянами. На первый план выступили социальные и классовые различия в самом крестьянстве, то есть была ликвидирована почва для аграризма — идеологии правых людовцев¹².

Аграрная реформа сыграла важную роль в укреплении народной власти. Вместе с национализацией промышленности и банков она создала социально-экономические основы новой Польши, обеспечила ей активную поддержку значительных слоев крестьянства. Ее следствием был рост политической сознательности крестьянства, которое убедилось, что только рабочий класс на деле является защитником его интересов. Ряды СЛ значительно выросли.

Аграрная реформа привела к дальнейшему падению влияния эмигрантского правительства. Армия Крайова распалась. Большинство людовцев из СЛ — РОХ отошло от лондонского блока, хотя они не все еще были готовы принять сторону народно-демократических сил. На полный организационно-политический разрыв с лондонским лагерем руководство партии пошло лишь весной 1945 года. Этот разрыв прошел через три этапа: ноябрь 1944 г. — отставка С. Миколайчика и уход его сторонников из эмигрантского правительства; март 1945 г. — решение

¹⁰ W. Góga. Walka PPR o podział ziemi obszarnczej. Warszawa. 1962, s. 240.

¹¹ «Очерки истории Народной Польши», стр. 187.

¹² Аграристические концепции появились в Польше в начале XX века. Основными тезисами аграризма были: основу национальной экономики составляет сельское хозяйство, основой аграрной структуры являются мелкие, самостоятельные крестьянские хозяйства, промышленность должна лишь обслуживать деревню; крестьянство является главной социально-политической силой нации и само способно построить социальный строй в стране; город и рабочий класс — силы, враждебные крестьянству. Сторонники аграризма отрицали революционные методы решения социальных вопросов, проповедовали легализм и законность, стояли за крестьянский сепаратизм, отрицали классовые различия в крестьянстве. Они считали, что Народная Польша будет создана путем воспитания и перевоспитания народа, а также кооперации. В программной декларации Объединенной крестьянской партии, принятой в 1959 г., говорится, что «аграризм был идеологией, отталкивающей крестьянское движение от революционной борьбы рабочих и крестьян против помещичье-капиталистического строя. На путях аграризма нельзя было разрешить аграрного вопроса и выполнить крестьянские требования построения Польши социальной справедливости. Это была идеология «третьей силы». Ее сутью был союз крестьян с мелкой буржуазией и борьба на два фронта — с диктатурой крупной буржуазии и революционным рабочим движением». «Programy Stronnictw Ludowych», s. 415.

о выходе СЛ — РОХ из подполья и, наконец, май 1945 г. — выход из РЕН, то есть формальный разрыв с органами эмигрантского правительства в стране.

Переговоры между представителями КРН и ПКНО, с одной стороны, и Миколайчиком — с другой, которые дважды проходили в Москве, в августе и октябре 1944 г., закончились безуспешно: Миколайчик и СЛ — РОХ не признавали программу ПКНО и новую польскую действительность, в том числе новые восточные границы страны. В апреле 1945 г. Миколайчик заявил о согласии СЛ — РОХ признать линию Керзона. Руководство СЛ — РОХ отказалось таким образом от довода, выдвигавшегося им на рубеже 1943/44 г. в качестве причины отказа участвовать в КРН. Это создало предпосылки для соглашения между всеми течениями людовского движения и включения их в строительство Народной Польши. Если возвратиться к политическому развитию радикального крыла людовцев, то следует признать, что начало деятельности СЛ в новых, легальных условиях было трудным и сложным. В стране шла ожесточенная политическая и классовая борьба, в ряде районов переходившая в гражданскую войну. Следует учитывать и двойственную природу самого крестьянина — и труженика и собственника: над ним тяготели традиционные связи с буржуазией, духовная власть ксендза и просто невежество и неграмотность. В классовом и политическом отношении партия была еще не совсем оформившейся организацией. Ее развитию мешало существование в подполье СЛ — РОХ. Часто на местах политическая ориентация крестьян, их принадлежность к СЛ или СЛ — РОХ определялись позицией и партийной принадлежностью популярного местного людовского деятеля.

После полного освобождения страны в марте 1945 г. в Лодзи был созван общепольский съезд «Стронництва Людового». На нем были представлены Главное правление СЛ — «Воля Люду» периода оккупации, Главное правление СЛ, действовавшее на освобожденных в 1944 г. территориях, делегаты освобожденных в 1945 г. воеводств. Они представляли все идейные направления людовцев, в том числе и рядовых членов СЛ — РОХ. Преобладали радикальные элементы. На съезде была сделана попытка консолидации различных течений и групп крестьянского движения в составе одной партии на основе программы ПКНО. Съезд призвал всех людовцев выйти из подполья и активно включиться в строительство Народной Польши в рядах возрожденного СЛ. Ставя вполне законно вопрос о единстве крестьянского движения, правое крыло СЛ, однако, стремилось достичь соглашения с Миколайчиком без изменения политической линии РОХ. В то же время левое крыло понимало единство крестьянского движения сектантски, не проводило различия между рядовыми членами РОХ и миколайчиковской верхушкой, не учитывало процессов радикализации, происходивших в РОХ по мере укрепления народной власти. Идейную, пропагандистскую, воспитательную работу руководство СЛ часто подменяло администрированием, репрессиями (исключением из партии и т. д.)¹³. На съезде был избран общепольский Главный совет партии и Главный исполнительный комитет. Состав этих органов подчеркивал преемственность между СЛ и «Волей Люду». В целом можно сказать, что съезд прошел при явном преобладании радикальных элементов. Таким же было в тот момент положение во всей партии. «Стронництво Людове» из подпольной организации стала единой общепольской массовой партией, насчитывавшей 200 тыс. членов. Для сравнения следует сказать, что до войны все людовское движение располагало таким же количеством членов¹⁴.

¹³ «Roczniki dziejów ruchu ludowego». 1959, № 1, s. 75; «W walce o sojusz robotniczo-chłopski», s. 64—65.

¹⁴ Cz. Wyciecz. Op. cit., s. 243.

Начавшееся весной 1945 г. массовое вступление выходящих из подполья роховцев в СЛ значительно изменило расстановку сил в партии, привело к активизации ее правого крыла. Правые повели борьбу за захват руководящих постов, за отстранение радикальных людовцев, за овладение руководством СЛ. Опасность становилась тем большей, что миколайчиковцы, несмотря на решение о выходе из подполья, сохраняли свои конспиративные организации. Все это привело к кризисным явлениям в партии. В СЛ начались выступления против союза крестьянства с рабочим классом, против ППР и единства действий партий Национального фронта. Примерно с апреля 1945 г. на этой почве возникли трения в отношениях между ППР и СЛ.

От успеха сотрудничества ППР и СЛ зависели отношения рабочего класса с многомиллионным крестьянством, составлявшим почти две трети населения страны. Вопрос стоял о рабоче-крестьянском союзе — основе возрождавшегося государства. Вместе с тем отношения между двумя партиями определялись в значительной мере и политикой ППР, ее местных организаций, степенью их политической зрелости, терпимости, пониманием тактики марксистских партий в разрешении крестьянского вопроса, задач Национального фронта, способностью и возможностью вести разъяснительную работу в деревне, умением помочь людовцам преодолеть колебания, некоторую инертность и медлительность крестьянства, не объявлять крестьян «черной реакцией», если они не могли сразу принять то или иное положение, выдвигаемое ППР. Не всегда правильной была политика ППР в отношении середняка. Были факты отстранения людовцев от равного участия в демократических органах или «командования» ими, факты ограничения их политической и организационной самостоятельности¹⁵, наблюдавшиеся со стороны некоторых местных организаций ППР, которые в результате успешного проведения аграрной реформы и национализации промышленности стали считать, что одна ППР может разрешить все проблемы. Подобное сектантство было решительно осуждено на майском пленуме ЦК ППР (1945 г.) и признано главной опасностью, которая могла помешать связям партии с массами, укреплению Национального фронта.

С другой стороны, СЛ не добились еще широкого признания своих руководителей, не выработала своих форм и методов работы, учитывавших как интересы трудового крестьянства, так и новую польскую действительность¹⁶. Часто она копировала практику ППР, ее методы, лозунги, обращенные к рабочему классу, что было непонятно крестьянам и вызывало их сопротивление. В результате в мае 1945 г. ЦК ППР был вынужден констатировать, что руководство СЛ изолировалось от масс, не овладело положением на местах. Среди причин, вызвавших трудности в крестьянском движении, следует назвать также послевоенную хозяйственную разруху. Государство еще не могло оказать деревне ту помощь, в которой она нуждалась для восстановления сотен тысяч разрушенных хозяйств (около 400 тыс. дворов), в освоении наделов, полученных по реформе, в распашке заброшенных земель и восстановлении поголовья скота.

Вступление страны на путь мирного развития, завершение экспроприации капиталистов и помещиков — все это привело к изменению расстановки классовых сил в стране. Прежде всего активизировалась мелкая буржуазия, в основном кулачество, стремившееся помешать дальнейшему углублению революционных процессов. Хотя значительная часть крестьянства благодаря аграрной реформе прочно связала свою судьбу с Национальным фронтом, с народной властью, у части крестьян под влиянием кулацкой агитации и запугивания «коллективизацией»,

¹⁵ Archiwum Zakładu Historii Partii (далее — AZHP), 295/II—2.

¹⁶ «Roczniki...», 1959, № 1, s. 82.

«советизацией» и т. п. появились колебания, боязнь дальнейших преобразований. Крестьянство (да и все население страны) внимательно следило за ходом переговоров с Миколайчиком, обсуждало решения Крымской конференции глав правительств СССР, Англии и США и реагировало на все нюансы позиции «большой тройки» по польскому вопросу. Зажиточные слои деревни связывали с возвращением в страну эмигрантских политиков надежды на установление угодных им порядков. Они заявляли, что только Миколайчик гарантирует крестьянству собственность на землю и ее неприкосновенность, ускорит экономическую и политическую стабилизацию страны. Учитывая культивировавшиеся десятилетиями традиции аграризма с его антикоммунизмом, антисоветизмом, крестьянским сепаратизмом и теорией «третьей силы», сильное еще влияние «лондонского» лагеря, главным фактором в изменении настроений крестьянства все-таки следует считать политический фактор, прежде всего активизацию правого крыла людовцев в связи с предполагаемой реорганизацией Временного правительства.

В мае 1945 г. состоялось заседание Главного исполнительного комитета СЛ и фракции СЛ в КРН, которые рассмотрели положение в крестьянском движении, нарушение местными организациями принципов рабоче-крестьянского союза и сотрудничества между людовцами и ППР. Несмотря на принятые меры, левой части руководства не удалось в полной мере воспрепятствовать деятельности правых в партии. В СЛ назрел кризис. Выражением его был вопрос о политической линии партии и принципах объединения крестьянского движения. Наметился раскол между сторонниками радикальной политики и сторонниками Миколайчика. Фактически в СЛ назрело классовое размежевание, что в целом было положительным явлением, хотя конкретное разрешение противоречий в этой партии между различными группами крестьянства потребовало от ППР и народной власти серьезных усилий и явилось проверкой силы и прочности нового строя.

Создание правительства Национального единства (июнь 1945 г.) способствовало укреплению народной власти. Оно сняло все внешнеполитические препятствия на пути развития народной демократии. Было ликвидировано эмигрантское правительство, распущены все его организации в стране, ППР удалось достичь цели, поставленной при создании КРН, то есть включить в состав Национального фронта все течения людовцев и социалистов. Теперь необходимо было убедить массы, верившие Миколайчику, который стал заместителем премьер-министра, в правоте линии ППР и добиться фактического единства Национального фронта, крестьянского движения, а следовательно, политической изоляции Миколайчика и его сторонников.

Из материалов ППР, в частности стенограмм ее майского и июльского пленумов, следует, что в тот период она стояла за сохранение единой крестьянской партии. ЦК ППР полагал, что Миколайчик может принять условия объединения, предложенные СЛ. ППР считала, однако, что защита радикального СЛ — это дело всего Национального фронта, который не может допустить, чтобы руководство крестьянским движением захватили реакционеры. Учитывая возможность легализации РОХ как самостоятельной партии, ЦК ППР стремился не допустить, чтобы инициатором раскола явилась СЛ¹⁷. 12 июля состоялось совместное заседание ЦК ППР и ЦИК ППС, в основном посвященное положению в крестьянском движении, на котором ППР ознакомила социалистическую партию со своей точкой зрения.

Миколайчик, не выступая против принципа единства крестьянского движения, начал переговоры с СЛ. В руководстве СЛ не было единого мнения об условиях соглашения с РОХ и вступления Миколайчика

¹⁷ AZHP, 295/II—3.

в партию. Председатель Исполкома СЛ Баньчик соглашался на предложения Миколайчика об отстранении от руководства будущей объединенной партией левых типа В. Ковальского¹⁸ и оставлении СЛ одной трети мест в объединенном руководстве. Баньчик был согласен не принимать политическую программу, что означало сохранение в силе довосной программы лудовцев или ее измененного варианта, одобренного в 1943 году. Оба варианта отвергали союз с коммунистами, с рабочим классом. Осуществление их было бы шагом к реставрации буржуазно-демократической Польши. Большинство членов Исполкома стояло за объединение лишь на основе программы СЛ — «Воля Люду», ставившей своей целью создание Народной Польши, и за формирование руководства партии на паритетных началах. Стронникам Миколайчика стало ясно, что всей СЛ им не овладеть, а политическая опора в стране была им необходима. Поэтому они одновременно продолжали кампанию за захват руководства в средних звеньях СЛ и собирали силы подпольного РОХ. Фактически в стране начали действовать две партии под одним наименованием, но с различными политическими взглядами.

Стронники Миколайчика в радикальном СЛ начали агитацию за переход на сторону СЛ — РОХ целых организаций этой партии. К раскольникам перешли руководства воеводских организаций СЛ в Познани, Быдгощи, Вроцлаве и Лодзи, а также ряд поветовых, например, в Краковском воеводстве¹⁹, то есть те организации РОХ, которые весной вошли в СЛ. Большое значение имел тот факт, что формально во главе СЛ — РОХ стоял вице-президент КРН В. Витос²⁰. Средний крестьянин не разбирался в характере организации, но имени В. Витоса или Ю. Нечко²¹ для него было достаточно, чтобы вступить в СЛ — РОХ (Миколайчик пользовался популярностью среди несельской мелкой буржуазии, средних слоев города, которые в нем видели доверенное лицо западных держав). Агитацию в поддержку миколайчиковцев повела католическая церковь. Возникла реальная угроза, что объединение крестьянского движения может произойти на враждебных народной власти основах. Такое положение вынудило ППР изменить тактику. 8 августа 1945 г. Секретариат ЦК ППР решил допустить легализацию партии Миколайчика. Одновременно было дано указание всем партийным организациям оказывать помощь радикальной СЛ, помогать ей выявить свое идеологическое лицо, развить в ней чувство значимости ее политических достижений, решительней подчеркивать водораздел между СЛ и миколайчиковцами. Политбюро ЦК ППР 22 августа 1945 г. подтвердило правильность подобной тактики и указало на необходимость разоб-

¹⁸ В. Ковальский (1894—1958 гг.) — сын сельскохозяйственного рабочего, журналист, писатель, деятель «Самопомочи» — крестьянской организации, сотрудничавшей с Компартией Польши; один из руководителей СЛ — «Воля Люду»; министр культуры и искусства в 1945—1947 гг., в 1947—1952 гг. маршал Сейма. См. W. Kowalski. Wybór pism publicystycznych, а также: «Przywódcy ruchu ludowego». Warszawa. 1968, s. 124—137.

¹⁹ AZHR. 295/IX—172.

²⁰ В. Витос (1874—1945 гг.) — популярный деятель лудовского движения, руководитель ПСЛ—Пяст, неоднократно премьер-министр в 20-е годы, затем деятель Центролева, узник санации. В годы оккупации отказывался от какого-либо сотрудничества с фашистами, сидел в гестаповском застенке. Польский историк Я. Борковский утверждает, что между Миколайчиком и Витосом были политические разногласия, что Витос встал на позиции признания новой польской действительности и дружбы с СССР. «Polska Ludowa». T. I. Warszawa. 1962, s. 86—87; см. также «Przywódcy ruchu ludowego», s. 349—379.

²¹ Ю. Нечко (1891—1953 гг.) — сын бедного крестьянина, самоучка, сидел в царских тюрьмах, в дни Октября 1917 г. был в Москве. Один из создателей молодежной организации «Вици» и ее руководитель. Журналист, писатель, издатель, идеолог аграризма в его левых формах. В годы второй мировой войны один из трех членов руководства РОХ, один из инициаторов создания «батальонов хлопских», их политический руководитель. См. J. Niecko. Na drodze do Polski Ludowej. Wybór pism z lat 1945—1949; «Przywódcy ruchu ludowego», s. 191—209.

лечения группы Баньчика в руководстве СЛ. В тот же день президиум КРН разрешил создать вторую крестьянскую партию под именем «Польске Стронництво Людове» (ПСЛ).

Идеологические и классовые позиции ПСЛ с предельной полнотой характеризует ее декларация²². Программа ПСЛ основывалась на теории аграризма. Она затушевывала классовые различия в деревне, пропагандировала крестьянский сепаратизм, противопоставляла деревню городу, крестьянина—рабочему, отрицала идею индустриализации страны как единственный выход для ликвидации избытка рабочих рук в деревне. В ее программе говорилось, что «мы выступаем против направлений, провозглашающих общественно-экономический и исторический материализм». ПСЛ требовала ревизии аграрной реформы и насаждения в деревне «крепких», то есть кулацких, хозяйств. Она хотела ликвидировать государственный (социалистический) сектор в польской деревне, претендовала на главенствующую роль в стране и монополию в государственной власти. «Поправки» к аграрной реформе, поддержка спекуляции и «частной инициативы», возвращение к традициям буржуазного парламентаризма, распространение политических свобод на реакционные элементы — все это означало бы социальный и политический регресс. Выступая против народной власти, подвергая сомнению социально-экономические реформы, программу июльского Манифеста, ПСЛ вознамерилась столкнуть Польшу с пути, на который она вступила в июле 1944 года. Даже после создания ПСЛ Баньчик продолжал настаивать на объединении людовцев любой ценой.

Левые силы приняли меры к ликвидации подобного положения. 5 сентября Главный исполнительный комитет СЛ одобрил идейно-политическую декларацию партии²³, которая обращалась к радикальным традициям польского крестьянского движения, подчеркивала необходимость рабоче-крестьянского союза, неизбежность проведенных социальных реформ, дружбы с Советским Союзом. Эта декларация была платформой, на которой СЛ была согласна на объединение крестьянского движения. Признавая значение промышленности в общей системе национальной экономики, «крестьянское движение,— говорилось в декларации,— будет стремиться к полному восстановлению и освоению промышленных центров и дальнейшему развитию промышленности с учетом всесторонней индустриализации деревни. Стремления связанного с ней растущего рабочего класса к дальнейшему развитию и укреплению демократических завоеваний найдут в объединенном людовском движении своего союзника». Декларация определила характер и цели СЛ, причем не только политические, но и социальные и классовые позиции радикальных людовцев. 23—24 сентября Главный совет СЛ сместил Баньчика с поста председателя Исполкома. После некоторых колебаний и попыток сколотить третью крестьянскую партию, что вызвало решительное противодействие ППР и ППС, Баньчик перешел в ПСЛ, где был одним из наиболее рьяных сторонников Миколайчика. Новое руководство СЛ наметило программу восстановления организаций в тех местностях, где они перешли к ПСЛ, выработало тактику борьбы против правых элементов в крестьянском движении, политические расхождения с которыми, как было определено, шли по трем основным пунктам: отношение к реакции, отношение к СССР и союзу с ним, отношение к рабоче-крестьянскому единству.

К осени 1945 г. процесс размежевания классовых сил в крестьянском движении был в основном завершен: СЛ стала представлять интересы трудящегося крестьянства, его бедняцко-средняцкие слои, ПСЛ — интересы кулачества. В октябре—декабре 1945 г. проходил рост ПСЛ,

²² «Programy Stronnictw Ludowych», s. 354—382.

²³ «W walce o sojusz robotniczo-chlopski», s. 76—83.

главным образом за счет СЛ, которая в сентябре—декабре 1945 г. переживала серьезный политический и организационный кризис. Так, в Варшавском воеводстве в ПСЛ перешло 80% различных организаций и органов СЛ. ПСЛ добилась преобладающего влияния на крестьянство в Краковском, Варшавском, Познанском и Жешовском воеводствах. Сильные позиции она имела в Быдгощском и отчасти Люблинском воеводствах. Однако, несмотря на все усилия, ПСЛ не удалось овладеть крупнейшей крестьянской организацией — Союзом крестьянской взаимопомощи, выросшей из комиссий по разделу помещичьей земли. В конце 1945 г. союз объединял 600 тыс. хозяйств и был надежной опорой политики ППР в деревне. Минимальные позиции были у ПСЛ на западных и северных землях, причем в городах, а не в деревне. Не имела она влияния в пролетарских центрах, например, в Силезско-Домбровском воеводстве²⁴.

Крестьяне еще не отдавали себе отчета в истинных целях политики руководства ПСЛ, поэтому в ней вначале оказались и радикально настроенные людовцы, положительно относившиеся к народной власти. Как правило, они спустя несколько недель или месяцев возвращались в СЛ²⁵. В начале 1946 г. ПСЛ еще продолжала расти, но уже не за счет деревни. В нее вливались городские буржуазные и мелкобуржуазные элементы, как их называли, — «крестьяне с Маршалковской»²⁶ (главная улица Варшавы).

Свою тактику борьбы против народной власти ПСЛ строила на создании напряженности в стране, сеянии различных слухов и сплетен, порицании мероприятий правительства, клевете на его представителей, гиперболизации любых ошибок и огрехов, использовании объективных экономических и политических трудностей. Она стремилась к изоляции ППР, расколу Национального фронта и фактическому восстановлению легальной деятельности партий Рады Едности Народовой. Своих союзников эта партия искала среди правых социалистов, бывших ВРН-овцев, среди поппелевской группы «Стронництво Праци»²⁷. ПСЛ старалась активизировать правые круги партии «Стронництво Демократычне» (выражавшей интересы части интеллигенции, ремесленников и других средних слоев города). Однако этого ей не удалось добиться. Ее союзником стали лишь католическая церковь и реакционное подполье.

Дезорганизовать политическую жизнь в стране ПСЛ была не в состоянии. Действовавшие солидарно представители рабочих партий имели большинство в правительстве. СЛ также твердо проводила политику союза рабочего класса и крестьянства. ПСЛ не смогла серьезно затруднить работу высших государственных органов, хотя на местах ее представители пытались извратить постановления народной власти. В органы же защиты государства — в государственную безопасность, милицию, внутренние войска, в политико-воспитательный аппарат Войска Польского ПСЛ-овские элементы практически не проникли. Не оказалось

²⁴ AZHP, 295/IX—127.

²⁵ «Roczniki...», 1962, № 4, s. 80—81.

²⁶ В начале 1946 г. в ПСЛ, по заявлениям ее руководства, насчитывалось 600 тыс. членов («Z dziejów Polski Ludowej». Warszawa. 1966, s. 283). Но следует учитывать и то, что ПСЛ нередко объявляла своими членами крестьян из СЛ («Roczniki...», 1962, № 4, s. 81). Численный состав партии непрерывно менялся. С декабря 1945 г.—января 1946 г. началась волна отлива из ПСЛ, которая непрерывно нарастала. Все приводимые цифры следует рассматривать как тенденции изменения численности партии. Ч. Выцех утверждает, что людовцы «в 1944—1949 гг. оперировали скорее цифрами сочувствующих, чем членов» (Cz. Wyścich. 70 lat ruchu ludowego. Warszawa. 1965, s. 111). В 1949 г. в Объединенной крестьянской партии оказалось 150 тыс. человек. В 1964 г. в ней было 326 тыс., в 1969 г.—391 тыс. человек («Nowe Drogi», 1969, № 5, s. 131).

²⁷ Буржуазная партия с клерикальным оттенком. В годы оккупации большая часть ее во главе с З. Фельчаком установила контакты с КРН. Правая часть во главе с К. Поппелем активно сотрудничала с эмигрантским лагерем, входила в правительство, делегатуру и РЕН.

для ПСЛ места и в органах управления промышленностью, в профессиональных союзах и, как уже говорилось, в Союзе крестьянской взаимопомощи. Государственный аппарат в целом стоял на защите завоеваний народа. Все это позволило уже осенью 1945 г. ликвидировать попытки реакционных элементов, вдохновляемых ПСЛ, подорвать социально-экономическую базу страны, сорвать проведение национализации промышленности и ревизовать аграрную реформу, возвратив хотя бы часть земли помещикам. Доказательством слабости сил реакции в стране был крах попыток ПСЛ воспрепятствовать принятию закона о национализации банков, средней и крупной промышленности (3 января 1946 г.), который юридически закреплял одно из основных мероприятий в построении социалистической Польши. Экспроприация крупного капитала и помещиков фактически исчерпала экономическую программу людовцев. Убедить крестьянство пойти с рабочим классом по пути дальнейшего углубления революции — такая задача вставала теперь перед ППР.

Кризис СЛ продолжался недолго. Уже в конце 1945 г. началось возрождение ее организаций. Даже в таких цитаделях ПСЛ, как Краковское и Познанское воеводства, при политической и организационной помощи ППР к началу 1946 г. было восстановлено большинство повестовых правлений СЛ, созданы воеводские правления. СЛ вновь начала расти, консолидироваться²⁸. Раскол крестьянского движения поставил перед ППР задачу выработать тактику действий, направленную на укрепление политической основы государства — единства рабочего класса, союза рабочего класса и крестьянства.

Возникновение ПСЛ, «партии легальной оппозиции», как охарактеризовал ее октябрьский пленум ЦК ППР 1945 г., было расценено как реальная угроза народной власти. ППР взяла курс на длительную и упорную идеологическую и политическую борьбу против ПСЛ. ППР считала, во-первых, что нельзя допустить образование партии, которая стояла бы правее ПСЛ; во-вторых, необходимо решительно бороться против влияния ПСЛ, для чего вынуждать ее деятелей высказывать свое отношение к антиправительственным выступлениям католической иерархии, к деятельности банд, показывать сотрудничество миколайчиковцев с подпольем, их враждебность к Советскому Союзу и т. д. В-третьих, разоблачать персонально Миколайчика и его сторонников как руководителей реакции, не критиковать всю партию, активизировать демократические элементы, оказавшиеся в ПСЛ, и, углубляя процессы расхождения между миколайчиковцами и подлинно демократическими элементами в крестьянском движении, помочь им одержать победу над правыми и объединить крестьянское движение под руководством его левого крыла — СЛ. Немалую роль должны были сыграть также административные меры, ограничивавшие деятельность и пропаганду ПСЛ в случае ее прямого выступления против существующего строя, компетенцию должностных лиц — членов ПСЛ, в том числе и министров. С другой стороны, придавалось большое значение активизации деятельности партий Национального фронта в деревне, широчайшей пропаганде на селе, разъяснению политики народной власти. Было решено также всеми средствами помогать СЛ как последовательно демократической силе в крестьянском движении укреплять ее позиции в рядах народных, государственной администрации, экономических организациях на селе (в кооперации, Союзе крестьянской взаимопомощи и т. д.). Гарантией успеха борьбы с ПСЛ, говорилось в решениях пленума, яв-

²⁸ А. Кожичкий, генеральный секретарь СЛ, говорил, что до кризиса в СЛ было 350 тыс. человек. После же раскола «большинство сознательных честных членов остались в партии» («Roczniki...», 1964, № 6, s. 332). Считается, что в конце 1945 г. в партии осталось около 280 тыс. чел. «Zarys historii polskiego ruchu robotniczego 1944—1947». Warszawa. 1961, s. 258.

ляется сплочение противостоящих ей сил, укрепление Национального фронта. Особенное внимание поэтому было уделено вопросам сотрудничества ППР и ППС, а также политике ППС в отношении крестьянского движения. В ходе межпартийной дискуссии, совместных заседаний ЦК ППР и ЦИК ППС коммунистам удалось убедить руководство и актив ППС принять их тактику борьбы против ПСЛ²⁹. Выработанная ЦК ППР программа была одобрена I съездом ППР в декабре 1945 года.

ППР стремилась в борьбе за укрепление государственного строя и восстановление экономической и культурной жизни страны объединить все силы народа, привлечь колеблющиеся средние слои, мобилизовать широчайшие массы на реализацию программы правительства. В целях сплочения всех демократических сил, изоляции реакционных элементов ППР решила пойти на выборы в Сейм в составе блока всех партий и профсоюзов и тем самым предотвратить обострение политической борьбы. Блок всех легальных партий, считала ППР, оказал бы влияние на ПСЛ, укрепил бы демократические элементы в этой партии и изолировал в ней реакцию, предотвратил бы создание противостоящего Национальному фронту блока между ПСЛ и реакционным подпольем.

Центральная согласительная комиссия партий Национального фронта 1 февраля 1946 г. поручила ППР и ППС провести переговоры с руководством политических партий и профсоюзов о конкретном воплощении в жизнь предложенной коммунистами программы. Руководства СЛ, «Стронництва Демократычного» и профсоюзов сразу же выразили согласие на выдвижение единых избирательных списков Национального фронта. Главари ПСЛ затягивали переговоры. Миколайчик всячески чернил народную власть, заявляя о своей несогласии с политическим развитием Польши и других стран народной демократии. Наконец, в ответ на решительное письмо ЦК ППР и ЦИК ППС руководству ПСЛ с требованием определить свои политические позиции, миколайчиковцы ответили 22 февраля 1946 г. ультиматумом, в котором потребовали передать им власть в стране³⁰. Естественно, что переговоры о блоке с ПСЛ прервались. Таким образом, ПСЛ оказалась в лагере контрреволюции.

Демократические силы начали широкое политическое наступление на позиции ПСЛ. Чтобы выяснить отношение населения к проведенным реформам, к власти, ППР выдвинула предложение провести референдум как этап подготовки к выборам. За него высказались все партии Национального фронта, кроме ПСЛ, для которой любая отсрочка выборов уменьшала шансы на победу. Итоги проведенного 30 июня 1946 г. референдума показали, что большинство населения поддерживает политику народной власти. Во многом они были следствием агитационной и пропагандистской кампании, организованной ППР. Более 450 тыс. агитаторов и пропагандистов провели десятки тысяч митингов, собраний, бесед, охвативших миллионы людей, практически всю деревню, весь город. В ходе подготовки к референдуму укрепилась связь ППР с СЛ, политическое влияние СЛ в деревне. В отчете комиссара по проведению референдума говорилось, что референдум был «великой школой сознательности и политической активизации всего народа»³¹. Политическая кампания, которую развернула ППР, сначала затормозила развитие ПСЛ, подорвала ее влияние, а затем привела к ее политическому и организационному краху.

Массовая пропагандистская работа продолжалась вплоть до выборов. Демократическому лагерю в его борьбе против ПСЛ помогало улучшение экономического положения в стране. В 1946 г. промышленность давала уже 73% довоенной продукции, а в 1947 г. превысила до-

²⁹ «Kształtowanie się podstaw programowych PPR. Wybór dokumentów». Warszawa, 1959, s. 512--513.

³⁰ AZHP, 295/VII—174; «Głos Ludu», 4.III.1946.

³¹ AZHP, 295/174.

военный уровень. Поставки из СССР позволили к июню 1946 г. преодолеть трудности с продовольствием. Это дало возможность ППР и СЛ войти в правительство с предложением о ликвидации обязательных сельскохозяйственных поставок, ограничивавших свободу торговли и тем вызывавших недовольство части крестьянства. В 1946 г. государственная промышленность дала деревне столько машин и инвентаря, сколько в 1938 году. Изменение уровня цен между промышленными товарами и сельскохозяйственными в пользу последних, выгодная крестьянству система налогов способствовали восстановлению деревни. Экономические причины недовольства части крестьянства исчезли. Улучшение экономического положения страны способствовало оздоровлению политических настроений в деревне, убеждавшей в правоте политики ППР и в выполнении государством своих обещаний. Государственный и политический союз между рабочим классом и крестьянством все более подкреплялся союзом экономическим.

В ПСЛ с самого начала выявились два течения: одно склонялось к союзу и взаимодействию с Национальным фронтом, руководимым ППР, к признанию его программы; второе тяготело к «улучшенным» формам господства имущих классов. Оппозиционные группы Миколайчика взгляды исходили в основном от представителей «батальонов хлопских» и рядовых членов партии — выходцев из деревни. Ход обсуждения вопросов о блоке и референдуме выявил существование в руководстве партии группы, которая с опасением наблюдала за изменением социального состава партии и политикой ее председателя, стремилась к соглашению с демократическим блоком. Эта группа заявила, что она не будет служить махинациям, враждебным людовскому движению³², и потребовала избрания нового Исполкома партии, который бы обеспечил достижение соглашения с ППР. Правое крыло ПСЛ добилось исключения оппозиционеров. Началось создание новой партии—ПСЛ — «Нове Вызволене». Так в ходе подготовки и проведения референдума оформился первый раскол в ПСЛ, выживший ее кризис. ПСЛ — «Нове Вызволене» активно сотрудничала с Национальным фронтом, вступила в межпартийные согласительные комиссии и пошла вместе с демократическим блоком на выборы³³.

Антипольская кампания в Англии и США, призывы к ревизии западных границ Польши, «холодная война» рассеяли заблуждения части населения страны относительно того, будто Запад — друг Польши, а ориентирующаяся на него ПСЛ защищает национальные польские интересы. Это, а также успехи экономического восстановления, ликвидация подполья и банд и восстановление с осени 1946 г. нормальных условий в большинстве районов страны ускорили изоляцию и кризис ПСЛ. Изгнание ПСЛ из органов управления, общественных и экономических организаций ограничивало поле деятельности ПСЛ и затрудняло ей доступ к общественной жизни. Усилился начавшийся еще весной переход ее организаций на конспиративное или полуконспиративное положение³⁴. Происходившее в ряде мест объединение организаций ПСЛ с подпольем вынуждало органы госбезопасности распускать организации ПСЛ (всего было распущено 38 организаций). После ре-

³² «W walce o sojusz robotniczo-chłopski», s. 186.

³³ «Нове Вызволене», оказавшаяся между СЛ и ПСЛ, не завоевала сильных позиций. Приблизительно через год партия раскололась. Часть ее во главе с Т. Реком, ранее заместителем генерального секретаря ПСЛ, сразу перешла в СЛ, вторая часть во главе с Б. Джевецким, несколько помедлив, заявила о самороспуске, рекомендовав своим членам вступить в СЛ или другие демократические партии. Некоторые авторы считают, что причиной непопулярности партии было ее ПСЛ-овское прошлое (J. Fałkowski. Ruch ludowy na Mazurach i Warmii 1945—1949. Warszawa. 1968, s. 152).

³⁴ «Polska Ludowa». Т. I, s. 105.

ферендума партия буквально распалась. Лишь за 4 месяца, с сентября по декабрь 1946 г., из нее ушло 300 тыс. членов, которые в большинстве перешли в СЛ³⁵. Уходили целые организации, воеводские правления. К концу 1946 г. численность левого крыла крестьянского движения приближалась к полумиллиону. Со второй половины 1946 г. СЛ имела уже явное политическое преобладание в деревне.

В 1946 г. происходил значительный рост и укрепление всех партий Национального фронта. ППР за этот год приняла в свои ряды 400 тыс. новых членов и выросла к концу 1946 г. до более чем 555 тыс. человек (23,2% из них — крестьяне). Крестьянская молодежь составляла почти половину насчитывавшего 165,9 тыс. «Союза борьбы молодых». Наблюдался значительный рост ППС. В октябре 1946 г. ППР и ППС заключили соглашение о единстве действий, что не только укрепило демократический лагерь, единство рабочего класса и его союз с крестьянством, но и явилось первым шагом к созданию единой марксистско-ленинской партии в Польше. Конец 1946 г. характеризовался консолидацией Национального фронта, прекращением внутренней борьбы в нем, достижением единства на деле, а не формального, которое было во время вступления в него Миколайчика и его сторонников. К концу 1946 г. те массы крестьянства, которые ранее шли за Миколайчиком, остались в составе фронта, приняли программу ППР и ее союзника СЛ, группа же Миколайчика была изолирована и исключена из состава Национального фронта и его органов (межпартийных согласительных комиссий и рад народных). До выборов в составе правительства оставалось лишь три министра — члена ПСЛ, из которых два были в оппозиции к Миколайчику.

Итоги выборов 19 января 1947 г. в Законодательный Сейм подтвердили переход подавляющего большинства населения на сторону Национального фронта. Борьба за крестьянство была выиграна. Победа на выборах, явившаяся кульминационным моментом классовых схваток в стране, завершила борьбу за учреждение народной власти, за победу социалистической революции, за установление диктатуры рабочего класса, окончательно решила вопрос «кто кого».

ПСЛ потерпела сокрушительное политическое поражение. Характерно, что своих немногих депутатов ПСЛ провела не в деревне, а в городах. За ПСЛ пошло 10,3% избирателей. Как организованная сила она перестала существовать. После выборов оппозиция в ПСЛ пришла к выводу о необходимости полностью взять руководство партией в свои руки. В апреле 1947 г. был создан Центральный Комитет ПСЛ-левицы во главе с Ю. Нечко. Идеино-политическое кредо ПСЛ-левицы было изложено в двух документах: «Об отставке миколайчиковского руководства» и воззвании к крестьянам — членам и сочувствующим ПСЛ³⁶, — в которых фактически она встала на идейную платформу СЛ.

Политическая кампания ППР и СЛ в деревне помогла разоблачить политику Миколайчика и очистить ПСЛ от антинародных элементов. Миколайчиковская ПСЛ к середине 1947 г. практически перестала действовать. По данным самого руководства ПСЛ, партийные билеты имело около 20 тыс. человек³⁷. Миколайчику и его окружению стало ясно, что их политическая участь решена. Американское посольство в последний раз помогло «своему человеку». В ночь с 20 на 21 октября 1947 г. Миколайчик тайно покинул Польшу. Побег Миколайчика свидетельствовал о банкротстве политики ПСЛ, пытавшейся задержать развитие революции. Правая часть людовского движения с ее теорией

³⁵ «W walce o sojuz robotniczo-chłopski», s. 239.

³⁶ Cz. Wysech. Z myślą o Polsce Ludowej, s. 253—262.

³⁷ «Polska Ludowa». Т. I, s. 122.

«золотой середины» скатилась к союзу с реакционными империалистическими силами.

29 октября 1947 г. руководство ПСЛ взял в свои руки временный Исполком во главе с Ю. Нечко. Была произведена чистка партии от «крестьян с Маршалковской». С ноября 1947 г. начался новый этап в развитии крестьянского движения — подготовка к объединению людовцев. В мае 1948 г. СЛ и ПСЛ подписали декларацию о сотрудничестве, целью которого было окончательное преодоление аграристических концепций и создание идейных, политических и организационных основ для достижения единства³⁸.

После выборов связи между ППР и СЛ и их сотрудничество во всех областях жизни стали многообразнее. Ликвидация военных разрушений, использование заброшенных земель, заселение и экономическое освоение западных земель — вот те главнейшие задачи, которые стояли перед страной, перед сельским хозяйством и которые в относительно короткий срок были успешно выполнены. Это явилось решающей победой рабочего класса и крестьянства, заслугой ППР и СЛ. Особенно усилилось сотрудничество СЛ и ППР в осуществлении конкретных хозяйственных задач. Так, в июне—июле 1947 г. в девяти воеводствах прошли воеводские и поветовые экономические совещания ППР и СЛ с участием представителей от ЦК ППР и Исполкома СЛ. Совещания обсуждали вопросы борьбы со спекуляцией, о государственных закупках зерна, на них говорилось об удобрениях и о машинах, о товарообороте между городом и деревней, о земельном налоге, о повышении культуры на селе³⁹. Решению перечисленных проблем содействовали совместные комиссии ППР и СЛ, привлекавшие также деятелей ПСЛ-левицы. По примеру рабочих партий во всех инстанциях были созданы политические шестерки (по три представителя от ППР и СЛ), которые обсуждали конкретные проблемы политического и экономического сотрудничества.

Сближение ПСЛ с СЛ и с другими демократическими партиями позволило центральному органу Национального фронта — Центральной согласительной комиссии — принять в феврале 1948 г. в свой состав ПСЛ, откуда она была исключена осенью 1946 года.

В 1948 г. совещания актива обеих партий, совместное политическое обучение, экономические конференции по-прежнему содействовали укреплению связей между ними. Нормализация положения в СЛ способствовала и ускоренному идейному возрождению ПСЛ. Большое влияние на идеологическое развитие крестьянского движения, особенно на ПСЛ, оказало идеологическое совещание-семинар в Дембовой Гуре, которое было организовано и созвано руководством организации крестьянской молодежи — «Вици» в феврале 1948 года. На этом форуме впервые были подвергнуты анализу и критике тезисы, составлявшие кредо ПСЛ, правых и отчасти центра в СЛ. Принятые на нем идеологические тезисы «Вици» уже не содержали аграристических положений⁴⁰. Большое политическое и идеологическое влияние на крестьянское движение, на будущий характер единой крестьянской партии оказало объединение в июле 1948 г. молодежного движения страны, в том числе «Вици», в единый «Союз польской молодежи».

В декабре 1948 г. произошло историческое событие в жизни польского рабочего класса и всего польского народа: был ликвидирован раскол рабочего класса и создана Польская объединенная рабочая партия. Это событие ускорило объединение двух крестьянских партий. 25 сентября 1949 г. совместное заседание главных советов СЛ и ПСЛ

³⁸ «Programy Stronnictw Ludowych», s. 389—392.

³⁹ «W walce o sojusz robotniczo-chłopski», s. 278—279.

⁴⁰ «Programy Stronnictw Ludowych», s. 462—468.

приняло решение о единстве людовского движения. Практически ликвидацию раскола людовцев осуществил Центральный Комитет единства крестьянского движения во главе с В. Ковальским и Ю. Нечко, подготовивший съезд, который в ноябре 1949 г. провозгласил создание Объединенной крестьянской партии. Ликвидация раскола крестьянского движения означала победу той линии людовского движения, которую представляли в межвоенный период Независимая крестьянская партия, Объединение крестьянской левицы «Самопомощь», левое течение «Вици», патриотизм «батальонов хлопских», традиции «Воли Люду», возрожденного СЛ и демократической части ПСЛ. Съезд принял Декларацию партии⁴¹, Устав, избрал руководящие органы партии. Председателем Главного совета стал Ю. Нечко, председателем Исполкома — В. Ковальский.

Объединенная крестьянская партия приняла основные положения ПОРП и выразила согласие с ее программой. Крестьянство страны убедилось, что ликвидировать социально-экономическую и культурную отсталость деревни можно лишь на основе социализма в союзе с рабочим классом и под руководством его партии.

История польского крестьянского движения в 1944—1949 гг. — это составная часть борьбы за народную власть в Польше. Политический и идеологический рост людовцев, их активнейшее участие во всех начинаниях народной власти, сотрудничество с рабочим классом, с ППР — ПОРП привели к коренному перелому в людовском движении, к созданию его новых организационных и политических форм. Польское крестьянство, которое шло с ППР в борьбе за национальное освобождение, за ликвидацию помещичьего землевладения и монополий, за восстановление страны, теперь включилось в строительство социализма.

⁴¹ Ibid., s. 392—400.

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ

В. Н. Никифоров

В течение десяти лет (в 1927—1937 гг.) изучение Китая в СССР возглавлял Павел Александрович Миф¹ (Павел Миф — партийная кличка с 1917 г., настоящая его фамилия — Фортус Михаил Александрович). Участник гражданской войны П. А. Миф получил высшее образование. Он окончил в 1921 г. Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова, был оставлен там научным сотрудником и одновременно стал работать в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ)². В КУТВ П. А. Миф начал серьезно заниматься проблемами революционного движения народов колониальных и зависимых стран. В 1923—1925 гг. он находился на партийной работе в Донбассе. Когда в Китае наметился могучий подъем революционного движения, в помощь китайским революционерам в Москве был создан Университет трудящихся Китая имени Сунь Ят-сена (1925 г.). П. А. Миф был направлен в этот университет в качестве проректора. Так началась работа П. А. Мифа в области китаеведения.

Проблемы китайской революции стали в 1926—1927 гг. предметом споров и идеологической борьбы в международном коммунистическом движении. Влияние троцкистов было сильно в Университете имени Сунь Ят-сена. В страстной борьбе, происходившей в эти годы в университете, П. А. Миф последовательно и убежденно отстаивал партийные позиции, активно участвовал в идейном разгроме троцкистов. В 1927 г. его назначили ректором Университета имени Сунь Ят-сена (вскоре переименованного в Коммунистический университет трудящихся Китая — КУТК), который он возглавлял до 1929 года. В университете учились и работали, овладевая опытом Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР, многие видные китайские коммунисты, занимавшие затем руководящее место в китайской революции: Цюй Цю-бо, исполнявший обязанности генерального секретаря ЦК Компартии Китая в 1927—1928 гг.; Ван Мин (Чэнь Шао-юй), исполнявший обязанности генерального секретаря ЦК КПК в 1931 г., а с 1931 по 1937 г. возглавивший делегацию КПК в Коминтерне, которая фактически играла роль партийного центра; Цинь Бан-сянь (Бо Гу), исполнявший обязанности генерального секретаря в 1931—1935 гг.; Чжан Вэнь-тянь (Ло Фу), исполнявший обязанности генерального секретаря ЦК КПК в 1935—1939 гг.; Ван Цзя-сян и другие. Они представляли в то время марксистско-ленинское направление в Компартии Китая, противостоявшее мелкобуржуазной националистической группе, возглавлявшейся Мао Цзэ-дуном.

¹ См. А. М. Григорьев. П. А. Миф. «Видные советские коммунисты — участники китайской революции». М. 1970; его же. Павел Александрович Миф. «Народы Азии и Африки», 1969, № 2; В. Н. Никифоров. Советские историки о проблемах Китая. М. 1970.

² Архив АН СССР, Московское отделение, ф. 354, д. 207, л. 4.

В рамках КУТК возник первый центр марксистского научного изучения истории Китая — Кабинет китаеведения, который затем разросся в Научно-исследовательский институт по Китаю и с начала 1928 г. стал самостоятельным учреждением. В 1925 — 1928 гг. издавались «Материалы по китайскому вопросу», где печатались переводы с китайского, библиография, хроника событий, иногда исследовательские статьи. Им на смену пришли сборники специальных исследовательских статей «Проблемы Китая» (1929—1935 гг.). Это основное издание отражало изучение Китая в СССР в конце 20-х — первой половине 30-х годов. П. А. Миф был руководителем НИИ по Китаю, редактором «Материалов по китайскому вопросу» и «Проблем Китая».

В КУТК и НИИ издавались лекции и учебные пособия по истории Китая³. Они оказали значительное влияние на зарождение марксистского направления в китайской исторической науке. (Вне зависимости от последующего изменения позиции некоторых китайских историков не подлежит сомнению, что работы, например, Го Мо-жо конца 20-х — начала 30-х годов или книги авторов 40-х годов Фань Вэнь-ляня, Хоу Вай-лу, Цзянь Бо-цзяня и других были, несмотря на отдельные недостатки, достижением в китайской науке того времени).

Работая в КУТК, П. А. Миф становится в ряд ведущих специалистов по Китаю. В 1926 г. им была издана книга о событиях 1925 г. в Шанхае (антиимпериалистическое движение «30 мая»). Основываясь на документах, находившихся в распоряжении Коминтерна, автор дал анализ позиций различных классов во время всеобщей стачки в Шанхае⁴. Книга П. А. Мифа имеет большое значение как первая в советском китаеведении монография; вместе с последовавшими за ней монографиями М. Волина и Е. Иолка, Л. Мадьяра⁵ она знаменовала собой начало углубленного изучения истории Китая советской наукой.

В 1926 г. П. А. Миф принимал участие в работе VI и VII пленумов Исполкома Коминтерна, специально рассматривавших китайский вопрос. В числе материалов, представленных VII пленуму ИККИ (ноябрь — декабрь 1926), обсуждались и тезисы П. А. Мифа. Одобрив в целом эти тезисы, И. В. Сталин, выступая на пленуме, расценил в то же время как забегание вперед предложение П. А. Мифа «немедленно дать лозунг об образовании Советов, а именно крестьянских Советов в китайской деревне», полагая в то же время, что «нельзя строить Советы в деревне, обходя промышленные центры Китая»⁶. Несомненно, предложение создавать крестьянские Советы в 1926 г. было преждевременным. Лишь после того, как гоминьдан летом 1927 г. изменил революции, лозунг Советов встал в порядок дня. Советы в ряде районов Китая в 1927—1937 гг. были крестьянскими Советами, которые длительное время существовали без какой-либо связи с промышленными центрами, с городским пролетариатом.

³ См. серию «История революционного движения в Китае в XIX и XX вв.», состоящую из глав-выпусков: I. [Андреев М. Г.]. Экономический и социально-политический строй Китая в первой половине XIX в. М. 1928 (стеклогр.); II. [Шукарь М. И.]. Тайпинская революция. М. 1928 (стеклогр.); IV. [Кучумов В. Н.]. Ранний китайский либерализм («эпоха ста дней»). М. 1928 (стеклогр.); V. [Пригожин А. Г.]. Боксерское движение. М. 1928 (стеклогр.); VI. [Кучумов В. Н.]. Очерк истории революции 1911 г. М. 1928 (стеклогр.); см. также С. А. Токарев. Родовой строй в Китае. М. 1928 (на кит. яз., стеклогр.); М. П. Жаков. Отражение феодализма в «Мэн-Цзы». М. 1927 (стеклогр.). В КУТК была написана также работа Е. Ф. Муравьева «Конфуцианство как религия и его социальные корни». Рукопись б/м, б/г), в 1945 г. защищенная в качестве кандидатской диссертации.

⁴ П. А. Миф. Уроки шанхайских событий. М. 1926.

⁵ М. Volin, E. Jolk. The Peasant Movement in Kwangtung (Materials on the Agrarian Problem in China). Canton. 1927; Л. Мадьяр. Экономика сельского хозяйства в Китае. М.—Л. 1928.

⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 8, стр. 367.

В феврале — июне 1927 г. П. А. Миф по приглашению ЦК КПК посетил Китай (Гуанчжоу, Шанхай, Ухань) в качестве главы группы пропагандистов ЦК ВКП(б). Члены группы выступали с лекциями и докладами о партийной работе в СССР, знакомились с организациями КПК. П. А. Миф присутствовал на V съезде КПК (апрель — май 1927 г.). Итогом поездки явилась вторая монография П. А. Мифа, посвященная политике КПК в первой половине 1927 г., то есть в период разрыва гоминьданом единого революционного фронта с КПК⁷. Автор показал, что в тот период политика руководства КПК была колеблющейся, непоследовательной; партия не приняла действенных мер, чтобы во всеоружии встретить наступление контрреволюции; директивы Коминтерна не выполнялись и даже скрывались руководством КПК от членов партии. В книге в то же время был поднят ряд проблем, до сих пор остающихся в историографии спорными. Так, П. А. Миф определил линию тогдашнего секретаря ЦК КПК Чэнь Ду-сю как последовательный правый уклон. Между тем исследования современных историков показывают, что даже в первой половине 1927 г. руководство Чэнь Ду-сю допускало как правые, так и левосектантские ошибки; в деятельности же Чэнь Ду-сю и особенно после 1927 г. преобладал скорее сектантско-догматический уклон, позже слившийся с троцкизмом⁸. Разумеется, ошибки, допускаявшиеся в то время ЦК КПК, не были единственной или решающей причиной поражения китайской революции 1925—1927 гг.; главное заключалось в том, что соотношение сил между революционным и контрреволюционным лагерями сложилось неблагоприятно для революции.

П. А. Миф подробно разбирает в своей книге доклад Чэнь Ду-сю на V съезде КПК, содержащий, в частности, так называемую «северо-западную теорию». Теория эта сводилась к тому, что территориальная база китайской революции должна быть перенесена в Северо-Западный Китай, как район, наиболее отдаленный от центров контрреволюции и непосредственно примыкающий, с одной стороны, к МНР, с другой — к Синьцзяну, китайские власти которого находились в дружеских отношениях с СССР. Такое соседство дало бы китайским революционным силам надежный тыл и возможность беспрепятственно получать помощь СССР. Впоследствии, как известно, Коминтерн пришел к выводу о целесообразности перенесения революционной базы в Китае на северо-запад (в провинцию Сычуань, а затем в Шэньси). Но это произошло лишь после того, как была осознана невозможность для революционных войск дольше держаться в Юго-Восточном Китае, а именно в 1934 году. В 1927 г. силы китайской революции, особенно в городах, преувеличивались революционными теоретиками, и предложение отвести революционные части на запад дальше от промышленных центров Китая воспринималось как капитулянтство.

В декабре 1927 г. П. А. Миф выступил с речью на XV съезде ВКП(б), уделившем, как известно, большое внимание проблемам китайской революции. П. А. Миф в своем выступлении убедительно возражал В. В. Ломинадзе, который утверждал, что в экономике Китая царит полный развал, национальная буржуазия не только потеряла всякую прогрессивность, но и вообще перестала существовать как класс. Вредность точки зрения Ломинадзе усугублялась тем, что она высказывалась как раз в момент временного поражения китайской революции и попыток национальной буржуазии перевести Китай на путь капиталистического развития. Конечный провал этих попыток определился спустя годы.

⁷ П. Миф. Китайская коммунистическая партия в критические дни. М.—Л. 1928.

⁸ См. М. Ф. Юрьев. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М. 1968, стр. 513; В. И. Глунин. Китайская революция: проблемы и решения. «Народы Азии и Африки», 1969, № 3.

П. А. Миф приводил факты, показывавшие, что национальная буржуазия в Китае продолжает пользоваться определенным влиянием, что она в то время (конец 1927 г.) выступала в союзе с империалистическими и феодальными силами, а потому «борьба китайского пролетариата и основных (бедняцких) масс крестьянства должна направляться одновременно против китайских кулаков, против китайских помещиков, против китайской буржуазии при дальнейшем развертывании аграрной революции». «Буржуазные тенденции в Китае,— говорил он,— с порядка дня не сняты, и сейчас приходится вести очень решительную борьбу против буржуазных тенденций»⁹.

В споре с Ломинадзе П. А. Миф был в основном прав. Но и в его рассуждениях сквозила определенная «левизна», преувеличение степени развития китайского национального капитализма, которая могла создать опасное впечатление непосредственной близости социалистического переворота. Критика П. А. Мифом позиции Ломинадзе была в то же время косвенной критикой авантюристических ошибок, допущенных во второй половине 1927 года руководством КПК. Будущее показало, что социалистический этап для Китая в 1927 г. был отдаленной перспективой. Лишь после победы народной революции в 1949 г. перед китайским народом открылась возможность постепенного перехода с помощью СССР и всего социалистического содружества на путь социалистического развития.

С марта 1928 г. П. А. Миф переходит на основную работу в аппарат Коминтерна в качестве заместителя заведующего Восточным секретариатом и находится под непосредственным руководством О. В. Куусинена. Вместе с П. А. Мифом работают Л. И. Мадьяр, В. Н. Кучумов — видные специалисты по национально-колониальному вопросу. Одновременно Миф продолжает большую исследовательскую, редакторскую, научно-организационную и педагогическую деятельность в области востоковедения, главным образом, китаеведения. П. А. Миф участвовал в подготовке, организации и работе VI съезда Коммунистической партии Китая, состоявшегося в Москве в июне — июле 1928 года. Съезд этот имел для китайских коммунистов особое значение, так как он с научной глубиной и в демократической обстановке рассмотрел важнейшие проблемы революционного движения в Китае. Съезд указал на левачьи ошибки некоторых партийных работников, в том числе Мао Цзэ-дуна. П. А. Миф по поручению ИККИ входил в комиссии съезда (аграрную, военную, организационную) по подготовке некоторых решений.

В то время Коминтерн ориентировался на то, что поражение революции в Китае в 1927 г., несмотря на всю его серьезность, — явление временное, что в ближайшие годы неизбежен новый революционный подъем. В 1929—1930 гг. он действительно стал заметен; непредвиденными особенностями этого движения было то, что оно охватило лишь часть территории Китая и выразилось в форме крестьянского движения, не захватив города. Первые оценки Советов, создававшихся в Китае в то время¹⁰, сводятся к тому, что это были крестьянские Советы, предсказанные в свое время В. И. Лениным. Хотя П. А. Миф и другие авторы начала 30-х годов вынуждены были пользоваться данными, сильно преувеличивавшими степень развития рабочего движения в Китае, все же они отмечали слабость пролетарского руководства крестьянством на том этапе революционной борьбы и указали на опасность такого положения. П. А. Миф писал, что «еще не обеспечена в должной мере гегемония пролетариата над растущим партизанским

⁹ «Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года». Стенографический отчет. М. 1961. Т. I, стр. 806—807.

¹⁰ См. Л. М а д ь я р. Генеральская война и Советы в Китае. «Правда», 2.IV.1930.

движением», «партизанское движение разворачивается в районах, далеко отстоящих от основных промышленных центров... задача возглавления рабочим классом крестьянского движения далеко еще не разрешена». Компартия Китая, по данным на январь 1930 г., насчитывала 65 тыс. человек, из них только 7,8% рабочих. Между партизанскими отрядами не было достаточной координации, некоторые из них не имели устойчивых баз. Самое парадоксальное, что при чисто крестьянском характере движения состав китайской Красной армии, как отмечал П. А. Миф, был еще «недостаточно крестьянский»: в армии было много люмпен-пролетариев, профессиональных солдат, бывших военнопленных¹¹.

Важнейшей цели — обеспечению гегемонии пролетариата в революционном движении в Китае — была подчинена развернувшаяся вскоре борьба против левацкого уклона в Коммунистической партии Китая, связываемого обычно с именем тогдашнего фактического руководителя ЦК КПК Ли Ли-сяня. Авантюризм сторонников этой линии проявился в попытках организации повсеместных восстаний в городах, условий для которых еще не было, в «социалистических» экспериментах в советских районах Китая и т. п. От «левых» путчистских ошибок, имевших место в КПК осенью 1927 г., новый уклон отличался явно выраженным националистическим характером: стремлением противопоставить Китайскую компартию Коминтерну, а также спровоцировать войну СССР с империалистами в интересах якобы китайской революции. В помощь КПК для преодоления последствий линии Ли Ли-сяня Коминтерн направил П. А. Мифа вместе с другими работниками. В конце 1930 — начале 1931 г. Миф конспиративно находился в Китае, участвовал в работе созванного в Шанхае IV пленума ЦК КПК (январь 1931 г.), резко осудившего авантюристическую политику Ли Ли-сяня и поставившего во главе ЦК КПК твердых интернационалистов Ван Мина, Цинь Бан-сяня и других.

С сентября 1931 г. обстановка на Дальнем Востоке резко изменилась в результате наступления на Китай империалистической Японии. На первый план вновь выдвинулись задачи создания в Китае единого национального фронта, на этот раз — против японского империализма. Лишь 3—4 года спустя эти изменения были полностью осознаны теоретической мыслью КПК и международного революционного движения. Работы П. А. Мифа 1931—1934 гг. также носят налет ошибочных представлений того времени. Сейчас они рассматриваются советскими историками как относительно слабая часть его теоретического наследства¹². В книге П. А. Мифа «Китайская революция» (М. 1932) собраны произведения разных лет. При редактировании он внес некоторые изменения, которые в какой-то степени являлись отражением распространившегося в начале 30-х годов преувеличения зрелости революционного движения в Китае. Издание этого обобщающего труда не избавляет, таким образом, читателей от необходимости обращаться непосредственно к более ранним работам автора. Издавались в это же время под редакцией П. А. Мифа сборники исследовательских статей и особенно документов¹³. Эти издания и сегодня широко используются советскими историками.

¹¹ П. Миф. Навстречу грядущим революционным бурям в Китае. «Правда», 28.IV.1930; см. также выступление Мифа на XVI съезде ВКП(б): «XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет». М.—Л. 1930, стр. 470.

¹² См. «Народы Азии и Африки», 1969, № 2, стр. 241.

¹³ «Оккупация Маньчжурии и борьба империалистов». Сборник статей. М. 1932; «Современная Япония». Сборник I. М. 1934; «Программные документы компартий Востока». М. 1932; «Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая». М. 1934; «Советы в Китае». М. 1934.

Кроме исследования Китая, П. А. Миф серьезно занимался также проблемами Индии, общими вопросами национально-освободительного движения. Он подверг критике концепцию Г. А. Сафарова, выступившего в начале 30-х годов с явно ошибочной теорией национально-колониальной революции, отрывавшей борьбу крестьянства в странах Востока от движения мирового пролетариата.

П. А. Миф участвовал в подготовке материалов к VII конгрессу Коминтерна (1935 г.), исходя из установки на сочетание классовых и национальных задач в Китае, на борьбу за создание единого национального фронта против японского империализма при одновременном продолжении вооруженной борьбы против реакционного и антинационального гоминьдановского правительства. Следует отметить, что в период, когда готовились эти документы, связь с китайской Красной армией, совершавшей в то время трудный переход из Южного Китая в Северо-Западный, и с ЦК КПК долгое время отсутствовала. Поэтому сведения о тяжелом поражении, понесенном революционными силами Китая в 1934—1937 гг., поступали в Москву с большим запозданием, и здесь складывалось впечатление, что советское движение в Китае продолжает развиваться успешно. После получения информации стало очевидным, что совмещение борьбы за единый национальный фронт с продолжением гражданской войны невозможно. Соответствующие корректировки в политику Коминтерна и КПК (прежде всего — в лице ее делегации в Коминтерне) были внесены уже в дни работы VII конгресса и непосредственно после него. Политика создания единого национального фронта против японского империализма нашла отражение в известном обращении КПК от 1 августа 1935 г., а в декабре того же года она была официально объявлена ЦК КПК, хотя фактически Мао Цзэ-дун (с 1935 г. — один из секретарей ЦК) и его сторонники еще долгое время на практике не желали проводить установку Коминтерна.

Последние годы деятельности П. А. Мифа протекали в условиях, когда в центре внимания в Китае стояла задача создания единого национального фронта против японских империалистов. Он продолжает свою деятельность в Коминтерне, работает также (с 1936 г.) ректором Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ), директором Научно-исследовательского института национальных и колониальных проблем (1937 г.), по-прежнему возглавляет Научно-исследовательский институт по Китаю. Он был членом редколлегий журналов «Революционный Восток», «Материалы по национально-колониальным проблемам», «Тихий океан».

В 1936 г., когда в изучении истории Китая начинают преобладать работы обобщающего характера, П. А. Миф пишет очерк истории Коммунистической партии Китая, приуроченный к 15-й годовщине со дня создания партии. В популярной форме автор дал изложение и оценку основных событий истории КПК¹⁴. Наибольший интерес в очерке представляли страницы, трактовавшие отношения между Компартией Китая и Коминтерном. Историю зарождения КПК автор, как и вся последующая историография, прослеживал от демократического подъема 1919 г. («движение 4 мая»), послужившего откликом на грабительские условия, выработанные Парижской мирной конференцией. Он указывал, что реальное воздействие идей Великой Октябрьской революции на Китай стало сказываться лишь после 1920 г., после установления прямой связи между РСФСР и Китаем и после прибытия в Китай первых представителей Дальневосточной республики, РСФСР и Коминтерна.

П. А. Миф отмечал не только исторические заслуги КПК перед китайским народом, но и препятствия, которые партии пришлось преодо-

¹⁴ П. А. Миф. 15 лет героической борьбы. К 15-летию Коммунистической партии Китая. М. 1936 (книга тогда же была переведена на кит. яз.).

леть на своем пути. Он писал, что до 1925 г. КПК не вышла, по существу, из кружкового периода, что в программе действий, принятой на II съезде КПК (1922 г.), «нашли отражение известные слабости партии: ее недостаточное участие в общенациональной освободительной борьбе, недопонимание ею важности национального и крестьянского вопроса и борьбы за руководство крестьянскими массами». В решениях III съезда (1923 г.) не были учтены прямые указания ИККИ о первостепенной важности крестьянского вопроса и основных лозунгах аграрной революции. В тезисах IV съезда (1924 г.), писал П. А. Миф, «говорилось, что вслед за этапом единого национально-освободительного фронта последует этап социалистической революции. Таким образом, по сути дела, выпадал этап аграрной революции, который должен был продолжить антиимпериалистскую революцию и подвести под нее крепчайшую базу»¹⁵. В результате КПК оказалась неподготовленной в момент, когда наметился переход к аграрной революции (1927 г.). Следует, впрочем, оговорить, что при правильности основной линии этого рассуждения автор придерживался ошибочной точки зрения, будто аграрный этап китайской революции начался и кончился в 1927 г. (так называемый «уханьский период») ¹⁶. Справедливо критикуя руководство КПК за преждевременное забегание вперед, к социалистическому этапу, П. А. Миф сам несколько завышал оценку степени зрелости китайской революции после 1927 года.

П. А. Миф считал, что основным недостатком политики КПК до 1927 г. была недооценка крестьянского движения. Он высоко ценил роль августовского пленума ЦК КПК (1927 г.), который с помощью Коминтерна решительно перевел партию на рельсы подготовки аграрной революции. Коммунистическая партия Китая создала революционные базы в деревне, дала землю крестьянам, отразила походы реакционных сил. Но, по мере выдвижения жизнью задач создания единого национального фронта против японских захватчиков, стала вырисовываться новая опасность — партия могла слишком задержаться на аграрном этапе. Возникла угроза переоценки крестьянства, отрыва от пролетариата, «окрестьянивания» партии. «Все же Компартия Китая вначале не учла всех изменений политической обстановки и совершившейся передвижки в соотношении классовых сил. Она поэтому не произвела необходимого поворота в своей тактике... — писал П. А. Миф. — Громадную роль в переломе всей тактики Компартии Китая сыграл VII конгресс Коминтерна... Ясно, что только последовательное проведение в жизнь решений VII конгресса, смелое и безбоязненное осуществление новой тактики Коммунистической партии Китая могут привести к созданию могучего народного антиимпериалистического фронта и через этот единый народный фронт — к величайшим победам национальной революции в Китае» ¹⁷.

Изменившаяся в результате японского нашествия обстановка в Китае требовала крутого поворота во всей политике Коммунистической партии Китая. В своей последней брошюре ¹⁸ П. А. Миф приветствовал начавшуюся национально-освободительную войну китайского народа против империалистической Японии, поддерживал политику единого национального фронта в Китае, клеймил троцкистов, выступавших против этой политики. Он напомнил, что гоминьдан долго не шел на соглашение с китайскими коммунистами, вел контрреволюционную войну против китайской Красной армии. История последующих лет действительно показала, что Компартия Китая, следуя указанным Коминтер-

¹⁵ Там же, стр. 22, 26—28.

¹⁶ Там же, стр. 53—69.

¹⁷ Там же, стр. 106—109.

¹⁸ П. М и ф. Что происходит в Китае. М. 1937.

ном курсом единого национального фронта, достигла в годы второй мировой войны больших успехов. С помощью международных революционных сил компартия, руководимые ею вооруженные силы и местные органы власти превратились в мощный фактор внутрикитайской действительности, заложили фундамент победы народной революции 1949 года. Но одновременно националистическое маоистское руководство КПК в значительной мере изменило партийную идеологию и партийные кадры, внесло в них элементы антисоветизма (так называемое «исправление стиля партийной работы» в 1941—1944 гг.), развило культ личности Мао Цзэ-дуна. Все это создавало предпосылки будущего отхода КПК от международного коммунистического движения¹⁹.

Фальсификация истории КПК маоистами, нашедшая особенно полное выражение в «Решении по некоторым вопросам истории нашей партии», принятом VII расширенным пленумом ЦК КПК 6-го созыва 20 апреля 1945 г., направлена против международного коммунистического движения. Коминтерн и интернационалистическое направление в КПК изображаются главной причиной неудач китайской революции, борьба же маоистов против линии Коминтерна подается как отстаивание подлинно марксистско-ленинских позиций. В борьбе с этой схемой определенное значение приобретают труды П. А. Мифа и его сотрудников по истории революционного движения в Китае.

В 1936 г. был издан написанный работниками Китайского кабинета Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР под руководством П. А. Мифа очерк «Китай» для Большой Советской Энциклопедии, первый в советской научной литературе труд такого характера. В числе авторов были П. А. Гриневиц и В. Н. Кучумов (исторический очерк); М. И. Казанин, В. Л. Гамберг, В. Н. Рогов, В. М. Штейн и И. Яранцев (экономические разделы); Л. Н. Геллер (раздел «Рабочий класс и профсоюзное движение»); М. М. Абрамсон (очерк советско-китайских отношений и др.); Г. Е. Грум-Гржимайло (физико-географический очерк)²⁰. В какой-то мере этот коллективный труд послужил прообразом другого подобного издания — сборника «Китай», выпущенного спустя несколько лет ленинградскими учеными под редакцией акад. В. М. Алексеева, Л. И. Думана и А. А. Петрова, долгие годы служившего затем основным пособием по Китаю²¹.

Китаеведы, работавшие с П. А. Мифом и под его руководством, с уважением говорят о его деятельности в области изучения Китая. Дружески вспоминают П. А. Мифа работавшие с ним китайские товарищи. Лишь у маоистов его имя вызывает ненависть. Они хотели бы предать забвению имена П. А. Мифа и других интернационалистов в китайской революции, но их надежды напрасны. Советские люди воздают дань уважения памяти П. А. Мифа. Помнят о нем и работавшие с ним коммунисты других стран. Будут помнить его — в этом нет сомнений — и китайский народ и китайские коммунисты-интернационалисты.

¹⁹ Современную трактовку ряда проблем истории КПК см. В. И. Глунин, А. М. Григорьев, К. В. Кукушкин, М. Ф. Юрьев *Международное коммунистическое движение и Коммунистическая партия Китая (К 50-летию со дня создания КПК)*. «Вопросы истории», 1971, № 8.

²⁰ БСЭ. Т. 32. 1936.

²¹ «Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость». М.—Л. 1940.

ИНДИЙСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И МАРКСИЗМ (1920-е—1930-е годы)

А. В. Райков

Распространение марксизма в Индии, как и в других странах Востока, отличалось существенными особенностями. В. И. Ленин писал, что «марксизм всего легче, всего быстрее, полнее и прочнее усваивается рабочим классом и его идеологами в условиях наибольшего развития крупной промышленности»¹. В Индии таких условий не было. В начале 20-х годов она была колониальной страной с многоукладной экономикой, в которой, несмотря на далеко зашедший процесс развития капитализма, сохранялись отсталые социально-экономические отношения. Процесс формирования рабочего класса еще не завершился, прослойка кадрового промышленного пролетариата была небольшой. Главной исторической задачей, которая стояла тогда перед страной, было не свершение социалистической революции, а освобождение от колониального гнета, то есть практически задача буржуазно-демократической революции. При массовой неграмотности населения, господстве религиозной идеологии, при организационной и идейной слабости пролетариата, а также в связи с репрессиями колониальных властей распространение научного социализма неизбежно должно было отличаться большой спецификой. Исходной точкой было не осознание противоречий в капиталистическом обществе, а прежде всего понимание тесной связи национально-освободительного движения с пролетарским революционным движением, с социалистической революцией в России. Именно с таких позиций вначале подошла к марксизму индийская радикальная интеллигенция и прежде всего национальные революционеры, одними из первых в Индии обратившиеся к марксизму. Тот путь, которым они шли к марксизму, и является предметом рассмотрения в настоящей статье.

Данная тема представляет интерес с разных точек зрения. В широком плане она является частью проблемы влияния Великой Октябрьской социалистической революции на Индию и непосредственно связана с развитием коммунистического движения в этой стране. В более узком плане — это проблема перехода на позиции научного социализма представителей непролетарских слоев, а именно передовой части националистически настроенной мелкобуржуазной интеллигенции. Известную аналогию имеет она с проблемой перехода на позиции марксизма революционно-демократических элементов в странах Азии и Африки в наши дни.

В работах советских историков эта тема отражена недостаточно полно. В «Новейшей истории Индии» она практически только намечена, а в других работах затронута в связи с исследованием влияния Октябрьской революции на Индию и отношения индийских патриотов к В. И. Ленину или в связи с борьбой В. И. Ленина в Коминтерне с сек-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 65.

тантским и догматическим уклонами по национально-колониальному вопросу². Интересная работа о начальном этапе эволюции взглядов индийских революционеров в направлении марксизма написана Г. Л. Дмитриевым³. Хотя автор рассматривает прежде всего деятельность национальных революционеров в Советской России в 1919—1921 гг., он делает ряд важных наблюдений об эволюции их мировоззрения, о влиянии на них пребывания в Стране Советов, практического знакомства с деятельностью большевистской партии и советских органов власти. Историк ГДР Х. Крюгер изучил вопрос о влиянии на национальных революционеров ленинского принципа самоопределения наций⁴.

Реакционные буржуазные историки как в Индии, так и за ее пределами, искажая существо этой проблемы, стремятся доказать, что у индийского национализма во всех его формах не было и не могло быть никаких точек соприкосновения с марксизмом, изобразить марксизм как совершенно чуждое Индии учение, проникавшее сюда лишь потому, что его приносили «агенты Коминтерна». Они отрицают какую-либо возможность идейной эволюции национальных революционеров. Более изощренной является позиция тех историков, которые стремятся провести мысль об идентичности методов коммунистов и мелкобуржуазных революционеров, что предполагает восприятие коммунистами заговорщических (а следовательно, и террористических) методов борьбы⁵. Видный индийский историк Р. К. Мазумдар, автор трехтомной истории национально-освободительного движения в Индии, в принципе признает влияние коммунистической идеологии на национальных революционеров. Но он одновременно выдвигает положение о том, что полное признание марксизма будто бы предполагало принесение национальных идеалов в жертву интернациональным, на что революционеры пойти не могли. В связи с этим он фактически обходит поставленную проблему⁶.

Лишь индийские коммунисты постоянно указывают на то, что их партия стала наследницей лучших традиций в освободительном движении. Орган компартии «New Age» писал в 1966 г.: «Мы гордимся тем, что наша партия смогла привлечь к себе большое число лучших борцов из всех антиимпериалистических течений страны...»⁷. Важные вопросы идейной эволюции национальных революционеров были подняты в работе Генерального секретаря КПИ А. Гхоша «Бхагат Сингх и его товарищи»⁸ (автор сам был членом подпольных национально-революционных организаций), а также в ряде других работ, изданных коммунистической партией.

Национальные революционеры до возникновения в конце 1925 г. Компартии Индии представляли собой наиболее радикальную группировку в освободительном движении, выступавшую за достижение полной независимости путем вооруженного восстания против колонизато-

² «Новейшая история Индии». М. 1959, стр. 160, 234; «Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока». М. 1970, стр. 417; А. Резников. В. И. Ленин о национально-освободительном движении. «Коммунист», 1967, № 7; его же. Борьба В. И. Ленина против сектантских извращений в национально-колониальном вопросе. «Коммунист», 1968, № 5.

³ Г. Л. Дмитриев. Из истории индийских революционных организаций в Средней Азии (1919—1921). «Научные труды» Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. 1967, вып. 314.

⁴ Н. Крюгер. Das Leninsche Prinzip des Selbstbestimmungsrechts der Völker und die indische revolutionäre Befreiungsbewegung. «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin». 1970. Bd. XVI, H. 2.

⁵ См. J. Spellman. The International Extension of Political Conspiracy as Illustrated by the Ghadar Party. «Journal of Indian History», 1959, vol. XXXVI, pt. 1, № 109, p. 45.

⁶ R. C. Mazumdar. History of the Freedom Movement in India. Vol. 3. Calcutta. 1963.

⁷ «New Age» (New Delhi), 6.II.1966, p. 6.

⁸ Аджой Гхош. Статьи и речи. М. 1962, стр. 14—56.

ров. В этом их отличие от Индийского Национального конгресса (ИНК), целью которого длительное время было добиться прав доминиона ненасильственными средствами. Национальные революционеры стояли на позициях буржуазного национализма, они не признавали существования классовых противоречий в индийском обществе и не отделяли классовых интересов трудящихся от общенациональных. Они создавали подпольные организации, которые объединяли наиболее радикальную часть интеллигенции и студенческой молодежи, представлявшей интересы широких слоев преимущественно городской мелкой буржуазии. Материальное и социальное положение этих слоев было крайне неустойчиво. Они остро ощущали гнет колониального аппарата и свое политическое бесправие, что побуждало их к активным выступлениям против колонизаторов. Представители этих слоев несли на себе груз мелкобуржуазной идеологии с ее непоследовательностью и колебаниями. Из их среды выходили не только революционеры, но и лидеры шовинистических религиозных организаций типа «Хинду Махасабхи». Но наиболее передовые представители этих слоев основывали подпольные антиимпериалистические организации, находились на крайнем левом фланге освободительного движения и представляли в Индии те «наиболее революционные элементы буржуазно-демократических национально-освободительных движений», которые В. И. Ленин считал необходимым «самым решительным образом поддерживать»⁹.

Отдельные представители этой интеллигенции если не осознавали, то уже чувствовали противоречия капиталистической системы, которые к тому же в Индии были усугублены колониальным угнетением, и в 20-х годах быстро эволюционировали влево. Этому способствовала совершенно новая идейная и политическая атмосфера, которая возникла в Индии под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции: усилилась антиимпериалистическая борьба, начался бурный рост рабочего движения, индийская общественность проявляла большой интерес к событиям в России, к деятельности Советского правительства, к идеям марксизма-ленинизма. На полевение мелкобуржуазных революционеров повлиял и субъективный фактор: разочарование в своей узкозаговорщической тактике. Провал попыток поднять восстание против колонизаторов, крах надежд на освобождение Индии с помощью иностранных держав в годы первой мировой войны и обрушенные на них репрессии породили неизбежные поиски новых идеалов и новых путей борьбы. В этих условиях идеология буржуазного национализма уже не могла удовлетворить национальных революционеров. Основной ее принцип — единство нации — находился в явном противоречии с существовавшим в Индии положением, поскольку классовый антагонизм внутри индийского общества проявлялся все более отчетливо. В результате поколебались иллюзии относительно того, что национально-освободительная революция утвердит в Индии свободу, равенство и братство. Таким образом, как личный опыт, так и объективная обстановка выводили революционеров за рамки буржуазного национализма и в тех условиях закономерно приводили их к марксистской идеологии.

Особую роль в этом процессе сыграли индийские революционеры, длительное время жившие в Европе и Америке. Еще до Октябрьской революции они сблизились с представителями рабочего движения, познакомились с социалистической литературой и проявили известный интерес к марксизму. По сравнению со своими товарищами в Индии они находились в более благоприятном положении. Они могли быстрее получить более достоверные, чем в Индии, сведения о пролетарской революции в России. Поскольку освободительная революция была их целью, в марксистской теории, торжество которой ярко проявилось

⁹ В. И. Ленин. ПСС Т. 27, стр. 261.

в Октябре 1917 г., они сразу увидели учение, которое поможет им в борьбе за свободу Индии. Первое же знакомство с марксизмом привлекло их внимание к вопросам классовой борьбы, теории исторического процесса, а позже — к философии и политэкономии. В своих сочинениях 1918—1919 гг. индийские революционеры уже применяли марксистскую терминологию. В изданном в 1918 г. в Берлине сборнике, посвященном освободительной борьбе индийских национальных революционеров, впервые подчеркивалось значение забастовок рабочих для дела национального освобождения и определенная роль в антиимпериалистическом фронте отводилась индийскому пролетариату. В памфлете, напечатанном в Копенгагене в 1919 г., говорилось о существовании антагонистических противоречий между рабочими и капиталистами. Правда, такие противоречия считались характерными лишь для стран Запада, индийское же общество пока рассматривалось как единое и свободное от них¹⁰.

Огромную роль в идейной эволюции индийских революционеров сыграли их поездки в Советскую Россию, встречи и беседы с В. И. Лениным, которые превратили многих из них в первых пропагандистов марксизма в Индии. Однако путь к научному социализму часто был длительным и трудным, многие революционеры так и не смогли преодолеть буржуазно-националистические воззрения. Нередко вначале их восприятие марксизма отличалось наивностью и непониманием его важнейших положений. Баракатулла в своем памфлете «Большевизм и ислам», изданном в Ташкенте, писал даже о том, что план утверждения человеческого счастья был разработан еще Платоном и теперь он «претворяется Лениным из теории в практику»¹¹. Председатель Индийской революционной ассоциации Абдурраб поднялся лишь до народнического восприятия социализма. В одном из выступлений он говорил, что «идеи коммунизма издавна близки сердцу индуса, до сих пор живущего общинным устроением в своей деревне. И поэтому революционная Индия всеми силами стремится войти в сношения с коммунистической Россией»¹².

Характерно приветствие В. И. Ленина Индийской революционной ассоциации. В нем, перечисляя идеи, которые нашли «живой отклик среди сознательных индийцев, героически борющихся за свою свободу», он прежде всего назвал принцип национального самоопределения, а затем уже идею освобождения от иностранных и собственных капиталистов¹³. Последнее можно рассматривать скорее как программу, рекомендуемую Ассоциацией, нежели как уже принятое ею к руководству положение. Тем не менее у индийских революционеров, находившихся в России, существовало ясное понимание того, что освобождение родины возможно только в союзе с первым в мире пролетарским государством, с международным рабочим классом. Баракатулла призывал мусульман Индии и всего мира «понять благородные принципы русского социализма» и «присоединиться к русским большевистским войскам для отражения атак британских узурпаторов и деспотов»¹⁴. Такой подход обеспечивал определенную базу для восприятия социализма.

Непримиримо относясь к националистической идеологии, Коминтерн вместе с тем стремился воздействовать на национальных революционеров, чтобы способствовать размежеванию в буржуазно-национальном лагере, выделению революционных элементов. Его цель заключалась в том, чтобы помочь индийским революционерам развить про-

¹⁰ «Der Freiheitskampf der indischen Nationalisten». В. 1918, S. 15; «Indiens Ruf nach Freiheit». Kopenhagen. 1919, S. 36.

¹¹ D. Kaushik, L. Mitrokhin. Lenin. His Image in India. New Delhi. 1970, p. 40.

¹² «Известия ТурЦИКа» (Ташкент), 4. VII. 1920.

¹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 122.

¹⁴ D. Kaushik, L. Mitrokhin. Op. cit., p. 40.

грессивные начала в их мировоззрении, изжить националистическую ограниченность и направить их революционную энергию в русло массового движения. Особенно большое значение для индийских революционеров имело присутствие их представителей на II конгрессе Коминтерна, который принял тезисы по национально-колониальному вопросу, провозглашавшие «политику осуществления самого тесного союза всех национально- и колониально-освободительных движений с Советской Россией»¹⁵. Ряд положений этих тезисов имел непосредственное отношение к индийским революционерам и сыграл большую роль в их дальнейшей идейной эволюции.

Тезисы легли в основу политики Коминтерна и первых индийских коммунистов в освободительном движении в Индии. С проведением этой политики связано имя М. Н. Роя. Он представлял собой яркий тип революционера, которому нетерпение заменяло серьезную теоретическую подготовку и особенно опыт организаторской работы в массах. Его деятельность в Коминтерне в начале 20-х годов можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, Рой сам был типичным мелкобуржуазным революционером, поэтому его переход на позиции марксизма — это часть рассматриваемой здесь проблемы. Во-вторых, будучи членом Исполкома Коминтерна, он неизбежно должен был участвовать в проведении его политики, в частности в отношении национально-революционных организаций. Рой был первым индийским революционером, перешедшим на позиции марксизма. Этот переход был, как он сам считал, «результатом быстрого психологического процесса», над причинами которого он не задумывался. «Это была мутация в моей политической эволюции — внезапный прыжок от ярого национализма к коммунизму»¹⁶, — писал он. Несомненно, однако, что здесь действовали субъективные и объективные обстоятельства, о которых шла речь выше. Так как этот переход не был подготовлен сотрудничеством с рабочими и социалистическими организациями, будь то в Индии или вне ее, внезапность его таила в себе опасность такого же резкого перехода на противоположные позиции, в сторону отказа от марксизма, что позже и произошло. Хотя М. Н. Рой, как подчеркивает член руководства КПИ Ш. Г. Сардесаи, «был в то время ведущим и наиболее теоретически подготовленным индийским коммунистом»¹⁷, его воззрения несли на себе печать мелкобуржуазной революционности, догматизма и сектантства.

В деятельности Роя проявились свойственные ему догматические ошибки: он не хотел признать существования общенациональной задачи, стоявшей перед индийским народом, недооценивал противоречий между национальной буржуазией и империализмом. В целом Рой отрицательно относился к идее единого фронта с национальной буржуазией, считая ее крайне консервативной. Более того, даже мелкую буржуазию он рассматривал как реакционную силу. Но в то же время он полагал, что возможно установить единый фронт с мелкобуржуазными революционерами, из среды которых он вышел и революционные потенции которых хорошо сознавал. В одной из статей в 1923 г. он писал: «Мы верим, что революционные националисты, которые вдохновляются благородными идеалами национального освобождения и которые на протяжении последних двух десятков лет достаточно хорошо показали свою готовность страдать за свои идеалы, также с нами в нашем стремлении защитить интересы масс и обеспечить их счастье и процветание»¹⁸. Дальний расчет Роя заключался в том, чтобы после привлечения мелкобуржуазных революционеров на свою сторону использовать

¹⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 163.

¹⁶ «M. N. Roy's Memoires». Bombay etc. 1964, p. 59.

¹⁷ Ш. Г. Сардесаи. Индия и революция в России. М. 1957, стр. 80.

¹⁸ M. N. Roy. The Aftermath of Non-cooperation. L. 1926, p. 77.

их радикализм, устранить от руководства национальных буржуазных лидеров и создать антиимпериалистический фронт без участия национальной буржуазии¹⁹—задача для того времени совершенно нереальная.

Линия, направленная на отрыв мелкобуржуазных революционеров от буржуазии и последующее их привлечение к коммунистическому движению, хорошо прослеживается на страницах журнала «The Masses of India» — «органа индийской коммунистической группы в Европе»²⁰, который издавался в Париже в 1925—1927 годах. Несмотря на то, что на публикуемых в журнале материалах сказались роистские концепции (прежде всего отрицательная оценка гандизма и национальной буржуазии в целом), журнал способствовал воспитанию индийских патриотов в марксистском духе. Он пропагандировал идеи Октябрьской революции, помещал материалы о стратегии и тактике большевиков. В нем были напечатаны статьи К. Маркса об Индии, различные работы В. И. Ленина, материалы Исполкома Коминтерна. Немало статей было непосредственно адресовано национальным революционерам. Критикуя их незрелые теории, журнал стремился направить их энергию по верному пути. В статье «Революция и революционеры», опубликованной в первом же номере, были подвергнуты критике мелкобуржуазные субъективные теории революции, указывались ошибки «так называемых индийских революционеров», которые рассматривали революцию как субъективный процесс и как восстание в чистом виде; осуждалась тактика индивидуального террора и подчеркивалось, что революционное насилие осуществляется лишь организованными массами и является средством в руках класса или всего народа. Журнал выступал против упрощенного представления о восстании как синониме революции: «Вооруженное восстание — не революция. Это даже не наиболее важная ее часть. В некоторых случаях революция может быть осуществлена без него»²¹. Мысль о том, что революцию невозможно подготовить без кропотливой, длительной работы в массах, постоянно пропагандировалась журналом. Его позиция характеризовалась не только критикой методов, которым следовали национальные революционеры. Журнал стремился переключить их внимание на проблемы социального переустройства общества, обсуждал проект общедемократической программы, включавшей ряд социально-экономических преобразований, и указывал на необходимость создания партии с такой программой²².

Значительный вклад в идеологическую работу с индийскими революционерами внес Коммунистический Интернационал Молодежи (КИМ), который боролся против отвлечения молодежи на путь заговорщической борьбы и индивидуального террора. В 1925 г. он издал манифест, обращенный к национально-революционной молодежной лиге Бенгалии, а практически адресованный всем национальным революционерам Индии²³. Манифест указывал на необходимость изучения опыта революционного движения в России и призывал бороться вместе с коммунистами за развертывание массового движения в стране. Деятельность Коминтерна, пропаганда первых коммунистов в Индии, а также успехи советского народа в борьбе с контрреволюцией и интервенцией, а затем в мирном строительстве оказывали глубокое воздействие на индийских революционеров, на весь ход национально-освободительного движения. Революционеры все более усваивали роль масс в борьбе за

¹⁹ См. «International Press Correspondence» (L.), 2.XII.1926.

²⁰ См. «India in 1927—1928». Calcutta. 1928, p. 342.

²¹ «The Masses of India» (P.), January 1925, p. 12.

²² «The Masses of India», January 1926, pp. 9—13.

²³ «The Masses of India», July 1925, pp. 7—11. Подобные же идеи и советы участвовать в повседневной борьбе рабочих и крестьян содержались в обращении КИМа к Всеиндийскому конгрессу молодежи в 1930 году. См. «International Press Correspondence», 9.I.1930, p. 26.

свободу, значение классовой борьбы и место различных классов в освободительном движении.

Характерна позиция лидеров бенгальских революционеров. Весной 1921 г. руководитель подпольной организации «Анушилан самити» С. Саньял опубликовал в еженедельнике «Санкха» серию статей о В. И. Ленине. Характеризуя его труд «Развитие капитализма в России», Саньял подчеркивал, что В. И. Ленин «собрал данные из самых различных источников и на их основе детально проанализировал экономическое положение России. Ленин впервые с поразительной ясностью указал на тот факт, что простое установление политической демократии не решит всех проблем, так как богатые, благодаря своей экономической мощи, сохраняют в своих руках реальную власть... Ленин впервые претворил на практике в России социалистические теории Маркса»²⁴. Лидер другой бенгальской подпольной организации, «Джугантар», А. Ч. Адхикари в апреле — мае 1923 г. также опубликовал серию статей о В. И. Ленине, в которых писал о нем как о «друге и учителе рабочего класса», а Октябрьскую революцию характеризовал как направленную прежде всего против капиталистического строя. Адхикари был знаком с биографией В. И. Ленина и его трудами, писал о газете «Искра», ссылаясь на статью В. И. Ленина «С чего начать?», подчеркивая, что «Искра» вела «беспощадную борьбу со всеми формами оппортунизма»²⁵. Важно отметить, что бенгальские революционеры не только давали достаточно глубокую характеристику революции в России, что само по себе свидетельствовало об их интересе к теоретическим проблемам. В их деятельности появились новые моменты — сближение с борющимся пролетариатом, поддержка его классовых требований. В начале 20-х годов Саньял «был тесно связан с рабочими союзами в Джамшедпуре». Другой видный бенгальский революционер, А. Чакраварти, руководил в 1921 г. стачкой на Ассамо-бенгальской железной дороге²⁶. Так революционеры практически усваивали идею о пролетариате как наиболее последовательном борце против национального и социального угнетения.

Конечно, правильное понимание роли индийского пролетариата было характерно далеко не для всех революционеров, а, по существу, только для отдельных, наиболее передовых элементов из их среды. Основная масса рядовых членов революционных организаций, в особенности молодое поколение, только вступившее на путь борьбы, нуждалась в идеологическом воспитании. По-прежнему в среде революционеров господствовали националистические взгляды, нередко имевшие религиозную окраску. «Трудная внутренняя борьба была тогда делом каждого революционера, который осмеливался думать, — вспоминал один из деятелей революционного движения в Индии, М. Гупта. — Очень трудно было вытащить себя из религиозной темницы, в которой зародились все националистические движения в странах Востока»²⁷. От признания значения Октябрьской революции до принятия научного марксистского мировоззрения было еще далеко. Как писал М. Гупта, старые революционеры могли восхищаться Октябрьской революцией, но отказывались руководствоваться марксистской философией, которая вдохновляла русскую революцию²⁸.

Все же воздействие многочисленных факторов, таких, как укрепление Советской России, рост рабочего движения в Индии и во всем мире,

²⁴ G. Chattopadhyay. Impact of Lenin. «Mainstream», 18.XI.1967, p. 22.

²⁵ Ibid.

²⁶ «Mainstream», 18.XI.1967, p. 22; N. Sen. Bengal's Forgotten Warriors. Bombay. 1945, p. 9.

²⁷ M. Gupta. Glorious October Revolution in the Eyes of Revolutionary. «New Age», 8.X.1967, p. 10.

²⁸ Ibid., p. 11.

обострение классовых противоречий в Индии, агитационная деятельность первых индийских коммунистов, вся идеологическая атмосфера в Индии, способствовало постепенному преодолению узконационалистических взглядов. Заметным рубежом в их эволюции является середина 20-х годов, когда были разработаны пронизанные революционным пафосом программы, которые несли на себе печать влияния марксистской теории и свидетельствовали о важных шагах индийских революционеров на пути к избавлению от буржуазного национализма. Именно так можно рассматривать программу возникшей в 1924 г. организации под названием «коммунистическая партия», которая была создана левым мелкобуржуазным националистом С. Бхактой. Программа гласила: «Наши отношения с Коммунистическим Интернационалом — это отношения дружбы и взаимной симпатии, как между людьми, имеющими одни и те же принципы... короче говоря, мы хотим изменить социальную систему и правительство Индии согласно коммунистическим принципам, но с учетом условий и духовного склада индийского народа». Другие партии Индии были подвергнуты критике за то, что независимость в их толковании «не принесет много выгод бедным». «Компартия» С. Бхакты ставила задачу «организации рабочих на базе новых принципов», выступала за «организационные действия крестьян, рабочих и других трудящихся»²⁹. В то время Рой резко критиковал эту «компартию» за неясность и нечеткость постановки важнейших программных вопросов, за отрыв от Коминтерна и от рабочего движения и т. д. В какой-то степени он был прав. Однако Рой не заметил в программе организации ряда важных моментов, совершенно не характерных прежде для левых националистов, — осознанного отрицания капитализма и провозглашения целью партии создания социалистического общества в Индии. Кроме того, Рой упускал из виду, что эта группа, которая в действительности не являлась коммунистической, была определенным шагом вперед на пути к созданию коммунистической партии.

Другим документом подобного рода была «Конституция объединенных республик Индии», изданная в 1924 г. представителями индийской революционной эмиграции в Турции³⁰. Так же, как и для программы «компартии» С. Бхакты, для «Конституции» характерна четко выраженная антикапиталистическая тенденция. Ее авторы подчеркивали, что Индия должна пойти по пути ликвидации капиталистической системы, как это сделала Советская Россия, поскольку они пришли к убеждению, что на капиталистическом пути их родина не сможет освободиться от британских капиталистов и обеспечить благосостояние «трудящихся классов общества». Они разработали ряд конкретных экономических мероприятий с целью ограничить частный сектор в интересах рабочего класса и других слоев трудящихся. Авторы «Конституции» отошли от представления о единой нации, признали наличие классовых противоречий в индийском обществе и сделали попытку осуществить их конкретный анализ. По крайней мере субъективно они стремились к созданию государства, в котором трудящимся классам была бы обеспечена возможность контролировать государственную машину. «Конституция» не лишена противоречий и непоследовательности. В ряде случаев ее авторы отказывались от классового подхода и выступали с позиций «общечеловеческой» морали. Заметно было также их стремление не обострять классовую борьбу, в чем сказался мелкобуржуазный взгляд на марксистские идеи. Но не это определяло основной смысл документа. Все его содержание свидетельствовало о том, что революционеры в зна-

²⁹ «The Masses of India», January 1926, pp. 11, 13.

³⁰ «The Constitution of the Federated Republics of India». 1926.

чительной мере освобождались от утопических представлений о характере будущего общества, от националистических черт, моралистического подхода. Она свидетельствовала о большом шаге вперед от буржуазного национализма к интернационализму, к сознательному отражению социально-экономических требований трудящихся. В данном случае имеются все основания сказать о начавшемся процессе изживания «самых глубоких из мелкобуржуазных предрассудков, именно: предрассудков национального эгоизма, национальной ограниченности»³¹.

«Конституция» была разработана революционными эмигрантами, которые быстрее подвергались воздействию передовой идеологии. Почти одновременно с нею в Индии появилась программа подпольной Хиндустанской революционной ассоциации, также испытывавшей влияние марксизма. Эта организация выступала против частного капиталистического предпринимательства, за создание общества, в котором будет уничтожена эксплуатация человека человеком. Как образец для подражания называлась «большевистская Россия». Упоминание же о том, что революционная партия Индии следует также «по стопам великих индийских мудрецов славного прошлого», было не более чем данью прежним взглядам³². Революционеры все больше убеждались в том, что независимость не принесет решения всех проблем, что нужно готовиться к следующему этапу революции — этапу социально-экономических преобразований, хотя термин «социализм» ими еще не был упомянут. Все эти программные документы показывают, что национальные революционеры, проявляя большой интерес к марксизму, усваивали отдельные его положения, но еще не воспринимали его как целостную систему. К этому они пришли позже.

Процесс идейной эволюции революционеров ускорился после создания Коммунистической партии Индии (КПИ) на конференции в Канпуре в конце 1925 года. Это событие свидетельствовало о широком распространении марксистско-ленинских идей, о большом их влиянии на передовых рабочих и радикальную интеллигенцию. Хотя компартия начала работу в тяжелых условиях преследований и внутренних трудностей и не сразу смогла правильно определить свою тактику, ее пропагандистская работа сыграла важную роль в общественной жизни страны и оказала влияние на национальных революционеров. В первых же документах КПИ были положения, непосредственно касавшиеся национально-революционного движения. В заявлении компартии 1925 г. под названием «Национализм и коммунизм» указывалось, что программа коммунистов может быть принята и «революционными националистами», происходящими из средних слоев. Заявление содержало прямой призыв к ним бороться вместе с рабочими и крестьянами за удовлетворение их требований и объединиться с коммунистами, чтобы создать свободную демократическую Индию³³. В обращении молодой компартии к съезду ИНК в 1926 г. проводилась важная мысль о том, что «массы должны быть мобилизованы под знаменем национализма и с помощью лозунгов, учитывающих их непосредственные экономические требования»³⁴. Эти документы, как и вся деятельность компартии, оказывали положительное влияние на революционеров. С возникновением КПИ стали устанавливаться прямые связи между коммунистами и национальными революционерами, которых сближала общая цель — борьба за независимость. Как вспоминал бывший национальный революционер, ныне член КПИ

³¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 168.

³² См. «New Age», 5.XI.1967, p. 15.

³³ «The Communist Party of India. Communism and Nationalism. A Statement of the Communist Party of India». (Б. м.). 1925, p. 3.

³⁴ «A Manifesto to the All India National Congress by the Communist Party of India». (Б. м.). 1926, p. 10.

Б. К. Синха, в городах между теми и другими организациями устанавливались контакты. Коммунисты, писал он, «все знали нас как революционеров, и мы тесно сотрудничали с ними как в легальной, так и в нелегальной работе»³⁵.

Вместе с тем действовали и факторы, задерживавшие идейную эволюцию национальных революционеров. Социальная структура индийского общества менялась медленно, в ней постоянно воспроизводились многочисленные средние слои, из которых в значительной мере формировались кадры подпольных организаций. Вновь вступающие на путь борьбы мелкобуржуазные массы приносили с собой все те же незрелые идеи. Таким образом, постоянно ощущалось давление мелкобуржуазной и буржуазной идеологии. Но марксизм для революционеров не был данью моде или кратковременным увлечением. Они пришли к нему, стремясь найти подлинно научную теорию революционной борьбы. Первые шаги в теории неизбежно должны были принести изменения в практике движения, в методах борьбы. Прямым результатом знакомства с марксизмом был отход мелкобуржуазных революционеров от заговорщической тактики, сближение их с массовым движением индийских трудящихся. Президент партии «Гадар» Сохан Сингх вспоминал: «Партия осознала значение советской революции и решила, что в качестве первого шага необходимо послать в Советский Союз ответственных товарищей... Идея заключалась в том, что все большее число товарищей должно было получить понимание социалистических теорий, выдвинутых Марксом и Лениным». Установив контакт с III Интернационалом, писал далее Сохан Сингх, партия «посылала молодых людей из Америки и Канады в Россию для революционного обучения»³⁶. В отличие от первых посещений революционерами Советской России сразу же после Октябрьской революции эти поездки имели целью не поиски помощи оружием и деньгами для борьбы против колонизаторов, а были результатом стремления познакомиться с практикой социалистического строительства.

С середины 20-х годов в Индии все более активными становятся коммунисты, крепнет профсоюзное движение. Сближало индийских коммунистов и мелкобуржуазных революционеров то, что те и другие в прямой и четкой форме выдвигали требование о полной независимости страны. Постановка компартией таких вопросов, как развитие профсоюзного движения, борьба за отмену антидемократических законов колонизаторов, за уничтожение каст и сословий, за отделение церкви от государства, выдвигание непосредственных требований не только в интересах рабочих и крестьян, но и в интересах мелкой буржуазии, также производила большое впечатление на национальных революционеров, которые все больше видели в коммунистах своих соратников.

Важным фактором в перевоспитании национальных революционеров становятся рабоче-крестьянские партии, которые были удачной формой вовлечения в рабочее и крестьянское движение представителей радикально настроенной интеллигенции. В Пенджабе в печатном органе рабоче-крестьянской партии «Кирти», редактором которого был коммунист С. С. Джош, сотрудничал знаменитый пенджабский революционер Бхагат Сингх. Работа в журнале вместе с коммунистами оказала большое влияние на взгляды молодого революционера. В 1928 г. Бхагат Сингх изучает «Капитал» К. Маркса, создает библиотеку марксистской литературы. Постепенно происходит формирование нового социального идеала революционеров. Крупнейшая подпольная организация Северной Индии, Хиндустанская революционная ассоциация, по инициативе Бхагата Сингха была переименована в Хиндустанскую социалистическую революционную ассоциацию — факт принципиального значения, свидетельствовав-

³⁵ «New Age», 5.XI.1967, p. 15.

³⁶ S. S. Joshi. Baba Sohan Singh Bhakna. New Delhi etc. 1970, pp. 68, 69.

ший о сознательном изменении цели борьбы. А. Гхош, бывший тогда соратником Бхагата Сингха, подчеркивал: «Социализм был для нас идеалом, руководящим принципом нашей деятельности во имя строительства нового общества после захвата власти»³⁷.

Принятие социалистической цели еще не означало, что понимание социализма соответствовало марксистскому. Для многих индийских революционеров социализм был еще туманной целью: не было ясности в вопросах о характере власти, которая должна была быть установлена в свободной Индии, о роли пролетариата и других слоев в ее создании. Но начало было положено, и постепенно понимание социализма все больше углублялось и уточнялось. Одновременно менялись представления о методах борьбы, хотя здесь мелкобуржуазные революционеры медленнее всего сдавали свои позиции. Революционеры все больше отходят от заговорщической борьбы и приобретают опыт работы в массах. Уже создание Бхагатом Сингхом легальной молодежной организации «Науджаван Бхарат Сабха» («Молодежный индийский союз») в Северной Индии было шагом на пути к принятию методов массовой политической борьбы. Об идейной эволюции индийских революционеров говорит заявление, с которым Бхагат Сингх и его соратник Б. Датта выступили перед Лахорским судом в 1929 году. В нем не только была провозглашена цель реорганизовать общество на базе социалистических принципов, изменить существующее экономическое положение и социальную структуру, но и фактически признавалась руководящая роль рабочего класса в обществе: «Пролетариат есть подлинный костяк общества»³⁸. Бхагат Сингх постепенно пришел к пониманию роли пролетариата как в освободительном движении, так и в последующем переустройстве общества. Находясь в тюрьме в 1929—1931 гг., он и его товарищи продолжали изучать марксистско-ленинскую теорию.

Последние письма, посланные Бхагатом Сингхом из тюрьмы своим соратникам, дают представление о большой теоретической работе, проделанной им в заключении. В них он более определенно, чем раньше, высказался за необходимость вырвать власть из рук привилегированного класса, захватить государственный аппарат и «создать фундамент общества в соответствии с принципами Карла Маркса»³⁹. Своеобразным завещанием индийским революционерам было его утверждение, что «нашей главной целью должна быть организация рабочих и крестьян». Таким образом, Бхагат Сингх пришел к мысли не просто о необходимости организовать трудящиеся массы на борьбу против колонизаторов, но и внести в рабочий класс социалистическое сознание, вырвать его из-под влияния буржуазии. Он пользовался большой известностью в широких кругах индийской общественности, был образцом для молодежи. Высказывания деятеля такого масштаба не могли не получить широкого резонанса. Эволюция воззрений Бхагата Сингха, далеко опередившего своих соратников, в значительной мере предопределила и их идейный путь. В его высказываниях уже можно видеть контуры нового мировоззрения многих из его товарищей. В памфлете, опубликованном ими в 1929 г., говорилось: «Революция для нас — это создание справедливого и идеального социального порядка. Идеал состоит в том, чтобы покончить с капиталистическими порядками и установить бесклассовое общество, в котором народ будет полностью освобожден от оков иностранных и местных эксплуататоров...». Обращает на себя внимание не только четкое указание на задачу уничтожения капитализма, но и мысль об освобождении от своих, индийских эксплуататоров. Более того, в этом памфлете впервые

³⁷ А д ж о й Г х о ш. Указ. соч., стр. 18.

³⁸ См. K. Datta. The History of the Freedom Movement in Bihar. Vol. II. Patna. 1957, pp. 33—38.

³⁹ Цит. по: T. Gopal. Bhagat Singh. The Man and His Ideas. Bombay. 1953, p. 43.

высказана идея о том, что будущая революция «установит диктатуру пролетариата и навсегда лишит власти социальных паразитов»⁴⁰. Несомненно, что эти документы свидетельствуют о позиции авангарда индийской революционной демократии. Марксистские идеи, которые были им восприняты, еще должны были стать достоянием рядовой массы революционеров.

Преодолеть разрыв стало возможным не столько благодаря влиянию таких деятелей, как Бхагат Сингх, сколько в связи с новым революционным подъемом, который переживала Индия в 1929—1933 годах. В эти годы революционеры еще раз попытались прибегнуть к прежним методам борьбы, даже к отдельным актам индивидуального террора. В проекте платформы действий КПИ, опубликованном в 1931 г., воздавалось должное «самопожертвованию и преданности террористов делу национального освобождения», но вместе с тем подчеркивалось, что «сторонники террористического движения в нашей стране... не верят в борьбу широких народных масс и не понимают связи между аграрной революцией, борьбой пролетариата и свержением английского правительства»⁴¹. Большое воздействие на молодежь оказало то обстоятельство, что на арену политической борьбы вышли народные массы. Мощным фактором внутривнутриполитической жизни стало рабочее движение. Журнал «Коммунистический Интернационал» писал, что рабочее движение «помогло кристаллизации революционной волны мелкобуржуазного движения молодежи»⁴². Не случайно, по словам М. Гупты, мелкобуржуазные революционеры в тот момент переживали «идеологический кризис», обусловленный тем, что массовые методы борьбы покорили воображение молодежи, на приток которой рассчитывали лидеры подпольных организаций. М. Гупта подчеркивал, что в начале 30-х годов социалистические идеи все больше распространялись в массах и «все больше ощущалось, что только социализм может быть целью»⁴³. Таким образом, процесс продвижения революционеров к марксизму был следствием не только субъективных побуждений, но в еще большей мере — общественного развития, так как отражал требования масс. В начале 30-х годов организации революционеров были разгромлены, а большинство их членов брошено в тюрьмы. Как писал М. Гупта, они осознали, что «нужны какие-то изменения в тактике». «Частично это, без сомнения, было результатом изучения марксизма (теории и практики), но в еще большей степени изменившихся объективных условий, которые мы, как реалисты, не могли больше игнорировать»⁴⁴. Марксистская теория, таким образом, помогала осознать изменение обстановки, в которой развивалось освободительное движение, и выработать новый подход.

В этот важный для судьбы национально-революционного движения момент еще одно событие оказало значительное влияние на революционеров. Это был Мирутский процесс 1929—1933 гг. над деятелями коммунистического движения Индии, ставший трибуной марксистских идей. Он проходил параллельно с Лахорским процессом над пенджабскими национальными революционерами. В тюрьме между представителями двух революционных течений наладилось сотрудничество в борьбе за права политзаключенных, которое помогло их дальнейшему идейному сближению. Лахорские узники открыто провозгласили свое стремление объеди-

⁴⁰ Цит. по: B. N a r d a s. *Armed Struggle for Freedom*. Poona. 1958, p. 383; T. G o p a l. *Op. cit.*, p. 37.

⁴¹ «Коммунистический Интернационал», 1931, № 1—2, стр. 76. Журнал одобрил программу, подчеркнув, что она поможет компартии «вовлечь в свои ряды или объединить вокруг своего знамени революционеров-террористов». Там же, стр. 71.

⁴² М. Али. Индия в 1930 г. «Коммунистический Интернационал», 1931, № 1—2, стр. 69.

⁴³ M. G u p t a. *They Lived Dangerously*. Delhi. 1969, pp. 333, 363.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 333.

ниться с международным пролетариатом в борьбе против империализма⁴⁵.

В начале 30-х годов наступил решающий этап для революционеров, внимание которых было теперь всецело поглощено изучением марксистской теории. В тюрьме революционеры знакомились с книгами по философии и истории, «без чего изучение марксизма было невозможно»⁴⁶. Выйдя из тюрьмы, Б. К. Сингха вспоминал в 1939 г.: «Мы были прилежными студентами. Мы изучали диалектический материализм по книгам об истории, экономике, политике. Мы спорили о нем в наших дебатах, лекциях, записках»⁴⁷. Биография В. И. Ленина и его труды, история его борьбы с различными оппортунистическими, левосектантскими течениями в партии и вне ее были особенно поучительны для них и привлекали их внимание. Этот поворот к марксизму был характерен для революционеров различных провинций, что подтверждает его закономерность. Бенгальские революционеры, находившиеся в тюрьмах на Андаманских островах, создали там организацию под названием «Коммунистическая концентрация», бывшую практически организацией Компартии Индии. М. Гупта писал, что к середине 30-х годов «мы все превратились в убежденных марксистов»⁴⁸. Однако это было еще книжное знание теории, которое нуждалось в проверке на практике. «Много позже я поняла, что невозможно стать марксистом только по книгам»⁴⁹, — писала бенгальская революционерка Калпана Датт. Революционеры правильно воспринимали теорию как инструмент, который должен помочь изменить мир. Б. К. Сингха писал: «Мы чувствовали усталость и беспокойство. Как долго можно изучать революционную философию, не бросившись в гущу борьбы? Исторический материализм, который мы изучали, был не просто теорией, он был гораздо большим — руководством к действию. Он не только объяснял прошлое и настоящее, он также учил действовать ради будущего. Теория и практика были неразрывно связаны»⁵⁰.

Этот этап практического применения знаний, полученных в тюрьме, наступил в конце 30-х годов, когда большинство революционеров вышло на свободу. Они стали членами КПИ, признав тем самым, что она была партией, занимавшей наиболее последовательные позиции в борьбе не только за независимость, но и за социальное освобождение индийских трудящихся. Именно тогда был реализован тот призыв, с которым обращались к революционерам Коминтерн, КИМ и индийские коммунисты в начале 20-х годов. Вышедшие из тюрьмы революционеры стали работать в гуще масс — среди железнодорожников, докеров, крестьян и студентов. Они создавали профсоюзы и несли марксистские идеи в массы. Так завершилась их эволюция, в корне изменив их теорию социального действия. Многие революционеры, вступив в КПИ, стали видными ее деятелями. Ее Генеральный секретарь Раджешвар Рао писал: «В настоящее время многие из них занимают ответственные посты в Коммунистической партии Индии, так же как и в параллельной компартии»⁵¹. Соратник Бхагата Сингха А. Гхош стал впоследствии Генеральным секретарем КПИ, а бывший гадаровец Теджа Сингх Саватантра и сейчас является членом Национального руководства КПИ.

Однако не для всех революционеров вступление в КПИ означало завершение их идейной эволюции. Ряды компартии пополнились значительным отрядом активных борцов, но они принесли с собой нетерпение и стремление добиться немедленного успеха. Некоторые из них на долгие

⁴⁵ «The Times», 3.I.1930.

⁴⁶ M. Gupta, *They Lived Dangerously*, p. 374.

⁴⁷ D. Kaushik, L. Mitrokhin. *Op. cit.*, p. 144.

⁴⁸ M. Gupta, *They Lived Dangerously*, p. 375.

⁴⁹ Calpana Datt, *Chittagong Armoury Raiders*. Bombay. 1945, p. 93.

⁵⁰ D. Kaushik, L. Mitrokhin. *Op. cit.*, p. 144.

⁵¹ «Правда», 20. X. 1967.

годы сохранили остатки мелкобуржуазной революционности. Только упорным изучением марксистской теории, работой в массах, образцы которой давал А. Гхош, можно было преодолеть эти пережитки. Испытывая постоянное давление мелкобуржуазной среды, некоторые из бывших террористов, судьбу которых можно проследить до наших дней, на крутых поворотах истории обнаруживали рецидивы мелкобуржуазной революционности, давшие о себе знать при расколе КПИ в 1964 г., а затем в возникновении группы так называемых «наксалитов»⁵², призывы которых к развязыванию партизанской крестьянской войны наносят вред единству антиимпериалистических, демократических сил в Индии.

Несмотря на все трудности, через которые пришли к марксизму и компартии индийские национальные революционеры, их опыт имеет глубокий смысл. Он свидетельствует о том, что после Октябрьской революции, когда колониальная система империализма вступила в период кризиса, наиболее передовые представители индийского общества всей логикой освободительного движения подводились к пониманию того, что только марксизм может указать верный путь в борьбе за освобождение от колониализма, путь осуществления последующих коренных социально-экономических преобразований. Переход многих национальных революционеров Индии на позиции марксизма в конечном счете является одним из проявлений закономерного перерастания движения за национальную свободу в борьбу за социализм.

⁵² Такова судьба бывшего национального революционера С. Р. Чоудхури — члена КПИ, затем параллельной компартии и, наконец, так называемой «марксистско-ленинской компартии» маоистского толка. См. «New Age», 21. III. 1971, p. 2.

ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ БОЕВОГО ПРОШЛОГО НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

ПАРТИЗАНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА *

Л. Г. Бескровный

4. Пламя народной войны

2(14) сентября 1812 г. Наполеон с гвардией остановился на Поклонной горе. Перед ними раскинулся один из красивейших городов мира. Император долго смотрел на Москву через подзорную трубу. Затем он спустился с горы к Дорогомиловской заставе в ожидании депутации русской знати с ключами от города и предложением мира. Но депутация не явилась. Наполеон приказал графу Дарю привести к нему «московских бояр». Может быть, продолжал он, русские «не знают, как сдаваться; все здесь ново и для них, и для нас»¹. Но вскоре Дарю доложил, что Москва пуста. Такая весть поразила Наполеона. Всюду его встречали как триумфатора, а здесь царило гробовое молчание. Император долго не мог поверить такому событию. Прошло более часа, прежде чем он дал приказ войскам вступить в Москву. Галопом промчалась по Арбату кавалерия Мюрата, быстрым маршем двинулась пехота. Французам казалось, что наконец наступит желанный мир.

И хотя молчание огромного города таило грозное предзнаменование жестокой борьбы, тем не менее в скорое завершение войны хотела верить вся французская армия. Верил в это и сам Наполеон. «Москва взята — война окончена». Москва была отдана войскам на разграбление. «Первый день принадлежал старой императорской гвардии, следующий — молодой гвардии, затем грабил корпус Даву»². Грабежи сопровождалась пожарами. Вскоре город превратился в бушующее море пламени. По истечении недели Наполеон приказал «прекратить грабежи в Москве»³. Но восстановить порядок во французской армии было уже невозможно: упадок дисциплины и моральное разложение войск зашли очень далеко. Пожар Москвы взволновал народы Европы. Окружение Наполеона было обеспокоено. «Мы становились армией преступников, которых осудит небо и весь цивилизованный мир»⁴, — писал Ф. П. Сегюр. По свидетельству А. де Коленкура, Наполеон «занялся изысканием способов снять с французской армии в глазах Петербурга ответственность за пожар Москвы»⁵. Он приказал расстреливать всех «поджигателей», кого можно схватить на улицах. По официальным французским данным, полевые суды приговорили таким образом к расстрелу 400 человек. Но жертв французского произвола было неизмеримо больше.

Судьба Москвы усилила в народе ненависть к захватчикам и еще более побудила его к борьбе с ними. «Пылающая Москва, — писал полковник П. А. Чуйкевич, — возглаголила сильнейшую месть в сердцах воинов; воздвигла против тебя (Наполеона. — Л. Б.) самых поселян наших, соделавшихся героями»⁶. Против неприятельской армии началась борьба и в самой Москве. Немногочисленные жители, оставшиеся в городе, ста-

* Окончание. Начало см. «Вопросы истории», 1972, № 1.

¹ Ph. P. Séguin. Histoire de Napoléon et de la Grande armée pendant 1812. T. II. P. 1825, p. 38.

² А. Н. Попов. Французы в Москве в 1812 году. М. 1876, стр. 45.

³ В. Беляев. К истории 1812 года. Письма маршала Бертье к принцу Евгению-Наполеону Богарне, вице-королю Итальянскому. СПб. 1905. Приложение, стр. 109.

⁴ «Поход в Москву в 1812 году. Мемуары участника французского генерала графа де Сегюра». М. 1911, стр. 63.

⁵ Арман де Коленкур. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М. 1943, стр. 153.

⁶ П. А. Чуйкевич. Рассуждения о войне 1812 года. СПб. 1813, стр. 14.

ли истреблять интервентов, пользуясь для этого любыми случаями. Находившийся в Москве А. Д. Бестужев-Рюмин не раз наблюдал перестрелку французских патрулей с «нашими мужиками»⁷. По свидетельству французского сержанта Бургоня, однажды его патруль, обходивший Тверскую, был обстрелян со двора губернатора. Обнаруженных там девять горожан с ружьями и колющими орудиями расстреляли без суда⁸. Скрывавшиеся в садах жители нападали на отдельных солдат и офицеров, убивали их и затем бросали в погреб или в колодезь⁹. Во главе отрядов народных мстителей нередко вставали находившиеся на излечении в московских госпиталях русские солдаты. То был ответ на бесчеловечные расправы французов, учиненные во время пожара над ранеными, лечившимися в Кудринском госпитале. Французские гвардейцы намеренно стреляли по госпиталю из пушек, а затем подожгли его. Там сгорело до 700 русских солдат¹⁰. Регистрации оккупантов подлежали военные и гражданские лица. Неявившихся расстреливали как поджигателей. По данным генерал-губернатора Москвы Ф. В. Ростопчина, в столице осталось около 10 тыс. человек, из них погибло более 7 тысяч¹¹.

Пожар Москвы вынудил французов вывести из нее значительную часть пехоты и почти всю кавалерию: эти части не могли быть обеспечены необходимым количеством продовольствия и фуража. Наполеон решил создать вокруг Москвы ряд опорных пунктов как для защиты от нападения русских войск, так и для облегчения сбора продовольствия, нужда в котором все увеличивалась. В связи с этим были направлены на Можайскую дорогу части корпуса Виктора, на Петербургскую — корпус Жюно, на Владимирскую — войска Нея, на Подольскую — кавалерия Мюрата. Опорными базами должны были стать Можайск, Клин, Богородск (ныне Ногинск) и Верея. Однако расчеты Наполеона на получение ресурсов не оправдались. Подмосковные крестьяне враждебно отнеслись к появлению захватчиков и тотчас организовали сопротивление. Большинство их не только отказывалось продавать французам продовольствие, но и расправлялось с теми, кто пытался это сделать. Крестьяне подмосковного села Буньково перебили 18 своих односельчан, а в деревне Гуслицы учинили расправу над 10 купцами из Москвы, приехавшими закупать продовольствие¹². Нередко крестьяне встречали французских фуражиров огнем, несмотря на расстрелы и уничтожение деревень. Сопротивление подмосковных крестьян имело весьма серьезное значение. Один из участников похода на Россию, граф Боволье, писал: «Русские крестьяне вооружались, чем могли, убивали солдат, попадавших в одиночку, и нередко нападали даже на отряды, ходившие на фуражировку. Это враждебное отношение населения особенно было чувствительно частям, расположенным в окрестностях Москвы, — они решительно умирали с голода; особенно же пострадала кавалерия; более 10 000 коней пали от недостатка корма»¹³.

Граф не указывает, откуда крестьяне брали оружие, и не говорит о характере этих выступлений. Между тем это представляет первостепенный интерес. Одним из важных источников получения оружия крестьянами Московской и отчасти Калужской губерний являлось Бородинское поле. «Верейские, Можайские и Рузские и других городов мужики, — свидетельствует современник, — ездят на Бородинское поле сражения, собирают там лежащие ружья и другие оружия и раздают их подмосковным мужикам»¹⁴. Был и другой источник — армейские партизанские отряды раздавали отнятое в боях оружие крестьянам в районе своих действий. Наконец, крестьяне приходили в штаб Кутузова и просили дать им оружие и боеприпасы. «Неоднократно уже являются крестьяне из многих селений, близ мест расположения армий находящихся, испрашивая усиленно ружей с патронами для защиты от неприятеля, — сообщалось в журнале военных действий. — Они истребили их немалое число и при всякой встрече,

⁷ А. Д. Бестужев-Рюмин. О происшествиях, случившихся в Москве во время пребывания в оной неприятеля в 1812 году. М. 1859, стр. 14.

⁸ «Пожар Москвы и отступление французов в 1812 году. Воспоминания сержанта Бургоня». СПб. 1898, стр. 8.

⁹ «Русский вестник», 1872, т. 102, стр. 269—272.

¹⁰ «Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П. И. Шуккиным». Ч. VI. М. 1911, стр. 155.

¹¹ «Русский архив», 1868, № 6, стб. 1391—1392, 1389.

¹² «Русский архив», 1868, № 12, стб. 1948.

¹³ «Русская старина», 1893, т. 77, стр. 17.

¹⁴ «Русский архив», 1894, № 10, стб. 1207.

решительно нападая на врагов, не сходят с места, не разбив оных совершенно... По мере возможности просьбы сих почтенных крестьян удовлетворяются и им дают ружья и пистолеты»¹⁵. И такие случаи не были единичными. Современники событий отмечали, что в период пребывания в Тарутине как бы исчезли кастовые перегородки между армией и народом. Одни крестьяне привозили в лагерь продукты питания, другие приходили с просьбами отпустить боеприпасы, третьи торопились сообщить добытые о противнике сведения. Когда один из художников обратился к генералу П. П. Коновницыну за советом, как ему изобразить деятельность М. И. Кутузова в Тарутине, тот ответил: «При Тарутинском лагере в дер. Леташевке, где с разных сторон приходят резервы, казачьи полки, пушки, запасы, у избы его (фельдмаршала) он стоит сам, мимо его войска проходят, у избы люди разного рода толпятся к нему: дворяне, купцы с образами, хлебом-солью, духовенство, мужики падают к ногам его, просят оружия..., жены и дети, ограбленные злодеями, просят помощи и защиты»¹⁶. Нарисованная художником картина была недалеко от действительности. Популярность М. И. Кутузова в народе росла с каждым днем.

С момента вступления французов в Москву крестьянская борьба, особенно в Подмосковье, получила необычайно большой размах. Это объясняется не только тем, что крестьяне здесь были лучше вооружены, но также и тем, что вокруг столицы непрерывно действовали войсковые партизаны, на которых опирались народные отряды самообороны. Раньше других поднялись крестьяне Звенигородского уезда во главе с сотским села Лучинского П. Ивановым. Он привел в отряд своих сыновей и призвал односельчан вооружаться. Волостной голова Вельяминовской волости И. Андреев также звал крестьян вступить в партизанский отряд. Самоотверженно боролись с французскими мародерами крестьяне Ф. Сергеев, Е. Алексеев и староста села Ильинского Е. Яковлев, звенигородские мещане И. Горяинов и Н. Овчинников «сами храбро бились и других поощряли к истреблению злодеев». В отрядах самообороны этого уезда действовало около 16 тыс. крестьян, «способных к бою». Они неоднократно отражали попытки войск оккупантов, стремившихся захватить Воскресенск и другие города. В результате успешных действий крестьян удалось отстоять не только Воскресенск, но и Новый Иерусалим, а также взять в плен 2 тыс. наполеоновских солдат¹⁷. Это имело немаловажное значение, поскольку противник не смог выступить во фланг и тыл отряду Ф. Ф. Винценгероде, действовавшему в районе Клина.

Столь же активно сражались отряды самообороны Волоколамского уезда. Многие жители деревень, расположенных вокруг Волоколамска, были вооружены. Крестьяне несли караулы у своих селений. При появлении отрядов неприятеля они собирались большими группами и отражали нападение. Организаторами крестьянских отрядов самообороны выступали отставной унтер-офицер Новиков, отставной солдат Немчинов, волостной голова Серединской волости Б. Борисов, волостной староста села Бурцово И. Ермолаев, волостной писарь М. Федоров, крестьяне села Подсухина К. Кузьмин и Г. Семенов¹⁸. Их успешные действия способствовали неудаче всех попыток французских захватить Волоколамск. Наиболее важным событием в данном районе был бой за этот город. В конце сентября французские войска попытались захватить его, но понесли тяжелые потери. Неприятельский батальон был разбит партизанами и «присоединившимися к ним разных селений крестьянами»¹⁹.

Все села Рузской округи были на военном положении. В каждом из них по звону сигнального колокола, который извещал о появлении противника, крестьяне собирались и дружно давали отпор захватчикам. Здесь французы потеряли более тысячи солдат. Активно действовали отряды партизан и в районе Дмитрова: с его захватом открывался путь на Александров, где находился крупный конный завод. Хотя завод

¹⁵ «М. И. Кутузов». Сборник документов. Т. IV, ч. 1. М. 1954, стр. 400.

¹⁶ П. Г. Рыдзюнский. Кутузов — руководитель народного ополчения. «Полководец Кутузов». М. 1956, стр. 387.

¹⁷ «Русский вестник на 1813 год, издаваемый Сергеем Глинкой». Кн. 2. М. 1813, стр. 29—32; Г. В. Ильин. Партизанское движение в 1812 году к северу от Москвы. «Ученые записки» Московского государственного библиотечного института. Вып. 10. 1963, стр. 143—144.

¹⁸ Л. Н. Бычков. Крестьянское партизанское движение в Отечественной войне 1812 года. М. 1954, стр. 63.

¹⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3465, ч. 10, л. 58.

удалось вывести, французские войска тем не менее стремились прорваться к Александрову. Начальник Владимирского ополчения Б. А. Голицын сообщил М. И. Кутузову, что он послал в Дмитровский и Александровский уезды отряды, дабы «внушить жителям бодрость к сопротивлению и уверить их в готовности моей давать по требованию их помощь»²⁰. Неприятель угрожал не только Александрову, но и Клину. Казачья застава была вынуждена отойти к селу Рогачево. Вслед за тем французы захватили Черную Грязь, демонстрируя тем самым намерение Наполеона направить движение главных сил на Петербург. Получив сведения о подобных действиях, М. И. Кутузов сказал: «Пусть идут». Он отлично понимал, что Наполеон не решится на такую акцию, имел у себя в тылу русскую армию. На Ярославской дороге французы угрожали Сергиеву Посаду (ныне Загорск). В связи с этим сюда были переброшены два войсковых отряда, к которым присоединились местные отряды самообороны. Вскоре Дмитров был освобожден; противник вынужден был прекратить наступление и на Сергиев Посад.

Особенно обострилась обстановка на Владимирской дороге, в районе Богородска, откуда французы могли угрожать правому флангу русской армии, расположенной у Тарутина. Маршал Ней выдвинул на Владимирскую дорогу 18 тыс. войск. Главной его задачей было захватить Богородск. «Неприятель занял оной город конницей и пехотой при 8 пушках в 6 000 чел.»²¹, — докладывал Б. А. Голицын М. И. Кутузову. Не располагая необходимыми силами, он вынужден был отвести свои войска к Владимиру. Вступив в Богородск, оккупанты старались захватить в первую очередь продовольствие и фураж. Однако их действия встретили решительное сопротивление крестьян окружающих волостей. Организаторами партизанского отряда в Вохновской волости явились крестьяне Г. Матвеев (Курин), вохновский голова Е. Стулов, сотенный И. Чушкин.

Отряд Герасима Курина вел непрерывные бои с французами с 25 по 29 сентября у деревни Большой Двор, затем у Грибовой, Суботиной, Назаровой и Трубицыной, а с 29 сентября по 1 октября — у деревень Вохны и Насыревой. Большое сражение произошло 1 октября. При появлении крупных сил французов к Вохне (ныне Павлов Посад) собралось 500 конных и 5 300 пеших партизан. Курин разделил этот отряд на три части. Конницей командовал Е. Стулов, тысячным отрядом пехоты — И. Чушкин, главными силами руководил сам Г. Курин. Первые два отряда он расположил в лесах, а с главными силами стал в деревне Вохна. «Во втором часу пополудни появился неприятель из-за лесу, — вспоминал Курин, — идет таким шагом в с. Вохну и ожидал себе противной встречи». Но Курин «не вознамерился сразиться на дороге, а давал свободный вход в с. Вохну, наблюдая свои выгоды. Неприятель остановился под деревней Грибовым в скрытом месте и расположился послать в села два эскадрона, которые и пришли. Один устроился, не дошедши до села, на месте, называемом Прогон, а другой пришел в с. Вохну» и начал грабить местное население. Курин подал сигнал к бою. «Неприятель, тесним будучи с обеих сторон и видя свою гибель, едва мог спасти себя бегством, рассеявшись по полю до дер. Грибова, где скрывалось большое количество их армии, но Курин и Стулов об этом неизвестны были». Партизаны истребили два французских эскадрона. В ответ неприятель атаковал Вохну. Тогда Курин, разделив свой отряд на две части, стал отходить в направлении леса, где стоял в засаде отряд Чушкина. «Перебравшись через вражик, остановились и, подкрепя своих воинов, начали сражаться. Вдруг с правого крыла со своим войском нашед на неприятеля — неприятель, нечаянным нашествием Чушкина приведен будучи в беспорядок, обратился в бегство и гнан Куриным, Стуловым и Чушкиным 8 верст и спасен был темной ночью от совершенного разбития»²². Партизаны захватили 20 повозок, 40 лошадей, 85 ружей, 120 пистолетов и 400 сум, наполненных патронами. Несколько сот солдат неприятеля было ранено и убито. На счету самого Курина был офицер и 7 солдат. На другой день он двинул свой отряд «для очищения Успенского порохового завода и г. Богородска». Подойдя к городу, партизаны «к великому своему

²⁰ С. Копышина, А. Козлова. Владимирское ополчение 1812 года. «Исторический журнал», 1942, № 8, стр. 48.

²¹ «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.». М. 1962, стр. 122.

²² Там же, стр. 116.

удивлению» установили, что французы после боя с ополчением Владимирской губернии оставили город и отошли к Москве.

Серьезные потери несли французские войска и в Бронницком уезде. Партизаны деревень Чулковой, Лановой, Кулаковой, Дурнихи и других собрались в отряд, насчитывавший более 2 тыс. человек. Командовали партизанами старосты сел Семеновского, Константинова и Починки С. Тихонов, Е. Васильев и Я. Петров. В 20-х числах сентября этот отряд и казачий полк совместно нанесли поражение отряду французских фуражиров в 700 человек у деревни Мячиковой. 30 человек противника были убиты, а остальные захвачены в плен. В бою отличились крестьяне Михайловской слободы С. Тимофеев, Я. Кондратьев, В. Афанасьев; из деревни Дурнихи — М. Андреев, И. Иванов и В. Кириллов; из села Леонова — В. Леонтьев и Ф. Дмитриев²³.

Наибольший накал партизанской войны наблюдался, однако, на Серпуховской и на обеих Калужских дорогах, которые вели к месторасположению русской армии и ее базам в Туле и Калуге. Французы старались проникнуть в глубь Калужской губернии, пытаясь создать передовой опорный пункт в Верее. Как только выявилась опасность появления противника на территории этой губернии, местный губернатор П. Н. Каверин произвел поголовное вооружение населения прифронтовых уездов: Жиздринского, Мосальского, Медынского, Боровского, Малоярославецкого и Тарусского. Крестьян вооружали вилами, топорами и рогатинами. Лишь немногие раздобыли себе ружья. Крестьяне несли кордонную службу. Граница губернии была разделена на участки, по три версты в каждом, где находились конные и пешие отряды в 20—70 человек. При появлении противника жители округа тотчас вступали в бой с противником. В свою очередь, и М. И. Кутузов направлял сюда войсковых партизан для наблюдения за передвижениями французских соединений и нанесения им систематических ударов.

Непрерывные рейды войсковых партизан воодушевляли крестьян, и они не раз оказывали командирам отрядов неоценимые услуги, сообщая важные сведения о противнике. М. И. Кутузов приказывал командирам войсковых отрядов снабжать крестьян оружием и боеприпасами. Зная об этом, крестьяне обращались с просьбой помочь им в получении оружия. Генерал М. А. Милорадович сообщал дежурному генералу штаба П. П. Коновницыну: «Коренные крестьяне слободы Каменка Боровского уезда явились ко мне и испрашивали ружей с патронами для защиты от неприятелей. Сии крестьяне заслуживают особого внимания, ибо они под присягой соединились для общего своего защищения, с тем, что положено наказание на случай: ежели бы нашелся трус... Я имею честь препроводить при сем к в. п. явившихся двух из сих крестьян»²⁴. Об энергичной борьбе с захватчиками свидетельствуют также рапорты командиров войсковых отрядов. Поручик М. А. Фонвизин сообщил, что жители Боровской округи вооружены и вступают в схватки с противником, подступавшим к селу Каменскому. При этом крестьяне часто меняли тактику борьбы. С малыми отрядами французских фуражиров они вступали в бой сразу. С большими — обращались иначе. Однажды в село вошел отряд в 500 человек. Захватчики забрали в селе продовольствие, а затем приказали крестьянам приготовить всему отряду обед и открыть погреб. «Проведя день в удовольствии, [они] расположились спать. Среди темноты ночной крестьяне отобрали у них ружья, увели лошадей и, закричав «ура», напали на сонных и полутрезвых неприятелей, дрались целые сутки и, потеряв сами 30 человек, побили их сто, а остальных 400 отвели в Калугу»²⁵.

Столь же успешно действовали партизаны Вереysкой округи, где руководителями отрядов выступали Н. Федоров, Г. Миронов, А. Кирпичников, Н. Усков и А. Щеглов. Партизаны, приняв непосредственное участие в штурме Вереи, где находился гарнизон противника, оказали огромную помощь отряду И. С. Дорохова. В плен было взято 15 офицеров и 370 солдат, убито 300 солдат. После боя Дорохов раздал крестьянам 500 неприятельских ружей. Священник И. Скобеев после освобождения Вереи собрал тысячу крестьян, «которые срыли бывшие укрепления французов». Отличившихся «в ознаменованье такой отличной любви к отечеству» М. И. Кутузов награждал зна-

²³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3508, л. 240.

²⁴ Там же.

²⁵ «Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П. И. Щукиным». Ч. I. М. 1897, стр. 62.

ками Военного ордена²⁶. На неоценимую помощь со стороны партизан указывал и генерал А. П. Ермолов: «В самое короткое время партизаны принесли ощутительную пользу... Не проходили ни транспорты, ни тарки (военный транспорт.— Л. Б.), ни даже малые команды: все было истребляемо партизанами. Неприятель для фуражирования не смел ходить без пехоты и пушек... Жители, ободренные беспрерывно появляющимися партиями, служили им вернейшими провожатыми, доставляли обстоятельные известия, наконец, сами взяли оружие и большими толпами присоединялись к партизанам»²⁷. О подвигах партизан тотчас становилось известно в штабе М. И. Кутузова. Главнокомандующий требовал от командиров отрядов делать достоянием гласности героические действия крестьян. «Мужиков ободрять подвигами, которые оказали их товарищи в других местах, а наиболее в Боровском уезде»²⁸,— указывал он в предписании майору С. И. Лесовскому.

Противник терял сотни солдат на этом направлении. «Поселяне одной Калужской губернии с того времени, как неприятель коснулся их границ, будучи вспомоществуемы казаками Быхалова, убили и взяли в плен слишком 6 000 человек неприятелей; ежедневно приходят они просить оружие, умоляют начальников отрядов дать им случай к поражению врага, и просьбы их по возможности выполняются. Много есть подвигов знаменитых, учиненных почтенными нашими поселянами; но они не могут на первый случай быть обнародованы, ибо неизвестны еще имена храбрых; приняты меры, чтобы узнать об них и предать отечеству для должного почтения»²⁹,— говорилось в одной из листовок. Противник ежедневно терял убитыми, ранеными и взятыми в плен несколько сот человек. «Стоим уже более недели на одном месте,— писал Кутузов по прибытии армии к Тарутину,— и с Наполеоном смотрим друг на друга, — каждый ожидает время. Между тем маленькими частями деремся всякой день и поныне везде удачно. Всякой день берем в полон человек по триста и теряем так мало, что почти ничего»³⁰.

Растущие потери стали устрашать Наполеона. Лористон во время свидания с М. И. Кутузовым в Тарутинском лагере, куда он прибыл с предложением Наполеона начать переговоры о мире, говорил «об образе варварской войны, которую мы с ними ведем; сие относительно не к армии, а к жителям нашим, которые нападают на французов, поодиночке или в малом числе ходящих, поджигают сами дома свои и хлеб, с полей собранный, с предложением неслыханные такие поступки унять. Я уверял его, что, ежели бы я и желал переменить образ мыслей сей в народе, то не мог бы успеть для того, что они войну сию почитают, равно как бы нашествие татар, и я не в состоянии переменить их воспитание»³¹. Этот же вопрос поднимал маршал Бертье в письме, направленном Кутузову с полковником Бэртеми. Фельдмаршал ответил: «Трудно остановить народ, ожесточенный всем тем, что он видел, народ, который в продолжении двухсот лет не видел войн на своей земле, народ, готовый пожертвовать собою для родины, и который не делает различий между тем, что принято и что не принято в войнах обыкновенных»³².

Действия партизан приобретали постепенно стратегическое значение. За 39 дней пребывания в Москве французская армия потеряла более 30 тыс.— результат, равный итогам крупного сражения. Не менее важно учитывать и моральный эффект. Партизаны держали французских оккупантов в постоянном напряжении и, главное, своими действиями вынуждали армию противника осознать, что война с народом — война несправедливая и выиграть ее невозможно. Оценивая сложившееся тогда положение, А. П. Ермолов писал: «Неприятель покорением столицы мнил поколебать твердость россиян, достигнуть славного для себя мира, но не находит столицы, а вместо мира видит народную войну...»³³. Однако поддержка М. И. Кутузовым крестьянского народного сопротивления врагу не находила положительного отклика в при-

²⁶ «Листовки Отечественной войны 1812 г.». М. 1962, стр. 53.

²⁷ «Записки Алексея Петровича Ермолова». М. 1863, стр. 206—207.

²⁸ «М. И. Кутузов». Т. IV, ч. 1, стр. 407.

²⁹ «Листовки Отечественной войны 1812 г.», стр. 53.

³⁰ «М. И. Кутузов». Т. IV, ч. 1, стр. 425.

³¹ Там же, стр. 367—368.

³² Там же, ч. 2, стр. 39.

³³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3570, л. 118 об.

дворных кругах Петербурга. Здесь высказывалось беспокойство по поводу снабжения народа оружием и отсюда шли указания командирам войсковых отрядов о недопустимости подобных акций. Более того, губернаторам предлагалось разоружать крестьян и «расстреливать тех, кто будет уличен в возмущении»³⁴. Такие требования предъявлялись и М. И. Кутузову. В своей объяснительной записке царю о значении крестьянского сопротивления врагу и отношении к борьбе крестьян со стороны армии М. И. Кутузов писал: «С мученической твердостью переносили они все удары, сопряженные с нашествием неприятеля, скрывали в леса свои семейства и малолетних детей, а сами, вооруженные, искали поражения в мирных жилищах своих появляющимся хищникам. Нередко самые женщины хитрым образом уловляли сих злодеев и наказывали смертью их покушения и нередко вооруженные поселяне, присоединяясь к нашим гарнизонам, весьма им способствовали в истреблении врага, и можно без увеличения сказать, что многие тысячи неприятеля истреблены крестьянами»³⁵. Спустя месяц фельдмаршал снова писал царю: «Во время занятия неприятелем Московской, Калужской и части Тульской губернии жители тамошних мест старались доставать себе оружие, желая тем оградить себя от вторжения к ним неприятеля. Уважая справедливую сию надобность и дух общего их рвения повсеместно наносить вред неприятелю, я не только не старался удерживать их от такого намерения, но, напротив того, посредством дежурного при мне генерал-лейтенанта Коновницына, усиливал в них желания сии и снабжал их неприятельскими ружьями. Таким образом, жители означенных мест получали ружья из Главного моего дежурства и от партизанов, другие же от тех самых французов, коих оне убивали собственными их руками»³⁶.

М. И. Кутузов, пользуясь неограниченной властью на территории, входившей в сферу действия Главной армии, не допускал разоружения крестьян и всеми мерами старался поднять роль партизанской войны. В листовках, опубликованных штабом М. И. Кутузова, крестьяне именовались «почтенными нашими поселянами», имена которых должны быть обнародованы, чтобы «предать отечеству для должного почтения». В этих листовках прославлялись подвиги сих «почтенных граждан», грудью ставших «на защиту любезного отечества». Главным мотивом их действий объявлялась любовь к отечеству. И, конечно, прав был Д. В. Давыдов, отметивший, что в этой войне «нравственная сила рабов возвысилась до героизма свободного народа»³⁷. Но именно этого боялись крепостники во главе с Александром I. Принца Ольденбургского беспокоило, что поселяне «как бы сделались политиками» и стали слишком много рассуждать. Еще яснее выразился Ф. В. Ростопчин: «Умы сделались весьма дерзки и без уважения. Привычка бить неприятелей преобразила большую часть поселян в разбойников»³⁸. Отражал эти опасения и английский эmissар при штабе М. И. Кутузова Р. Вильсон: «Не одного только внешнего неприятеля опасаться должно; может быть, теперь он для России самый безопаснейший. Нашествие неприятеля произвело сильное крестьянское сословие, познавшее силу свою и получившее такое ожесточение в характере, что может сделаться опасным»³⁹.

5. Всенародное ополчение

В «малой» войне принимало участие и народное ополчение — вспомогательные воинские формирования. Их создание по первому (Московская, Владимирская, Калужская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская, Ярославская губернии) и второму (Петербургская и Новгородская губернии) округам шло особенно интенсивно в августе — октябре 1812 года. В губерниях, организовавших ополчения, проживало тогда 6 733 тыс. крестьян, которые должны были поставить в общей сложности 203 тыс. ратников: в первом округе — 133,5 тыс., во втором — 26,4 тыс. и в третьем (Ко-

³⁴ В. Харкевич. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. I. Вильно. 1900, стр. 112—113.

³⁵ «М. И. Кутузов». Т. IV, ч. 2, стр. 203.

³⁶ Там же, стр. 442.

³⁷ Д. Давыдов. Военные записки. М. 1940, стр. 22.

³⁸ Н. Дубровин. Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.). СПб. 1882, стр. 463.

³⁹ А. Г. Тартаковский. Военная публицистика 1812 года. М., 1967, стр. 74.

стромская, Нижегородская, Симбирская, Пензенская, Казанская губернии) — 43,5 тысячи. Из них было сформировано 74 пеших полка, 2 отдельных батальона и 9 бригад (28 дружин), а также 13 конных полков и 3 кавалерийские сотни. Кроме того, создавались волонтерные полки из жителей Петербурга и Москвы. Но этим дело не ограничилось. Формирование ополчений широко развернулось на Украине, которая выставила 13, 4 тыс. конных казаков, 47,4 тыс. пеших казаков и дала несколько десятков тысяч погонщиков к обозам и «лопатников» для работы на дорогах и переправах. Правительство отрицательно отнеслось к украинским «самовольным формированиям» и оставило их лишь в прифронтовых губерниях (Полтавской, Черниговской и Киевской). Патриотический подъем охватил также Дон, Калмыкию, Поволжье, Башкирию и далекую Сибирь. Казачество Дона выставило 26 полков, Башкирия — 20 полков, Калмыкия — 2 полка и т. д. То было поистине всенародное движение⁴⁰.

Ополченские формирования сыграли значительную роль в ходе войны. Часть их (Смоленское, Московское, Петербургское, Новгородское и конные формирования Дона, Башкирии и Калмыкии) была включена в состав действующей армии. Другая (Владимирское, Калужское, Ярославское и Тверское) была использована при решении главной задачи — блокировании противника, занявшего Москву, и ведении «малой» войны. Наконец, ряд формирований нес службу по охране границ губерний, прилегавших к театру военных действий, а затем принимал участие в контрнаступлении. Широкое привлечение народных масс к борьбе с армией Наполеона сыграло важнейшую роль. Сила сопротивления народа, защищавшего родину, нарастала, война превращалась во всенародную борьбу с захватчиками. Именно благодаря этому война 1812 г. и стала войной Отечественной.

М. И. Кутузов понимал, что организация блокады наполеоновской армии в Москве не могла быть осуществлена лишь силами действующей армии. Данная задача возлагалась главным образом на ополченские части. В начале сентября они расположились на границах своих губерний и прикрывали дороги, ведущие к Твери, Ярославлю, Владимиру, Рязани, Туле и Калуге. Таким образом, была создана как бы линия обороны, препятствовавшая проникновению войск противника в районы далее 50—70 верст от Москвы. Ополченцы внимательно следили за действиями противника. Попытки французов прорвать кордон оканчивались неудачей: их отряды немедленно уничтожались. Тверское ополчение, взаимодействуя с отрядом Винценгероде, отнесило части корпуса вице-короля Италии Евгения, лишив противника возможности «посылать свои разъезды далее 10-ти или 15-ти верст от Москвы»⁴¹. В сентябре ополченцы вели бой с крупным отрядом из корпуса Нея, пытавшимся перерезать сообщение через Ярославскую дорогу. Вслед за тем они выдержали натиск противника в сторону Твери и нанесли ему урон. Владимирское ополчение прикрывало не только свою губернию, но и обеспечивало связь между готовящимися резервами и главными силами армии. Для его подкрепления М. И. Кутузов направил в распоряжение Б. А. Голыцына Донской и Уральский казачьи полки, казачий полк П. Е. Вфремова и Мариупольский гусарский полк. Силами этого ополчения были освобождены Богородск и Дмитров, в боях за которые принимали участие и крестьянские отряды самообороны. Ярославское ополчение прикрывало дорогу на Ярославль и защищало пределы своей губернии.

Особенно напряженной была боевая деятельность Калужского ополчения. Его полки вместе с отрядами самообороны держали кордон. «Частые пикеты» вели бои с отрядами противника в Мосальском, Боровском, Медынском и Малоярославецком уездах. Они уничтожили более 4 тыс. солдат и взяли в плен до 2,5 тыс. человек⁴². В связи с возникшей угрозой Брянску М. И. Кутузов поручил начальнику Калужского ополчения взять под защиту и этот важный центр, где находился оружейный завод. На помощь ополченцам направили два казачьих полка и часть пехоты. 5-тысячный отряд возглавил генерал-майор В. Яшвилъ. Во время движения к Брянску он должен был очистить от противника Ельнинский уезд. Французы сначала успешно атаковали от-

⁴⁰ «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.», стр. 5.

⁴¹ «Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П. И. Шуккиным». Ч. I, стр. 63.

⁴² В. Бабкин. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М. 1962, стр. 145, 158.

ряд под Ельнею, но затем были разбиты во время контратаки ополченцев и в беспорядке отошли в город. Вскоре неприятельское войско получило подкрепление и вновь атаковало отряд Яшвиля. Ратники ополчения, отбив натиск врага, перешли в наступление. И «кипящее любовью к своему отечеству войско наше... через два часа принудило его к отступлению», — докладывал Яшвиль М. И. Кутузову. Противник был приведен в «совершенное замешательство» и ночью оставил Ельню. Отступавших на расстоянии 20 верст «гнала и била наша конница»⁴³. Ополченцы освободили Рославльский, Мосальский и Ельнинский уезды и защитили Брянск.

Французское командование во время пребывания «Большой армии» в Москве пыталось расширить зону своего проникновения за счет районов Полесья и Брянщины, а также полосу операционной линии с юга. С этой целью им были направлены крупные силы к Боровску, Рославию, Ельне и далее в район Полесья. Возникла угроза выхода французских войск на Украину, в связи с чем резко возросло значение Украинского ополчения, на которое возлагались задачи оказывать содействие войскам 3-й армии, корпусу Ф. Ф. Эртеля и, главное, создать линию обороны по северной границе Украины. К середине сентября Киевское, Полтавское и Черниговское ополчения заняли оборонительные рубежи. Начальник Украинского ополчения генерал Н. В. Гудович докладывал М. И. Кутузову: «Держу цепь аж до Киевской губернии, более чем 700 верст расстояния»⁴⁴. Далее границы Полесья прикрывали казачьи полки. Украина была спасена от разорения.

Таким образом, пока Главная армия готовилась к контр наступлению, войсковые и крестьянские партизанские стряды, отряды самообороны и ополченские части, насчитывавшие около 150 тыс. человек, вели успешную борьбу с противником. Непрерывные удары изматывали неприятеля, полублокада могла превратиться для него в полную блокаду и привести к пленению «Большой армии» непосредственно в Москве. Наполеон это понимал и, учитывая сложившуюся обстановку, решил отступать. Уже 2(14) октября он запретил направлять в Москву артиллерийские парки и маршевые роты. 4(16) октября французские войска были оповещены о перемене расположения, поскольку «Москва... не является военной позицией для будущих операций»⁴⁵. На другой день войска были отозваны из пригородов и сосредоточены в столице. 6(18) октября началось отступление. «Вся армия в движении», — сообщал Наполеон. Правда, его армия напоминала грандиозный обоз с награбленным имуществом, но тем не менее это все еще была очень серьезная боевая сила.

Объясняя причины оставления Москвы вражеской армией, М. И. Кутузов писал: «Неприятель, с самого вступления его в Москву жестоко обманутый в своей надежде найти там изобилие и самой мир, должен был претерпевать всякого рода недостатки. Утомленный далекими походами, изнуренный до крайности скудным продовольствием, тревожимый и истребляемый повсюду партиями нашими, кои пресекали у него последние средства доставать себе пропитание посредством сбора от земли запасов; потеряв без сражения многие тысячи людей, побитых или взятых в плен отделенными нашими отрядами или земскими ополчениями; не усматривая впереди ничего другого, как продолжение ужасной народной войны, способной в краткое время уничтожить всю его армию; видя в каждом жителе воина, общую непреклонность на все его обольщения, решимость всех сословий грудью стать за любимое отечество... и постигнув, наконец, всю суетность дерзкой мысли: одним занятием Москвы поколебать Россию, — предпринял он поспешное отступление вспять, бросив на месте большую часть больных своих, и 11-го числа сего месяца Москва очищена»⁴⁶.

Вслед за отходившими из пригородов Москвы французскими войсками к столице подошли партизаны отряда Винценгероде, крестьянские отряды и части Владимирского ополчения. 9(21) октября маршал Мортье, оставленный для прикрытия отхода французской армии, сообщил Наполеону: «Вооруженные крестьяне начинают действовать. Я же вынужден расстрелять несколько из них». В это время Мортье готовился взорвать Кремль, собор Василия Блаженного и другие исторические памятники. В ночь на 11(23) октября он докладывал начальнику штаба: «Эвакуация Москвы была про-

⁴³ «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.», стр. 159.

⁴⁴ «Український народ у Вітчизняній війні 1812 року». Київ. 1948, стор. 99.

⁴⁵ «Correspondance de Napoléon». Т. XXIV. [Р. 1866], pp. 307, 309.

⁴⁶ «Листовки Отечественной войны 1812 г.», стр. 56.

изведена сегодня ночью. Была легкая перестрелка с казаками и крестьянами. Я потерял 400 раненых»⁴⁷. Казаки и вооруженные крестьяне вели перестрелку с частями Мортье вдоль линии бульваров уже с 9 октября. Наседая на французов, они мешали производить взрывы зданий, которые Наполеон поручил осуществить Мортье. Тем не менее французам удалось взорвать шесть фугасов в Кремле, от которых пострадали Кремлевский дворец, Грановитая палата, Арсенал, отдельные башни и стены Кремля, здание университета, дома Пашкова и Английского собрания. Но больше им ничего не удалось сделать⁴⁸. Московские патриоты тушили фитили, а хлынувший дождь помог устранить опасность разрушения других зданий в Кремле и храма Василия Блаженного. Вскоре Москва была заполнена казаками и вооруженными крестьянами. В центре города 11(23) октября разместился казачий полк И. Д. Иловайского 4-го.

Печальное зрелище представляла собой древняя столица России. Из 2 567 каменных жилых и общественных зданий уцелело лишь 526, из 6 591 деревянного — 2 100, из 8 521 лавки — 1 368. На улицах города валялось 11 955 трупов горожан и французских солдат. «Москва так обругана, — писал современник, — что смотреть на нее сердце замирает»⁴⁹. Для наведения порядка в городе было оставлено Владимирское ополчение, находившееся в ней до конца войны.

6. Народная война в ходе контрнаступления

Первое сообщение Наполеона о приготовлениях к отступлению из Москвы М. И. Кутузов получил от генерала И. С. Дорохова. «Неприятель начал из Воронова отходить к Москве, обозов и транспортов французских по Боровской дороге не встречают, ибо они отправляют оные в Можайск из Воронова через Давидово, 36 верст от Фоминска»⁵⁰. М. И. Кутузов решил упредить противника. В сражении 6(18) октября при Тарутине корпус Мюрата был разбит. Наполеон лишился части необходимой ему в этот период кавалерии. Накануне сражения М. И. Кутузов получил подтверждение от начальников армейских партизанских отрядов Н. Д. Кудашева и А. Н. Сеславина о готовящемся отходе главных сил противника из Москвы. Не желая терять выгодную позицию, главнокомандующий не преследовал отступавшие в беспорядке войска Мюрата. «Неприятель намерен ретироваться по Смоленской дороге... — докладывал М. И. Кутузов Александру I. — Неприятель будет искать непременно дорогу, которая еще не разорена, то есть правее или левее Смоленской. С сего пункта удобно будет на него действовать в обоих сих случаях»⁵¹.

М. И. Кутузов ожидал далее лишь подтверждения своих мыслей. Войска, обеспеченные боеприпасами и продовольствием, были наготове. Появление полковника Бэртеми с письмом маршала Бертье, в котором предлагалось М. И. Кутузову отказаться от применения «малой» войны, утвердило фельдмаршала в правильности его предположений. В ночь на 9(21) октября Дорохов известил его о движении французских войск к Фоминскому, что явно свидетельствовало о намерении Наполеона отходить через Боровск, Малоярославец на Калугу. Создавалась угроза захвата французами собранных там запасов для армии и разрушения Тульского оружейного завода. М. И. Кутузов тотчас направил для поддержки Дорохова корпус Д. С. Дохтурова и приказал партизанам усилить наблюдение за неприятелем. 10(22) октября от Милорадовича, Кудашева и Сеславина поступили новые сведения о движении французских войск по Калужской дороге. Сеславин писал: «Я стоял на дереве, когда открылось движение французской армии, которая тянулась у ног моих, где находился Наполеон в карете. Несколько человек, отделившиеся от опушки леса и дороги, были захвачены и доставлены светлейшему в удостоверение в таком важном для России открытии, решившем судьбу Отечества, Европы и самого Наполеона»⁵². М. И. Кутузов направил Главную армию наперерез наполеоновским войскам к Малоярослаvcу.

⁴⁷ «Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев». Т. II. М. 1912, стр. 128.

⁴⁸ «История Москвы». Т. III. М. 1954, стр. 144.

⁴⁹ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П. И. Щукиным». Ч. V. М. 1900, стр. 162.

⁵⁰ Л. Г. Б е с к р о в н ы й. Отечественная война 1812 года. М. 1962, стр. 493.

⁵¹ «Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной его императорского величества канцелярии». Ч. X. СПб. 1879, стр. 50.

⁵² «Отечественные записки». Т. I. СПб. 1860, стр. 46.

Сражение 12(24) октября за Малоярославец вынудило Наполеона отказаться от захвата Калуги и Тулы и отойти на Смоленский тракт. Правда, он все еще колебался и в ночь на 13 (25) октября собрал в Городне военный совет. Там его маршалы высказались против решения прорываться на Калугу и убедили Наполеона быстрее отойти через Боровск на Можайск и далее к Смоленску. Маршал Бессьер так оценивал обстановку: «Для подобного предприятия (то есть для прорыва к Калуге.— Л. Б.) у армии, даже у гвардии не хватает мужества... А с каким неприятелем нам приходится сражаться? Разве не видели мы поля последней битвы, не заметили того неистовства, с которым русские ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть?»⁵³. После совета Наполеон направился на рекогносцировку к Малоярослаvcу. На пути он чуть не попал в плен к казакам. Это повлияло на его окончательное решение отходить по Смоленской дороге. Впрочем, немалую роль сыграло и полученное им донесение о том, что главные силы М. И. Кутузова отошли к деревне Гончаровой. Тем самым французы лишились возможности совершить обход через Медынь. Теперь Наполеон хотел лишь одного — «стараться избегнуть неприятеля и как можно скорее перейти разоренный нами край»⁵⁴, чтобы укрыться в междуречье Днепра, Березины и Западной Двины, перезимовать там и начать в 1813 г. новую кампанию.

Наполеон имел достаточно сил для организации обороны Смоленска: его основная армия насчитывала еще до 100 тыс. человек, в левофланговой группировке на Западной Двине было 60 тыс., на правом фланге — не менее 50 тысяч. Кроме того, на линии Смоленск — Вильно сосредоточивалось до 75 тыс. человек. Но эти разобщенные силы ему необходимо было быстро соединить. Между тем ему не удавалось оторваться от русской армии. «Наполеон бегает по ночам с места на место, но по сию пору мы его предупреждаем везде. Ему надобно как-нибудь уйти, и вот чего без большой потери своей сделать нельзя»⁵⁵, — писал М. И. Кутузов в начале контрнаступления. Фельдмаршал поставил целью не допустить соединения сил Наполеона и организации им обороны на линии Западная Двина — Днепр — Полесье. В распоряжении главнокомандующего после сражения у Малоярославца было немногим более 100 тыс.; кроме того, он имел к тому времени 200 тыс. человек в ополчении, а на флангах стояли войска П. Х. Витгенштейна и П. В. Чичагова, насчитывавшие до 100 тыс. человек. Таким образом, М. И. Кутузов располагал относительным превосходством в людских резервах, главных же сил у него было столько же, сколько у Наполеона. Русский полководец хорошо понимал, что в такой обстановке проигранное генеральное сражение могло обернуться новой кампанией в следующем году, и поэтому действовал осторожно. План его состоял в том, чтобы усилиями всех армий нанести концентрический удар. «Я полагаю, — писал главнокомандующий в директивах Витгенштейну, — что главное поражение, которое неприятелю нанести можно, должно быть между Днепром, Березиной и Двиной». Аналогичные соображения он высказывал также командующему 3-й армией Чичагову, завершив их указанием: «По сим обстоятельствам, содействием всех наших сил может нанести неизбежную гибель Наполеону»⁵⁶. По замыслу М. И. Кутузова, основная роль в концентрическом наступлении должна принадлежать Главной армии, в задачу которой входило действовать во фланг и тыл войскам Наполеона, нанося им последовательно удар за ударом. В этом плане партизанам и ополчению отводилось важное место. Начиная наступление, М. И. Кутузов решил сосредоточить на правом и левом флангах две крупные группировки, которые обеспечили бы создание угрозы фланговых обходов и вынуждали бы Наполеона действовать против главных сил с перевернутым фронтом. В связи с этим в отряд генерал-лейтенанта П. В. Голенищева-Кутузова были включены Тверское и Ярославское ополчения, шесть казачьих полков, ряд войсковых партизанских отрядов (В. А. Пренделя, П. Е. Ефремова и др.). Это формирование насчитывало до 25 тыс. человек. Значительная группировка была создана и на левом фланге, куда входили регулярные части и казачьи полки Донского, Полтавского и Черниговского ополчений. В ее состав был включен также отряд А. П. Ожаровского. Эта

⁵³ «Поход в Москву в 1812 году. Мемуары участника французского генерала графа де Сегюра», стр. 99.

⁵⁴ А. Ж о м и н и. Политическая и военная жизнь Наполеона. Ч. V. СПб. 1840, стр. 384.

⁵⁵ «М. И. Кутузов». Т. IV, ч. 2, стр. 145.

⁵⁶ Там же, стр. 306.

группировка насчитывала около 20 тыс. человек, из них до 7 тыс. конницы. На Калужское, Тульское и Украинское ополчения возлагалась задача прикрывать границы своих губерний, не допуская «впадения неприятеля», а по мере продвижения главных сил занимать освобожденную территорию и очищать ее от остатков войск противника. Тем самым регулярная армия сохранялась для прямых действий против Наполеона. Чтобы не дать ему возможности собрать свои войска в кулак, М. И. Кутузов приказал казачьему корпусу М. И. Платова выдвинуться вперед, «выиграть марш над неприятелем так, чтобы главными силами вашими по удобности делать на отступающие головы его колонн нападения во время марша и беспрестанные ночные тревоги».

Аналогичные приказания получили командиры партизанских отрядов Ожаровский, Орлов-Денисов, Сеславин, Давыдов и другие. Так, Ожаровскому предписывалось «нападать на неприятельские малые отряды, транспорты, по Смоленской дороге идущие, истреблять учрежденные на сем пути неприятельские магазейны... Отряжайте народные партии для истребления мостов... Словом сказать, употребите все способы, которые только к вреду неприятельскому послужить могут»⁵⁷. Такая тактика вполне себя оправдала. Партизаны всячески затрудняли «отступное неприятельское движение», чем способствовали выполнению принятого общего плана. Первый крупный удар был нанесен по французам у Вязьмы. В этом бою отличились партизанские отряды А. Н. Сеславина и А. С. Фигнера, которые во время атаки переправились через р. Улицу, обошли город и ворвались в Вязьму вместе с казаками Платова и пехотой Милорадовича. Понеся крупные потери, французы были вынуждены отступить к Смоленску. «Перновский пехотный полк, быв в главе колонны, с распущенными знаменами и барабанным боем первым вступил в город и очистил по трупам неприятельским путь другим войскам». Пехотинцев встречали партизаны, а отряд Давыдова в это время действовал на Смоленском тракте, где двигалась масса обозов противника. Основное внимание Давыдов сосредоточил на уничтожении артиллерии и военных обозов. Он вспоминал: «Надо было быть свидетелем смещения криков..., со стрельбою защищающихся, с треском на воздух взлетающих артиллерийских палубов и с громогласным ура казаков моих!»⁵⁸.

В Смоленске Наполеон пробыл четыре дня, произвел реорганизацию армии, приказав Виктору отбросить перешедшие в наступление части корпуса Витгенштейна и удерживать рубеж по Западной Двине. Им был направлен туда корпус Евгения Богарне. Генералу Барраге-д-Иллие приказано было удерживать подступы к Смоленску с юга. Последний занял Ельню и направил одну бригаду к Ляхову. Однако план Наполеона был сорван. Платов нанес сокрушительный удар по итальянскому корпусу у Духовщины, заставив остатки его бежать к Смоленску. Еще большая неудача постигла Барраге-д-Иллие, который поставил свою дивизию на ночлег в Долгомостье, Язвине и Ляхове. Французы не подозревали, что туда стягивались партизанские отряды Давыдова, Сеславина и Фигнера. «Мы решились атаковать Ляхово, — писал Давыдов. — Но так как все три партии не составляли более тысячи двухсот человек разного сбора конницы, восьмидесяти егерей 20-го егерского полка и четырех орудий, то я предложил пригласить на удар сей графа Орлова-Денисова, которого партия состояла из шести полков казачьих и Нежинского драгунского полка»⁵⁹.

Полутору 28 октября партизанам удалось захватить в плен группу французских фуражиров, которые подтвердили полученные данные о расположении дивизии и об изолированном положении бригады Ожеро. Часть фуражиров бежала, сообщив командиру бригады о появлении казаков. Руководители партизанских отрядов разработали такой план: отряду Давыдова действовать наперерез Смоленской дороге, дабы преградить отступление Ожеро и Барраге-д-Иллие, занимавшему Долгомостье. Сеславин и Фигнер должны были атаковать французов слева, по дороге на Ельню, а Орлов-Давыдов — справа, по дороге на Долгомостье. Атаку предварила орудийная стрельба. «Неприятель, невзирая на пушечные выстрелы, выходил из села, усиливая стрелков, занимавших болотистый лес, примыкавший к селу, и напирал на правый фланг наших главными силами», стремясь прорваться к Долгомостью. Положение осложнилось, так

⁵⁷ Там же, стр. 147, 148, 187—188.

⁵⁸ Д. Давыдов. Сочинения. М. 1962, стр. 355.

⁵⁹ Там же, стр. 361—362.

как получено было известие, что из Долгомостья к Ожеро идет подкрепление в 2 тыс. человек. Это вынудило партизан усилить огонь. Ляхово в разных местах загорелось, стрельба продолжалась. Возникла угроза прорыва, но Ожеро вместо того, чтобы построить свои войска в одну колонну и пойти на прорыв («В этом случае, мы бы, — писал Давыдов, — другого ничего сделать не могли, как конвоировать его торжественно до корпуса Бараге-Дильере и откланяться ему при их соединении»⁶⁰), принял решение капитулировать. Переговоры продолжались не более часа. В результате в плен сдались 2 тыс. рядовых, 60 офицеров и один генерал. Фигнер препроводил пленных в тыл, а Кутузов направил знаменитого партизана в Петербург с донесением об одержанной победе: «Победа сия тем более знаменита, что при оной еще в первый раз в продолжении нынешней кампании неприятельской корпус сдался нам»⁶¹, — писал фельдмаршал Александру I. Кутузов не преминул лестно охарактеризовать Фигнера как офицера «с редкими военными способностями и великостью духа, которые известны не токмо нашей армии, но и неприятельской»⁶².

Поражение корпуса вице-короля Евгения под Духовщиной и капитуляция Ожеро у Ляхова поставили Наполеона перед фактом, что он не в состоянии создать в короткий срок прочную оборону вдоль Днепра. «Смоленск не доставил нам этой (необходимой. — Л. Б.) точки опоры, и все погибло»⁶³, — писал Жомини, оценивая сложившуюся в то время обстановку. Судьбу наполеоновской армии нетрудно было предвидеть. М. И. Кутузов же хотел добиться полного успеха, сохранив главные силы русской армии. С этой целью он оказывал моральное воздействие на отходившие войска противника, предлагая партизанам «доставлять в неприятельскую армию»⁶⁴ специальные листовки с призывом прекратить сопротивление. «Когда русская армия отступала, — говорилось в одной из листовок, — вы считали, что она бежит. Но и тогда она была достаточно великодушной, чтобы вывести вас из этого заблуждения. Русская армия заявила, что вы потерпите поражение в каждом бою, потому что не вы, а она будет определять место сражения и не даст вам уйти из страны, не добившись вашей гибели. И вы испытаете это... Прислушайтесь же к голосу разума... Тщетно бороться... Тысячи ваших товарищей уже сложили оружие. Они были такими же храбрецами, как и вы, но они подчинились властному закону необходимости, они нашли в русских гуманых и великодушных победителей»⁶⁵.

7. Гибель нашествия

Французское командование пыталось обеспечить порядок в войсках во время отступления. Пока они имели продовольствие, дисциплину удавалось сохранять. Но через две недели по выходе из Москвы продовольствие кончилось, и сразу же в войсках усилилось разложение. Ближайшие базы снабжения были в Смоленске, Могилеве, Минске и Вильне. Пришлось добывать продовольствие силой на пути следования. «Каких только неистовств не делает этот неприятель? — писал Ф. Глинка. — Он отряжает нарочные толпы для сжигания деревень, прикалывает наших пленных, расстреливает крестьян»⁶⁶. Чем больше становились известными факты грабежей, убийств, поджогов и других форм жестокости, проявленных отступавшими французами, тем сильнее нарастало ожесточение крестьян и горожан против врага. На это обратил внимание и английский представитель при русской армии Р. Вильсон. «Безрассудный неприятель отнюдь не старается смягчить разъяренных крестьян и солдат, а, напротив того, делает все, чтобы раздражать их еще более. В Вязьме они разложили гранаты и бомбы по домам, которые зажечь были намерены, и взрывы продолжались несколько часов сряду. В Дорогобуже они располагались систематически сжечь город, но не имели времени исполнить этого намерения, покушение однакож сделано»⁶⁷. Калужский гу-

⁶⁰ Там же, стр. 363, 365.

⁶¹ «М. И. Кутузов». Т. IV, ч. 2, стр. 255.

⁶² Там же, стр. 258.

⁶³ А. Ж о м и н и. Указ. соч., стр. 415—416.

⁶⁴ «М. И. Кутузов». Т. IV, ч. 2, стр. 200.

⁶⁵ «Листовки Отечественной войны 1812 г.», стр. 79.

⁶⁶ Ф. Г л и н к а. Письма русского офицера. Ч. I. СПб. 1815, стр. 49.

⁶⁷ Н. Д у б р о в и н. Указ. соч., стр. 296.

бернатор П. Н. Каверин сообщал о состоянии Вязьмы: «Злодеи не только старались истреблять народ и жилища их, но и самые храмы божию поруганы и осквернены ими. В Вязьме нашел я одни следы варварства их, все предано огню. Повсюду зрятся развалины и запустение»⁶⁸. Наполеон приказал уничтожать все русские поселения, и только «в Белоруссии император прекратил это опустошение и издавал приказы, что в будущем подобные неистовства будут наказываться... Эти приказы не выполнялись»⁶⁹. Противник не только сжигал дома, но и безжалостно расстреливал крестьян, оказывавших сопротивление грабегам. Расстреливались также пленные русские, которых гнали из самой Москвы. Наиболее дальновидные из наполеоновского окружения указывали на недопустимость такого обращения с пленными: «Это какая-то бесчеловечная жестокость! — говорил Коленкур. — Так вот она — пресловутая цивилизация, которую мы несли в Россию! Какое впечатление произведет на неприятеля это варварство!»⁷⁰. Недаром столь высок был накал ненависти к противнику у русских войск, находившихся на пути отхода французов.

Казаки и крестьяне-партизаны все время тревожили отступавшие колонны противника. «Казаки, над которыми при наступлении посмеивались наши солдаты, ...эти самые казаки теперь стали не только предметом уважения, но и предметом ужаса всей армии, и число их при содействии придорожных жителей значительно увеличилось»⁷¹, — писал офицер 2-го французского кирасирского полка Тирион. Казаки захватывали много пленных. Сначала Платов докладывал М. И. Кутузову, что «взятые в плен (солдаты. — Л. Б.) отданы обывателям для доставления их до первого города, дабы определением для конвоя казаков не развлекать оных от полков». Но вскоре он должен был выделить целый полк для доставления пленных в Дорогобуж, «ибо мужики убивают пленных нещадно». Пришлось пленных отправлять с конвоем, «дабы раздраженные мужики их не убивали»⁷².

В Смоленске французская армия не смогла удержаться и стала отходить на Красное. М. И. Кутузов готовил новый удар. Милорадовичу и Платову было приказано угрожать наполеоновской армии с тыла; партизанским отрядам Ожаровского и Орлова-Денисова поручалось перехватить пути отступления у Красного; Главная же армия должна была атаковать противника на марше. С 4(16) по 6(18) ноября у Красного развернулись тяжелые бои, в результате которых были разгромлены корпус Даву и Нея и уничтожены остатки французской кавалерии. Этим событиям предшествовали успешные действия отрядов Ожаровского и Орлова-Денисова. Они вышли 2(14) ноября к Красному и захватили его, отбросив подошедший со стороны Смоленска корпус Понятовского. «Вчерашний день, — писал М. И. Кутузов, — понес неприятель новое и жестокое поражение под Красным»⁷³. Наполеоновская армия оказалась на грани катастрофы.

Не в пользу Наполеона разворачивались события и на флангах. Витгенштейн, перейдя в наступление, овладел Полоцком и Витебском. В боях за эти города принимали участие крестьяне окрестных деревень и ополченцы. Особенно отличился отряд крестьян деревни Жарцы. Во время оккупации французами Полоцка этот отряд ни разу не позволил французам вступить в свою деревню. Об одном из случаев отражения французских войск силами крестьян этой деревни докладывал Витгенштейну генерал Е. И. Власов. 8 сентября значительный отряд генерала Леграна обследовал район от реки Полоты до Двины. Подойдя к Жарцам, французы хотели занять деревню, «но жители той деревни — русские мужики, узнав о приближении неприятеля, просили находившегося у них в залеге казака (Л. Гришина. — Л. Б.), чтоб он ими командовал, который охотно за то взялся. Тогда мужики, тотчас взяв свои ружья, бросились в лес, и как скоро неприятель приблизился, то казак, распоряжаясь ими, кричал: «егеря направо», «казаки налево», а мужики тотчас встретили его из леса ружейным огнем, отчего неприятель оставил покушение свое занять ту деревню и пошел мимо окон. Тогда храб-

⁶⁸ Там же, стр. 320.

⁶⁹ «Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев». Т. III. М. 1912, стр. 111.

⁷⁰ Там же. Т. II, стр. 159—160.

⁷¹ Там же. Т. III, стр. 117.

⁷² «Донские казаки в 1812 году». Ростов н/Д. 1954, стр. 217, 223, 227.

⁷³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3510, л. 244.

рые русские мужики пустились вслед за ним и беспрестанно тревожили его, причем несколько человек убили и ранили, между коими и одного офицера»⁷⁴. Успех был достигнут силами сравнительно небольшого крестьянского отряда. Храбро сражались 22 партизана из этой деревни и при штурме Полоцка. По ходатайству Витгенштейна весь состав отряда (П. Яковлев, А. Афанасьев, Ф. Кузьмин, П. Орехов и др.) был награжден серебряными медалями на андреевской ленте. Кроме того, они получили право ношения ополченских крестов навсегда, хотя и не состояли в ополчении⁷⁵.

И в завершающем ударе у Березины М. И. Кутузов отводил партизанам важное место. Отряду Ожаровского было предписано захватить Могилев, где находились крупные продовольственные склады противника, а Давыдову — перехватить «всякое сообщение между Могилевом и Оршею». Предполагая, что наполеоновская армия будет двигаться через Оршу на Борисов, главнокомандующий приказал Сеслаину «открыть скорую коммуникацию с Витгенштейном». Отряду Голенищева-Кутузова предписывалось усилить натиск на правый фланг и тыл армии Наполеона. От Чичагова и Витгенштейна требовалось объединить усилия и не допустить прорыва Наполеона через Березину к Вильне. Выход Главной армии к Березине позволял завершить окружение. «Ваше сиятельство, — писал М. И. Кутузов Витгенштейну, — из сего усмотреть можете, сколь пагубно есть положение Наполеона»⁷⁶. Сеславин отлично выполнил возложенную на его отряд задачу, связавшись с Витгенштейном. Затем этот офицер отправился к Чичагову, и совместными усилиями они захватили Борисов, обеспечив, таким образом, связь между армиями Витгенштейна и Чичагова. В Борисове отряд Сеславина взял в плен более 3 тыс. французов. «Сеславин где ни пролетит с крылами, там брошен в прах и меч, и щит, и услан путь врагами»⁷⁷, — писал В. А. Жуковский. Так же хорошо справился с поставленной целью Ожаровский. Его отряд, выступив из Шклова, внезапно оказался под Могилевом. Французы были разбиты, а город сохранен от сожжения.

Не менее успешно решал задачу Голенищев-Кутузов, который держался у неприятеля «в авангарде от самой Орши до Борисова». За это время его отряд захватил в плен 76 французских генералов и офицеров и около 6 тыс. солдат. Отряд Ожаровского «открыл коммуникацию Главной армии с армиею адмирала Чичагова»⁷⁸. Таким образом, партизанские отряды обеспечили установление связи между всеми армиями перед решающим ударом. Лишь нерешительность Витгенштейна и ошибка Чичагова спасли Наполеона от пленения. Разгромом «Большой армии» на Березине завершилось выполнение плана М. И. Кутузова. После березинской катастрофы наступила агония врага. Наполеон пока еще мог продолжать борьбу. В его распоряжении были свежие корпуса Макдональда, Шварценберга и крупные гарнизоны. Но он, покинув действующую армию, срочно направился в Париж для формирования новых сил. В Сморгони он сдал командование Мюрату, а сам инкогнито отбыл. На границе его встретил генерал Маре, на вопрос которого о судьбе войск Наполеон ответил: «Армии больше нет». Тем не менее М. И. Кутузову нужно было приложить немало усилий, чтобы исключить возможность сопротивления французов у Вильно и освободить остальную часть России от войск противника.

И на этом этапе Отечественной войны партизаны сыграли крупную роль, особенно отряды Давыдова и Сеславина. В то время как Ожаровский должен был наблюдать за корпусом Шварценберга, а Голенищев-Кутузов — за баварским корпусом Вреде, Давыдову поручалось захватить Ковно и Гродно, а Сеслаину — выйти к Вильно. Давыдов овладел Гродно, где взял в плен 660 солдат и офицеров. Спустя несколько дней туда вошли войска Милорадовича. Отряд Сеславина и другие партизаны подошли к Вильно и с боем ворвались в город. Докладывая Коновницину о своих успехах, Сеславин писал: «Вам... рекомендую весь отряд мой, который во всех делах от Москвы до Вильны окрылялся рвением к общей пользе и не жалел крови за отечество»⁷⁹.

⁷⁴ «Из боевого прошлого русской армии». М. 1947, стр. 164.

⁷⁵ А. Левшин. Партизаны в Отечественную войну 1812 года. М. 1912, стр. 17.

⁷⁶ «М. И. Кутузов» Т. IV, ч. 2, стр. 339, 336—367, 389, 392.

⁷⁷ В. А. Жуковский. Собрание сочинений. Т. I. М.—Л. 1959, стр. 157.

⁷⁸ «Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА». Т. 15. СПб. 1911, стр. 74.

⁷⁹ Д. Давыдов. Указ. соч., стр. 395.

Вскоре в Вильно вошла Главная армия, и М. И. Кутузов мог констатировать: «Война окончилась за полным истреблением неприятеля»⁸⁰.

«Высший героический подъем, на который еще способно было старое общество, есть национальная война»⁸¹, — указывал К. Маркс: Война 1812 г. явилась тому наглядным примером. Она стала Отечественной потому, что на защиту целостности и независимости страны выступили в общем порыве народы России, особенно русский народ, который показал себя мужественным, стойким и храбрым, способным пойти на любые лишения ради освобождения родины. Во время войны с небывалой силой проявилось чувство патриотизма, беззаветной любви к отчизне. Впервые в истории нового времени народам России пришлось принимать столь широкое участие в борьбе за судьбу своей страны, и они с честью вышли из тяжелого испытания. «Вся история освободительных войн, — отмечал В. И. Ленин, — показывает нам, что если эти войны захватывали широкие массы, то освобождение наступало быстро»⁸². Народные массы принимали участие во всех этапах борьбы с наполеоновским нашествием. Чем глубже армия врага проникала в пределы страны, тем более увеличивалась сила народного сопротивления, тем многограннее становились способы ведения народной войны. Возрастал моральный дух армии, стремившейся на поле брани отстаивать честь своей страны. Шла активная организация ополчения. Столь широкое участие масс в войне дало основание великому русскому писателю Л. Н. Толстому сказать: «Дубина народной войны поднялась со всею своею грозною и величественною силою и, не спрашивая ничьих вкусов и правил..., не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие»⁸³.

Народная война 1812 г. включала действия войсковых и крестьянских партизанских отрядов, отрядов самообороны и ополчения. Командование русской армии придавало огромное значение этим формам борьбы. Штаб русской армии стал специально формировать отряды различной величины, которым ставились определенные задачи. Характеризуя роль этих отрядов, генерал А. И. Чернышев писал: «Прежде сего партизанами называли малые отряды, поручаемые командующими офицерами для выполнения незначачих предприятий. Отбить конвой, атаковать маловажный отряд, взять пленных для получения известий, вот чем ограничивалось их дело. В нынешнюю же кампанию они оказали величайшие услуги и возымели совсем другое назначение. Главный предмет их состоял в том..., чтобы, врезаясь в неприятельские линии, пресекать на продолжительное время всякое сообщение, окружив неприятеля со всех сторон, открывать движения его и, таким образом, как бы ограждая нашу армию, обманывать на счет наших действий... Новый сей способ войны был употреблен с такою удачею, что действия летучих отрядов заставляли иногда смелого завоевателя, привыкшего располагать происшествиями и успехами войны, переменять свои планы»⁸⁴. Войсковые отряды создавались командованием и базировались на местах расположения главных сил. Крестьянские отряды возникали стихийно и взаимодействовали с войсковыми партизанами. Они очищали от противника обширные зоны, которые и становились их базами. Отряды самообороны возникали как в тылу противника, так и на границах операционных линий. Их действия сливались с действиями подвижных военных отрядов. Ополчения не только обеспечивали охрану границ прифронтовых губерний, но и служили важным источником пополнения действующей армии.

Одна из особенностей Отечественной войны 1812 г. состояла в том, что на определенном этапе борьбы участие народных масс стало составной частью стратегии русского командования. М. И. Кутузов смотрел на самоотверженную борьбу народа как на важный фактор, обуславливавший достижение победы над врагом. В эпоху действия массовых армий уже трудно было вести борьбу силами постоянных армий. Дело нередко решали резервы в самом широком смысле слова. А, как известно, чаще всего «побеждает на войне тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше выдержки в народной толще»⁸⁵. Великий русский полководец объединил эти формы

⁸⁰ «М. И. Кутузов. Материалы юбилейной сессии военных академий». М. 1947, стр. 20.

⁸¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17, стр. 365.

⁸² В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 23—24.

⁸³ Л. Н. Толстой. Война и мир. Т. III, гл. I. М. 1948, стр. 108.

⁸⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3368, лл. 1—2.

⁸⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 237.

борьбы с действиями регулярной армии. Эффект оказался необычайным. Непобедимая до того французская армия в результате непрерывных боев была истреблена, а значительная часть ее сдалась в плен.

Немалый интерес представляет вопрос о характере потерь, понесенных французской армией. В ходе сражений с регулярными силами она лишилась 210 тыс. человек, партизанами и отрядами самообороны было истреблено 80 тыс., захвачено в плен или перешло на русскую сторону — 150 тыс., дезертировало в леса или бежало за русскую границу 60 тыс., умерло более 100 тыс. человек⁸⁶.

Штаб М. И. Кутузова позднее усиленно пропагандировал опыт народной войны. В воззвании к немецкому народу от 12 декабря 1812 г. говорилось: «Русский народ, воодушевленный любовью к родине, одержал победу... Все мы — русские, немцы, итальянцы, швейцарцы и испанцы — братья, ибо у нас один и тот же враг. Объединим же наши боевые силы». Через два дня штаб опубликовал специальную листовку о патриотических подвигах русских граждан: «Храбрость, мужество и любовь к отечеству была всегда отличительной чертой русских; но в течение нынешней кампании добродетели сии обнаружилась с сугубою силою и явились в новом величественнейшем блеске»⁸⁷. В ряде последующих воззваний М. И. Кутузов призывал немецкий народ подняться и, опираясь на русскую армию, сбросить с себя иго французов: «Помните о бессмертной славе ваших предков, которые искони с непреклонным мужеством умели защищать вашу независимость»⁸⁸.

Эти воззвания пали на благодатную почву. Сначала Европа не верила слухам о разгроме «Большой армии». Французские бюллетени утверждали, что в России все обстоит благополучно, возвещали о «победах» под Малоярославцем, Вязьмой и Красным и объявляли о необходимости отхода в Белоруссию и Литву ради маневра в целях сосредоточения всех сил для нового удара в 1813 году. Но вскоре истинная картина событий в России предстала перед изумленной Европой... Отечественная война 1812 года еще раз показала, что ведение войны одними только армиями не всегда могло принести успех. Когда в войну включились широкие народные массы России, то именно от их организованности, подъема и состояния духа во многом стал зависеть ход и исход всей кампании 1812 года. Наполеон же не верил в возможность народной войны. Несмотря на урок, преподанный ему в Испании, он полагал, что в России ему придется иметь дело лишь с одной армией. Наряду с другими просчетами это был главный просчет, за который захватчик заплатил дорогой ценой. Разгром французов в России явился толчком к подъему национально-освободительной борьбы во всех пораженных Наполеоном странах. Русский народ своей героической борьбой указал им путь к освобождению.

⁸⁶ М. И. Кутузов указывал, что Наполеон перешел границу России с 480 тыс. человек. Из них он потерял убитыми 210 тыс., пленными 150 тыс. и вывел обратно 20 тыс. («М. И. Кутузов». Т. IV, ч. 2, стр. 618). Но М. И. Кутузов не учел наполеоновские войска второго эшелона, составлявшие до 200 тыс. человек.

⁸⁷ «Листовки Отечественной войны 1812 г.», стр. 97, 115.

⁸⁸ Там же, стр. 125.

ВОСПОМИНАНИЯ

ТЫЛ КРАСНОЙ АРМИИ В МОСКОВСКОЙ БИТВЕ

Генерал-лейтенант П. А. Ермолин

В начальный период Великой Отечественной войны обстановка для нас, как известно, складывалась неблагоприятно. Советские войска, несмотря на упорное сопротивление силам фашистских агрессоров, с потерями отходили на восток. Враг превосходил наши войска тогда в численности, а также в боевой технике, особенно в танках и самолетах. В его руках находилась стратегическая инициатива. В конце сентября 1941 г. фашисты предприняли генеральное наступление на Москву. 3 октября противник захватил Орел и двинулся в сторону Тулы. С начала месяца жаркие бои велись в районе Вязьмы. Немецким войскам удалось прорвать нашу оборону и выйти на рубежи, с которых можно было непосредственно угрожать Москве.

Партия, Государственный Комитет Оборонь (ГКО) и Ставка Верховного Главного командования (СВГК) приняли срочные меры, чтобы преградить путь фашистским полчищам и отстоять столицу. В прифронтовой полосе и в тыловых районах страны шло формирование новых войсковых частей. В самые короткие сроки предстояло их вооружить, обмундировать, создать запасы горючего, боеприпасов, продовольствия и фуража. Всю эту работу, как и обеспечение и снабжение войск действующих фронтов, осуществляло созданное в конце июля 1941 г. по решению ГКО Главное управление тыла Красной Армии¹. Начальником тыла Красной Армии был назначен генерал-лейтенант А. В. Хрулев, его заместителями — генералы М. В. Захаров и П. А. Ермолин. Главное управление тыла размещалось в довольно большом здании. Здесь же находился Штаб тыла Красной Армии — рабочий орган Главного управления тыла, возглавлявшийся генерал-майором М. П. Миловским, а также некоторые управления тыла (Автодорожное, Военно-санитарное). Главное управление и его Штаб были теми центрами, куда ежедневно с фронта стекались заявки на материальное обеспечение войск, поступали сводки о снабжении Действующей армии и тыловых военных округов.

Работать приходилось в сложной, напряженной обстановке. Заявки на все виды материального обеспечения, на перевозки личного состава и грузов — по железным дорогам, автотранспортом и самолетами, на дорожно-строительные работы, на эвакуацию раненых, транспортирование материальных ценностей из угрожаемых районов и многое другое поступали к нам ежечасно по телеграфу, телефону «ВЧ», запрашивались по прямому проводу. Служебные помещения Главного управления тыла и управлений заполнялись командирами с фронтов, прибывавшими в Москву для решения нужных вопросов. Каждый фронт требовал к себе особого внимания, просил осуществить все внеочередно или же самым срочным образом. Военные округа, где в тылу формировались резервные части и соединения и откуда на фронт отправлялись маршевые пополнения, просили горючее, снаряжение, обмундирование, чтобы экипировать, снабдить войска. Работникам управления надо было все просьбы и заявки удовлетворить в самые короткие сроки, измерявшиеся сутками, обеспечить формирование, перевозку, развертывание, ибо промедление могло иметь тяжелые последствия.

¹ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945». Т. 2. М. 1961, стр. 610.

Особенно трудно было с горючим. Государственные резервы горючего уменьшались. Часть их, размещенная в свое время в западных районах страны, была уже израсходована или уничтожена нами при отступлении. А нефтеперерабатывающие заводы не могли сразу увеличить производство². Приходилось с бухгалтерской точностью учитывать каждую тонну и, выполняя заявки, иметь в виду количество автомашин, танков и самолетов, действующих на фронтах в данное время. С обмундированием и снаряжением было немного легче, однако и интендантская часть требовала много забот и осуществления больших и малых организационных мероприятий, касавшихся не столько внутринтендантских дел, сколько промышленности. Производственные мощности легкой промышленности, работавшей на нужды армии, обеспечивали ее потребности. Если и возникали небольшие заминки в поставках обмундирования, то лишь тогда, когда сроки готовности формирований определялись днями или неделями. В таких случаях приходилось выходить из положения за счет запасов интендантства, накопленных в 1938—1940 гг. и оставшихся после всеобщей мобилизации в июне—июле 1941 года.

Первый раз с трудностями в снабжении войск обмундированием мы столкнулись в сентябре—октябре 1941 г., но не из-за слабости производственных мощностей швейных и других предприятий легкой промышленности, а по другим причинам. В те месяцы Главное управление тыла и Главное интендантское управление провели переобмундирование многомиллионной армии с летней одежды на зимнюю. Это мероприятие отняло много времени и энергии. Переобмундирование начали с Карельского (самого северного) фронта, затем перешли на Ленинградский и далее на юг. Сказалось и то, что на предприятиях легкой промышленности часть автомобильного и гужевого транспорта была мобилизована для нужд фронта. Крупные производства, такие, как комбинат «Красный Перекоп» в Ярославле, имевший внутризаводской железнодорожный транспорт и подъездные пути, связывавшие его с магистральными железнодорожными линиями, еще не ощущали тяжелых последствий ослабления фабричного транспорта. Другие же, более мелкие, не имевшие подъездных путей, оказались в трудном положении. Оставшийся у них транспорт не справлялся ни с подвозкой сырья со станций, ни с отправкой готовой продукции. Некоторые предприятия начали работать с перебоями, тогда как их изделия срочно требовались армии и населению. В связи с этим в Управление тыла Красной Армии часто обращались за помощью. Нарком легкой промышленности РСФСР С. Г. Лукин и Нарком текстильной промышленности СССР И. Н. Акимов. Подробно знакомя нас с обстановкой на предприятиях, они просили дать автотранспорт, чтобы ликвидировать простои. У командования тыла не было излишков автотранспорта, но мы посылали автомашины туда, где имелась в них острейшая нужда, зная, что остановка предприятий могла отразиться на снабжении армии обмундированием, обувью, снаряжением. Поскольку таких просьб поступало все больше и больше, пришлось сформировать четыре автомобильных батальона особого назначения: они специально оказывали помощь промышленным предприятиям.

С первых дней войны стала осложняться обстановка на железных дорогах. Оперативные перевозки, а затем эшелоны с маршевыми пополнениями и снабженческие транспорты полностью использовали пропускную способность железных дорог. Если оперативные эшелоны почти не выходили из запланированного графика (их умудрялись вытаскивать из железнодорожных пробок работники службы военных сообщений (ВОСО) и железнодорожники), то поезда с маршевыми пополнениями, а особенно транспорты со снабжением часто простаивали на промежуточных станциях из-за загруженности путей, особенно тех участков, которые подходили к тыловым районам фронтов. Впрочем, напряженная работа железных дорог была характерна не только для периода битвы за Москву. В большей или меньшей степени такое положение сохранялось на всем протяжении войны.

Осенью 1941 г. перед командованием тыла, Дорожным управлением Красной Армии, заместителями командующих фронтами по тылу встала проблема грунтовых дорог. Коммуникации Ленинградского (позднее и Волховского), Северо-Западного, Калининского, Западного и Брянского фронтов оказались в лесисто-болотистой без-

² См. подробнее: М. И. Кормилицин. Армии нужно горючее. «Вопросы истории», 1969, № 12.

дорожной полосе. Таких районов (особенно на Ленинградском, Северо-Западном и Калининском фронтах) имелось довольно много. Взять хотя бы для примера направления: Тихвин—Волхов—Назья—Синявино; Бокситогорск—Кириши—Маслово—Городище; Будогощь—Тур—Шапки (Ленинградский и Волховский фронты); Валдай—Демянск; Крестцы—Старая Русса (Северо-Западный фронт); Загорск—Дмитров—Клин—Лотошино; Звенигород—Руза—Осташово—Карманово; Наро-Фоминск—Боровск (Западный фронт) и т. д. Автотранспортным подразделениям приходилось затрачивать массу труда, чтобы продвигаться к месту назначения по болотистым, вязким и глинистым проселкам. Много сил тратили водители, когда вели машины по таким дорогам в дождь и гололедицу. Военные шоферы, вероятно, помнят и поныне, как тяжело было добираться от Валдая до Демянска или от Торжка до Кувшиново. Особенно трудными были участки Белый Бор—Демянск на Северо-Западном фронте и Кувшиново—Осташков на Калининском фронте.

Перед командованием тыла и дорожными органами возник вопрос, как с наименьшими потерями времени доставлять оружие, боеприпасы и питание войскам. Известно, что шоссейные дороги с твердым покрытием строятся обычно на протяжении ряда лет. Таковы технические требования для них. Могли ли мы тогда следовать этим требованиям? Во-первых, дороги нужны были немедленно; во-вторых, где взять гудрон, щебень и инертный материал для покрытия дорожных трасс? Талантливая инженерная мысль и природная русская смекалка подсказали, как выйти из этого положения. Пришли к такому заключению: там, где твердая и упругая почва, строить дороги грейдерного типа, а в лесах и на болотах с колеблющейся почвой прокладывать узкие, для движения одной машины, но с разбегами через 200 метров настильные дороги, с использованием бревен-кругляков, соединенных между собою связками и укрепленных тяжами на обоих концах. Конечно, такие дороги не были надежными, но по ним можно было ездить круглый год. Правда, пассажиров и грузы здорово потряхивало на этих «шоссе» и скорость на них можно было развивать не более 25—30 км в час. Среди водителей они вскоре получили ироническое название «клавиши». Затем эти дороги улучшались, совершенствовались. На уложенные кругляки настилались две линии продольных досок на ширину автомобильных колес. Материалами служили осина, ольха, ель, сосна. Осенью 1941 г. фронтовые, армейские и центральные дорожные части в кратчайший срок построили необходимую для фронтов и армий дорожную сеть в Ленинградской, Калининской и Московской областях.

В первые месяцы войны автомобильный транспорт использовался главным образом для доставки грузов снабжения (как мелкими автомобильными колоннами, так и в составе автомобильных батальонов) для фронтов и армий. Положение об автомобильных перевозках войск, их «технология» и маршевая дисциплина еще не были в то время разработаны. Небольшие перевозки войск автотранспортом осуществлялись в июле, августе и частично в сентябре на Западном фронте и прежде всего для Западного фронта. Перебрасывались отдельные батальоны и полки. Первая массовая перевозка войск в составе стрелковой дивизии была выполнена 12—13 октября 1941 г., когда фашисты начали наступление на Калининском направлении из района юго-восточнее Ржева вдоль Волги на северо-восток и когда создалась непосредственная опасность г. Калинин. В резерве командования тыла Красной Армии в районе Москвы имелось небольшое количество автомобильных батальонов. Они не могли за один рейс перевезти всю дивизию. Помог председатель Моссовета В. П. Пронин³. По его указанию были мобилизованы городские автобусы, дивизия погрузилась в них и двинулась по Ленинградскому шоссе. Надо сказать, что этот первый опыт массовых перевозок автотранспортом постигла неудача. Автомобильные колонны добрались до Калинина за 5 часов. Ко времени их прибытия бои шли уже на ближайших подступах к городу. Было бы целесообразно начать сразу выгрузку, но обстановка в этом районе оставалась тяжелой, и дорог был каждый батальон свежих войск. Автоколонны без разведки двинулись дальше на юго-запад, где напоролась на авангардные части противника. Высадив наши войска, автомаши-

³ См. подробнее: В. П. Пронин. Город-воин. В сборнике «Битва за Москву». М. 1968, стр. 468.

ны и автобусы начали поворачивать обратно в Калинин, но частично попали в руки врага. После этого случая было разработано «Наставление» по перевозке войск автомобилями, где детально указывались состав походных эшелонов, дистанция движения между машинами и автоэшелонами, порядок разведки дорог и местности, регулирование движения и места остановок для малых привалов. В дальнейшем автомобильно-дорожная служба хорошо научилась доставлять войска. В феврале 1943 г., например, из района Москвы по маршруту Москва—Калинин—Торжок—Кувшиново—Осташков—участок у р. Ловать автотранспортом было перевезено несколько дивизий. Перевозки осуществили в точно заданные сроки, без происшествий и потерь.

13 октября 1941 г. я присутствовал по просьбе А. В. Хрулева на собрании актива Московской городской партийной организации. Докладчик — секретарь ЦК и Московского комитета ВКП(б) А. С. Щербаков — подробно изложил положение на фронтах, особенно охарактеризовав трудную оперативную обстановку под Москвой. Участники собрания слушали его с глубоким вниманием. А. С. Щербаков обратился к коммунистам и всем москвичам с призывом к повышению сплоченности, революционной дисциплины, производительности труда, мобилизации всех сил и энергии на защиту Родины. Московская партийная организация призвала всех членов партии, комсомольцев, всех жителей столицы встать на защиту города, направить на фронт боевые резервы, обеспечить рабочей силой строительство оборонительных сооружений на подступах к Москве. В течение нескольких дней москвичи сформировали 25 отдельных рот и батальонов. В их составе преобладали коммунисты и комсомольцы. Из них и истребительных батальонов в основном и были созданы четыре дивизии. Следует напомнить, что еще в июле в Москве было сформировано 12 ополченских стрелковых дивизий, которые оказали серьезную боевую поддержку Действующей армии⁴. Тыловые органы взяли под контроль материальное обеспечение всех 25 добровольческих батальонов и рот численностью более 18 тыс. человек. Через несколько дней они смогли занять боевые участки обороны на подступах к столице.

Наступила середина октября — особенно тяжелые дни для столицы. 16 числа в Кремль были приглашены руководители наркоматов, центральных учреждений, ведомств. От имени ГКО им сообщили, что положение под Москвой стало крайне напряженным, враг находится на ближних подступах. В связи с этим до конца дня 16 октября и в ночь необходимо было вывезти из столицы все наркоматы, учреждения и ведомства, оставив в Москве только оперативные группы в 5—7 человек⁵. Во второй половине дня из окон Главного управления тыла, выходявших на улицу, можно было видеть автобусы и машины, заполненные взрослыми, детьми и домашними вещами. Появились старики и женщины, тянущие салазки с мешками и чемоданами. С ними шли дети — малыши и школьники. Они двигались в сторону Комсомольской площади, к Казанскому вокзалу. В 18 час. 20 мин. из Москвы были отправлены первые эшелоны с эвакуированными. За одну ночь железнодорожники вывезли около 150 тыс. человек⁶, а к 10 час. утра 17 октября они смогли подать еще свыше 100 поездов. Эвакуация продолжалась и в последующие сутки.

Во второй половине дня 17 октября мы получили донесение, что на Горьковском шоссе образовались пробки. Начальнику Автодорожного управления генералу З. И. Кондратьеву было приказано лично выехать на место, навести порядок в движении и установить, каким организациям и учреждениям принадлежат застрявшие автомашины. Поздно ночью З. И. Кондратьев прибыл в Штаб тыла и доложил, что проезд по шоссе открыт. Кроме подразделений автодорожной службы, в наведении порядка приняли участие рабочие-дружинники московских предприятий. У пассажиров и водителей автомашин имелись предписания и путевки с указанием места следования: Горький, Саранск, Ульяновск, Куйбышев и другие города. Но попадались дезертиры и паникеры. Таких дружинники ссаживали с машин и отправляли в Москву, где передавали соответствующим организациям.

⁴ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945». Т. 2, стр. 230.

⁵ См. Н. Ф. Дубровин. Эшелон за эшелон. «Эшелоны идут на Восток. Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941—1942 гг.». Сборник статей и воспоминаний. М. 1966, стр. 212.

⁶ Там же, стр. 214.

Управление тыла Красной Армии со всеми подчиненными управлениями получило приказ эвакуироваться в Куйбышев. Начальник тыла А. В. Хрулев обязан был прибыть к месту новой дислокации 20 или 21 октября. В соответствии с приказом о распределении обязанностей между руководящим составом тыла мне надлежало вместе с начальником Штаба тыла Красной Армии М. П. Миловским остаться в Москве. Здесь должны были продолжать работу оперативные группы в 9—18 человек из состава Штаба тыла, управлений главного интенданта, снабжения горючим, военно-санитарного, ветеринарного, автодорожного. Вместо эвакуированного Управления военных сообщений было сформировано и оставлено в Москве в моем подчинении полевое Управление военных сообщений во главе с генералом Ф. Н. Зеленцовым. Под моим руководством остались также оперативные группы других центральных управлений Наркомата обороны (артиллерийское, автобронетанковое, инженерное, химическое и т. д.). На оставшихся было возложено руководство тылом и материальным обеспечением Карельского, Ленинградского, Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов. Руководство тылом и материальным обеспечением Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов переключалось приказом начальника тыла Красной Армии на управление, эвакуированные в Куйбышев. Организация эвакуации и руководство эвакуацией из Москвы и Московской области военно-учебных заведений, складов, оборонных предприятий, учреждений и частей, не связанных с фронтовыми задачами, и помощь московским предприятиям, эвакуируемым из Москвы путем предоставления подвижного состава через органы ВОСО, возлагались на Управление тыла.

К вечеру 20 октября мы узнали, что все руководящие члены правительства и ГКО (Сталин, Молотов, Микоян, Вознесенский, Косыгин, Андреев и другие) остаются в Москве. Естественно, остался в Москве и А. В. Хрулев. Вместо себя он отправил в куйбышевскую группу Управления тыла Красной Армии одного из своих заместителей. Во главе своих оперативных групп остались в Москве также главный интендант Красной Армии генерал П. И. Драчев, начальник продовольственного снабжения генерал Д. В. Павлов и его заместитель генерал В. Ф. Белоусов, начальник вещевого снабжения генерал Н. Н. Карпинский, начальник Управления снабжения горючим бригадир инженер М. И. Кормилицин, начальник Автодорожного управления генерал З. И. Кондратьев, начальник Военно-санитарного управления дивврач Е. И. Смирнов, его заместители бригаврачи П. М. Журавлев и Ф. А. Ходорков, а также полевое Управление военных сообщений во главе с генералом Ф. Н. Зеленцовым.

18—19 октября основной аппарат Штаба тыла и специализированных управлений тыла Красной Армии убыл к месту нового размещения — в г. Куйбышев. Военные советы Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов и военные округа первоначально не знали о разделении центральных органов тыла на два эшелона — куйбышевский и московский. Как и раньше, все свои требования и заявки они адресовали не в Куйбышев, а в Москву. Поэтому лавина заявок, требований и всякого рода просьб по всем вопросам организации тыла и снабжения сосредоточивалась в московских опергруппах. Мы беспокоились, что оставшиеся в Штабе тыла сотрудники не справятся с работой. Поэтому у А. В. Хрулева возникла мысль вызвать из Куйбышева подкрепление. Но этого не понадобилось. Работники оперативных групп и начальники управлений работали самозабвенно, понимая свой долг и ответственность перед войсками, дравшимися на фронтах. Они забывали об отдыхе. Задания и требования фронтов выполнялись в срок. Все, что нужно было войскам, грузилось, отправлялось и следовало к месту назначения вовремя. Жалоб и претензий от фронтов и военных округов не было. Самая большая нагрузка ложилась, конечно, на руководство тылом и на начальников доводящих управлений. Эвакуированные в Куйбышев управления и службы тыла не могли сразу развернуть свою работу. Им было трудно организовать постоянную связь с фронтами и военными округами. Поэтому их деятельность носила, по существу, вспомогательный характер. В феврале — марте 1942 г., после разгрома фашистов под Москвой, эвакуированные управления и службы тыла Красной Армии возвратились в столицу.

В октябрьские дни 1941 г. оперативные группы тыла, естественно, главное внимание сосредоточивали на обеспечении нужд Калининского, Западного, Брянского фронтов, Ленинграда и Ленинградского фронта. Сюда органы военных сообщений тыла днем и ночью отправляли оперативные эшелоны с резервными соединениями и марше-

выми пополнениями. Сюда же направлялись все виды боевого и интендантского снабжения и горючее. Был дорог каждый час. Там нужны были каждая тонна горючего, каждый ящик снарядов, каждый вновь прибывший танк и орудийная батарея. Все это двигалось и сосредоточивалось в лесах и населенных пунктах, ближайших к фронтам. В то же время необходимо было обеспечить эвакуацию из Москвы предприятий, военно-учебных заведений, складов и других объектов оборонного и гражданского ведомства. С первых же дней эвакуации возникла серьезная проблема с железнодорожным подвижным составом. Вагонов и платформ на Московском железнодорожном узле и прилегающих к нему железнодорожных направлениях было недостаточно, хотя выгрузка войск и снаряжения во фронтовом тылу Западного фронта проходила весьма интенсивно. Количество высвобождаемых от выгрузки вагонов не могло полностью обеспечить потребность в подвижном составе для эвакуации. В связи с этим пришлось решать вопрос: следует ли эвакуировать по железной дороге все военно-учебные заведения и учреждения? Если да, то как организовать эвакуацию? Решили некоторые учреждения и военно-учебные заведения отправить походным порядком.

Обстоятельства сложились так, что, кроме эвакуации объектов Наркомата обороны, на Главное управление тыла была возложена обязанность выделять для московских предприятий и культурных учреждений вагоны и платформы, планировать порядок и последовательность погрузки. Требовалось тесное взаимодействие Штаба тыла и Наркомата путей сообщения. Ведь одновременно подвижной состав нужен был для Москвы и для фронтов. Необходим был жесткий и разумный план распределения вагонов. Тесная связь с опергруппой Наркомата путей сообщения, а также с Московским комитетом партии и Моссоветом в значительной мере помогла провести эвакуацию гражданских и военных объектов организованно, сравнительно безболезненно, в установленные, крайне короткие сроки и без ущерба для стратегических интересов страны. Поскольку эвакуация носила срочный характер и требовала четкого и скрупулезного планирования по срокам и по количеству подаваемого подвижного состава, а также постоянной связи с Наркоматом путей сообщения, вся ответственность за нее в Главном управлении тыла была возложена на «тройку»: начальника Штаба тыла М. П. Миловского, начальника полевого Управления военных сообщений Ф. Н. Зеленцова (затем включился в эту работу начальник ВОСО И. В. Ковалев, прилетевший из Куйбышева) и меня. Днем и ночью группами и по одному к нам в управление приходили товарищи с заявками на эвакуацию. Они усаживались на стульях, диванах, подоконниках, окружали плотной толпой стол, за которым приходилось работать, спрашивали, когда их учреждения назначены к эвакуации, сколько вагонов предоставляется для погрузки. Кого только не было среди этих людей: начальники военных учреждений, заместители по административно-хозяйственной части военных академий и училищ, директора предприятий, их заместители по хозяйственной части и многие другие! Пунктами эвакуации были районы востока и юго-востока: Урал с городами Челябинск, Златоуст, Миасс, Свердловск, Нижний Тагил, Пермь, Кушва, Верхний Уфалей, Магнитогорск, Уфа; Поволжье — Ульяновск, Куйбышев, Саратов; Средняя Азия — Ташкент, Самарканд, Алма-Ата, Фрунзе; Сибирь — Новосибирск, Кемерово, Омск, Томск, и десятки других пунктов. В связи с острым недостатком подвижного состава и перегруженностью железных дорог многим учебным заведениям, курсам и войсковым тыловым частям приходилось рекомендовать или даже приказывать следовать какую-то часть пути (например, до Горького или Ярославля) походным порядком. Вагоны давались только под имущество, но мы обещали, что после прибытия на ближайшие пункты дальнейший путь будет обеспечен транспортом: на периферии вагоны менее дефицитны, нежели на Московском узле. Товарищи, которым предстояла такая участь, просили, спорили, часами ожидали возможного изменения решения. Нам приходилось быть непреклонными. Обстановка требовала этого.

Однажды среди людей, большей частью мужчин всяких служебных рангов, заполнивших помещение Главного управления тыла, мы обратили внимание на женщину лет 40, в ватнике и брюках. Она терпеливо сидела вдали от всех на диване, ожидая очереди, положив руки на колени, с усталым лицом. Иногда судорожно прикладывала платок к глазам. Думая, что у женщины личная просьба, я пригласил ее в соседнюю комнату.

— Вы извините, товарищ начальник, может быть, я не туда пришла. Здесь,

смотрю, одни только военные работают, — начала она. — Мне сказали, что вы можете или можете помочь нам. Я заведую детским домом. У нас восемьдесят ребят. Живем в ожидании третий день. Все уезжают из Москвы, а нам никто ничего не говорит. Когда должен отправиться наш детский дом, куда нам везти ребят, неизвестно. Ходила я два дня и в Наробраз, и в отдел социального обеспечения, добивалась какого-либо решения. Только сегодня какой-то сотрудник дал нам указание вывезти детский дом в Тутасев, Ярославской области. Ребята тоже нервничают, плачут. Понимают, что фашисты близко от Москвы, подходят ко мне с просьбами: «Тетя Нина! Все уезжают, давайте и мы уедем!» Когда я спросила в Наробразе, когда нам выезжать, каким поездом и кто поможет перевезти имущество на вокзал, мне ответили: «Ну, матушка! Здесь мы помочь не можем. Сами как-нибудь на Ярославском вокзале доставайте места». Я ездила на вокзал, но тамошний начальник, весь какой-то взъерошенный и нервный, не стал со мной и говорить. Правда, я видела, сколько у него народу и с какими большими делами они к нему приходят. Там был товарищ из военных, кажется, комендант называется. Он-то и дал мне ваш адрес. Пожалуйста, помогите нам! Имущество — белье, матрацы, посуду, одежду — ребята упакуют сами, достанем как-нибудь и машину. А вы, пожалуйста, хлопочите насчет вагонов для ребят!

Пришлось, конечно, перевезти детей на вокзал и посадить в вагоны.

21 октября явилась к нам старушка. Прижав к груди меховую шапочку дореволюционного фасона и теплый платок, она энергично проталкивалась к моему столу, непрерывно поправляя пенсне со шнурком, сваливавшееся с ее носа. Добравшись до стола, она требовательным тоном спросила: «Вы будете Ермолин?» «Да, я Ермолин». «Мне как раз Вы и нужны!» «Чем могу быть полезен?» «Мне сказали, что Вы выдаете наряды на вагоны для отправки имущества из Москвы. Я бухгалтер завода (она назвала один из московских заводов). Директор, вся администрация и рабочие вчера эвакуировались. Оборудование увезено. Но на территории завода, на складе осталась готовая продукция — инструмент для ремонта самолетов и танков. Его почему-то не погрузили. Директор сказал, что это, видите ли, «мелочь» по сравнению с оборудованием. «Вы, — говорит, — проведите по книгам как утрату». Я ему говорю: «Товарищ директор, какая же это мелочь! Нет, товарищ директор, я не позволю себе списать их со счетов. Ведь они нужны. И не извольте меня уговаривать, чтобы я поехала с вами и чтобы готовая продукция оставалась без присмотра». Директор ничего мне не ответил, и все начальство выехало. Пожалуйста, прошу Вас, дайте мне вагонов 8 и я отвезу их на место нового размещения завода. Видите ли, товарищ генерал, я пыталась сдать инструмент потребителям, конечно, по фактурам и сдаточным ведомостям, но толку и у них не добилась. Не пропадать же таким государственным ценностям!» Поговорили мы с женщиной по душам. Оказалось, что она в хлопотах об отправке или передаче инструмента второй день ходит по учреждениям. Беседа наша проходила с ней в комнате отдыха. Как раз в это время принесли обед. У меня не было времени для обеда, ждали посетители, и я предложил старушке отведать борща и котлет. Деликатно поблагодарив за обед, она говорила, что хотела бы быть тоже на фронте вместе с сыновьями, да вот ушли годы... Как ни трудно было с подвижным составом, мы выделили 8 вагонов, дали автотранспорт и солдат для погрузки и перевозки инструментов на поезд.

Приходил к А. В. Хрулеву директор Московского автомобильного завода И. А. Лихачев. Хрулев куда-то выехал. Иван Алексеевич зашел ко мне. Стал рассказывать, что оборудование демонтируется и будет отправлено в г. Миасс. Обменялись мнениями о заводе, о прифронтовой Москве, о тяжелой оперативной обстановке. Спрашиваю Ивана Алексеевича о сроках окончания демонтажа, о времени подачи вагонов и так далее. Он, всегда остроумный и находчивый, на этот раз был задумчив и немногословен. Когда повели речь о вагонах, Лихачев опустил голову. На лице его появились слезы. Видно, тяжело было в тот момент Ивану Алексеевичу. Начал я успокаивать его. Постепенно Иван Алексеевич пришел в себя и взволнованно начал говорить: «Пойми меня, Павел Андреевич! Ведь демонтируется завод, где прошла почти вся моя жизнь. Вот ты говоришь, что пройдет немного времени и завод снова будет в Москве. А разве я не уверен в этом? Я тоже верю, горячо верю, что наша Красная Армия разобьет гитлеровцев. Но ты пойми: разве не тяжело мне отвинчивать, разбирать и упаковывать станки и оборудование, которые когда-то сам лично устанавли-

вал. Снимают их — и будто отрывают куски моего сердца. А завод! Ведь в нем каждый уголок, каждый закоулок мне родные с молодых лет!»

День на пятый после начала эвакуации пришла девочка, лет 15—16. Робкая, стеснительная, она долго не решалась обратиться к кому-либо. Привел ее ко мне адъютант. Пришла вроде как бы с «жалобой». Видите ли, в армию ее не взяли. Райвоенкомат отказал категорически (очень-де молода). «Пошла я на завод «Серп и молот», где до мобилизации работал отец, а теперь поступила на смену отцу мама, и уж в крайнем случае просила хоть на завод взять бы меня. А на завод тоже не берут: говорят, мала да молода еще. Прошу, похлопочите, чтобы в армию меня взяли, ну а уж если нельзя в армию, так скажите, чтобы приняли работать на завод. Будем работать вместе с мамой». А. В. Хрулев позвонил директору завода Г. М. Ильину, и вопрос об определении девушки на работу был решен.

Тяжело было железнодорожникам Московского железнодорожного узла в октябрьские дни 1941 года. Работа на погрузочных и привокзальных платформах кипела днем и ночью. С середины и по конец октября из Москвы на восток, в глубь страны ежесуточно отправлялось до 80 поездов с ценными эвакогрузами. Железнодорожники часто работали под бомбежкой на станциях, расположенных в ближайшей зоне боевых действий, и под артиллерийским огнем противника. Они несли потери, но работы не прерывали. Правильно их называли родными братьями бойцов Красной Армии! Главному управлению тыла были приданы войсковые подразделения для оказания помощи при погрузке эвакуируемого заводского оборудования. Но помощь эта оказалась лишней. На каждой погрузочной платформе трудились сотни москвичей под руководством десятников-бригадиров и руководителей погрузочных отрядов. Московский городской, районные партийные и комсомольские комитеты выделили для этого тысячи членов партии и комсомольцев. Работа была организована отлично. Не менее четко действовали продовольственные пункты, обеспечивавшие питанием как эвакуируемых, так и работавших на погрузке. Несмотря на трудности, вызванные октябрьской обстановкой 1941 г., эвакуация предприятий, учреждений, театров, музеев и т. д. прошла удовлетворительно. Партийная организация Москвы, сотни тысяч рабочих-москвичей, партийные и советские работники проявили героические усилия, чтобы выполнить задания ЦК партии и Государственного Комитета Обороны.

С 15 октября Московский железнодорожный узел ежедневно отправлял до 25 крупных демонтированных предприятий с назначением на восток и юго-восток. До 1 декабря из Москвы и Московской области было эвакуировано 500 крупных предприятий, примерно 1 300 тыс. квалифицированных рабочих, инженеров и техников, много учреждений культуры. За три последние недели октября было вывезено более тысячи станков и другого ценного оборудования, погружено 410 поездов производственных материалов. А всего из Москвы и Московской области до конца ноября отправлено в восточные районы страны более 71 тыс. вагонов с грузами⁷. Для наращивания темпов перевозки по железным дорогам были даны указания заместителем наркома путей сообщений Б. Н. Арутюновым и начальником тыла Красной Армии А. В. Хрулевым об увеличении скорости продвижения эшелонов до 800 км в сутки. Ускоренные графики движения выполнялись и перевыполнялись, несмотря на напряженность на транспорте.

Шел конец октября. Приближались дни празднования 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Москва была заснеженная, тихая, с редкими прохожими и шедшими по улицам главных магистралей военными автомашинами, орудийными колоннами и танками. Не было видно праздничных, красочных транспарантов, обычно расклеиваемых на улицах. Не реяли красным кумачом стяги и полотнища на площадях. Только плакаты и большие рисунки, укрепленные на стенах домов центральных улиц, призывали воинов и трудящихся Москвы к защите столицы, Родины, социалистического государства. Вот колоссальное панно на стене дома по ул. Горького, напротив здания телеграфа. Женщина держит в опущенной правой руке текст военной присяги, левая рука ее поднята. На плакате — надпись: «Родина-мать зовет!» Лицо женщины решительно и сурово. А вот еще плакат, во множестве эк-

⁷ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945». Т. 2, стр. 148.

земляров расклеенный на улицах и призывающий к обороне столицы: «Защитим родную Москву!» Ярко-красные, точно кровью написанные крупные слова. На переднем плане отчетливо видны вооруженные люди: солдат-пехотинец в стальном шлеме, рабочий в кепке, матрос в бескозырке и вместе с ними в одном ряду женщина.

Дня за три до 7 ноября в Штаб тыла поступили указания дополнительно выдать Московскому военному округу зимнее обмундирование: валенки, полушубки, шапки-ушанки и стальные шлемы. На все количество, указанное в заявке, были выданы наряды, и Управление тыла МВО получило для войск все необходимое. Официального назначения этой выдачи мы не знали, но начальник тыла округа генерал-майор Ф. И. Пагудо дал понять, что обмундирование пойдет на экипировку частей особого назначения. Какие это части, он не сказал. В те дни выдача нарядов и распоряжений об отпуске обмундирования имела место нередко, так что еще один наряд «особого предназначения» нас не удивлял... 6 ноября Московский комитет ВКП(б) прислал начальнику тыла несколько билетов с приглашением прибыть к 19 часам в зал метро «Площадь Маяковского» на торжественное заседание, посвященное празднованию 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Мне не удалось присутствовать на нем, так как я должен был оставаться в Главном управлении тыла. Поздно ночью в управление вернулся А. В. Хрулев. Он сообщил, что на торжественном заседании выступил с докладом И. В. Сталин. А утром 7 ноября на Красной площади состоялся парад войск Московского гарнизона. Погода в тот праздничный, но полный боевого накала день была морозная. Шел снег, было ветрено, и по улицам клубилась легкая поземка. Накануне в Москве бушевала метель, продолжавшаяся весь день. Улицы и стены домов запырились снегом. Участники парада, одетые в зимнее обмундирование (как раз в то, что накануне было выдано по нарядам для частей «особого назначения»), прямо с Красной площади выступали на фронт, под Москву. Парад произвел сильное впечатление на всех советских людей, вызвал могучий патриотический подъем. Весь мир увидел уверенность нашего народа в победе над фашизмом...

Проходили дни ноября — снежные, морозные и метельные. Работа по-прежнему кипела днем и ночью. Передний край борьбы находился еще в Подмосковье. По отдельным признакам и по заданиям Генштаба, касавшимся Главного управления тыла Красной Армии, можно было предполагать, что назревали важные оперативные события. Генштаб требовал в самые короткие сроки закончить полное обеспечение сформировавшихся соединений и частей. Он дал очень сжатый и насыщенный график перевозки войск на запад и маршевых пополнений в действующие соединения. Предлагалось создать для Западного и Калининского фронтов запасы горючего. Все указания давались ограниченному кругу лиц: начальнику Главного управления тыла, его заместителям и начальнику Штаба тыла — с обязательством проводить все мероприятия втайне. Мы отправляли в формируемые соединения и части все виды снабжения и снаряжения. Для проверки степени обеспеченности посылали инспекторов. Управление военных сообщений организовало реализацию графика оперативных перевозок войск и маршевых пополнений и строго контролировало его выполнение. Штаб тыла давал наряды на отправку на Западный и Калининский фронты интендантского имущества, продовольствия, горючего, медико-санитарного имущества. Центральные управления, осуществив погрузку предметов боевого и другого снабжения, следили за его продвижением. Так в решении больших и малых дел, в напряженной обстановке проходили дни второй половины ноября. Правда, до 15 ноября на Западном фронте временно было сравнительно тихо, противник не вел решительных наступательных действий.

Тревожные события для Москвы развернулись после 15 ноября. Фашисты снова перешли в наступление по всему фронту Московского стратегического направления. Однако и второе наступление вермахта потерпело неудачу. Хотя фашисты и продвинулись почти к предместьям Москвы, они понесли колоссальные потери в людях, танках, самолетах. На ближайших подступах к городу враг, правда, все еще пытался двигаться вперед. В последние две недели ноября и в первые дни декабря работа служб тыла была особенно напряженной. В оборонительных сражениях, развернувшихся на пространстве от Калинина до Солнечногорска и далее на Истру, Наро-Фоминск, Тулу и Ефремов, участвовали сотни тысяч бойцов, тысячи машин, боевых и автотранспортных, требовавшие исключительного внимания к бесперебойному обеспече-

нию их всеми видами боевого снаряжения и продовольствия. Сражающиеся фронты, включая Юго-Западный, нуждались в быстрой доставке боеприпасов и горючего. Не менее острая нужда была в маршевых пополнениях и резервах. В грозные дни нами владела только одна мысль: работать так, чтобы все, что требовалось для фронта, было немедленно изыскано и доставлено в срок. В соответствии с указанием Генерального штаба в конце ноября был разработан план материального и технического снабжения фронтов, ставивший задачу обеспечить всем комплексом материального снабжения готовившееся контрнаступление. Он заключался в том, чтобы: обеспечить всеми видами снабжения формируемые резервные соединения и части, предназначенные к сосредоточению для контрнаступления; осуществить перевозку законченных формированием резервных соединений и частей в районы сосредоточения, определяемые СВГК; обмундировать и снарядить маршевые пополнения, подготовленные в округах, и сосредоточить их в нужных пунктах; в помощь железным дорогам на тех направлениях, где особенно ощущалась перенапряженность в движении (в ближайших зонах тыловых районов фронтов), использовать для перевозки войск и материального снабжения автомобильные части — автотранспортный резерв командования тыла; усилить Западный и Калининский фронты автомобильным транспортом; совместно с промышленными наркоматами разработать на ближайшую перспективу план поставок необходимого фронтам материального снабжения в сроки, установленные планом снабжения войск; подготовить к отправке и организовать перевозки на распределительные станции фронтов таких видов материального снабжения, как горючесмазочные материалы, фураж, обмундирование, медико-санитарное имущество, а также боеприпасы, горючее, военно-техническое имущество, всякого рода запасные части и т. д.; усилить сеть полевых лечебных учреждений для тех операционных направлений, где будут проводиться решающие боевые действия. Все мероприятия, указанные в этом плане, требовалось выполнить в сроки, измеряемые днями.

На осуществление плана материально-технического снабжения накладывала естественный отпечаток обстановка, которая сложилась в промышленности в связи с эвакуацией предприятий из угрожаемых районов. Сокращалась, хотя и временно, база производства многих видов продукции, необходимой армии. Серьезное положение складывалось со снабжением боеприпасами, обмундированием, снаряжением и высокооктановым авиационным горючим. Чтобы не допустить перебоев в обеспечении войск боеприпасами, СВГК приказала использовать на советско-германском фронте часть запасов Дальневосточного и Забайкальского военных округов. В ноябре 1941 г. уже подходили к концу резервы обмундирования и снаряжения, заготовленные в 1938—1940 годах. Почти полностью были использованы запасы зимнего обмундирования, завезенные на фронт в октябре и ноябре. Руководство тыла пришло к заключению, что необходимо построить плановую перспективу дальнейшего снабжения и разработать ее совместно с промышленностью. Такой план был составлен в ноябре—декабре 1941 г. совместно с наркоматами легкой и текстильной промышленности. Он учитывал производственные мощности и нужды армии и удовлетворял минимальным ее потребностям на зимний период. Первоначальный план охватывал не более четырех месяцев. Следует констатировать, что, несмотря на производственные трудности (нехватка сырья, оборудования, рабочей силы), текстильная и легкая промышленность не только выполнила план, но по многим номенклатурам и перевыполнила его.

Большие заслуги в этих замечательных делах принадлежат рабочим, работницам, инженерам и техникам легкой, текстильной и пищевой промышленности, руководителям этих отраслей промышленности А. Н. Косыгину, А. И. Микояну, В. П. Зотову, И. Н. Акимову и С. Г. Лукину. В веках сохранится память о тружениках тыла, об их героическом труде, патриотическом энтузиазме. Они, наши дорогие женщины, молодежь, старики, работали по 12—14 часов в сутки у станков. Ими руководили любовь к Родине, сознание долга защитить ее. А во главе великого патриотического движения стояла как организующая сила — ленинская партия.

В первых числах декабря по-прежнему продолжались жестокие бои на подступах к Москве. А у нас работа по формированию, экипировке, вооружению мощных резервов и их сосредоточению в сроки, назначенные СВГК, заканчивалась. Подходила к концу концентрация на фронтах материальных запасов снабжения и других видов тылового обслуживания в соответствии с разработанным ранее планом. Оперативные ре-

зервы и маршевые пополнения, несмотря на сложную ситуацию на железных дорогах, сосредоточивались в районах будущего развертывания в установленные сроки. Так, 80% всех запасов боеприпасов, 70% горючего и продовольствия Западного фронта были подвезены непосредственно в войска и на армейские базы⁸. В выполнении этого трудного дела большая заслуга принадлежала начальнику службы движения НКПС Г. В. Ковалеву, начальнику Управления военных сообщений Ф. Н. Зеленцову, а также автотранспортной службе. В конце ноября и в первые дни декабря Западный, Калининский фронты и армии правого крыла Юго-Западного фронта получили резервные соединения и пополнение. В состав Западного фронта, кроме переданных ему в конце ноября трех армий (1-й Ударной, 20-й и 10-й), вошли дополнительно 9 стрелковых дивизий и 2 кавалерийские, 9 стрелковых и 6 танковых бригад. Возросли соединения авиации. И вот наступили исторические дни 5—6 декабря, ставшие началом перехода советских войск под Москвой в контрнаступление. Это был второй этап битвы за Москву, период полного разгрома врага в Подмосковье... Руководство тыла в тяжелых боях сентября — начала декабря 1941 г. держало и выдержало боевой экзамен на аттестат зрелости. Сформированное в августе 1941 г. в самостоятельный орган, Главное управление тыла Красной Армии с его Штабом, тыловые оперативные и снабженческие службы центрального, фронтового и армейского подчинений обеспечили материальное снабжение действующих войск, массовых формирований и маршевых пополнений. Несмотря на сложную военную и экономическую обстановку, связанную с эвакуацией промышленных предприятий Запада, Юго-Запада, Юга и некоторых центральных районов, включая Москву, тыловые службы справились с материальным обеспечением войск в дни жестоких осенних сражений 1941 года.

⁸ Там же, стр. 275.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ТРЕТЬЕ ОТДЕЛЕНИЕ

И. В. Оржиховский

Вскоре после восстания 14 декабря 1825 г., когда «Россия впервые видела революционное движение против царизма»¹, в собственной его императорского величества канцелярии было образовано еще одно отделение, III-е². Вступивший на престол Николай I заявил, что «революция на пороге России, но... она не проникнет в Россию...»³. Царь решил сосредоточить борьбу с революционным движением в собственных руках, тем более что старая система полицейского управления «не обеспечила» своевременного раскрытия тайного общества декабристов. III отделение должно было охватить своим «вниманием» все стороны общественной и государственной жизни России: наряду с тайным надзором за политически неблагонадежными лицами и преследованием «политических преступников» ему надлежало наблюдать за иностранцами, раскольниками, фальшивомонетчиками. Оно заведовало политическими тюрьмами и следило за всеми происшествиями в империи, контролировало печать, хотя цензурой во время правления Николая I формально ведало министерство просвещения. В 1828 г. III отделению была поручена театральная цензура. Однако главное внимание его было направлено на борьбу с революционным движением внутри страны.

Личная канцелярия царя, возникшая еще в 1812 г., с созданием 3 июля 1826 г. III отделения превратилась в орган верховной власти, концентрирующий в своих руках почти все стороны управления государством и, по существу, подменяющий ряд министерств. Как часть императорской канцелярии, III отделение, подчиняясь только Николаю I, стояло вне общей системы государственных учреждений, а в известной степени и над ними. Министры и главноуправляющие должны были выполнять все его указания по поводу непорядков и злоупотреблений в их ведомствах; генерал-губернаторы и губернаторы по вопросам, входившим в сферу деятельности III отделения, доносили не министру внутренних дел, а непосредственно императору через главного начальника отделения. В 1827 г. в распоряжение III отделения был предоставлен корпус жандармов, а Россия разделена на несколько жандармских округов, в каждый из которых назначены жандармский генерал и несколько штаб-офицеров. Должности начальника III отделения и шефа жандармов совмещались, как и должности управляющего III отделением и начальника штаба корпуса жандармов.

Личный состав III отделения никогда не был велик. В 1826 г. в нем состояло на службе, не считая, разумеется, агенты, 16 человек; к 1829 г. число их увеличилось до 20, к 1841 г. — до 28, а в 1855 г. штат отделения был определен в 40 человек⁴. С первых же лет своего существования III отделение имело по всей стране широко разветвленную сеть тайной агентуры. Секретный надзор велся не только за частными лицами, но и за деятельностью государственных учреждений, учебных заведений, за выходом литературы. Агенты III отделения стремились вовремя уловить и пресечь малейший проблеск революционной мысли. Голубые мундиры жандармов, этот символ николаевского времени, появлялись везде, где угрожала опасность внутренних «осложнений», и занимались не только раскрытием «политических преступ-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 315.

² I-е ведало назначением, наградами, увольнением и пенсионными делами высших чиновников; II-е занималось кодификацией законов.

³ Цит. по кн.: И. А. Федосов. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. М. 1958, стр. 20.

⁴ «Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802—1902». СПб. 1902, стр. 98—99.

лений», пресечением крестьянских волнений, но и расследованием крупных злоупотреблений чиновников. И не случайно герой Отечественной войны 1812 г. генерал А. П. Ермолов, характеризуя ближайшее николаевское окружение, с иронией говорил: «Теперь у каждого или голубой мундир, или голубая подкладка, или хоть голубая заплатка».

Новое учреждение возглавил генерал-адъютант А. Х. Бенкендорф, пользовавшийся особым доверием царя. Этот выбор не был случаен. Невежественный, бездарный и жестокий Бенкендорф обладал неопенимым свойством в глазах Николая I: он соединял «мягкие» манеры аристократа с чертами неумолимого полицейского инквизитора. Еще при Александре I Бенкендорф, этот жандарм «по призванию», подал донос о существовании «Союза благоденствия», а затем непосредственно участвовал в следствии над декабристами. Он первый высказал мысль о необходимости более сложного и тонкого надзора не только за общественным развитием, но и «за настроением умов». Став во главе III отделения и корпуса жандармов, Бенкендорф опутал щупальцами тайной полиции всю страну. По словам А. И. Герцена, у Бенкендорфа «во всех концах империи, от Риги до Нерчинска, были свои братья, подслушивающие и прислушивающиеся»⁵. Под стать начальнику III отделения подобрались и его ближайшие помощники: сначала — завсегдашай светских салонов, наблюдательный сыщик М. Я. фон Фок, позднее — злобный и сухой Л. В. Дубельт, умевший прикрываться маской приветливости. Бенкендорф оставался во главе III отделения до своей смерти (1844 г.). Преемником его был князь А. Ф. Орлов⁶, которого в 1856 г. сменил князь В. А. Долгоруков. III отделение, облеченное доверием императора, поднималось над всеми государственными учреждениями как высшая контролирующая и карающая сила. С помощью разветвленной сети шпионажа ему удавалось обнаружить отдельные группы революционной молодежи, авторов и переписчиков «возмутительных сочинений», людей, критикующих николаевские порядки. Крепости, тюрьмы, гауптвахты непрерывно наполнялись «изобличенными» и просто «подозрительными».

Делопроизводство III отделения членилось на несколько экспедиций. Первая (секретная) следила за общественным и революционным движением и его деятелями. Она вела дознание и следствие по политическим преступлениям и делам «об оскорблении величества», осуществляла ссылку и заключение революционеров, высылку различных лиц под надзор полиции. В ней собирались сведения о злоупотреблениях чиновников, данные о выборах в сословные учреждения, об отношении к России иностранных государств. Она вела наблюдение за «настроением умов» и общественным мнением, в ней составлялись обзоры по разным вопросам внутреннего управления, а также ежегодные обзоры «политического состояния Российской империи», представлявшиеся царю. В 60-х годах XIX в. политическое наблюдение и дела, связанные с государственными преступлениями, были переданы в третью экспедицию, а в первой остались лишь дела «об оскорблении величества». Второй экспедицией собирались сведения и осуществлялся надзор за раскольниками и различными религиозными сектами. В нее же поступали данные об открытиях, изобретениях, усовершенствованиях, об учреждении и деятельности различных обществ (научных, культурно-просветительных, экономических, страховых и др.). Вторая экспедиция вела переписку и составляла доклады по разным заявлениям, просьбам и жалобам. В ее ведении находились и некоторые общегосударственные тюрьмы (Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, Шлиссельбургская крепость и другие). Кроме того, вторая экспедиция комплектовала штаты III отделения. Третья экспедиция до 60-х годов XIX в. занималась почти исключительно наблюдением за иностранцами, приезжавшими и проживавшими в России. Затем обязанности ее расширяются в связи с поступлением в нее из первой экспедиции дел по наблюдению за общественным и революционным движением и по производству дознаний по политическим преступлениям. Четвертая экспедиция собирала информацию о всех происшествиях в государстве, в том числе и о выступлениях крестьян против помещиков и местных властей. В нее поступали сведе-

⁵ А. И. Герцен. Сочинения в 9 томах. Т. 3. М. 1956, стр. 457.

⁶ Орлов, Алексей Федорович (1786—1861 гг.), генерал-адъютант, дипломат. В 1825 г., будучи командиром лейб-гвардии Конного полка, принимал активное участие в подавлении восстания декабристов, за что получил титул графа.

ния о видах на урожай, о снабжении населения продовольствием, о ярмарках и ходе торговли на них. В 1872 г. четвертая экспедиция была упразднена, а ее дела были распределены между первой и второй экспедициями. Пятая экспедиция (цензурная) была создана в 1842 году. Она осуществляла цензуру драматических произведений (до 1865 г.), а также «высшее наблюдение» за периодическими изданиями. Сюда поступало по одному экземпляру всех газет и журналов, издававшихся в России. Начиная с конца 60-х годов XIX в. за ней закрепляется название «Цензурная газетная экспедиция»⁷.

При III отделении имелся архив для хранения «всеподданнейших» отчетов и докладов, составлявшихся отделением, вещественных доказательств и приложений к делам о государственных преступлениях. В 1847 г. в III отделении создаются 1-й и 2-й секретные архивы, в которых находились наиболее важные политические дела, выписки из перлюстрированных писем и сведения, полученные от заграничной агентуры. Здесь же имелись «Алфавит лиц, политически неблагонадежных» и две «коллекции» (первая включала «все противоправительственные издания», а вторая состояла из фотографических карточек «государственных преступников» и «политически неблагонадежных лиц»). На протяжении всего своего более чем полувекового существования III отделение было синонимом произвола и беззакония. Властям, несмотря на все их старания, так никогда и не удалось представить III отделение, находившееся, по словам А. И. Герцена, «вне закона и над законом»⁸, центром законности. Роль и значение III отделения в системе государственного управления особенно усиливаются во второй половине 60-х годов XIX в. после покушения Д. Каракозова на Александра II.

Во второй половине дня 4 апреля 1866 г. столица Российской империи была взбуродажена чрезвычайным происшествием. В центре Петербурга, у решетки Летнего сада, из толпы зевак, собравшихся вокруг царской коляски, неизвестный молодой человек стрелял в Александра II, возвращавшегося с прогулки. И только случайность спасла царя: то ли в последний момент дрогнула рука стрелявшего, то ли кто-то, стоявший рядом, случайно подтолкнул его, но пуля пролетела мимо... На вопрос царя к стрелявшему — «кто он и за что покушался на его жизнь» — неизвестный назвал русским и объяснил, что «стрелял потому, что царь, обещав вольность крестьянам, обманул их»⁹. Для расследования была учреждена особая комиссия под председательством графа М. Н. Муравьева, «прославившегося» кровавым подавлением польского восстания 1863 года. Она выяснила, что «преступник» — из мелкопоместных дворян, бывший студент Московского университета Д. В. Каракозов, член тайного революционного общества в Москве, созданного его двоюродным братом Н. А. Ишутиным... Выстрел 4 апреля послужил сигналом для активизации наиболее реакционных сил в правительственных кругах. Напуганный царь склонился на их сторону. «Пуля Каракозова попала не в государя, но в целую толпу лиц, ему близких»¹⁰, — записал в дневник А. А. Половцов. Сразу же после покушения подал прошение об увольнении шеф жандармов и начальник III отделения В. А. Долгоруков, был смещен столичный генерал-губернатор А. А. Суворов, уволены от должностей петербургский обер-полицеймейстер И. В. Анненков и министр народного просвещения А. В. Головнин. Ходили слухи о возможной отставке и других министров (Д. А. Милютин, М. Х. Рейтерна, П. А. Валуева). К власти пришли сторонники реакционно-охранительного курса (П. А. Шувалов, Д. А. Толстой, несколько позднее К. И. Пален и А. Г. Тимашев). Объединившись вокруг

⁷ ЦГАОР СССР, ф. III отделения (ф. 109), 5 эксп., оп. 213, д. 34, л. 6.

⁸ А. И. Герцен. Сочинения. Т. 5. М. 1956, стр. 60.

⁹ «Записки П. А. Черевина. (Новые материалы по делу каракозовцев)». Кострома. 1918, стр. 3.

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. Половцова (ф. 583), оп. 1, д. 4, л. 252 (запись от 13 мая 1866 г.). Половцов, Александр Александрович (1832—1909 гг.) с 1851 г. работал чиновником 1-го департамента сената, с 1873 г. — сенатор, с 1883 по 1893 г. — государственный секретарь, организатор и один из руководителей Русского исторического общества, издатель «Русского биографического словаря».

П. А. Шувалова, они составили в правительстве сплоченную группу и подчинили своему влиянию многих министров.

Возросла и роль III отделения и корпуса жандармов, этой «фаланги негодяев», как их называл М. Венюков¹¹. После покушения Д. Каракозова все стороны государственного управления России были поручены «особому ведомству, вставшему во главе всех ведомств под скромным названием III отделения собственной его императорского величества канцелярии»¹², — отмечал в одной из своих публицистических записок А. И. Васильчиков. В России усиливается реакция «чисто полицейская, и притом бесполовая. Начались произвольные аресты массажи, одиночное тюремное заключение без суда, административные ссылки, которые еще больше озлобляли свои жертвы и разносили пропаганду по самым отдаленным краям России»¹³. Определенную роль сыграло и значительное ослабление с середины 60-х годов XIX в. массового освободительного движения. Так, если в 1861—1863 гг. было 1 872 случая крестьянских выступлений, то с 1864 г. по 1869 г. включительно произошло всего 575 крестьянских волнений¹⁴. «Чрезмерное преобладание полицейско-жандармской власти составляет отличительную черту настоящего положения России, — писал в начале 70-х годов XIX в. А. И. Васильчиков. — Оно проведено было с замечательной ловкостью, без шума, без насилия, с улыбками и пожатием рук, и столько же отличается от сурового владычества Аракчеева, сколько мягкие и приятные черты лица благовоспитанного царедворца отличаются от свирепых ухваток солдата-временщика; но действие этого благообразного самовластия проникает еще глубже в современное общество и крадывается не только во все ведомства государственного управления, не только в круг действий земства и судов, но и в частный семейный и светский быт высших сословий»¹⁵. Ведущее же место в определении правительственного курса 1866—1874 гг. принадлежало новому главному начальнику III отделения и шефу корпуса жандармов П. А. Шувалову (1827—1889 гг.).

«Проведя раннюю молодость в стенах Зимнего дворца, где отец его был обер-гофмаршалом императора Николая, получив весьма поверхностное образование, прослужив сначала в Конногвардейском полку, а потом в свите государя, он выделился из толпы товарищей в 60-х годах»¹⁶. В 1860 г. П. А. Шувалов назначается директором департамента общих дел министерства внутренних дел, а в апреле 1861 г. становится управляющим III отделения и начальником штаба корпуса жандармов. В этой должности он снижал себе «известность» арестом и ссылкой поэта-демократа М. И. Михайлова, а летом 1861 г. принимал активное участие в «усмирении» петербургского студенчества. В декабре 1864 г. П. А. Шувалов становится «исправляющим должность» Лифляндского, Эстляндского и Курляндского генерал-губенатора и командующего войсками Рижского военного округа. После покушения Д. Каракозова и увольне-

¹¹ М. И. Венюков. Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора. 1855—1878. Т. IV, вып. 2. Прага. 1880, стр. 101. Венюков Михаил Иванович (1832—1901 гг.) — географ, путешественник, этнограф и историк. Окончил академию Генштаба. Был близко знаком с М. В. Петрашевским, А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, являлся постоянным корреспондентом «Колокола». В 1877 г. эмигрировал из России. Автор «Исторических очерков России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора. 1855—1878» (т. 1—4. Лейпциг — Прага. 1878—1880), изданных анонимно в Женеве. В них он выступал против самодержавия. Ему принадлежат также автобиографические заметки «Из воспоминаний» (Т. 1—3. Амстердам, 1895—1901).

¹² ЦГИА СССР, ф. Васильчиковых (ф. 651), д. 936, л. 11. Васильчиков, Александр Илларионович (1818—1881 гг.), князь, в 1865—1872 гг. — гласный Новгородского губернского земского собрания, один из представителей дворянской «фронды», игравшей при Александре II в «либерализм». Автор сочинений «О самоуправлении» (1869 г.), «Земледелие и землевладение в России и других европейских государствах» (1876 г.), «Мелкий ремесленный кредит в России» (1876 г.), «Сельский быт и сельское хозяйство в России» (1881 г.).

¹³ «Воспоминания Б. Н. Чичерина. Земство и Московская дума». М. 1934, стр. 94.

¹⁴ «Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг.» М. 1964, стр. 800.

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. Васильчиковых, д. 936, л. 14.

¹⁶ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова». Т. II. М. 1966, стр. 174.

ния в связи с этим шефа жандармов В. А. Долгорукова, П. А. Шувалов 10 апреля 1866 г. был назначен главным начальником III отделения и шефом жандармов. По отзывам лиц, которые близко знали Шувалова, он был недостаточно образован. «Гр. Петр Шувалов,— отмечал Д. А. Милютин,— принадлежал к той блестящей молодежи пятидесятых и шестидесятых годов, которая, не получив серьезного образования, мало знакома с делами государственными и порядками служебными, брала своей беспредельной самонадеянностью, ловкостью, способностью к интриге, умением бойким разглагольствованием пустить пыль в глаза»¹⁷. Е. М. Феокистов отмечал, что честолюбие Шувалова «было безгранично, и он всячески старался оттеснить людей, которые могли бы быть ему опасными соперниками»¹⁸. Говоря о новом начальнике III отделения, современники указывали, что «в нем под лоском навыка светского, под блеском мишуры салонной, много свойств аракчеевских; бездушие, жестокость, алчная жажда к власти неограниченной, бесконтрольной...»¹⁹. «Его сила,— писал о Шувалове М. И. Венюков,— как некогда Бориса Годунова, в умении понимать слабости самодержавия и самодержца и пользоваться ими с иезуитской ловкостью, иногда прикидываясь «просвещенным, умеренным либералом», но всегда оставаясь по существу, прямым наследником Малюты Скуратова»²⁰. Используя подозрительность Александра II, П. А. Шувалов, «указывая непрерывно государю на опасность со стороны революционного движения и преувеличивая его размеры, стоял на весьма твердой почве, выставляя себя человеком необходимым для борьбы с ним»²¹. Заняв должность начальника III отделения, П. А. Шувалов, как писал Д. А. Милютин, «скоро успел со своей ловкостью и изворотливостью совершенно овладеть доверием государя и сделать для него человеком необходимым»²². Он постоянно говорил Александру II «о замыслах нигилистов, страшал его, старался его убедить, что только неутомимой деятельностью III отделения обязан государь своей безопасностью»²³. Вскоре после своего назначения П. А. Шувалов, пользуясь полным доверием царя, сделался «первым лицом в государстве»²⁴. Именно в то время получает широкое распространение эпиграмма Ф. И. Тютчева:

¹⁷ ОР ГБЛ, ф. Д. А. Милютин (ф. 169), картон 10, д. 26, л. 77. Милютин, Дмитрий Алексеевич (1816—1912 гг.), граф, генерал-фельдмаршал. В 1861—1881 гг.— военный министр, проводивший серию военных реформ, имевших целью превращение русской армии в боеспособную массовую армию буржуазного типа. Умеренный либерал и убежденный монархист.

¹⁸ «Воспоминания Е. М. Феокистова. За кулисами политики и литературы. 1848—1896». Л. 1929, стр. 107. Феокистов, Евгений Михайлович (1828—1898 гг.)— реакционный публицист, автор исторических работ: «Борьба Греции за независимость» (1863 г.), «Магницкий. Материалы для истории просвещения в России» (1865 г.), «Отношения России к Пруссии в царствование Елизаветы Петровны» (1882 г.). Сотрудничал в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и в «Отечественных записках», в 1861 г. редактировал журнал «Русская речь». С 1863 г.— чиновник особых поручений при министре народного просвещения. В 1871—1882 гг.— редактор «Журнала министерства народного просвещения». В 1883—1896 гг.— начальник Главного управления по делам печати. Всецело находился под влиянием М. Н. Каткова и К. П. Победоносцева.

¹⁹ П. В. Долгоруков. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860—1867. М. 1934, стр. 193.

²⁰ М. И. Венюков. Указ. соч., стр. 23—24.

²¹ «Воспоминания Е. М. Феокистова», стр. 109.

²² ОР ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, картон 10, д. 26, л. 85.

²³ «Воспоминания Е. М. Феокистова», стр. 107.

²⁴ А. В. Никитенко записал в дневнике в ноябре 1866 г.: «Возвысился граф Шувалов и делает, что ему заблагорассудится, помимо закона и всех установленных государственных учреждений. Он прямо идет к государю с докладом и получает его согласие на меру, хотя бы та была в полном разногласии и с тем и с другим» (А. В. Никитенко. Дневник. Т. 3. М. 1956, стр. 58—59). Никитенко, Александр Васильевич (1804—1877 гг.), академик, историк русской литературы. Выходец из крепостных людей г. Шереметева. Будучи опущен на волю, поступил в Петербургский университет. В 1834—1864 гг. был там профессором кафедры словесности. В 1839—1841 гг. редактировал журнал «Сын отечества», с 1853 г. служил цензором. В 1856—1861 гг.— редактор «Журнала министерства народного просвещения», в 1861 г.— газеты «Северная почта». В 1862—1865 гг.— член Совета министерства внутренних дел по делам книгопечатания. Получил известность как автор «Дневника», который вел в течение полувека. «Его называют Алексеем Андреевичем (Аракчеевым.— И. О.) или Петром IV»,— пишет о Шувалове П. А. Валуев в январе 1867 г. («Дневник П. А. Валуева». Т. II. М. 1961, стр. 183). Валуев, Петр Александрович (1814—1890 гг.)— граф, в 1853—1858 гг.—

Над Россией распростертой
 Встал внезапно грозой —
 Петр, по прозвищу Четвертый,
 Аракчеев же — второй²⁵.

«Граф Шувалов, — отмечал Д. А. Милютин, — брался за все, судил и рядил в делах всех ведомств; в совещаниях высказывался с самоуверенностью человека, имеющего за собой могущественную опору... Голос его получил преобладающее влияние в вопросах о личных назначениях на должности. Конечно, он воспользовался этим влиянием, чтобы выдвигать своих друзей и товарищей и чтобы занять сколь можно более видных мест людьми своей партии»²⁶. Одним из первых ставленников Шувалова явился А. С. Грейг, назначенный на должность товарища министра финансов. Новым шефом жандармов был «посажен в министры и постоянно поддерживаем» министр путей сообщения А. П. Бобринский. «В ведомстве Валуева, то есть в министерстве внутренних дел, — писал М. Венюков, — граф Шувалов распоряжался как хозяин. Губернаторы стали назначаться не иначе, как с его согласия, причем он стал давать ход одним людям богатым». Должность петербургского губернатора занял Н. В. Левашов, харьковского — П. П. Дурново, сибирского — В. В. Орлов-Давыдов, казанского — Н. Я. Скарятин, родственник П. А. Шувалова²⁷. По предложению шефа жандармов министром почт и телеграфов был назначен А. Е. Тимашев, заменивший затем уволенного в начале 1868 г. П. А. Валуева на посту министра внутренних дел.

В воспоминаниях современников имеются отзывы о некоторых политических проектах П. А. Шувалова. Разумеется, последние были весьма далеки даже от каких-либо намеков на возможную демократизацию государственного устройства России. Об этом, в частности, свидетельствует разговор Шувалова с Б. М. Маркевичем²⁸ по поводу рескрипта 25 декабря 1873 г., который усиливал контроль дворянства за деятельностью народных училищ: «Это только начало. За ним, я надеюсь, пройдет ряд мер, которые принесут уже нечто существенное и осязательное, — говорил тогда Шувалов. — У меня формулировалась в голове маленькая программа, которую я выражу в двух словах: всесословность, но не бессословность, — дружное соединение сословий в видах общей государственной пользы, но никак не поглощение их в одну безличную народную массу. В Остзейском крае крестьянин точно так же свободен, как и в империи, но помещик сохранил попечительство над церковью, над школой, над волостью. Порядки эти к дурному не ведут, и я не вижу причины, почему бы нам их отсюда не признать»²⁹. Осуществление этого проекта поставило бы все представительные учреждения под контроль дворянства. Именно к этому времени относится сотрудничество П. А. Шувалова с М. Н. Катковым, редактором «Московских ведомостей». С весны 1872 г. П. А. Шувалов через посредничество петербургского корреспондента этой реакционной газеты Б. М. Маркевича регулярно сообщает Каткову «самые свежие новости из области предположений государственных и административных», снабжает его различными «конфиденциальными» материалами, призывая при этом соблюдать осторожность и не обнаруживать установившейся связи. Шеф жандармов использует «Московские ведомости», в частности, в своей борьбе с военным министром Д. А. Ми-

курляндский губернатор; в 1858—1861 гг. — директор департамента министерства государственных имуществ. В период подготовки отмены крепостного права стоял на правых позициях. В 1861—1868 гг., будучи министром внутренних дел, вел борьбу с революционным движением, принимал непосредственное участие в расправе с Н. Г. Чернышевским. В 1872—1879 гг. являлся министром государственных имуществ, с 1879 г. — председателем Комитета министров. В период революционной ситуации 1879—1880 гг. участвовал в разработке мер по борьбе с революционным движением.

²⁵ Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений. Л. 1939, стр. 178.

²⁶ ОР ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, картон 10, д. 26, лл. 85—86.

²⁷ М. И. Венюков. Указ. соч., стр. 25.

²⁸ Маркевич, Болеслав Михайлович (1822—1884 гг.), реакционный беллетрист. В 1854—1856 гг. служил в министерстве внутренних дел, в 1866—1875 гг. — чиновник особых поручений при министре народного просвещения. За участие в получении взятки при сдаче в аренду казенной газеты «С.-Петербургские ведомости» был уволен от службы и лишен придворного звания камергера.

²⁹ ОР ГБЛ, ф. Каткова, картон 27, д. 3. Письмо Б. М. Маркевича М. Н. Каткову 24 декабря 1873 года.

лютиным³⁰. Сотрудничество между Шуваловым и Катковым поддерживалось с ведома Александра II. Об этом свидетельствуют записи в дневнике П. А. Валуева³¹.

Что же представляло собой III отделение во время шуваловского всевластия в 1866—1874 годах? Штаты его были по-прежнему немногочисленны и не превышали 40—45 человек³². Но зато оно располагало довольно широкой агентурой как внутри России, так и за границей, а его исполнительным органом являлся корпус жандармов, насчитывавший в 1873 г. свыше 5,5 тыс. человек. Для деятельности III отделения за время управления им П. А. Шуваловым характерны активизация внутренней и заграничной агентуры, широкое применение репрессивных мер в отношении лиц, обнаруживших свои оппозиционные взгляды (аресты, обыски, допросы, увольнение со службы, исключение из учебных заведений, административные ссылки, учреждение негласного наблюдения и пр.). Это повлекло за собой со второй половины 60-х годов XIX в. значительное увеличение сумм, отпускавшихся III отделению на так называемые «секретные» расходы. Большая часть средств, полученных III отделением, шла на содержание и вознаграждение агентов³³.

В делопроизводстве III отделения имеются лишь отрывочные данные о деятельности как заграничной, так и внутренней агентуры. «Данные о внутренней агентуре в делах III отделения не сохранились»³⁴, — констатируют исследователи. «Голубое ведомство», — как справедливо замечает В. Богучарский, — весьма тщательно умело хранить свои секреты»³⁵. Фамилии агентов и результаты их «трудов» держались в тайне не только от лиц посторонних, но и от самих чиновников III отделения, не имевших непосредственного соприкосновения с агентурой. И не случайно подавляющее большинство дошедших до нас агентурных донесений является копиями, а фамилии агентов или отсутствуют, или заменены условными обозначениями (чаще всего одной из букв русского алфавита). Не фигурируют эти фамилии и в финансовых документах.

Агенты III отделения регулярно посещали театры, маскарады, балы, клубы, дворянские и земские собрания, судебные заседания, литературные вечера и публичные лекции. «Общее наблюдение всегда, а в настоящее время в особенности, составляет главную задачу III отделения как центрального наблюдательного органа», — писал 23 мая 1866 г. Н. Д. Горемыкин в докладной записке П. А. Шувалову³⁶. В числе агентов III отделения в конце 60-х — первой половине 70-х годов XIX в. можно было встретить самых различных по своему общественному положению людей. Само начальство III отделения не было слишком высокого мнения о «нравственном облике» и «способностях» своих агентов. Заведующий 3-й экспедицией К. Ф. Филиппеус сообщал в письме в 1874 г. П. А. Шувалову: «Живо помню мое удивление, когда 1-го апреля 1869 г. мне впервые были вручены суммы (на «секретные» расходы. — И. О.) и вслед за тем представились мне господа агенты, а именно: один убогий писака, которого обязанность заключалась в ежедневном сообщении городских происшествий и сплетен. Первые он зауряд выписывал из газет, а последние сам выдумывал... Кроме того, ко мне явились: один граф, идиот и безграмотный один сапожник с Выборгской стороны, — писать он не умел вовсе, а что говорил, того никто не понимал и с его слов записать не мог; двое пьяниц, из коих один обыкновенно пропадал первую половину каждого месяца, а другого я не видел без фонарей под глазами или царалин на физиономии; одна замужня женщина, не столько агентша сама по себе, сколько любовница и сподручница одного из агентов; одна вдовствовавшая... полковница из Кронштадта и только два действительно юрких агента. Вот состав агентуры, который я

³⁰ ОР ГБЛ, ф. Каткова, картон 27, д. 2.

³¹ «Дневник П. А. Валуева». Т. II, стр. 313.

³² ЦГАОР СССР, ф. III отд., 1 эксп., 1871, д. 1, ч. 1, лл. 4—5.

³³ Там же. Секретный архив, оп. 3, д. 570, л. 13.

³⁴ П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М. 1964, стр. 171, прим. 60.

³⁵ «Вестник Европы», 1917, № 3, стр. 86.

³⁶ ЦГАОР СССР, ф. III отд., Секретный архив, оп. 3, д. 633, лл. 1—2. Местами, которые посещались агентами в Петербурге, были клубы (Немецкий, Приказчий, Благородного собрания, Купеческий, Служительский, Клуб поощрения художников), 5 различных «летних загородных гуляний» и до 10 «разных мелких садов» (там же, л. 2).

принял при вступлении в управление 3-й экспедицией... Полагаю, что мне не были переданы те лица, которые сами не пожелали сделаться известными новому начальнику агентуры»³⁷.

Особая группа агентов «специализировалась» исключительно на наружном наблюдении, ведя слежку за указываемыми III отделением лицами. Эта категория агентов (впоследствии они стали называться «филерами») была наиболее низко оплачиваемой и находилась под неусыпным надзором заведующего агентурой III отделения Владимира, который часто контролировал несение службы агентами сам или же заставлял агентов следить друг за другом. III отделение занимало специальное помещение, являвшееся конспиративной квартирой для агентуры. Там агенты получали инструктаж перед своим «дежурством», а по окончании его являлись с письменными рапортами, которые принимались заведующим агентурой. Порою провокаторы и шпионы III отделения «расшифровывали» себя, и тогда данные о них появлялись на страницах «Колокола» и в других изданиях русской политической эмиграции. В этих случаях III отделение или отказывалось от дальнейших услуг своих тайных сотрудников, или переводило наиболее «способных» и «квалифицированных» из них в другие местности. Так пришлось поступить с профессиональным провокатором, имевшим многолетний стаж, Варшавчиком, который, начав свою деятельность в Петербурге, затем длительное время «работал» в Москве у жандармского генерала Слезкина и «оказал много действительных услуг правительству, но сделался известным». Поэтому его направили снова в Петербург, в распоряжение III отделения. Так как «настоящую же свою фамилию Варшавчика неудобно было бы ему носить», то в Петербурге ему выдали новые документы на имя «отставного канцелярского служителя Льва Ивановича Абрамова». Варшавчик-Абрамов в течение нескольких лет «успешно работал» на новом месте и даже «отличился»: выследил и содействовал аресту крестьянина Потапова, знаменосца известной демонстрации на Казанской площади в декабре 1876 г., за что получил 100 рублей³⁸. Иногда действия агентов, из-за невежества некоторых из них, оканчивались довольно курьезно. Об одном из таких случаев рассказывает в своем дневнике А. А. Половцов: «На днях чиновник III отделения арестовал человека за найденное у него воззвание к солдатам. Воззвание оказалось «Марсельезой», продающейся во всех музыкальных магазинах»³⁹. Сам П. А. Шувалов с презрением относился к своим подчиненным. Так, желая узнать о действиях жандармов, участвовавших в одном из обысков, он пригласил к себе А. Ф. Кони и спросил: «Ну, а что мои скоты?» «Я понял, — пишет А. Ф. Кони, — о ком шла речь, но... умышленно не уразумел и спросил Шувалова, о ком он говорит»⁴⁰.

Круг лиц, за которыми III отделение организовывало наблюдение, был очень велик и не поддается даже приблизительному подсчету, так как к нему причислялись все, кто смел думать «не по шаблону III отделения». Студенты и учителя, мелкие чиновники и министры, крестьяне и ученые, рабочие и литераторы, губернаторы и высшие сановники — все находилось под надзором и тщательным наблюдением III отделения и жандармских чинов⁴¹. Современники отмечали, что с апреля 1866 г. «начинается господство одной реакции..., и тайная полиция начинает самодержавно царить над Россией»⁴². Один из либеральных деятелей того времени, Н. А. Милютин (родной брат военного министра Д. А. Милютина) говорил, что после каракозовского выстрела «явилась сильная реакция по всем ведомствам, разные полицейские меры, усиление шпионства, доносов и перлюстраций, господство произвола над законностью и стеснение всякой свободы...»⁴³.

Для подобных отзывов имелось достаточно оснований. Именно во второй половине 60-х годов XIX в. была учреждена особая «Охранная стража», созданы «Секрет-

³⁷ Р. М. Кантор. В погоне за Нечаевым. К характеристике провокационной политики III отделения на рубеже 70-х годов. Птгр. 1922, стр. 20—21.

³⁸ ЦГАОР СССР, ф. III отд., Секретный архив, оп. 3, д. 690, лл. 1—3.

³⁹ Там же, ф. Половцова, оп. 1, д. 8, л. 21 (запись от 12 января 1870 г.).

⁴⁰ А. Ф. Кони. Сочинения. Т. 5. М. 1968, стр. 283—284.

⁴¹ В частности, под наблюдением в течение многих лет состоял военный министр Д. А. Милютин, курьер которого являлся «по совместительству» тайным агентом III отделения (С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 3. М. 1960, стр. 427).

⁴² М. И. Венюков. Указ. соч., стр. 22.

⁴³ ЦГИА СССР, ф. А. В. Головина, оп. 1, д. 6, л. 52.

ное отделение» при петербургском обер-полицеймейстере и «Политический отдел» при управлении московского генерал-губернатора, увеличено число агентов при III отделении, создан так называемый «наблюдательный состав корпуса жандармов», коренным образом изменена вся система жандармского наблюдения. Эти меры, предпринятые непосредственно после 4 апреля и получившие еще большее развитие в последующее время, неизбежно привели к тому, что одной из характернейших черт русской действительности после 1866 г. стали «глубоко безнравственное размножение шпионства и, соответственно этому, безжалостное преследование всего, что есть нравственно самостоятельного и честного в образованном обществе»⁴⁴.

Под наблюдением III отделения находились все учреждения, созданные в результате реформ 60-х годов XIX в.: крестьянские, судебные, земские, городские. Циркулярами и инструкциями III отделения, министерства внутренних дел и начальников губернских жандармских управлений эти учреждения и их деятели брались под неусыпный жандармско-полицейский надзор, который иногда превращался в грубое и ничем не прикрытое вмешательство. И не случайно в секретном циркуляре начальника московского жандармского управления генерал Слезкин 24 октября 1868 г. писал: «Прошу гг. помощников моих, находящихся в уездах, внушить подведомственным им унтер-офицерам, чтобы они во время посещения ими хотя бы с наблюдательной целью, но в качестве простых зрителей, заседаний мировых судей, волостных правлений и мирских сходов не вмешивались ни в какие дела, не заявляли никому своих суждений и вообще вели себя крайне осторожно»⁴⁵. Через свою агентуру III отделение бдительно следило за действиями судебных учреждений, созданных на основании уставов 20 ноября 1864 г. Особенное внимание обращалось на те дела, которые слушались при открытых дверях, с допуском на них публики, а также с участием присяжных. Управляющий III отделением генерал Н. В. Мезенцев в октябре 1868 г., по поручению П. А. Шувалова, обратился с письмом к петербургскому обер-полицеймейстеру Ф. Ф. Трепову, в котором просил немедленно и регулярно сообщать в III отделение сведения «о предназначенных к слушанию в судебных местах делах, могущих возбуждать особый интерес публики»⁴⁶.

Под строгим наблюдением находилось и земство. В III отделение постоянно поступали подробнейшие сведения о деятельности земских учреждений, в особенности губернских собраний. Так, в Москве на каждом из таких заседаний присутствовал тайный агент, который затем скрупулезно анализировал в донесениях не только ход земского собрания, но и поведение гласных. В связи с предстоявшими в 1869 г. выборами нового состава земских учреждений III отделение еще в ноябре 1868 г. направило начальникам губернских жандармских управлений секретный циркуляр по этому вопросу. В нем подчеркивалось, что жандармские офицеры в своих донесениях об итогах земских выборов должны «не упускать из виду объяснять в подробности характер и значение вновь избранных лиц»⁴⁷.

Постоянное «внимание» со стороны III отделения испытывали преподаватели университетов, институтов, учителя гимназий и школ. Циркулярами от 19 и 26 ноября 1873 г. III отделение предписывало начальникам губернских жандармских управлений «иметь бдительное наблюдение как за характером педагогических занятий сельских учителей..., так и вообще за их поведением и направлением». Жандармские чины обязаны были вести «особые списки» о народных училищах и сельских учителях. По данным начальников жандармских управлений, на март 1875 г. были признаны «ненадежными»⁴⁸ учителя начальных школ, список которых был немедленно препровожден III отделением министру народного просвещения Д. А. Толстому для принятия «соответствующих мер»⁴⁸. Особое внимание обращалось на студенческую молодежь, в среде которой, несмотря на репрессии, не прекращалось брожение, вылившееся вес-

⁴⁴ М. И. Венюков. Указ. соч., стр. 6.

⁴⁵ ЦГАОР СССР, ф. Московского губернского жандармского управления (ф. 58), оп. 1, д. 1, л. 23.

⁴⁶ Там же, ф. III отд., Секретный архив, оп. 3, д. 549, л. 2222.

⁴⁷ Там же, ф. Московского губернского жандармского управления, оп. 1, д. 1, л. 26.

⁴⁸ Там же, ф. III отд., 3 эксп., 1873, д. 473, ч. I. Все эти учителя были уволены с запрещением впредь «заниматься педагогической деятельностью» (там же, л. 77).

ной 1869 г. в серию студенческих «беспорядков». Признав недостаточным наблюдение за студентами только во время занятий, III отделение с весны 1868 г. ежегодно рассылало на места специальные циркуляры, в которых обращало внимание жандармских чинов «на тщательное наблюдение за молодыми людьми, особенно за студентами высших учебных заведений», предписывая «следить за сношениями их с низшими классами населения» в период «вакационного времени», то есть во время каникул⁴⁹.

В конце 60-х годов XIX в. правительственные круги были серьезно обеспокоены тем, что 19 февраля 1870 г. истекал 9-летний срок, в течение которого крестьяне не имели права отказываться от земельных наделов, отведенных им на основе Положений 1861 года. В особенности царизм пугало возможное усиление в связи с этим революционно-пропагандистской деятельности как внутри страны, так и со стороны русской политической эмиграции. Поэтому правительство еще задолго до 19 февраля 1870 г. начало «готовиться» к этой дате с целью «устранить все поводы к недоразумениям и обеспечить порядок»⁵⁰. Не осталось в стороне от этого и III отделение. Еще в начале 1869 г. оно предпринимает ряд «специальных» мер. В частности, были составлены характеристики более чем на 700 лиц, «относительно коих был повод к подозрению, что агитаторы рассчитывают на их помощь». П. А. Шувалов сообщал Александру II, что «за действиями этих лиц учреждено секретное наблюдение». Летом 1869 г. III отделением «были рассыланы агенты в местности, которые по характеру населения представляют наиболее удобную почву для агитации, а именно: места фабричные и промышленные. Агенты... знакомились с настроением умов вообще, прислушивались к народным толкам, старались подметить малейшие признаки противозаконной агитации, изучали образ жизни, нравы и нравственность жителей... Исследованы были: село Иваново, весь Шуйский уезд и вообще фабричные центры Владимирской губернии; подмосковные заводы и фабрики; тульские заводы; путь от Москвы до Нижнего Новгорода и побережья Волги до Самары; путь от Москвы через Киев в Одессу и оттуда через Херсон и Екатеринославскую губернию в Крым; губернии Подольская и Волынская». «Эта мера, — по словам П. А. Шувалова, — оказалась весьма полезной», но «недостаток в средствах и надежных агентах, достаточно развитых для такой задачи, не позволил распространить ее в одно лето на большее число местностей»⁵¹.

В конце 1871 г. в связи с получением от начальника Тульского жандармского управления списка лиц, состоявших под «секретным наблюдением» в губернии, управляющий III отделением А. Ф. Шульц обязал всех начальников губернских управлений немедленно представить в III отделение «список лиц, состоящих под негласным наблюдением корпуса жандармов, но не поднадзорных, а также заслуживающих такового наблюдения...»⁵². В течение 1872 г. приходили ответы с мест. Оказалось, что под негласным надзором в 59 губерниях, а также в Великом княжестве Финляндском и Одессе состоял 1 061 человек, не считая Петербурга и ряда уездов Петербургской губернии. В списке поднадзорных лиц, присланном из Иркутского губернского жандармского управления, между прочим, под № 1 значился «бывший бакалавр Казанской духовной академии Афанасий Шапов», который в мае 1864 г. «по неблагонадежности в политическом отношении выслан под надзор полиции из С.-Петербурга в Иркутск». В этом же списке под № 10 числился «кандидат естественных наук С.-Петербургского университета Герман Лопатин», а под № 11 — «государственный преступник Николай Чернышевский».

Начальник Московского губернского жандармского управления генерал Слезкин доносил в ноябре 1872 г., что в губернии под негласным жандармским наблюдением состоят 383 человека. В числе их были студенты и профессора университета и других высших учебных заведений, гимназисты и учителя, адвокаты и врачи, дворяне и разночинцы. «Преимущественная часть всех этих лиц, — писал он, — ведет большое знакомство и старается, в своих целях, расширить круг его. Лица, с коими находящиеся

⁴⁹ Там же, ф. Московского губернского жандармского управления, оп. 1, д. 3, л. 7; д. 4, л. 10.

⁵⁰ См. «Всеполданнейший доклад» министра внутренних дел А. Е. Тимашева от 28 января 1871 г. (ЦГИА СССР, ф. Земского отдела министерства внутренних дел (ф. 1291), оп. 53, 1870, д. 43, лл. 50—66).

⁵¹ ЦГАОР СССР, ф. III отд., оп. 223, д. 34, л. 13.

⁵² Там же, 3 экз., 1872, д. 75, чч. 1—2. Подсчеты произведены по данным донесений начальников губернских жандармских управлений.

под наблюдением знакомы и кои своим поведением обращают на себя внимание, жандармскому управлению частью уже известны. За сими последними лицами представляется также необходимость иметь самое строгое и бдительное наблюдение». Следует заметить, что в числе этих лиц находились, в частности, А. А. Плавильщиков — «по подозрению в сношениях с Герценом и за распространение возмутительных сочинений» (с 1862 г.); А. М. Унковский (с ноября 1861 г.); профессор М. П. Щепкин (с начала 1871 г.), который «участвовал в собрании лиц, где проводились вредные противоправительственные идеи». Особенное внимание Слезкин уделяет установлению наблюдения за профессором Московского университета А. Н. Бабухиным, отмечая, что последний «во время чтения лекций проводит идеи социализма, которые в частной беседе со студентами высказывает вполне». Начальник Московского жандармского управления предлагал также учредить немедленно секретное наблюдение еще за 250 лицами, в том числе за Н. Квятковским, сочувствовавшим «идеям социализма и распространению социальных книг», за сестрами Ольгой и Верой Любатович и их братом Александром, которые «направления весьма либерального», за присяжным поверенным Ф. Н. Плевако, замеченным «в сочувствии к социально-демократическим идеям»⁵³. Ежегодно III отделение рассылало начальникам губернских жандармских управлений «алфавитные списки» всех лиц, состоявших под негласным жандармским надзором, а также сообщало фамилии тех, которые «подлежат задержанию в случае попытки проникнуть в Россию»⁵⁴. «Эти списки, — отмечает М. И. Венюков, — книги судеб современного русского поколения, а справедливо сказал одно заметное в петербургских сферах лицо, что кто в них не внесен, тот не имеет права на уважение честных людей»⁵⁵.

П. А. Шувалов как главный начальник III отделения и шеф жандармов участвовал в деятельности Комитета и Совета министров, Государственного совета, являлся неперменным членом Главного комитета об устройстве сельского состояния, был членом комитетов: Кавказского, по делам Царства Польского, Остзейских дел, членом Особого по воинской повинности присутствия при Государственном совете, а также входил в большинство различных «временных» комитетов и комиссий, которые создавались по «высочайшим» повелениям. Казалось, что могуществу П. А. Шувалова ничто не угрожало. Но в июне 1874 г. Александр II, находясь в Эмсе, совершенно неожиданно для Шувалова сообщил ему, что назначает его послом в Лондон.

Каковы же были истинные причины удаления П. А. Шувалова? Среди современников на этот счет имелось несколько мнений. Например, А. И. Дельви́г писал: «В 1873 г. начали говорить, что всемогущий шеф жандармов гр. П. А. Шувалов потерял значение у государя. По слухам, причиной этого было то, что Шувалов во многих случаях излагал свои мнения в высших государственных учреждениях, придавая им значение тем, что будто бы они согласны с желанием государя»⁵⁶. А. А. Киреев также считал, что «Шувалов действительно надоел государю постоянной своей опекой»⁵⁷. Иную версию выдвигал К. П. Победоносцев, рассказывавший, «будто бы император Вильгельм показал государю какую-то немецкую газету, в которой упоминалось о Шувалове как о всемогущем временщике, Петре IV»⁵⁸. По словам Б. Н. Чичерина, «княжна Долгорукая, впоследствии княгиня Юрьевская, бывшая уже тогда в фаворе, сообщила государю все толки, ходившие тогда в обществе, о всемогуществе Шувалова, о том, что его зовут Петром IV. Государь... был очень щепетилен на счет своей власти и своего авторитета. Он не терпел, чтобы кто-нибудь его затмевал»⁵⁹.

⁵³ Там же, ч. 2, лл. 17, 24, 27, 28, 30, 48, 37, 42. При пересмотре III отделением списков, представленных начальниками жандармских управлений, обнаружилось, что в начале 70-х годов XIX в. продолжали состоять под негласным наблюдением: известный историк М. П. Погодин (еще с 1855 г.); французский император Наполеон III, который в конце 40-х годов XIX в. «желал поступить в русскую службу, писал об этом и думал приехать из Франции в Ригу. Предложение его было отклонено, а наблюдение все-таки предписано» (ОР ГБЛ, ф. А. Н. Мосолова (ф. 514), картон 1, д. 2, л. 65).

⁵⁴ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1871, д. 164, л. 17.

⁵⁵ М. И. Венюков. Указ. соч., стр. 30.

⁵⁶ А. И. Дельви́г. Мои воспоминания. Т. IV. М. 1913, стр. 441.

⁵⁷ ОР ГБЛ, ф. Киреевых, д. 6, л. 89. Киреев, Александр Алексеевич (1833—1910 гг.), генерал-лейтенант, адъютант вел. князя Константина Николаевича, публицист, славянофил.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ «Воспоминания Б. Н. Чичерина. Земство и Московская дума», стр. 94.

Каковы же были практические результаты «шуваловского всевластия»? «Если о каждом человеке следует судить по его делам, — писал Е. М. Феоктистов, — то Шувалов, сойдя с поприща, не оставил по себе ровно ничего, что могло бы быть поставлено ему в заслугу»⁶⁰.

Несмотря на все старания тайной полиции, руководимой Шуваловым, революционное движение в России подавить не удалось. Учащаются случаи студенческих «беспорядков», происходят первые стачки фабрично-заводских рабочих, начинается организационное оформление пока еще разрозненных кружков революционных народников. Одновременно с этим ширится их агитация среди крестьян, которая выливается в массовое движение «хождения в народ». С середины 70-х годов XIX в. обнаруживается несостоятельность внутренней политики царского правительства, основанной на репрессиях. Нарастает очередная революционная ситуация.

После П. А. Шувалова начальником III отделения и шефом жандармов становится генерал А. Л. Потапов. В 1876 г. он был отстранен в связи с явно выраженным «умственным расстройством». Шефом жандармов назначается генерал Н. В. Мезенцев, который в 1878 г. был убит народником С. М. Степняком-Кравчинским. Заменявший Мезенцева А. Р. Дрентельн оставался в должности главного начальника III отделения и шефа жандармов до 1880 г., то есть вплоть до упразднения III отделения...

За время своего более чем полувекового существования III отделение снискало ненависть и презрение во всех слоях и классах русского общества, покрыло себя несмываемым позором, став синонимом произвола, беззакония и насилия. «Неужели нельзя обойтись без этого подлого учреждения? — писал осенью 1877 г. в своем дневнике Ф. В. Чижов, который по своим политическим воззрениям был отнюдь не демократом или сторонником каких-либо радикальных преобразований. — ...Своим существованием решительно ниспровергает всякую законность... Вмешивается оно в дела судебные, в политических оно считает себя единственно законным местом следствия, расследования, суда и осуждения. Суд, назначаемый после III отделения, есть или пустая формальность, или лицемерный вид судилища... Замена законов учреждением, не имеющим никаких законных оснований, кроме личного взгляда шефа жандармов и начальника III отделения, руководящегося этим взглядом и в следствии, и в суде, и в осуждении, — это, как хотите, хуже всякого открытого деспотизма»⁶¹.

В связи с усилением революционного движения для более активной борьбы с ним в начале февраля 1880 г. (сразу же после взрыва в столовой Зимнего дворца, произведенного С. Халтуриным) была создана Верховная распорядительная комиссия во главе с М. Т. Лорис-Меликовым. Последнему было подчинено и III отделение⁶². Шеф жандармов А. Р. Дрентельн был уволен от должности, а исполняющим ее был назначен член Верховной распорядительной комиссии генерал П. А. Черевин. Так была достигнута одна из основных задач, которую поставила перед собой комиссия: объединение всех жандармско-полицейских и судебных органов для борьбы с революционным движением. В августе 1880 г. в связи с ликвидацией Верховной распорядительной комиссии было упразднено и III отделение, а все его функции переданы вновь созданному департаменту государственной полиции, образованному в составе министерства внутренних дел⁶³. Министр внутренних дел одновременно стал и шефом жандармов. Но ликвидация III отделения вовсе не означала какого-либо ослабления или изменения структуры, системы и организации политического сыска в царской России. Произошла смена «вывески», а функции, методы и приемы этого «неудобозабываемого», по словам А. И. Герцена, учреждения не претерпели сколько-нибудь значительных изменений, равно как и методы и цели борьбы самодержавия с революционно-освободительным движением.

⁶⁰ «Воспоминания Е. М. Феоктистова», стр 107.

⁶¹ Там же, ф. Ф. В. Чижова, картон 3, д. 5, лл. 122—123.

⁶² ПСЗ, 2-е собр., т. LV, № 60609.

⁶³ Там же, № 61279.

ЦИЦЕРОН И КАТИЛИНА *

С. Л. Утченко

1. Первые шаги будущего оратора и политического деятеля

Марк Туллий Цицерон, знаменитый римский оратор и политический деятель, родился 3 января 106 г. до н. э. в поместье своего отца, вблизи города Арпина, уже прославившегося ранее в римской истории тем, что в этом небольшом городке появился на свет выдающийся полководец Гай Марий. Прозвище рода Туллиев Сисего, что означает в переводе с латинского «горох», возникло, по одной версии, вследствие того, что кто-то из предков Цицерона имел широкий и приплюснутый нос с бороздкой на его кончике, как на горошине¹, по другой же версии — потому, что один из предков великого оратора был хорошим огородником и выращивал отменный горох. Как бы то ни было, но молодой Цицерон гордился этим своим родовым прозвищем, и когда в начале его политической карьеры некоторые из близких друзей советовали ему переменить имя, он наотрез отказался².

Семейное окружение Цицерона было довольно специфичным, и некоторые черты и особенности характера будущего оратора и государственного деятеля развились, по всей вероятности, не без воздействия этого окружения. Его дед — землевладелец и земледелец староримского закала — выступал в свое время против проекта введения в их муниципии тайного голосования, за что и удостоился похвального слова в сенате, произнесенного одним из вождей оптиматов, консулом Марком Эмилием Скавром³. Мать Цицерона, Гельвия, происходила из рода, давшего еще во II в. двух преторов. Цицерон потерял ее в раннем детстве. Она известна лишь тем, что была, видимо, весьма рачительной хозяйкой: она запечатывала у себя дома не только полные, но даже и пустые бутылки, дабы тот, кто тайком выпил ту или иную бутылку, не мог потом утверждать, что она вообще была пустою⁴.

Что касается отца Цицерона, то он принадлежал к всадническому сословию. Вследствие слабого здоровья он предпочитал городу мирную сельскую жизнь; к политической карьере, по всей вероятности, не стремился и уделял много времени литературным занятиям⁵. Однако, придавая серьезное значение воспитанию сыновей, он отправился вместе с ними — семилетним Марком и трехлетним Квинтом — в Рим, где у него был собственный дом, расположенный на западной стороне Эсквилинского холма, в городском квартале, который именовался Карины.

Мальчиком Цицерон прошел хорошую школу. Под руководством знаменитого оратора Красса он вместе со своим братом обучался у греческих учителей. Необычайные способности молодого Марка уже тогда обратили на себя общее внимание. Под влиянием поэта Архия, защитником которого в суде он выступал позднее, Цицерон увлекался поэзией; сохранились сведения о написанных им в юности стихотворных произведениях: «Главк Понтийский», эпической поэме в честь Мариа, переводах из греческих поэтов и т. д. Он не оставлял поэтических занятий и в более

* Данная статья представляет собой написанный специально для журнала вариант двух глав книги «Цицерон и его время», которая должна выйти в издательстве «Мысль». В статье сопоставлены два различных периода жизни и деятельности Цицерона: ранний, наименее известный этап его общественно-политической карьеры, и кульминация этой карьеры — наиболее яркий период деятельности (консулат и борьба с Катилиной).

¹ Plutarchos. Cic., I.

² Ibid.

³ Cicero. De leg., 3, 36; Brut., 308.

⁴ Cicero. Ad. fam., 16, 26, 2.

⁵ Cicero. De leg., 2, 3.

зрелом возрасте, в особенности в тех случаях, когда представлялась возможность воспеть собственные выдающиеся деяния, и порою горделиво сообщал о том, что в течение той или иной бессонной ночи сочинил целых пятьсот стихов⁶.

Еще в совсем юном возрасте Цицерон обнаружил особый интерес и склонность к ораторскому искусству. Он усердно посещал форум, где мог слышать выступления выдающихся ораторов того времени Красса и Антония; он занимался искусством декламации под руководством знаменитого актера Росция, который ставил ему голос и учил его ораторским жестам. Когда молодой Цицерон получил право надеть «мужскую тогу», то есть достиг, по римским понятиям, совершеннолетия, что произошло в 90 г. до н. э., отец поручил его попечению знаменитого законоведа — авгура Квинта Муция Сцеволы, беседы с которым считались наилучшим введением в изучение права. В кругу слушателей почтенного авгура — ему к тому времени исполнилось 80 лет — молодой Цицерон впервые познакомился с тем, кто оставался всю жизнь его лучшим другом, с Титом Помпонием Атикком⁷. Когда Муций Сцевола в 87 г. до н. э. скончался, Цицерон стал слушателем и учеником другого знаменитого юриста, представителя того же самого рода — великого понтифика Кв. Муция Сцеволы.

Видимо, еще в 90 г. до н. э. Цицерон оказался на военной службе и принял участие в Союзнической войне сначала в частях Помпея Страбона, а затем и под командованием Суллы. Но в армии он пробыл недолго — около года: военная карьера его мало прельщала, и он при первой же возможности вернулся к форуму и к своим научным трудам. На сей раз он с особым увлечением занялся философией. К его римским наставникам в этой области следует отнести главу академической школы Филона Ларисского, который, бежав из Афин вследствие восстановления там демократического режима, обосновался в Риме, и затем стоика Диодота, который даже жил у Цицерона в доме. С последним Цицерон занимался преимущественно диалектикой, а также ораторскими упражнениями как на латинском, так и на греческом языке. К этому же времени относится знакомство Цицерона со знаменитым ритором Молоном Родосским, который дважды посещал Рим⁸.

Сам Цицерон неоднократно говорил в дальнейшем, что его юность была целиком отдана занятиям, что он посвящал этим занятиям «дни и ночи» напролет⁹. Интересно отметить, что, несмотря на свое полудетское восхищение личностью Марии и даже на свое отдаленное родство с ним (тетка Мария была родной бабушкой Цицерона), он все годы господства марианцев хоть и находился в Риме, но держался в тени, не принимал участия в общественной жизни и именно в эти годы занимался наиболее усиленно изучением философии, права и риторики. Примерно к этому же времени следует отнести его первый литературный труд — учебное пособие по риторике, называемое обычно «О подборе материала». Эта работа носила чисто компилятивный характер и была построена по образцу и на основе аналогичных греческих руководств и пособий. В последующие годы сам Цицерон отзывался о своем юношеском труде как о произведении и незрелом и незавершенном¹⁰.

Первая из дошедших до нас судебных речей Цицерона относится к 81 г. до н. э. Молодой 25-летний адвокат защищал в этой речи интересы некоего Публия Квинкция, который был шурином актера Росция, находившегося, в свою очередь, в близких отношениях с Цицероном. Он, видимо, и рекомендовал молодого адвоката. Что касается Цицерона, то участие в данном процессе и защита Квинкция имели определенное значение для всей его дальнейшей карьеры. Цицерон как начинающий деятель, как человек незнатного рода и даже не коренной римлянин, то есть, говоря другими словами, «новый человек», вынужден был с самого начала искать покровительства какой-либо знатной римской фамилии. Его наставник в области декламации Росций был вольноотпущенником семьи Росциев — представителей муниципальной аристократии. В свою очередь, семья Росциев была довольно тесно связана с Метеллами — одним из

⁶ Plutarchos. Cic., 40.

⁷ Cicero. De leg., 1, 13.

⁸ Cicero. Brut., 89.

⁹ Cicero. Cael., 72; Brut., 308.

¹⁰ Cicero. De orat., 1, 2, 5.

знаменитейших и влиятельнейших римских родов. Все эти связи и взаимоотношения, несомненно, учитывались Цицероном и были для него далеко не безразличны.

Речь в защиту Публия Квинкция — первая из сохранившихся до наших дней судебных речей Цицерона, но, если верить самому оратору, отнюдь не первое его выступление в процессах¹¹. Что же касается дела Квинкция, то оно имело чисто гражданский и частный характер и возникло в результате весьма неблагоприятных действий его компаньона. Исход процесса точно неизвестен, но, судя по тому, что уже в следующем году Цицерон был приглашен защищать члена самого рода Росциев, можно предположить, что защита Квинкция принесла успех молодому адвокату. Дело Росция вызвало гораздо более широкий резонанс в римском обществе. Это объяснялось прежде всего тем, что оно имело определенный политический оттенок. Подобное значение процесса, его связь с общим «положением дел в государстве»¹² подчеркивались самим Цицероном в первых же вступительных фразах его речи.

Суть рассматриваемого дела заключалась в следующем. Секст Росций, богатый землевладелец из города Америи (Умбрия), в конце 81 г. до н. э. был найден убитым на улицах Рима. Два его родственника, Т. Росций Капитон и Т. Росций Магн, которые и были, по всей вероятности, организаторами этого убийства, заключили тайную сделку с весьма влиятельным человеком, любимцем и отпущенником Суллы — Л. Корнелием Хрисогоном. Целью сделки был захват поместий убитого и лишение права на эти земли законного наследника, то есть Секста Росция-сына. Имя убитого задним числом, хоть он и был сторонником Суллы, включили в проскрипционные списки. Вследствие этого наследство было пущено с молотка, и его купил за бесценок сам Хрисогон. Три поместья убитого он отдал Капитону, а остальные десять предал в аренду Магну. Секст Росций-сын был безжалостно изгнан ими из своих владений. Все это творилось настолько открыто и цинично, что вызвало крайнее возмущение жителей Америи. Тогда окончательно распоясавшиеся Капитон и Магн пытались сначала лишить жизни и Секста Росция-сына, когда же эта попытка не удалась, они решили именно его обвинить в отцеубийстве.

Сложность процесса и, в частности, защиты Росция, как это было ясно всем, состояла в том, что в интересах обвиняемого следовало не обходить, но всячески подчеркивать хоть и косвенное, но вместе с тем решающее участие Хрисогона в этом деле. Вот почему, как ни старался Цицерон доказать, что высший покровитель Хрисогона ничего не знал, да и не мог знать, будучи занят делами огромной государственной важности, о недостойных действиях и поступках своего любимца, как ни стремился он превознести «ум, военную силу и счастье» Суллы, «воскресившего и упрочившего величие Римского государства»¹³, тем не менее разоблачение Хрисогона требовало определенного гражданского мужества. Кроме того, оно всегда могло быть расценено — независимо от субъективных намерений Цицерона — как замаскированный выпад против самого всемогущего диктатора. Поэтому едва ли можно согласиться с точкой зрения некоторых ученых, что защита Росция не подвергла Цицерона никакой опасности¹⁴. Его речь и последовавшее затем оправдание Росция принесли ему сразу успех и громкую славу. Но в этом-то и состояла опасность. Видимо, более прав Плутарх, когда он считает, что отъезд Цицерона из Рима был вызван боязнью мести со стороны Суллы, или, вернее, его окружения, а ссылка на расстроенное здоровье и советы врачей — лишь удобный (возможно, не совсем обосновательный), но все же предлог¹⁵.

Цицерон отсутствовал два года. За это время он посетил Афины, Малую Азию и Родос. В Афинах, где он был вместе со своим братом Квинтом и Титом Помпонием Аттиком, он слушал знаменитого в то время философа, представителя так называемой третьей Академии — Антиоха Аскалонского. На Родосе он познакомился с Посидонием и продолжал заниматься со своим старым учителем Молоном, под руководством которого он и выработал окончательно стиль своего красноречия — стиль, объединяющий некоторые элементы двух существующих школ ораторского искусства: строгого ат-

¹¹ Cicero. Quin., 1, 4.

¹² Cicero. Rosc. Am., 1, 2.

¹³ Ibid., 45, 130—132; 47, 136.

¹⁴ См., например, M. Gelzer. Cicero. Wiesbaden. 1969, S. 23.

¹⁵ Plutarchos. Cic., 3.

тицизма и пышного, многословного азианизма. Годы учения заканчивались. Существует известный анекдот, приводимый Плутархом, относительно того, что Цицерон по просьбе Аполлония Молона, не знавшего латинского языка, однажды выступил перед ним с речью, произнесенной по-гречески. Выслушав молодого римлянина, Молон якобы долго молчал и наконец сказал ему: «Хвалю тебя, Цицерон, и удивляюсь твоemu искусству, но скорблю о судьбе Греции: единственное наше преимущество и последняя наша гордость — образованность и красноречие — и это теперь благодаря тебе отвоено у нас римлянами»¹⁶.

За те два года, что Цицерон отсутствовал, в Риме произошли важные события. В 79 г. до н. э. Сулла добровольно сложил диктаторские полномочия, удалился в свое куманское поместье, а вскоре затем и умер (78 г. до н. э.). Созданный им режим тоже оказался недолговечным, политическая обстановка после его смерти заметно изменилась. Цицерон возвращается теперь в Рим, но отнюдь не спешит пока принять участие в политической жизни, занимая некоторое время выжидательную позицию. По этой причине он даже устаивается таких прозвищ, как «грек», «ученый», причем то и другое наименования, по свидетельству Плутарха, в устах римской черни звучали как бранные выражения¹⁷. Возможно, что выжидательная позиция Цицерона, его временный «абсентеизм» объяснялись в какой-то мере событиями сугубо личного порядка: вскоре после своего возвращения с Востока он в возрасте 29 лет женится на Теренции, девушке из почтенного римского рода, принесшей ему к тому же достаточно солидное приданое. Судя по некоторым штрихам и деталям, это был союз, заключенный не столько по любви, сколько по трезвому расчету, однако он длился 30 лет, и Теренция подарила своему супругу сначала дочь, а затем и сына.

2. Начало политической карьеры

В 76 г. до н. э. Цицерон был избран квестором. Этот факт можно рассматривать как начало его общественно-политической карьеры. В качестве квестора он отправился в Сицилию, которой управлял в то время пропретор Секст Педуцей. Местом пребывания Цицерона был г. Лилибей в западной части острова, а главной задачей, которая встала перед ним, — организация бесперебойного снабжения Рима хлебом. С этой задачей Цицерон справился блестяще, более того, он сумел внушить уважение сицилийцам и заслужить репутацию честного, добросовестного и неподкупного правителя. Не будучи от природы склонен к преуменьшению собственных заслуг, Цицерон считал, что слава о его мирных подвигах в Сицилии далеко перешагнула границы острова. Однако в самом скором времени ему пришлось в этом глубоко разочароваться.

Когда он возвращался из своей провинции в Рим, то, задержавшись ненадолго в Сиракузах, он пытался разыскать там могилу Архимеда. Однако никто из жителей уже не мог указать ему эту могилу, никто не знал, где она находится. Проявив большую настойчивость, Цицерон все же разыскал гробницу великого ученого, но сделать это было не так-то просто: она сплошь заросла терновником. Этот, казалось бы, достаточно наглядный пример бренности человеческой славы все же мало в чем убедил молодого, полного энергии и честолюбивых надежд римлянина. Как только он вступил на территорию Италии и повстречал первого римского знакомого, он рассчитывал сразу же услышать от него восторженные отзывы о своей деятельности в Сицилии и был глубоко уязвлен, когда выяснилось, что знакомый даже не слышал об этой его миссии. Но на сей раз он получил хороший урок. «Убедившись, — писал он позже, — что римский народ имеет весьма тупой слух, но острое зрение, я перестал заботиться о том, что будут люди обо мне слышать, но решил жить постоянно в городе, на виду у граждан и как можно ближе держаться к форуму»¹⁸.

И он действительно, вернувшись в Рим, стремился полностью реализовать эту им самим же намеченную программу. Он выступал защитником в ряде процессов, был доступен каждому и в любое время, его постоянно видели на форуме. После квестуры Цицерон вошел в состав Сената, где он тоже вскоре приобрел репутацию выдающегося

¹⁶ Ibid., 4.

¹⁷ Ibid., 5.

¹⁸ Cicero. Planc., 64—66.

оратора. Интересно отметить, что, занятый планами своей дальнейшей и столь счастливо начатой политической карьеры, Цицерон вовсе не стремился к должности народного трибуна, скорее даже избегал ее. Следующим этапом на пути был для него эдилитет, которого он и достиг без особых трудов в 70 г. до н. э. В качестве эдила он, однако, не прославился чрезмерной расточительностью; общественные игры — организация их на свой собственный счет фактически входила в обязанности эдила — были проведены им 3 раза и при этом с весьма скромной затратой средств. Но зато в то время, когда он еще искал эдилитета, к нему обратились его друзья сицилийцы с просьбой взять на себя защиту их интересов и выступить обвинителем против бывшего наместника Сицилии Верреса, который в течение трех лет грабил и притеснял жителей провинции с неслыханной наглостью и жестокостью.

Этот Веррес вообще оказался колоритной личностью. Еще в бытность свою квестором в Галлии он присвоил себе казенные деньги; как легат он был бичом всей Малой Азии, но с особой свирепостью и небывалым размахом он начал действовать в Сицилии, став наместником острова. За 3 года своего хозяйничанья он так разорил эту цветущую некогда провинцию, что, по словам Цицерона, ее совершенно было невозможно восстановить в прежнем состоянии¹⁹. Процесс обещал приобрести громкую и скандальную известность. Во-первых, хищения, вымогательства и прочие преступления, чинимые Верресом открыто и беззастенчиво, претили даже тем, кто привык смотреть сквозь пальцы на лихоимство римских наместников в провинциях. Поэтому его грабительские действия, получившие к тому же широкую огласку, возмущали не только самих потерпевших, то есть сицилийцев, но и многих римлян. Во-вторых, вскоре стало известно, что некоторые видные оптиматы, представители знатных и влиятельных фамилий, например, кое-кто из фамилий Метеллов и Корнелиев, покровительствуют Верресу, стремятся его выгородить, затягивая под теми или иными предлогами слушание дела.

Можно только удивляться той энергии и тому мужеству, с которым взялся за подготовку обвинения Цицерон. Ему предстояло прежде всего разорвать целую сеть хитросплетений и неожиданных препятствий, подготовленных сторонниками и ходатаями Верреса. Так, уже после того, как Цицерон дал согласие выступить обвинителем в процессе, появился некто Квинт Цецилий, претендующий на ту же самую роль. Цицерон не без оснований считал, что новоявленный претендент — ставленник самого Верреса. Выбор судьями обвинителя из двух (или нескольких) кандидатов производился на основании речей претендентов и назывался, как и самые речи, дивинацией. Первая речь, которую Цицерон произнес на процессе Верреса, и была такой дивинацией против Квинта Цецилия. Она увенчалась полным успехом, несмотря на то, что Веррес через своего защитника, знаменитого адвоката Гортенсия, сделал попытку подкупить некоторых судей.

Но это было далеко не все. Веррес стремился оттянуть разбор дела до 69 г. до н. э., когда вступят в свои должности вновь избранные консулы и преторы. Это было для него чрезвычайно важно, ибо на выборах — не без помощи его собственных средств — прошли вполне благоприятные для него кандидаты. Кроме того, по существующему порядку дело должно было разбираться в двух сессиях, что тоже грозило обернуться определенной затяжкой всего процесса. Но Цицерон сумел преодолеть и эти препятствия. Действуя необычайно энергично, он за 50 дней объездил всю Сицилию, собрав огромный материал, найдя и подготовив необходимых свидетелей. Кроме того, когда все же (5 августа) началось слушание дела в первой сессии, он отказался от обычного порядка ведения процесса и после краткой вступительной речи перешел сразу к показаниям свидетелей и чтению подлинных документов.

При таком порядке судопроизводства первая сессия длилась всего девять дней. Улик и бесспорных обвинений оказалось столько и выглядели они так убедительно, что положение обвиняемого с первых же дней процесса стало безнадежным. Когда же один из свидетелей рассказал, как Веррес противозаконно подвергнул позорной казни — распятию на кресте — римского гражданина, народ пришел в ярость и чуть было не растерзал обвиняемого. Но Веррес не только подвергнул этого римского

¹⁹ Cicero. In Verr., 1, 12.

гражданина рабской казни, он и самую казнь организовал изощренно-издевательски. Поскольку казнимый все время взывал к отеческим законам, к правам и свободе римского гражданина, Веррес приказал, чтобы крест был воздвигнут на берегу пролива, в виду Италии. «Надобно,— сказал он,— чтобы осужденный видел родную землю, чтобы он умер, имея перед своими глазами желанную свободу и законность!»²⁰

Раздавленный тяжестью таких улик и свидетельских показаний, уже на третий день процесса Веррес перестал являться в суд и затем, оставленный своим патроном и защитником Гортенсием, удалился в добровольное изгнание. Суд и приговорил его к изгнанию, а также к уплате 3 млн. сестерциев в качестве возмещения за причиненные им сицилийцам убытки. Процесс был блестяще выигран.

Пять речей, заготовленные Цицероном для второй сессии, но так им и не произнесенные, были им изданы вместе с речью в первой сессии и дивинацией против Цецилия. Все они сохранились и представляют собой не только первоклассный памятник литературы и ораторского искусства, но и чрезвычайно ценный исторический источник. На основании этих речей можно составить себе четкое и довольно подробное представление о системе римского провинциального управления со всеми его специфическими чертами, со всеми его уже ясно ощутимыми в эпоху Цицерона недостатками. Определенный интерес представляет и критика судов, находившихся после реформ Суллы снова в руках сенаторов. Цицерон приводит многочисленные примеры подкупности судей-сенаторов и утверждает, что в то время, когда судьями были всадники, не возникало даже каких-либо подозрений в подкупе. Вообще речи против Верреса примечательны тем, что здесь, пожалуй, впервые Цицерон выступает как представитель своего сословия: под «новыми людьми» он понимает именно всадников.

Выигрыш процесса против Верреса и победа над знаменитым оратором Гортенсием превратили Цицерона в самого модного и популярного адвоката в Риме. Его наперебой приглашают в качестве защитника; он, видимо, нередко получает теперь солидные гонорары. За годы между эдилитетом и претурой, то есть в 70—67 гг. до н. э., он неоднократно выступал в гражданских процессах: до нас дошли фрагменты его речей за М. Фонтея, бывшего пропретором в Галлии, за П. Оппия, бывшего квестором у консула М. Аврелия Котты, и, наконец, полностью сохранилась его речь за А. Цецину, знатного и уважаемого человека из этрусского города Волатерры. Но успех Цицерона в процессе Верреса отразился не только на его популярности как адвоката; он, несомненно, оказал благотворное влияние и на его дальнейшее продвижение по лестнице государственных должностей. Летом 67 г. до н. э. Цицерон был первым из всех кандидатов единодушно избран претором.

Теперь изменился и самый образ его жизни. Старый дом в квартале Карины Цицерон после смерти отца оставил своему брату Квинту, а сам приобрел роскошный дом на Палатине, принадлежавший когда-то известному трибуну Ливию Друзу. Очевидно, в это же время у него появилось и загородное владение, его Тускульская усадьба. В первом из дошедших до нас писем Цицерона он, адресуясь к Аттику, пишет: «Тускульская усадьба радует меня так, что я бываю удовлетворен собою только тогда, когда туда приезжаю»²¹. Кстати сказать, эти ранние письма к Аттику, который находился в то время в Афинах, наполнены бесконечными заботами и просьбами о присылке статуй, герм, барельефов и даже «каменных оград с изображениями для колодцев». Интересует в этих письмах Цицерон также библиотекой Аттика²². Но все это не больше чем житейские мелочи. Цицерон стоял теперь, однако, перед главной задачей, перед главным, решающим шагом своей политической карьеры — достижением консулата. Для него — чужака, пришельца, «выскочки» — задача была вовсе не простой и вовсе не легко достижимой. Тем более что его популярность как адвоката не могла компенсировать крайнюю нечеткость и неоформленность его политической позиции. Он попросту не имел еще никакой твердой репутации политического деятеля.

²⁰ Ibid., 2, 5, 170.

²¹ Cicero. Att., 1, 6, 2.

²² Ibid., 1, 10, 3—4.

Ситуация в целом была довольно сложной. Дело Верреса, принеся ему громкую славу, вместе с тем лишило его благосклонности кое-кого из бывших покровителей, например, Мегеллов. Вместе с тем поддержка влиятельных людей, представителей старых и уважаемых римских фамилий, людей, имеющих достаточный вес и авторитет в сенатских кругах, была для него необходима. Надо было всеми силами укреплять сохранившиеся еще связи и срочно завязывать новые. Цицерон был теперь, конечно, и сам членом сенаторского сословия, он вполне сознавал это и гордился своей принадлежностью к элите, но всего этого было мало — необходимо, чтобы и сама элита тоже признавала его своим полноправным членом. Собственно говоря, о том же самом писал его брат Квинт в своем наставлении по соисканию консульства²³.

Для достижения этой цели нужна была опора и в широких слоях римского населения. Но данный вопрос, видимо, беспокоил Цицерона меньше: он рассчитывал на свою репутацию бескорыстного борца за правое дело, которая всегда импонирует массам и которая уже дважды приносила ему триумфальный успех на выборах. Но все же такую репутацию тоже следовало постоянно обновлять и поддерживать. Политическую ориентацию Цицерона в эти годы, пожалуй, легче всего определить негативно. Его никоим образом нельзя причислять к крайним консерваторам, безусловным сторонникам сенатской олигархии, сулланцам, ибо его позиция в деле Росция и в деле Верреса достаточно недвусмысленно свидетельствовала об обратном. Но, с другой стороны, он никогда не претендовал на роль народного вождя, демократического деятеля, в чем нетрудно убедиться, если вспомнить его поведение в годы господства марианцев и его нежелание добиваться трибуната. Его политическая позиция была достаточно осторожной, средней, а потому и достаточно неопределенной.

Однако ситуация требовала большей определенности. Борьба за консулат не могла вестись на «полутонах». Цицерон прекрасно это понимал и неожиданно предпринял решительный и вместе с тем ловкий шаг — открытое публичное выступление в поддержку Помпея. Помпей был в те годы, безусловно, наиболее популярной фигурой среди военных и политических деятелей Рима. Его успешные действия и чрезвычайно эффектная победа над средиземноморскими пиратами в 67 г. до н. э. сделали его буквально кумиром римской толпы. В политическом отношении — кстати, на это обстоятельство обычно не обращают внимания — он был вовсе не «противопоказан» и даже чем-то близок Цицерону: начав в ранней молодости свою карьеру как сторонник аристократии и даже как сулланец, он в дальнейшем стал тем политическим деятелем, не без участия которого и в консульство которого (совместно с Крассом) были полностью восстановлены prerogative народных трибунов, всадники снова получили доступ в суды, то есть сулланская конституция, строго говоря, перестала существовать. Таков был «диапазон» Помпея как политического деятеля — от добровольного сподвижника Суллы и чуть ли не до вождя популяров. Причем в данный момент его политические позиции, как и Цицерона, не отличались излишней четкостью.

Поддержка Цицероном Помпея заключалась в том, что Цицерон выступил на форуме с речью в защиту законопроекта трибуна Манилия. Это была первая чисто политическая речь знаменитого оратора. Суть дела сводилась к следующему. Римляне вели в то время на Востоке новую войну с понтийским царем Митридатом. После первых неудач римские войска под командованием Луция Лициния Лукулла добились крупных успехов, и Митридату пришлось даже бежать в Армению, к своему тестю, армянскому царю Тиграну. Но в дальнейшем положение изменилось: Лукулл возбудил недовольство своих солдат, военные действия стали вестись вяло, и в результате Митридат снова утвердился в Понтийском царстве. Именно в этой ситуации народный трибун Гай Манилий и внес в комиции предложение о передаче верховного командования (империума) в затянувшейся войне Гнею Помпею. По этому законопроекту Помпей получал неограниченную власть над всем войском и флотом на Востоке и права наместника во всех азиатских провинциях и областях, вплоть до Армении.

Цицерон, конечно, прекрасно знал, что получение командования в войне с Митридатом и Тиграном было страстным желанием самого Помпея и что Манилий действовал с его ведома. Как претор Цицерон имел право созывать народные сходки и обращаться к народу, чем он и воспользовался в данном случае для рекомендации законо-

²³ Q. Cicero. Comm. pet., 4.

проекта. В своей речи Цицерон стремился обосновать три основных положения: определить характер войны, объяснить ее трудности и, наконец, решить вопрос о выборе полководца²⁴. Говоря о характере войны, он начал с того, что война должна стать возмездием Митридату за все его преступления против римлян. Но, считая, видимо, этот моральный аргумент недостаточным, он подкреплял его еще соображением о том, что наряду с достоинством римской державы и ее союзников речь идет о важнейших доходах, ибо подати и налоги, поступающие из Азии, намного превосходят доходы, получаемые от любой другой провинции. Затрагиваются, мол, имущественные интересы всех граждан, ибо «кредит и все денежные дела, которые совершаются в Риме, на форуме, тесно и неразрывно связаны с денежными оборотами в Азии»²⁵.

Затем Цицерон говорил о трудностях войны, о неудачах Лукулла и, хотя воздавал ему должное, вместе с тем подводил своих слушателей к выводу о необходимости смены полководца. И, наконец, он переходил к обоснованию главного положения в своей речи: предоставление верховного командования Гнею Помпею. «По моему мнению, — говорил Цицерон, — выдающийся полководец должен обладать следующими четырьмя качествами: знанием военного дела, доблестью, авторитетом и удачей»²⁶. И дальше доказывалось, что Помпей не только обладает всеми этими качествами, но сверх них еще и такими достоинствами, как бескорыстие, воздержанность, честность, ум и гуманность²⁷. Само собой разумеется, что нет, да и не может быть более подходящей кандидатуры. В заключение Цицерон дважды подчеркивал, что он выступает в поддержку законопроекта Манилия не по чьей-либо просьбе, не из желания приобрести расположение Помпея, но исключительно ради интересов и блага государства²⁸. Очевидно, такое заверение было далеко не лишним, его требовала обстановка и «приличия», хотя убедительность его была, конечно, невелика.

Кстати говоря, следует обратить внимание на одну фразу Цицерона в разбираемой речи. Одним из противников законопроекта Манилия был уже известный нам Гортенсий. Он заявил, что если следует облечь всей полнотой власти какого-то одного человека, то этого наиболее достоин Помпей, однако одного человека облакать полнотой власти как раз не следует. Возражая Гортенсию и не соглашаясь с такой постановкой вопроса, Цицерон бросил следующую примечательную фразу: «Устарели уже эти речи, отвергнутые действительностью в гораздо большей степени, чем словами»²⁹. Законопроект Манилия, как и следовало ожидать, был утвержден комициями, и Помпей, который в это время еще не вернулся в Рим после окончания борьбы с пиратами и находился в Киликии, принял командование войсками. Довольно часто выступление Цицерона в поддержку Помпея рассматривается в литературе как пример — наиболее яркий и убедительный — его сближения с популярными, причем иногда и весь предыдущий период общественно-политической деятельности Цицерона тоже считается «популярным», демократическим, тем более что он сам некоторыми своими высказываниями — о них речь впереди — дает повод для подобного заключения. Но так ли это на самом деле?

3. Кем были оптиматы и популярны

Ответ на поставленный вопрос неизбежно подводит нас к более широкой проблеме — к представлению о политических группировках в Риме, то есть к пониманию того, чем были в римских условиях оптиматы и популярны.

В западноевропейской историографии сравнительно долго, вплоть до начала XX в., господствовала идущая еще от Друманна и Моммзена концепция, в соответствии с которой оптиматы и популярны рассматривались как две противостоящие друг другу политические партии, сложившиеся в Риме в эпоху Гракхов. Дальнейшее развитие политической жизни и борьбы трактовалось поэтому уже как проявление

²⁴ Cicero. Man., 6.

²⁵ Ibid., 19.

²⁶ Ibid., 28.

²⁷ Ibid., 36.

²⁸ Ibid., 70—71.

²⁹ Ibid., 52.

соперничества между данными партиями, то есть оптиматами и популярами, а наиболее ярким примером их соперничества считались такие факты, как господство марианцев в Риме, гражданская война, диктатура Суллы. По мнению некоторых исследователей, сюда следовало присоединить также и заговор Катилины. Причем оптиматы всегда рассматривались как партия нобилитета, сенатская партия, то есть партия правящих верхов, а популяры — как партия демократическая и потому, безусловно, оппозиционная. Таким образом, получалось, что в Риме, во всяком случае, в эпоху поздней республики, существовала своеобразная «двухпартийная система».

Впервые эта точка зрения была поколеблена исследованиями М. Гельцера, который, как в своих ранних работах начала века³⁰, так и в самых последних трудах³¹, всегда пытался отойти от модернизаторских представлений о политической борьбе в Риме и вскрыть специфику этой борьбы, подчеркивая значение фамильных связей и клиентелы. В своем специальном исследовании, посвященном Цицерону, Гельцер считает возможным называть позднюю Римскую республику «оптиматской», но вместе с тем решительно выступает против представления об оптиматах и популярах как о политических партиях. Подобное представление он называет «произведением фантазии XIX века». Кроме того, он с полным основанием подчеркивает, что популяров никоим образом нельзя считать «демократами» в современном смысле слова, а понятие «оптимат» есть нечто большее, чем просто «сословное понятие»³².

Идущая от Друмманна и Моммзена «двухпартийная» схема оказалась в свое время перенесенной в советскую историографию. Даже автор специального исследования о римских политических партиях Н. А. Машкин, пренебрегая от модернизаторского понимания существа вопроса, тем не менее рассматривал оптиматов как партию аристократическую, а популяров — как партию демократическую³³. Между тем для восстановления более или менее адекватного значения интересующих нас понятий следует отправляться — по мере возможности — от высказываний и интерпретации этих понятий самими древними. И здесь необходимо вернуться снова к Цицерону, ибо с терминами «оптиматы» и «популяры», а также с какими-то их определениями историк сталкивается впервые именно у Цицерона.

Наиболее известное и вместе с тем наиболее развернутое определение дано в речи за Бестия (в защиту которого Цицерон выступал позже — в 56 г. до н. э., но в данном случае хронология не имеет значения). Отвечая на прямо поставленный вопрос обвинителя, к какому, мол, «роду людей» принадлежат оптиматы, Цицерон говорит: «Всегда в нашем государстве было два рода людей, которые стремились к государственной деятельности и к выдающейся роли в государстве: одни из них хотели считаться и быть популярами, другие — оптиматами. Те, действия и высказывания которых приятны толпе, — популяры, те же, чьи действия и намерения встречают одобрение каждого достойного человека, — оптиматы»³⁴. И здесь же дается более конкретное определение последнего из понятий: «Число оптиматов неизмеримо: это руководители государственного совета, это те, кто следует их образу действий, это люди из важнейших сословий, которым открыт доступ в курию, это жители муниципиев и сельское население, это дельцы, это также и вольноотпущенники». Короче говоря, это все те, «кто не наносит вреда, не бесчестен по натуре, не необуздан и обладает нерасстроеным состоянием»³⁵.

Несколько ниже в этой же самой речи Цицерон определяет и ту цель, к которой стремятся, по его мнению, оптиматы. «Самое важное и желательное для всех здравомыслящих, честных и превосходных людей, — утверждает он, — это покой, сочетающийся с достоинством»³⁶. Таким образом, все, кто стремится к подобной цели, могут

³⁰ M. Gelzer. Die Nobilität der römischen Republik. Leipzig. 1912.

³¹ См., например, M. Gelzer. Caesar. München. 1942.

³² M. Gelzer. Cicero, S. 13, 15, 22, 45, 63.

³³ См. Н. А. Машкин. Римские политические партии в конце II и в начале I в. до н. э. «Вестник истории», 1947, № 3, стр. 126—139.

³⁴ Cicero. Sest., 96.

³⁵ Ibid., 97.

³⁶ Ibid., 98.

рассматриваться как оптиматы, причем независимо от принадлежности к тому или иному сословию, но лишь в зависимости от своих природных дарований, доблести, верности государственному устройству и обычаям предков³⁷. На основании этих высказываний и дефиниций можно, по-видимому, с большой долей вероятия утверждать, что оптиматы никак не могут считаться не только «партией» нобилитета, но и вообще какой-либо политической партией, какой-либо политически организованной и оформленной группой. Для Цицерона оптиматы, во-первых, достаточно широкий социальный слой: от нобилиа до вольноотпущенника; во-вторых, понятие или образование межсословное. Но из всего этого отнюдь не следует, что понятие «оптиматы» вообще лишено у Цицерона какой-либо политической окраски. В своих исторических экскурсах он не раз упоминает об оптиматах, об их роли в политической борьбе. Но в этих случаях дело обстоит тоже гораздо сложнее, чем представляется сторонникам привычной «двухпартийной» схемы, хотя, вероятно, на основе подобных экскурсов и строилась в современной историографии интерпретация борьбы во времена Гракхов или Мария и Суллы как борьбы между политическими партиями оптиматов и популяров.

Прежде всего краткий исторический экскурс все в той же речи за Сестия. Здесь говорится, что в истории Рима были такие периоды, когда стремления массы, выгоды народа не совпадали с пользой для государства. Луций Кассий предложил в свое время закон о тайном голосовании. Народ считал, что речь идет о его свободе, но руководители государства были против: в интересах благополучия оптиматов они опасались безрассудства и произвола толпы при голосовании. Затем Тиберий Грахх выступил со своим аграрным законом. Этот закон был приятен народу, поскольку он обеспечивал благополучие бедняков. Но закону воспротивились оптиматы, так как он, по их мнению, служил источником раздоров; кроме того, поскольку людей состоятельных удаляли из их постоянных владений, то государство лишалось защитников. Наконец, Гай Грахх предложил хлебный закон. Он также был приятен плебсу: пропитание предоставлялось без затраты труда. Но этому закону воспротивились уже все порядочные люди, считая, что он отвлекает плебс от работы, приучает его к праздности и истощает государственную казну³⁸.

Данный экскурс, конечно, можно рассматривать как некое краткое, даже конспективное описание борьбы оптиматов против реформ Гракхов, но и в таком случае нельзя признать, что речь идет о борьбе двух противостоящих друг другу политических группировок или партий. Ибо в вышеприведенном отрывке оптиматы противопоставляются вовсе не популярам, но либо народным массам в целом, либо плебсу. Кроме того, если внимательно проследить самый характер противопоставлений, то нетрудно заметить, что Цицерон имеет в виду вовсе не политическую, а скорее социальную, даже имущественную дифференциацию: противопоставление людей зажиточных, «с нерасстроенным состоянием» — беднякам. Все это еще раз говорит за то, что нет никаких оснований на материале данного экскурса конструировать вывод о возникновении в эпоху Гракхов политических партий в Риме. Подобный вывод был бы столь же необоснован и неосторожен, как заключение о возникновении такого же рода партий еще при Ромуле на том только основании, что Цицерон как-то упомянул о создании Ромулом сената именно из оптиматов³⁹.

Второй краткий экскурс, который уточняет отношение Цицерона к интересующему нас вопросу, содержится в другой речи, произнесенной также в 56 г. до н. э., а именно в речи «Об ответах гаруспиков». Здесь Цицерон ссылается на предостережение жрецов-гаруспиков против раздоров и разногласий среди оптиматов и приводит примеры подобных раздоров: речь идет снова о Гракхах, Сатурнине, Сульпиции Руфе⁴⁰, но затем говорится уже о борьбе Мария и Суллы, Октавия и Цинны⁴¹. Таким образом, и в данном отрывке речь идет о политической борьбе, но о борьбе внутри той социальной категории, которую Цицерон называет оптиматами, и поэтому все перечисленные деятели для него — оптиматы, но только оптиматы, сбившиеся с пра-

³⁷ Ibid., 137—138.

³⁸ Ibid., 103.

³⁹ Cicero. Rep., 2, 12, 23.

⁴⁰ Cicero. De har. resp., 40—41.

⁴¹ Ibid., 53—54.

вильного пути, «испортившиеся» вследствие взаимных раздоров и соперничества. Следовательно, и борьба между сулланцами и марианцами отнюдь не борьба двух противостоящих друг другу политических группировок (оптиматов и популяров), но тоже пример раздоров среди «лучших», среди «прославленных и высокозаслуженных граждан»⁴². Подводя некоторый итог, можно сказать, что социальное содержание, вкладываемое Цицероном в термин «оптиматы», показывает, насколько далеко отстоит для него это понятие от представления о «партии» нобилитета. Итак, оптиматы — это благонамеренные и состоятельные граждане, независимо от своей принадлежности к тому или иному сословию. Это порядочные, образованные, интеллигентные люди, противопоставляемые грубой, необразованной массе, толпе; так сказать, «чистая публика» в отличие от «простого народа». Именно в этом смысле и употребляется Цицероном термин «оптиматы» не только в речах⁴³, но и в теоретических произведениях⁴⁴ и даже в частных письмах⁴⁵.

Все вышеизложенное проясняет в достаточной степени отношение Цицерона к оптиматам и его трактовку этого понятия. Остается выяснить значение термина «популяры», причем в данном случае анализ будет значительно более кратким. Понятия «популяр», «популярный» неоднократно встречаются в источниках, но до Цицерона этим понятиям едва ли придавалось политическое значение. Цицерон же впервые определяет термин «популяры» опять-таки в речи за Сестия, о которой уже шла речь выше. Определение менее развернуто, чем определение оптиматов; это, видимо, объясняется тем обстоятельством, что Цицерон отвечает на вопрос, поставленный применительно к оптиматам, а не к популярам. В речи за Сестия популяры определяются как особый род политиков, действующих в угоду массе, «толпе». Примерно такую же характеристику получают они и в других речах⁴⁶, причем Цицерон подчеркивает, что существуют и «лжепопуляры», то есть популяры лишь на словах, а не на деле, «крикуны на народных сходках»⁴⁷. Такие люди не могут считаться истинными защитниками народных интересов.

Популяры выступают против чрезмерной и исключительной роли сената, против злоупотребления властью магистратов, против стремления к тирании. Популяры борются за неприкосновенность комиций, за расширение их власти, ибо в государстве не должно ничто происходить помимо воли народа. Популяры хотят управлять государственными делами вместе с комициями (а не с сенатом, как оптиматы!), и именно поэтому они нуждаются в поддержке и благоволении народа. Итак, главное в политическом содержании термина «популяр» — это забота о народе и защита его интересов. Популярами нередко бывают представители знатнейших родов, сенаторы, хотя в сенате они всегда в меньшинстве. Во всяком случае, популяры не какая-то четко оформленная, политически консолидированная группа или партия, но скорее всего определенный тип политически активных граждан, отстаивающих изложенную выше «народную» программу. Можно ли считать популяров демократами, если не в современном, то хотя бы в античном понимании этого слова? Видимо, можно, поскольку Цицерон, говоря о демократической форме правления, называет ее «популярной». Для него не существует принципиального различия между афинскими демократами и римскими популярами, ибо те и другие стремятся к тому, чтобы все дела в государстве вершились по воле народа. Народ и только народ — хозяин судов и законов, хозяин над имуществом, над жизнью и смертью каждого гражданина. Вместе с тем основной показатель демократического строя — свобода действительно существует лишь при таком строе⁴⁸.

На этом можно завершить анализ понятий «оптиматы» и «популяры», вернее, выяснение вопроса об интерпретации этих понятий Цицероном. Но сразу же возникает сомнение: насколько закономерно ограничиваться в данном случае одним Цицероном, то есть только его трактовкой и определениями? Мы склонны ответить на этот вопрос

⁴² Ibid., 53.

⁴³ Ср.: Cicero. Flacc., 58; Cat., 1, 3, 7.

⁴⁴ Cicero. Rep., 1, 48; 50; 65; 2, 23; 41; 3, 47; Leg., 2, 30; 3, 10; 33, 38.

⁴⁵ Cicero. Att., 1, 20; 9, 11; 14, 21; Q. fr. 1, 1.

⁴⁶ Cicero. Rab., 15; Cat., 4, 9.

⁴⁷ Cicero. Cat., 4, 9; ср.: Leg. agr., 2, 6—7.

⁴⁸ Cicero. Rep., 1, 42; 47; 3, 28.

положительно, ибо: а) только Цицерон и дает более или менее развернутое определение интересующих нас понятий; б) многие авторы вообще не знают или не пользуются терминами «оптиматы» (например, Саллюстий) и «популяры» (например, Цезарь, Тацит и др.); в) те авторы, которые так или иначе используют соответствующие термины-понятия, употребляют их в контексте и смысле, во всяком случае, не противоречащем интерпретации Цицерона (Тит Ливий, Корнелий Непот и др.).

Наконец, последний вопрос: если оптиматов и популяров нельзя считать политическими партиями, значит ли это, что в Риме вообще не существовало никаких политически оформленных организаций? Значит ли это, что категорически нельзя говорить о каком-либо «партийном» оформлении социальной и политической борьбы в Риме? Вопрос этот далеко не прост. Конечно, если иметь в виду понятие «партия» в его современном значении и смысле, то есть когда подразумевается наличие не только твердо фиксированной программы, но и определенной организации: членство, партийный аппарат и т. п., — то все это абсолютно неприменимо к условиям политической жизни римского общества. С другой стороны, нельзя считать «партией» ни оптиматов, ни популяров. Недаром, неоднократно упоминая о них, Цицерон никогда не называет их «партия», а говоря о «партиях», он никогда не связывает это понятие с оптиматами и популярами⁴⁹. Но зато тот же Цицерон не раз употребляет термин «партия» в не совсем обычном для нас сочетании — с личными именами, то есть «партия Помпея», «партия Клодия» и т. д.

Это отнюдь не случайное словоупотребление. Наличие подобных личных или персональных «партий» — своеобразная и вместе с тем характерная черта политической жизни Рима. Речь идет о том, что вокруг отдельных политических деятелей — как оптиматов, так и популяров — складывалось некое более или менее постоянное окружение, свита. Подобное окружение возникало на основе таких традиционных связей, как патронат и клиентела, родственные отношения, отношения с вольноотпущенниками, институт «дружбы», который имел у римлян особое и специфическое значение. Иногда в состав этого окружения включались даже вооруженные отряды: рабы, отпущенники и, если пользоваться терминологией Цицерона, «наемники». Известно, что такой отряд, состоявший в основном из клиентов, отпущенников и наемников, привел на помощь Сулле в свое время молодой Помпей. В дальнейшем такими же примерно отрядами располагали и использовали их в политической борьбе Клодий и Милон.

(Окончание следует.)

⁴⁹ См., например, Cicero. Rep., I, 31.

В Отделении истории АН СССР

95-летие АКАДЕМИКА С. Г. СТРУМИЛИНА

Станислав Густавович Струмилин родился 29 января 1877 г. в с. Дашковцы, Винницкой области. Окончив реальное училище в г. Скопине, он в 1896 г. поступил в Петербургский электротехнический институт. Первое боевое крещение как революционер С. Г. Струмилин получил 4 марта 1897 г., участвуя в демонстрации на Невском по случаю трагической кончины в Петропавловской крепости М. Ф. Ветровой. С 1899 г. он активно работает в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». В том же году его исключают из института после всеобщей студенческой забастовки, охватившей высшие учебные заведения Петербурга в связи с избиванием студентов полицией 8 февраля. В 1901 г. С. Г. Струмилин был арестован и сослан в Вологду, в следующем году бежал из ссылки, вернулся на нелегальную работу в Петербург, а вскоре уехал за границу — в Париж. В 1903 г. он нелегально приехал в Петербург, но был арестован и сослан в Олонецкую губернию, откуда бежал в 1905 году. С. Г. Струмилин был делегатом IV съезда РСДРП (Стокгольм) в 1906 г. и V съезда РСДРП (Лондон) в 1907 году.

В 1908 г. Станислав Густавович поступил на экономическое отделение Петербургского политехнического института, однако уже в 1910 г. был исключен отсюда в связи со студенческими волнениями. Вновь поступив в тот же институт в 1912 г., он окончил его в 1914 г., получив звание кандидата экономических наук. Одновременно в 1910—1914 гг. С. Г. Струмилин работал статистиком в Лыняном комитете министерства земледелия. После окончания института его мобилизовали в армию, и он пробыл на Рижском фронте до осени 1916 года. В 1916—1917 гг. С. Г. Струмилин работал заведующим отделом статистики Особого совещания по топливу в Петрограде.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции начался подлинный расцвет таланта С. Г. Струмилина как исследователя-экономиста, статистика, социолога и историка, государственного деятеля, организатора и неутомимого борца за внедрение новых методов в планирование народного хозяйства Советской страны и управление им. Г. М. Кржижановский, заканчивая предисловие к последнему тому «Избранных произведений» Станислава Густавовича, писал: «Невольно вспоминаются вещие слова В. И. Ленина относительно того, что люди разных профессий каждый по-своему идут к коммунизму. Вспоминается и ленинская мысль о том, что революционный авангард нашей страны поистине выстрадал свой подход к коммунизму»¹.

Достаточно перечислить важнейшие должности и ученые звания С. Г. Струмилина, чтобы получить представление о его выдающемся вкладе в организацию и практическую деятельность научных и плановых учреждений нашей страны. В 1917 г. Станислав Густавович избирался членом Петроградской районной и общегородской думы и был членом экономического отдела Петроградского Совета рабочих депутатов, в 1918—1919 гг. он заведовал отделом статистики Петроградского областного комиссариата труда, а в 1919—1923 гг. — отделом статистики Народного комиссариата труда и Всероссийского центрального совета профессиональных союзов в Москве. В то

¹ См. С. Г. Струмилин. Избранные произведения. Воспоминания и публицистика. М. 1968, стр. 6.

же время С. Г. Струмилин в 1921—1923 гг. являлся профессором кафедры теории и техники статистики и экономической статистики факультета общественных наук Московского университета. В течение десяти лет (1921—1930) он был членом Президиума Госплана СССР и председателем секции учета и распределения, в течение нескольких лет — заместителем председателя Госплана СССР. Продолжается и его преподавательская деятельность в 1920—1930 гг. в качестве профессора Института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова.

В 1930 г. С. Г. Струмилин возглавил Институт экономических исследований Госплана СССР. В следующем году он был избран академиком с присвоением ученой степени доктора экономических наук без защиты диссертации. В 1931 г. он оставался членом Президиума Госплана СССР, в 1931—1937 гг. работал заместителем начальника Центрального планового бюро Госплана СССР, в 1932—1937 гг. — заместителем начальника Центрального управления народнохозяйственного учета Госплана СССР, в 1933 г. — руководителем Сектора планово-методического и низового учета ЦСУ СССР, а в 1943—1951 гг. — членом Совета научно-технической экспертизы Госплана СССР. В течение двух десятилетий (1931—1950) С. Г. Струмилин был профессором Московского планового института имени Г. М. Кржижановского. Тогда же развертывается и плодотворная деятельность Станислава Густавовича в рамках Академии наук. В 1931—1957 гг. он был членом и заместителем председателя Совета по изучению производительных сил страны АН СССР, в 1942—1946 гг. — заместителем председателя Совета филиалов и баз АН СССР, а в 1948—1952 гг. — заведующим сектором истории народного хозяйства Института экономики АН СССР. С 1948 г. С. Г. Струмилин является профессором кафедры политической экономии Академии общественных наук при ЦК КПСС.

В 1967 г. за выдающиеся заслуги в развитии экономической науки и в связи с 90-летием со дня рождения акад. С. Г. Струмилину было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот». Кроме того, он награжден еще тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Трудового Красного Знамени и тремя медалями.

В 1942 г. ему была присуждена Государственная премия СССР I степени за участие в работе «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны», в 1954 г. — премия АН СССР, а в 1958 г. — Ленинская премия за научный труд «История черной металлургии в СССР» (т. I), опубликованный в 1954 году.

Для того чтобы осветить этапы творческой и научной деятельности Станислава Густавовича, его огромный вклад в разработку теоретических и методологических проблем науки, прежде всего экономики и планирования народного хозяйства, общей теории статистики и особенно статистики труда и социологии, в исследование экономической истории нашей страны, нужно было бы написать специальную работу. Дело в том, что изданные в последние годы «Избранные произведения» С. Г. Струмилины в 8 томах не охватывают всего им написанного. Кроме того, заслуживает внимания исследователей его революционная, общественная и государственная деятельность². В последнем томе своих «Избранных произведений», выпущенном в 1968 г. под названием «Воспоминания и публицистика», ученый отмечает, что ему удалось уложить лучшие из его экономических работ в пять томов избранных произведений, изданных в 1963—1965 годах. В 1966 и 1967 гг. вышли еще две книги — «Очерки экономической истории России и СССР» и «История черной металлургии в СССР». «В предлагаемую ныне читателю последнюю книгу моих избранных трудов, — пишет С. Г. Струмилин, — помимо собственных воспоминаний «Из пережитого» и очерка, посвященного памяти моего мудрого учителя и доброго друга Г. М. Кржижановского, вошли еще несколько публикаций дореволюционных лет³ и отклики на злобу дня. Все они перекликаются между собою, с нашей историей и общими интересами современной революционной эпохи» (стр. 3).

Свои воспоминания «Из пережитого. 1897—1917 гг.» Станислав Густавович начинает небольшим вступлением: «На долю моего поколения выпала удача стать совре-

² Общая характеристика работ акад. С. Г. Струмилины и его деятельности дана нами во вступительной статье к книге из серии биобиблиографии ученых СССР «Станислав Густавович Струмилин» (М. 1968).

³ В том вошла и работа «Черты древнерусского права».

менником трех революций и таких социальных пертурбаций, каких еще не видел мир» (стр. 9). И действительно, перед нами не просто заметки, представляющие биографический интерес, а научно-исторический очерк, освещающий целую эпоху общественного развития нашей страны. Само название разделов этой работы: 1. Моя родина; 2. Школьные годы; 3. Наши учителя; 4. Среди студентов; 5. Новые веяния; 6. Вокруг казарм; 7. На рабочем фронте; 8. В неволе; 9. От Вологды до Парижа; 10. С напутствием Ильича; 11. Снова под замком; 12. Девятьсот пятый; 13. Стокгольм и Лондон; 14. Альма-матер; 15. Первая мировая; 16. Две революции — показывает, что автор дает оценку многим крупным событиям предоктябрьского периода. В предисловии Г. М. Кржижановского к этим воспоминаниям говорится: «Перед нами автобиография крупного ученого-революционера, и наука, им разрабатываемая, не обычная наука стародавних времен, а та наука революционеров, которая идет на смену науке доктринеров» (стр. 4), «события своей жизни С. Г. Струмилин рассказывает без всяких прикрас, с исключительной прямоотой и предельной искренностью. К тому же его «университеты» в тюрьмах и ссылках так показательны для всего авангарда нашего тогдашнего революционного подполья» (стр. 5).

Рассказывая о своей жизни в Париже, куда он временно эмигрировал в 1902 г., С. Г. Струмилин вспоминает о встрече с В. И. Лениным перед выездом на родину: «Доброе слово, как и вся незабываемая зарядка, полученная нами за этот вечер, очень пригодилась каждому из нас» (стр. 99). Здесь же автор пишет о величии ленинского гения, о роли Владимира Ильича в строительстве социализма, о богатейшем идейном и научно-теоретическом наследии В. И. Ленина. «Помню, что одним из первых поручений мне лично по работе в Госплане, — сообщает С. Г. Струмилин, — было составление первого в условиях нэпа продразверственного плана на 1921/22 г. Отмена крайне тяжелой для крестьян продразверстки обязывала резко снизить заменяющие ее нормы обложения продналогом. А жестокий неурожай в Заволжье требовал даже повышенного обложения урожая всех прочих районов страны. К тому же и урожайная статистика времени продразверстки, когда утайка населением сборов на десятки процентов искажала результаты любых плановых расчетов, была слишком ненадежной опорой в планировании. Тем не менее ряд очень конкретных указаний Ильича позволил Госплану успешно разрешить эту задачу. Уже в сентябре 1921 г. правительством был утвержден по моему докладу план хлебозаготовок, который, снизив задание по продналогу до 232 млн. пуд. против 347 млн. пуд., собранных по продразверстке 1920/21 г., восполнил впервые это задание планом закупок по товарообмену в урожайных районах» (стр. 103). И затем С. Г. Струмилин добавляет: «Помню еще, лично мне как экономисту Госплана В. И. Ленин поручил постоянное наблюдение за эффективностью денежной эмиссии в качестве бюджетного ресурса тогдашней экономики... Требования, которые В. И. Ленин предъявлял к Госплану и отдельным его членам, всегда были очень серьезны. Но выполняли мы их тем охотнее, что очень высоко ценили ту надежную помощь и моральную поддержку, на которую всегда могли рассчитывать» (стр. 103).

Немалый интерес представляет описание Станиславом Густавовичем событий, предшествовавших 1905 г., а также страницы его воспоминаний, посвященные IV (Объединительному) съезду РСДРП и последующим годам. Здесь затронуты многие вопросы экономической и общественно-политической истории нашей Родины, блестяще отражены сложные события революционного движения, в том числе борьба революционной молодежи в годы реакции и начавшегося в 1910 г. нового революционного подъема.

Диапазон научно-исследовательских интересов С. Г. Струмилины чрезвычайно широк. Его работы сочетают в себе теоретическую марксистско-ленинскую постановку вопроса, разработку методологической стороны исследуемых проблем с фундаментальной статистической информацией, которую ученый неизменно подкрепляет собственными расчетами и выводами, имеющими большое практическое значение. Эту особенность можно проследить почти на всех статистико-экономических и чисто экономических работах. Числовые модели С. Г. Струмилины по крупнейшим экономическим проблемам всегда привлекали пристальное внимание исследователей. Много труда отдал Станислав Густавович организации и разработке сложнейших вопросов статистики и экономики труда. Вопросы труда рассматриваются им широко и всесторонне с учетом со-

циологического аспекта. Примером могут служить впервые организованные С. Г. Струмилиным исследования по бюджету времени разных категорий трудящихся. Была разработана методология исследования, проведен глубокий экономико-статистический и социологический анализ, показано народнохозяйственное значение этих исследований, сделаны важные практические выводы. До сих пор эти работы не потеряли своего значения, они продолжают занимать умы экономистов, статистиков, социологов и практиков. Это лишь один из многочисленных примеров выдающегося значения работы С. Г. Струмилина.

Огромны научная ценность и народнохозяйственное значение работ ученого в области создания бюджетного индекса, индекса производительности труда, теории народнохозяйственного баланса. Деятельность С. Г. Струмилина в Госплане еще ждет своего исследователя. Он вложил не только много сил, труда, энергии, таланта, но и всю свою страсть в научную разработку многочисленных проблем, в которой так нуждался первый состав Госплана СССР, членом Президиума которого он был. Недаром на первом съезде Президиума Госплана СССР и госпланов союзных республик с участием представителей местных плановых органов, состоявшемся 10—17 марта 1926 г., докладчиком по основному вопросу «Пятилетняя перспективная ориентировка Госплана СССР» был именно С. Г. Струмилин.

Много внимания уделяет С. Г. Струмилин изучению экономической истории России, основываясь на тщательной разработке статистических и архивных материалов. Вот как он сам сформулировал принципы этой своей деятельности: «Субъективные оценки лишены научной ценности. Наука начинается там, где мы имеем дело с определенной мерой вещей и оцениваем одни величины путем сопоставления их с другими»⁴. Станислав Густавович внес неоценимый вклад в освещение важнейших экономических процессов, имевших место в нашей стране в эпоху феодализма и перехода к капитализму. Установление периода промышленного переворота в России и первых промышленных кризисов в ней, подробная характеристика времени господства мануфактурного труда и периода перехода от мануфактуры к фабрике, а также последующих социально-экономических изменений выгодно отличают его труды от работ многих других исследователей. Для доказательства факта промышленного переворота в России 1830—1860 гг. С. Г. Струмилин научно обработал большой статистический материал, применив метод группировок для выявления определенных закономерностей. Аналогичные исследования Станислав Густавович осуществил для того, чтобы установить наличие промышленных кризисов в России в 1847—1907 годах. Важнейшее место среди исторических работ ученого занимает большая монография «История черной металлургии в СССР», изданная в 1954 г. и существенно дополненная в 1967 году.

В 1960—1970 гг. С. Г. Струмилин обращается и к современной тематике, рассматривая проблемы строительства социализма и коммунизма в нашей стране. С. Г. Струмилин неоднократно возвращается к различным историческим событиям, четко формулируя свое отношение к ним. Выступая в январе 1971 г. на страницах нового печатного органа экономистов, Станислав Густавович замечает: «Нужно, чтобы, откликаясь на все текущие вопросы совершенствования планирования и управления, организации производства и труда в отраслях, на предприятиях и в территориальном разрезе, журнал освещал их шире и глубже, не теряя взаимосвязей с прошлым и с общей перспективой грядущих дней, в свете лучших заветов незабвенного Ильича»⁵. Это высказывание еще раз свидетельствует о том, что Станислав Густавович почти всегда ищет связь с прошлым, с историей, не забывая при этом ни на минуту о перспективах «грядущих дней».

Л. Е. Минц

⁴ С. Г. Струмилин. Очерки экономической истории России и СССР. М. 1966, стр. 403.

⁵ «Экономика и организация промышленного производства» (Новосибирск), 1970, № 1, стр. 7.

Обзоры

НОВЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ДЛЯ ИСТОРИКОВ

В 1969 г. на страницах журнала «Вопросы истории» был опубликован обзор библиографических указателей по истории, вышедших в 1965—1968 годах¹. В 1968—1971 гг. историческая библиография существенно пополнилась. В связи с подготовкой к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина библиотеки значительное внимание уделили ленинской тематике. В это же время издавались указатели литературы по истории народов СССР, истории отдельных периодов и событий, историко-партийной тематике, а также биобиблиографии.

Институт истории СССР АН СССР подготовил библиографию «Проблемы истории в трудах В. И. Ленина»². В ней представлена литература о разработке В. И. Лениным вопросов исторического материализма, о ленинской методологии исторического исследования, о В. И. Ленине как историке, о ленинской лаборатории научного творчества. Специальный раздел посвящен литературе об отдельных работах В. И. Ленина, имеющих историографический аспект или отражающих историю создания этих работ. Всего в указателе учтено 1 129 работ, изданных в СССР (книги, статьи из журналов и сборников, тезисы докладов и сообщений, рецензии, информационные материалы о сессиях, заседаниях, обсуждениях по данной проблематике). Библиография (без раздела «Проблемы всеобщей истории в трудах В. И. Ленина») публикуется в журнале «История СССР»³.

Первую попытку по созданию научно-вспомогательной библиографии о последнем подполье В. И. Ленина⁴ предприняли Институт научной информации и ФБОН АН СССР. В указатель вошла литература о жизни и деятельности В. И. Ленина с момента постановления ЦК РСДРП(б) от 7(20) июля 1917 г. о переходе В. И. Ленина на нелегальное положение до его ухода с квартиры М. В. Фофановой в Смольный вечером 24 октября: труды В. И. Ленина, публикации документов, дневники, письма, воспоминания участников событий, исследования, справочная литература. Две тематических библиографии о В. И. Ленине опубликовала Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина⁵. Воронежский университет выпустил библиографию высказываний В. И. Ленина о революционном движении в Румынии и материалов о его связях с революционным движением этой страны⁶.

Большую ценность для историков представляют библиографии по теме «В. И. Ленин и наш край». Как правило, она раскрывается в следующих аспектах: высказывания В. И. Ленина о крае в целом или отдельных фактах его истории, экономике, общественных явлениях, об отдельных лицах, а также документы партии и правительства, касающиеся данного края и подписанные В. И. Лениным; материалы о жизни и деятельности В. И. Ленина в том или ином городе, области, крае, а также воспоминания, очерки, свидетельства о встречах с В. И. Лениным, о его внимании к нуждам трудящихся и т. д.; источники, характеризующие отношение рабочих и крестьян к В. И. Ленину: письма, телеграммы, приветствия, поздравления, а также документы и публицистика об увековечении памяти вождя на местах; литература

¹ А. О Зильберман. Новые библиографические указатели по истории. «Вопросы истории», 1969, № 1.

² Т. А. Игнатенко, С. С. Тарасова. Проблемы истории в трудах В. И. Ленина. Материалы к указателю советской исторической литературы о В. И. Ленине. Изд. 2-е, доп. М. 1969.

³ Т. А. Игнатенко, С. С. Тарасова. В. И. Ленин как историк. Библиография советской исторической литературы. «История СССР», 1969, № 4, 6; 1971, №№ 2, 5.

⁴ Д. Я. Брилон. Последнее подполье В. И. Ленина. Июль — 24 октября 1917 г. Указатель советской литературы на русском языке. 1917—1966 гг. М. 1970.

⁵ Е. Н. Князева. В. И. Ленин о коммунистическом труде. Библиографический указатель литературы на русском языке за 1960—1965 гг. М. 1970; М. И. Колтун. В. И. Ленин и развитие производительных сил северных и восточных районов СССР и освоение арктических морей. М. 1969.

⁶ Е. И. Спиваковский, В. Я. Окунь. В. И. Ленин и румынское революционное движение (1900—1924 гг.). Библиография. Воронеж. 1968.

о создании и распространении работ В. И. Ленина в крае; воплощение образа В. И. Ленина в произведениях местных деятелей литературы и искусства. Ряд библиографий по этой теме издан в РСФСР, на Украине, в Белоруссии, Грузии, Казахстане⁷. Работу по их подготовке проводят республиканские, краевые, областные и научные библиотеки.

Одной из важных задач советской исторической библиографии является учет литературы по истории наших республик. Фундаментальная библиотека АН АзССР выпустила в свет библиографию по истории Азербайджана⁸, в которую вошла литература, опубликованная в 1920—1961 гг. и охватывающая события с древнейших времен до Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. включительно. Первую попытку учета литературы по истории дореволюционной Белоруссии на русском и белорусском языках, опубликованной с 1803 по 1966 г., предприняли Институт истории АН БССР совместно с Государственной библиотекой БССР имени В. И. Ленина и Фундаментальной библиотекой имени Я. Коласа АН БССР⁹. Указатель включает книги, статьи из журналов и сборников, а также рецензии. Успехи в области изучения истории Литвы за годы Советской власти получили отражение в библиографии, подготовленной Центральной библиотекой и Институтом истории АН ЛитССР¹⁰. Эта крупнейшая библиография охватывает всю историю Литвы и насчитывает около 5 500 названий. Наряду с материалами республиканской печати в указатель вошли книги и статьи из журналов и газет на русском и других языках народов СССР. Путь, пройденный украинским народом от кануна Великого Октября до наших дней, получил отражение в библиографическом указателе «Украинская Советская Социалистическая Республика»¹¹ (подготовлен Центральной научной библиотекой АН УССР). В него вошли труды В. И. Ленина об Украине, решения партийных и государственных органов, а также сборники документов, статистические справочники и научная литература по вопросам экономики, науки и культуры республики. Появились также библиографии по истории отдельных областей Украины¹².

Продолжается работа по созданию библиографий по истории автономных республик и отдельных областей нашей страны. Научная библиотека имени Н. И. Лобачевского Казанского университета имени В. И. Ульянова-Ленина вслед за вышедшим в 1960 г. указателем советской литературы по истории ТатарССР¹³ подготовила новое

⁷ Н. И. Горячева. В. И. Ленин и Карелия. Указатель литературы. Петрозаводск. 1969; Э. И. Дубовская. Ленин и Пензенский край. Указатель литературы. Пенза. 1969; З. И. Корчагина. Владимир Ильич Ленин и наш край. Каталог литературы. Иваново. 1969; В. А. Крюкова. В. И. Ленин и Смоленский край. Указатель литературы. Смоленск. 1969; Е. Н. Олех. В. И. Ленин и Нижегородская губерния. Библиографический указатель. Горький. 1969; Э. Я. Брун и др. В. И. Ленин и Черноземный центр России. Библиографический указатель. Воронеж. 1970; Н. И. Никитина и др. Ленин в Поволжье. 1870—1893 гг. Библиографический указатель. Ульяновск. 1970; И. Г. Макаров. Владимир Ильич Ленин и Якутия. Библиографический указатель. Якутск. 1970; Д. П. Маслов и др. Ленин и Сибирь. Библиографический указатель. Изд. 2-е, испр. и доп. Новосибирск. 1970; Л. Г. Орудина и Т. И. Фунтикова. В. И. Ленин и Ставропольский край. Указатель литературы. Ставрополь. 1970; Н. Д. Пономарева. Донбасс в трудах В. И. Ленина. Аннотированный указатель. Донецк. 1970; Н. Ф. Короткина и С. Г. Цлаф. В. И. Ленин о Белоруссии. Минск. 1970; С. Г. Алагардьян и Н. Н. Степанишвили. В. И. Ленин о Закавказье. Аннотированная библиография. Тбилиси. 1969; К. Рамишвили и Р. Мергелидзе. В. И. Ленин о Грузии (100 лет со дня рождения). Библиографический указатель. Тбилиси. 1969 (на груз. яз.); А. Кобычева и др. Владимир Ильич Ленин о Казахстане. Указатель литературы. Алма-Ата. 1969.

⁸ Н. М. Кулиев. История Азербайджана (1920—1961). Библиография. Баку. 1970.

⁹ М. Г. Крекани и А. А. Соколыч. Библиография по истории Белоруссии. Феодализм и капитализм. Минск. 1969.

¹⁰ О. Адомоненё и др. Библиография истории Литовской ССР. 1940—1965. Вильнюс. 1969.

¹¹ М. П. Рудь. Украинская Советская Социалистическая Республика. 1917—1967. Библиографический указатель. Киев. 1969.

¹² З. И. Зобина и др. Харьковщина, Полтавщина, Сумщина (1917—1969). Библиографический указатель. Харьков, 1968; Р. В. Марголина и др. Крым за 50 лет Советской власти. Библиографический указатель. Симферополь. 1970.

¹³ Е. М. Мишина и др. История Татарской АССР. (С древнейших времен до наших дней). Указатель советской литературы. 1917—1959. Казань, 1960.

издание¹⁴. Оба указателя содержат сведения о литературе по истории Татарии, опубликованной в СССР на русском и татарском языках. Бурятский институт общественных наук осуществил издание пятого выпуска «Библиографии Бурятии»¹⁵ (литература, вышедшая с 1890 по 1931 год)¹⁶. Опубликовано вторая часть указателя «История Дона»¹⁷, охватывающая период от Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. до 1965 года. Большое внимание библиотеки уделяли библиографии по истории Великого Октября и гражданской войны в отдельных районах страны: на территории РСФСР¹⁸, в Латвии¹⁹, Узбекистане²⁰.

Вопросы социалистического строительства получили освещение в библиографиях, составленных Воронежской областной библиотекой имени И. С. Никитина, Государственной публичной научно-технической библиотекой Сибирского отделения АН СССР и библиотекой Саратовского университета имени Н. Г. Чернышевского²¹. Вышло в свет несколько указателей литературы о защите социалистического Отечества в годы Великой Отечественной войны²². Рядом новых работ пополнилась историко-партийная библиография²³. 50-летие ВЛКСМ нашло отражение в указателях Воронежской

¹⁴ Е. М. Мишина и др. История Татарской АССР (С древнейших времен до наших дней). Указатель советской литературы. 1960—1967. Казань. 1970.

¹⁵ «Библиография Бурятии за 1890—1931 годы». Сост. под рук. Н. В. Здобнова. Вып. 5. История дореволюционной Бурятии, Октябрьской революции и образования БМАССР. Улан-Удэ. 1970.

¹⁶ Литература по Бурятии, изданная до 1890 г., отражена в фундаментальной «Сибирской библиографии» В. И. Межова.

¹⁷ Н. Г. Бригадиров. История Дона. Указатель литературы. Ч. II. Советская литература. Ростов-на-Дону. 1969.

¹⁸ Л. К. Куликова, А. Н. Маслова. Дальний Восток в период Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (1917—1922 гг.). Указатель литературы. Хабаровск. 1968; Н. Ф. Семенов. Борьба с дутовщиной. Аннотированный указатель мемуарной литературы. М. 1968; К. Н. Норкина. Урал в период Великой Октябрьской социалистической революции, военной интервенции и гражданской войны (март 1917—1919 гг.). Вып. 2. Указатель литературы за 1963—1967 гг. Свердловск. 1969; О. М. Андреева и др. История Воронежской губернии в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917—1920 гг.). Указатель литературы. Воронеж. 1970; Л. Г. Орудина. Октябрь и гражданская война на Ставрополье. Указатель литературы за 1957—1969 гг. Ставрополь. 1970; И. Самодурова. Революционное движение и борьба за власть Советов в Орловской губернии. Указатель советской литературы. Орел. 1970.

¹⁹ О. Пуче. Борьба за Советскую власть в Латвии. Аналитическая роспись революционного периодики. 1920—1940. Указатель литературы Рига. 1969 (на латышск. яз.).

²⁰ Е. Г. Беленькая и др. История Узбекистана. Ч. 2. Великая Октябрьская социалистическая революция в Узбекистане. Узбекистан в период гражданской войны и иностранной военной интервенции. Указатель советской литературы. 1917—1966 гг. Ташкент. 1969.

²¹ Я. О. Демидов. Промышленность Воронежской области за 50 лет Советской власти (1917—1967 гг.). Библиографический указатель. Воронеж. 1968; М. И. Кирсанова. Экономика, размещение и организация промышленного производства Сибири и Дальнего Востока. Библиографический указатель. 1917—1965. Ч. I. 1917—1945 гг. Новосибирск. 1968; И. И. Сердюк. Социалистическое строительство в Саратовском крае. 1917—1937. Указатель литературы. Саратов. 1968.

²² Т. П. Фунтикова. Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Указатель литературы. Ставрополь. 1968; «Карелия в годы Великой Отечественной войны». Указатель литературы. Изд. 3-е, доп. Петрозаводск. 1970; Е. Кулдкепп. Печать Советской Эстонии в годы Великой Отечественной войны. Государственная библиография произведений и статей, изданных в тылу Советского Союза. 1941—1944. Таллин. 1970; С. В. Дзюбина и Г. А. Каширин. Одесса и Одессина в Великой Отечественной войне. Библиографический указатель. Вып. II. Одесса. 1971; Е. Б. Марголина. Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941—май 1945 гг.). Библиографический указатель книжной и журнальной литературы на русском языке. 1941—1968 гг. М. 1971.

²³ Р. Г. Демидов. История Воронежской областной партийной организации. 1892—1966 гг. Библиографический указатель. Воронеж. 1969; В. В. Машотас. Коммунистическая партия Западной Украины. Библиографический указатель материалов и публикаций за 1919—1967 гг. Львов. 1969 (на укр. яз.); З. Г. Шюфлер, Г. П. Ли. История Коммунистической партии Киргизии. Часть вторая. 1946—1967 гг. Аннотированный указатель. Фрунзе. 1969 (учтена литература на русском языке); М. Войтшке. Нелегальные издания Социал-демократии Латышского края в годы первой мировой войны. Аннотированный библиографический указатель. Рига. 1970 (на русск. и латыш. яз.).

областной библиотеки имени И. С. Никитина и Государственной библиотеки Латвийской ССР имени В. Лациса²⁴.

Библиографические издания, вышедшие в рассматриваемый период, посвящены многим революционным деятелям и историкам. К 50-летию со дня гибели 26 бакинских комиссаров Азербайджанская республиканская библиотека имени М. Ф. Ахундова выпустила библиографию, посвященную мужественным борцам за власть Советов²⁵. В указателе даны как общие работы о деятельности бакинских комиссаров, так и литература о каждом из них в отдельности. Участникам революционного движения посвятили библиографические издания Красноярская краевая и Коми республиканская имени В. И. Ленина библиотеки²⁶. Сведения о партийных публицистах дореволюционной большевистской прессы историки найдут в справочнике «Бойцы революции»²⁷. В 1969 г. вышла книга, посвященная видному деятелю Коммунистической партии и Советского государства Н. К. Крупской²⁸. Это библиографическое пособие позволяет ориентироваться в весьма обширном и разнообразном по видам изданий (книги, статьи, заметки, письма) печатном наследии Н. К. Крупской, а также в литературе о ее жизни и деятельности. Краеведческая библиография включает литературу о профессиональном революционере, историке, публицисте Н. Н. Батурине, латышских революционных деятелях Я. Янсоне-Брауне и П. Дауге²⁹. Историческая серия «Материалов к биобиблиографии ученых СССР» пополнилась биобиблиографиями видных советских историков акад. А. П. Окладникова³⁰ и чл.-корр. АН СССР В. И. Шункова³¹. К V Межвузовской конференции историков-славистов вышел биобиблиографический справочник³² об историках СССР, занимающихся исследованием истории южных и западных славян с древнейших времен до наших дней и межславянских связей. Продолжает работу по составлению биобиблиографии великого революционного демократа А. И. Герцена³³ библиотека Ленинградского пединститута имени А. И. Герцена. Сведения об опубликованных трудах и эпистолярном наследии видного ученого и общественного деятеля середины XIX в. Т. Н. Грановского и литературе о нем, изданной на русском языке в нашей стране, собраны в библиографии³⁴, составленной научной библиотекой Московского университета.

Важное значение для истории исторической науки в СССР имеет библиография³⁵,

²⁴ Р. Г. Демидов, В. Г. Широкова. История Воронежской областной комсомольской организации. Указатель литературы. Воронеж. 1970; О. Пуче. Путь борьбы и побед комсомола Латвии (1917—1968). Указатель литературы. Рига. 1970.

²⁵ Д. Ю. Керимова. 26 бакинских комиссаров (Библиография). Баку. 1968.

²⁶ С. В. Студенцова и др. Солдаты великой борьбы. Красноярск. 1968; Д. М. Томова. Борцы за Советскую власть в Коми крае. Библиографический указатель. Сыктывкар. 1970. Последний содержит литературу за 1958—1968 гг. о становлении Советской власти и гражданской войне на территории Коми АССР и 29 библиографических справок об активных борцах за власть Советов.

²⁷ А. Ф. Бережной, С. В. Смирнов. Бойцы революции. Сотрудники большевистской печати. Библиографический справочник. Л. 1969.

²⁸ М. М. Литвяк и др. Надежда Константиновна Крупская. Библиография трудов и литература о жизни и деятельности. М. 1969.

²⁹ Ю. И. Ртищев и др. Н. Н. Батурин — революционер, историк, публицист (1877—1967). Биобиблиографический указатель. Воронеж. 1969; О. Пуче. Янис Янсон-Браун. Биобиблиография. Рига. 1968 (на латыш. яз.); е е же. Паул Дауге. Биобиблиография. Рига. 1970 (на латыш. яз.).

³⁰ В. Ларичев. Сорок лет среди сибирских древностей. Материалы к биографии академика А. П. Окладникова. Аннотированная библиография. «Ученые-сибиряки». Материалы к биобиблиографии. Вып. I. Новосибирск. 1970.

³¹ Р. И. Кузьменко. Виктор Иванович Шунков. М. 1971.

³² С. И. Сидельников и Г. И. Чернявский. Историки-слависты СССР. Биобиблиографический справочник. Харьков. 1969.

³³ Л. С. Терещатова. А. И. Герцен. Материалы к библиографии произведений А. И. Герцена и литературы о нем. 1964—1967 гг. Чч. 1 и 2. Л. 1970. Ранее в «Ученых записках» этого института были напечатаны «Материалы к библиографии произведений А. И. Герцена и литературы о нем»: 1936—1947 гг.; 1947—1957 гг.; 1958—1961 гг.; 1962—1963 гг.

³⁴ К. С. Куйбышева и др. Грановский Тимофей Николаевич (1828—1967). М. 1969.

³⁵ Н. Я. Крайнева и П. В. Пронина. Труды Института истории Академии наук СССР. 1936—1965 гг. Библиография. В четырех выпусках. М. 1968; то же. 1966—1968. Вып. 1—2. М. 1969.

подытоживающая издательскую деятельность Института истории АН СССР с момента его создания в 1936 г. и до 1968 г., когда он был разделен на два самостоятельных института — истории СССР и всеобщей истории. В библиографию включены труды, изданные под грифом Института истории АН СССР и его Ленинградского отделения (в том числе и созданные при участии других учреждений), а также работы, вышедшие под грифом Отделения истории АН СССР, если они выполнялись сотрудниками института. В указателе учтены монографии, коллективные работы, сборники статей, документальные публикации, учебники, авторефераты диссертаций, защищенных в институте, приведены сведения о переводах трудов института на иностранные языки и языки народов СССР, а также рецензии. В Киеве вышел подобный указатель³⁶, подготовленный Институтом истории АН УССР. Аннотированная библиография литературы, изданной в Грузии, опубликована в Тбилиси³⁷.

Вышли библиографии по вспомогательным историческим дисциплинам и смежным с историей наукам. Всесоюзный научно-исследовательский институт документо-ведения и архивного дела выпустил очередное издание каталога архивоведческой литературы и сборников документов³⁸, включающего сведения о путеводителях, справочниках, описях, описаниях, обзорах и прочих изданиях, позволяющих судить о документальном богатстве советских архивохранилищ и музеев, а также перечень работ по истории, теории и практике архивного дела. Обзор документов по истории почти 200 фабрик и заводов Москвы и Московской губернии³⁹ подготовили сотрудники ЦГА г. Москвы. В Киеве опубликован библиографический указатель советских документов по истории Украины⁴⁰.

К V Международному конгрессу экономической истории (Ленинград, август 1970 г.) Институт научной информации и ФБОН АН СССР подготовили библиографию⁴¹, дающую представление об основных направлениях в развитии советской историко-экономической науки и вкладе советских ученых в исследование проблем мировой экономической истории с древнейших времен до наших дней. Первую библиографическую работу — указатель диссертаций по военной истории⁴² — выпустил Институт военной истории.

Изданная в 1969 г. библиография советской археологической литературы⁴³ является продолжением вышедших ранее указателей за 1918—1940 и 1941—1957 годы. В них учитывается вся отечественная литература по археологии; работы по древней истории, в которых широко использованы археологические источники; по истории искусства и архитектуры, эпиграфике, нумизматике и сфрагистике с древнейших времен до XVII в., а также основные издания по этнографии и языкознанию, содержание которых связано с археологией. В Тбилиси выпущена библиография по археологии средневековой Грузии⁴⁴. Вышла также библиография русских библиографий по этнографии народов СССР⁴⁵, изданных на территории России с 1851 по 1969 год. В нее включены также списки трудов этнографов.

³⁶ Л. М. Гудзенко и др. Указатель работ, опубликованных научными сотрудниками Института истории (1956—1967). Киев. 1969.

³⁷ «Библиография литературы и трудов в области исторических наук. 1970». Тбилиси. 1971.

³⁸ «Каталог архивоведческой литературы и сборников документов (1964—1967 гг.)». М. 1970. Ранее вышли: «Каталог архивоведческой литературы. 1917—1959». М. 1961; «Каталог сборников документов, изданных архивными учреждениями СССР. 1917—1960 гг.». М. 1961; «Каталог архивоведческой литературы и сборников документов» (1960—1963 гг.). М. 1964.

³⁹ «Из истории фабрик и заводов Москвы и Московской губернии (конец XVIII — начало XX в.)». Обзор документов. М. 1968.

⁴⁰ Л. М. Гудзенко и др. Советские издания документальных материалов по истории Украины (1917—1968). Библиографический указатель. Киев. 1970.

⁴¹ Г. М. Марковская и др. Экономическая история. Указатель советской литературы за 1960—1969 гг. Вып. 1—5. М. 1970.

⁴² А. И. Бабин и др. Отечественная и зарубежная военная история. Указатель докторских и кандидатских диссертаций. М. 1970.

⁴³ Т. Н. Заднепровская и др. Советская археологическая литература. Библиография 1958—1962. Л. 1969.

⁴⁴ Л. Ш. Читадзе и В. А. Джорбенадзе. Библиография по археологии средневековой Грузии. 1871—1967. Тбилиси. 1969.

⁴⁵ З. Д. Титова. Этнография. Библиография русских библиографий по этнографии народов СССР (1851—1969). М. 1970.

Интересные материалы по отдельным вопросам всеобщей истории и славяноведения найдут исследователи в библиографиях, составленных академическими библиотеками⁴⁶. ИМЛ при ЦК КПСС и Государственная публичная историческая библиотека к 100-летию Парижской Коммуны выпустили указатель, являющийся сводом советской литературы по истории международного рабочего революционного движения 50—70-х годов XIX века⁴⁷.

Подводя итоги работы по изданию исторических библиографий за последние годы, можно констатировать, что за это время появились библиографические пособия, существенно помогающие историкам ориентироваться в литературе по различным вопросам. Однако по-прежнему нет общей библиографии по истории гражданской войны, истории Великой Отечественной войны (учитывающей литературу, вышедшую после 1959 г.) и истории ряда республик.

А. О. Зильберман

⁴⁶ «Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР» (Письма и документы торгового объединения в Малой Азии IX в. до н. э.). Автографические копии, транскрипция, перевод, вводная статья, комментарий и глоссарий Н. Б. Янковской. М. 1968; А. Х. Рафиков. Историческая литература на турецком языке, хранящаяся в библиотеках Ленинграда. Сводный аннотированный каталог. 1729—1963. Л. 1968; З. Г. Воробьева. Аннотированный библиографический указатель книг и статей на русском языке о современном политическом положении, экономике, культуре, географии и истории стран Латинской Америки. М. 1969; М. В. Гелпенер и др. Славянские рукописи XI—XIV вв. в фондах отдела рукописей Центральной научной библиотеки Академии наук Украинской ССР (Обзор, описание, публикация). Киев. 1969 (на укр. яз.).

⁴⁷ Е. А. Гутерман и др. I Интернационал и Парижская Коммуна. Указатель литературы, вышедшей в СССР. 1917—1970. М. 1971.

Рецензии

Ф. М. ВАГАНОВ. *Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928—1930 гг.)*. М. Политиздат. 1970. 285 стр. Тираж 35 000. Цена 64 коп.

Советские историки проделали в последние годы известную работу по исследованию и раскрытию опыта борьбы КПСС против антиленинских групп и течений¹. Определенный вклад в решение этих важных задач вносит монография доктора исторических наук Ф. М. Ваганова.

В истории внутрипартийной борьбы послеоктябрьского периода правый уклон представлял собой единственный оставшийся крупный резерв антипартийных сил, выступивших против генеральной линии партии на построение социализма в СССР после разгрома объединенного троцкистско-зиновьевского оппозиционного блока. «С новым проявлением оппортунизма в ли-

це правого уклона (группа Бухарина)² партия столкнулась в связи с переходом к практическому осуществлению решений XV съезда ВКП(б) (2—19 декабря 1927 г.). Правые уклонисты оказали открытое сопротивление политическому курсу, намеченному в решениях партии, ревизовали ее генеральную линию в духе буржуазной идеологии. В силу этого, а также в связи с тем, что партия в борьбе с троцкистской идеологией уже одержала ряд решающих побед, правый уклон стал главной опасностью для партии, для диктатуры пролетариата, для дела построения социализма.

В отличие от авторов, рассматривавших борьбу против правых уклонистов главным образом в русле борьбы партии за укреп-

¹ Оценку новых исследований о борьбе Коммунистической партии против троцкизма см. «Вопросы истории», 1971, № 9, стр. 138—146.

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8-е. Т. 4, стр. 417.

ление единства своих рядов³, Ф. М. Ваганов больше внимания уделяет самой истории возникновения правого уклона, раскрытию политических разногласий между партией и правыми по вопросам социалистического строительства. В монографии приводится обширный фактический материал, собранный из различных источников, как опубликованных, так и архивных. В научный оборот широко вводятся стенографические отчеты пленумов ЦК и объединенных пленумов ЦК и ЦКК. Это позволило ярче показать, что пленумы ЦК являлись органами коллективного руководства партией, а их решения имели важнейшее значение как определенные этапы в борьбе партии против правого уклона.

В изучении темы Ф. М. Ваганов опирался прежде всего на произведения В. И. Ленина, в которых обобщен большой исторический опыт борьбы с оппортунизмом в рядах нашей партии. На основе ленинских высказываний и конкретных фактов автор вскрывает социально-экономические корни оппортунизма, показывает, что возникновение правого уклона не было случайным явлением, а имело объективную основу в мелкобуржуазной стихии, давление которой на рабочий класс и его авангард — партию в те годы усилилось. В книге правильно указывается, что большое влияние на формирование правого уклона оказывали обострение классовой борьбы в стране, усиление сопротивления капиталистических элементов социалистическим мероприятиям Советского государства, трудности построения социализма.

³ В. А. Непомнящий. Из истории борьбы КПСС за единство своих рядов против правого оппортунизма (1928—1929 гг.). «Ученые записки» Абаканского пединститута. Вып. 4. Абакан. 1958; К. В. Некрасов. Борьба Коммунистической партии за единство своих рядов в период между XV и XVI съездами ВКП(б). Вологда. 1959; П. Н. Иванов. Разгром правого уклона в ВКП(б) (1928—1930 гг.). «Единство Коммунистической партии — главное условие ее силы и непобедимости». Новосибирск. 1961; В. И. Тетюшев. Борьба партии за генеральную линию, против правого уклона в ВКП(б) в период между XV и XVI съездами. «Вестник» Московского университета, 1961, № 3, серия IX, история; В. Зуйков, В. Куликов. Борьба партийных организаций Урала с правым оппортунизмом в 1928—1930 годах. «Из истории партийных организаций Урала». «Труды» кафедры истории КПСС Уральского лесотехнического института. Свердловск. 1962.

В монографии освещаются основные вопросы, по которым партия вела борьбу с правыми (о закономерности и движущих силах Октябрьской социалистической революции, о характере общественного развития и классовой борьбе в переходный период, о возможности и темпах строительства социализма). Автор справедливо отмечает, что теоретические концепции лидеров правых уклонистов «являлись продолжением, в несколько видоизмененной форме, тех же взглядов на Октябрьскую социалистическую революцию и возможность победы социализма в нашей стране, которых они придерживались раньше», а их политическая позиция «представляла, по существу, логическое завершение их предшествующих отступлений от ленинизма» (стр. 36, 39). В книге приводятся ленинские оценки Н. Бухарина, позволяющие понять неустойчивость позиций последнего в политике.

Известно, что, отражая настроения и чаяния эксплуататорских слоев деревни, будучи объективно агентурой кулачества, правые уклонисты выступили против высоких темпов индустриализации, против коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса. Капитулянтская линия правых была продиктована, по существу, интересами «советской» буржуазии, кулацко-нэпманских групп и развязывала руки капиталистическим элементам. Ее осуществление означало бы срыв строительства социализма и реставрацию капитализма в нашей стране.

Борьбе партии с правыми оппортунистами за ленинскую генеральную линию отводится в монографии центральное место. Автор рассматривает принципиальные вопросы разногласий партии с правыми: социалистическая индустриализация и темпы ее осуществления, пути подъема и социалистического преобразования сельского хозяйства, классовая политика и ее роль в укреплении союза рабочих и крестьян. Правильное решение этих вопросов имело исключительно важное значение для судеб социализма. Ф. М. Ваганов приводит немало фактов выступлений правых оппортунистов, свидетельствующих об их отходе от ленинского плана построения социализма, генеральной линии партии, показывает несовместимость взглядов партии и правых по коренным вопросам партийной политики того периода. Из приведенного в книге конкретного материала ясно видно, что, выступая против линии партии, правые ревизовали ленинское уче-

ние, перешли в ряде вопросов на позицию кулаков.

Подробно рассказывает автор об усилении борьбы партии с правой опасностью в 1928 г., о правооппортунистической деятельности верхушки Московской партийной организации, мерах ЦК ВКП(б) по оздоровлению столичной организации, освещает борьбу с лидерами правых на ноябрьском (1928 г.) Пленуме ЦК. Несмотря на решения Пленума, осудившего правый уклон как главную опасность, лидеры правых оппортунистов не только не прекратили своих выступлений против генеральной линии партии, но еще более усилили свои нападки на нее. Решениям партии они противопоставили свою фракционную платформу. Это привело к дальнейшему обострению внутрипартийной борьбы. Политбюро ЦК и Президиум ЦКК в феврале, Объединенный пленум ЦК и ЦКК и XVI конференция ВКП(б) в апреле 1929 г. приняли решительные меры против фракционеров.

В книге освещается идейно-организационный разгром правого оппортунизма в рядах ВКП(б), победа генеральной линии партии. После XVI партконференции (23—29 апреля 1929 г.) ЦК усилил борьбу с проявлениями правого уклона в работе партийных организаций, осудил извращения в проведении классовой линии, допущенные некоторыми партийными организациями. В ответ на участвовавшие фракционные вылазки правых оппортунистов, на их попытки организационно оформить свои группы внутри партии партийные организации потребовали применить к фракционерам решительные организационные меры. Ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК нанес правым окончательный удар, с которого начался развал правооппортунистической группировки. Большой вклад в разоблачение и разгром оппортунизма внес XVI съезд ВКП(б) (26 июня — 13 июля 1930 г.). Правый уклон как политическое течение был осужден всей партией. Автор правильно указывает, что «полный идейный и организационный разгром правого оппортунизма явился важной победой, позволившей партии не только отстоять ленинскую политику социалистического строительства, но и организовать практическое ее осуществление» (стр. 265). Ф. М. Ваганов подчеркивает, что опыт нашей партии «в строительстве социализма, борьбе с оппортунизмом и укреплении единства партийных рядов имеет важное значение для коммунистических и рабочих партий государств, ставших

на социалистический путь развития» (стр. 269).

Монография не лишена недостатков, имеются в ней и спорные положения.

Для более полного раскрытия опыта борьбы КПСС против правого оппортунизма было бы целесообразно назвать среди факторов, способствовавших разгрому правого уклона, сильные традиции борьбы против открытого оппортунизма в нашей партии, воспитанные в ней В. И. Лениным, ее готовность к борьбе с правым оппортунизмом; дать более полную характеристику сил (рабочего класса и партии), которые вели непримиримую борьбу с правым уклоном и разгромили его.

Разъясняя понимание уклона как политического течения внутри партии, автор пишет: «Уклон отличается от оппозиционных фракционных групп прежде всего тем, что у его носителей отсутствует четко выраженная политическая программа, нет организационной связи между его сторонниками» (стр. 29). Это определение представляется нам нуждающимся в уточнении, и вряд ли оно может быть применено к характеристике анархо-синдикалистского уклона, по отношению к которому В. И. Ленин впервые употребил этот термин.

Апрельский (1929 г.) Объединенный пленум ЦК и ЦКК отметил, что «рост и оформление правого уклона в ВКП теснейшим образом связаны с особенностями современного этапа в развитии международной пролетарской революции»⁴. В монографии необходимо было привести и раскрыть это положение, более подробно рассказать о решениях VI конгресса Коммунистического Интернационала (17 июля — 1 сентября 1928 г.). Конгресс отметил, что правый уклон является особенно опасным и борьба с ним должна быть поставлена на первый план⁵. Это обязательное для всех секций Коминтерна решение, принятое по предложению делегации ВКП(б), мобилизовало коммунистов всего мира на борьбу с правым уклоном как главной опасностью международного коммунистического движения. Оно помогло и нашей партии осознать всю опасность правого уклона и своевременно ориентировать партийные организации на борьбу с ним.

⁴ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 4, стр. 180.

⁵ См. «Коммунистический Интернационал в документах». М. 1933, стр. 792.

Автор рассматривает борьбу партии с правым оппортунизмом в проблемном плане, но в ряде случаев это затрудняет понимание развития внутрипартийных разногласий на разных этапах, делает некоторые правильные положения недостаточно обоснованными. Приводит к повторениям. Прежде всего это относится к разделу «Преобразование правого уклона в главную опасность в ВКП(б)», который помещен в книге уже в первой главе, далеко от изложения конкретных фактов о возрастании правой опасности внутри партии. Этим же объясняется и то, что в книге не выявлена с необходимостью полной роль XVI конференции ВКП(б) как важного этапа в борьбе партии против правого уклона, хотя сами решения конференции автором про-

цитированы и использованы во многих местах. Принятие конференцией первого пятилетнего плана развития народного хозяйства в его оптимальном варианте ознаменовало крах капитулянтских минималистских установок лидеров правых по вопросам хозяйственного строительства, серьезное поражение правого уклона. Все шесть принятых конференцией документов были направлены против правого уклона, на укрепление партии.

Отмеченные недостатки не меняют в целом положительной оценки монографии Ф. М. Ваганова, которая является новым шагом в разработке важных проблем истории партии в период борьбы за построение социализма.

С. Л. Дмитренко

Г. З. Иоффе. *Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии*. М. Изд-во «Наука». 1970. 263 стр. Тираж 2 100. Цена 1 руб. 05 коп.

К настоящему времени в США и Англии накопилась значительная литература, насчитывающая не одну сотню названий и пытающаяся дать свое толкование причин и хода Февральской революции в России¹. Эта литература отражает основные направления буржуазной исторической мысли и часто задает тон антисоветской пропаганде, служа для нее основным материалом, оказывая тем самым известное влияние на научную и политическую жизнь как в США и Англии, так и в других странах. Критический разбор основных концепций этой лите-

ратуры — задача, необходимая как с точки зрения лучшего понимания методологических вопросов, так и всей идеологической борьбы в современном мире. Как справедливо пишет кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СССР АН СССР Г. З. Иоффе, «в общей концепции революционных событий 1917 г., разрабатываемой буржуазной исторической наукой, интерпретация Февральской революции имеет вполне определенную направленность. Она создает необходимую «основу» для искажения истории событий, последовавших за Февралем, прежде всего истории Октября» (стр. 8).

В книге Г. З. Иоффе дается обстоятельная картина того, как многие буржуазные авторы (часто выходя за хронологические рамки февраля) мучительно ищут ответ на вопрос, почему русская революция не остановилась на своем первом этапе, а двинулась дальше, к большевистскому «перевороту» в октябре. Автор вскрывает и несостоятельность столь распространенного в буржуазной историографии субъективно-идеалистического подхода и политический смысл непрерывного поиска тех случайностей, тех «если бы», которыми противники социалистической революции пытаются объяснить ее победу. Среди этих «если бы» наиболее повторяемыми являются: если бы не русская историческая традиция «автори-

¹ W. Chamberlin. *The Russian Revolution 1917—1921*. N. Y. 1935; B. Pares. *The Fall of the Russian Monarchy*. L. 1939; V. Maklakov. *On the Fall of Tsardom «Slavonic and East European Review»*, 1939, vol. 18, № 52, pp. 73—92; «The Russian Provisional Government. 1917. Documents». Vol. I. Ed. by R. Browder and A. Kerensky. Stanford. 1961; J. Curtis. *The Russian Revolutions of 1917*. N. Y.—L.—Toronto. 1957; R. Massie. *Nicolas and Alexandra*. N. Y. 1967. Наиболее полное представлено о взглядах современных африканских и английских буржуазных историков на крушение русского царизма дает сборник статей «*Revolutionary Russia*». Ed. by R. Pipes. Cambridge. Mass. 1968. Единственная в англо-американской литературе работа, написанная с позиций марксистско-ленинской методологии и специально посвященная Февральской революции, принадлежит Э. Ротштейну (см. «Вопросы истории», 1968, № 3, стр. 186—187).

тарного режима», в результате которой Россия оказалась не подготовленной к демократическому режиму «западного образца»; если бы не ошибки Временного правительства; если бы социологи проводили более гибкую политику в вопросе об участии России в войне и т. д. Показывает Г. З. Иоффе и то более молодое направление, которое под влиянием успехов Советского государства стало пересматривать «случайностную» точку зрения на Февральскую революцию в России. Особенно важно, что книга содержит не просто критический пересказ тех или иных работ, но анализ и типологию их главных идей. Автор формулирует наиболее общие «положения» (о причинах революции, ее начале и ходе, движущих силах, характере, роли большевистской партии, соотношении Февральской и Октябрьской революций), которые до настоящего времени составляют основу антимарксистской интерпретации Февраля и которые разделяются многими, если не большинством западных авторов (стр. 54).

Автор опирается на значительную советскую литературу, подробно анализирующую фактический ход событий, как предшествовавших Февральской революции, так и происшедших в ходе ее. Наиболее серьезные и аргументированные работы наших историков оказывают влияние даже на тех западных авторов, которые, отрицая марксистскую методологию, в то же время уже не могут обойти факты, доказанные советской исторической литературой. Г. З. Иоффе в качестве одного из примеров подобной эволюции рассматривает изменение взглядов Дж. Кеннана. В докладе на конференции в Гарвардском университете последний заявил, что, изучая историю свержения царизма, он несколько изменил свои взгляды. Ранее Кеннан, как и многие другие западные историки, полагал, что «если бы не вмешалась война, шансы царизма на выживание и постепенную эволюцию в конституционную монархию были неплохими». Теперь, по-прежнему считая, что «успехи в области модернизации» (если бы она продолжалась) «быстро и благополучно привели бы Россию в современный век», он все же сомневается в том, что решающую роль в срыве этих «успехов» сыграла война (стр. 84). Развивая «новую» концепцию причин гибели русского царизма, Кеннан варьирует старые утверждения о политической слепоте самодержавия, о нежелании его идти на уступки либералам, об их «революционности», о «слабости» Николая II.

Тем не менее тот факт, что он рекламирует свой отход от старого тезиса о военных трудностях как единственной причине Февральской революции, весьма показателен для современного состояния буржуазной историографии. Концепции, долгое время господствовавшие в англо-американской литературе, теперь уже совершенно «не работают». Однако сдвиг происходит медленно. Большинство буржуазных историков упорно цепляются за очевидно несостоятельные концепции, пытаются повторять кадетские и меньшевистские тезисы полувековой давности, лишь в крайнем случае ограничиваясь их минимальным обновлением. Но на путях упорного отрицания необходимости революционных преобразований общества они уже не в состоянии найти удовлетворительного объяснения очевидным фактам. Можно согласиться с Г. З. Иоффе, что именно здесь и заключается одна из главных причин того, что для антимарксистской историографии Февральская революция, в сущности, остается таким же «чудом», каким она представлялась «обывательскому разуму» полвека тому назад.

Отдавая должное анализу этой проблемы, имеющемуся в книге, хотелось бы увидеть (в будущих работах этого или других авторов) более подробную характеристику некоторых наиболее известных американских и английских историков. Любопытно, в частности, фигура того же Кеннана, «историка среди дипломатов и дипломата среди историков», его субъективизм (не случайно в своих работах он рассматривает главным образом дипломатическую сторону вопроса о крушении самодержавия), эклектизм, принципиальное неприятие социализма и вынужденное признание успехов Советского Союза. Хотелось бы также более обстоятельного выяснения того влияния, которое работы советских авторов оказывают на буржуазную историографию. Это задача трудная, так как выпускники или преподаватели американских университетов отнюдь не стараются афишировать те заимствования из работ советских историков, к которым они все чаще прибегают в последние годы. Однако такие заимствования — факт весьма примечательный. Они отражают растущее влияние советской исторической науки.

В печати уже отмечались некоторые спорные места рецензируемой книги². Хо-

² См. «История СССР», 1971, № 2.

телось бы обратить внимание и на другие просчеты автора. Глубокая научная критика английской и американской буржуазной историографии требует анализа ее концепционной и фактографической основы, несостоятельности ее фундамента, ее корней. Таким фундаментом для зарубежной не-марксистской исторической науки долгое время являлась (да, пожалуй, и сейчас остается) эмигрантская литература преимущественно либерального и правосоциалистического толка, опровергнутая самой исторической действительностью.

Нельзя сказать, что Г. З. Иоффе не прослеживает связи между эмигрантской литературой и современной буржуазной историографией. Но это следовало бы сделать более глубоко и более последовательно на протяжении всей книги. От этого критическая заостренность ее значительно бы возросла. Автора можно упрекнуть и в том, что он не всегда строг в отборе литературы, которая подвергается анализу. На

зарубежный книжный рынок выбрасывается большое количество, если так можно выразиться, коммерческой литературы. Конечно, она оказывает определенное и немалое влияние на массового читателя, но в известной своей части нередко отвергается некоторыми представителями буржуазной исторической науки. Это обстоятельство не всегда учитывалось в книге. В новейшей буржуазной историографии происходит «износ» старых антисоветских догм и концепций. Определенные группы западных авторов ищут новые, более «эластичные» истолкования Февральской и Октябрьской революций. В книге этот весьма примечательный процесс фиксируется. Однако должного внимания к нему Г. З. Иоффе, к сожалению, не проявляет. Но все это не может заслонить главного: вышла в свет книга, которую с интересом и пользой для себя прочтут многие.

М. Г. Панкратова

В. Г. МИРЗОЕВ. *Историография Сибири (домарксистский период)*. М. Изд-во «Мысль». 1970, 392 стр. Тираж 3 500. Цена 1 руб. 49 коп.

Доктор исторических наук В. Г. Мирзоев уже давно разрабатывает проблемы сибирской историографии. Им были изданы три книги по дореволюционной историографии Сибири¹. В последние годы он принял деятельное участие в подготовке историографических очерков для многотомной «Истории Сибири». В новой монографии В. Г. Мирзоев обобщил материалы своих ранее вышедших книг, уточнил выводы, учел сделанные в рецензиях² замечания. Кроме того, около половины его монографии посвящено историографии Сибири капиталистического периода (раздел IV), то есть написано заново. Таким образом, В. Г. Мирзоев воссоздал развитие сибирской историографии начиная с XVII и кончая XIX веком. Автор показал не только общий процесс обогащения историографии

Сибири (привлечение новых источников, выдвижение новых проблем, укрепление связей сибирской и общерусской историографии), но и воззрения отдельных выдающихся историков Сибири. К числу наиболее удачных следует отнести очерки о Г. Ф. Миллере, П. А. Словоцове, В. И. Семевском, о виднейших сибирских областниках. В. Г. Мирзоев стремился дать объективную научную характеристику каждому из них, определить их вклад в изучение сибирской историографии, учитывая уровень развития исторической мысли в тот или иной период и классовую сущность изучаемых направлений в историографии Сибири. Автор не ограничивается характеристикой официальной и дворянской историографии; уже применительно к XVII в. он выделяет народные воззрения на историю Сибири как самостоятельный объект исследования.

В. Г. Мирзоев ввел в сферу историографического изучения взгляды представителей революционно-дворянского направления, которые высказали много глубоких и передовых для своего времени мыслей, касающихся истории Сибири. Значительное

¹ В. Г. Мирзоев. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М. 1960; его же. Историография Сибири (XVIII век). Кемерово. 1963; его же. Историография Сибири. 1-я половина XIX века. Кемерово. 1965.

² См. «Вопросы истории», 1964, № 7; 1966, № 10.

внимание уделил автор и характеристике процесса развития демократических идей в историографии Сибири, начиная с М. В. Ломоносова и С. П. Крашенинникова и кончая трудами сибирских областников (60-е—90-е годы XIX в.). Характеризуя различные направления историографии Сибири капиталистического периода, он впервые осветил некоторые важные вопросы (оценка ряда представителей сибирского областничества и буржуазно-дворянского направления).

Однако в книге В. Г. Мирзоева, новой по теме и широкой обобщающей работе, есть и отдельные недочеты. Прежде всего обращает на себя внимание чрезмерная краткость и лаконичность введения. Слабо обосновывается в нем периодизация развития историографических исследований. Вряд ли можно согласиться с утверждением автора, что период начиная с 90-х годов прошлого века «представляет собой качественно новый марксистско-ленинский этап сибирской историографии» (стр. 10). Такой этап открывается лишь Великой Октябрьской социалистической революцией.

Недостаточно оценена В. Г. Мирзоевым историография темы — она бедна в целом, но все же не в такой мере, как это представлено в книге. Прежде всего сам автор называет труды некоторых своих предшественников — А. Н. Пыпина, В. И. Огородникова, С. В. Бахрушина, А. И. Андреева. Следовало бы упомянуть также работы И. Дьячковского и В. И. Николаева о роли сибирских ссыльных в изучении края, М. Г. Худякова о сибирском областничестве, П. И. Бартанова, В. И. Николаева, Л. П. Потапова об историческом изучении Бурятии, Якутского края, Алтая, сказать о той (правда, недостаточной) историографической работе, которой сопровождалось создание истории автономных республик Сибири. Довольно обширна литература о крупнейшей истории Сибири — Ю. Крижаниче, С. У. Ремезове, П. А. Слоцове, декабристах, А. П. Шапове, В. И. Семевском, об областниках. Оценок этой литературы в книге В. Г. Мирзоева, к сожалению, нет ни во введении, ни в соответствующих разделах, а между тем названные историки характеризовались в литературе различно. Таким образом, у историографии Сибири есть своя историография, и автору не следовало ее опускать.

Выделяя те или иные направления в сибирской историографии, В. Г. Мирзоев не придерживается единых критериев. Так,

на стр. 10 он пишет лишь о социально-политических признаках направлений, но на деле не придерживается и этих критериев. Количество выделенных в книге направлений чрезвычайно обширно: народные воззрения на историю, дворянское и официальное, просветительное, демократическое, буржуазное, революционно-дворянское, областническое. Не слишком ли много направлений? Если следовать за В. Г. Мирзоевым, то окажется, что направлений в сибирской историографии было больше, чем в общероссийской и она, следовательно, является богаче последней. Неопределенность критериев при характеристике тех или иных направлений наблюдается и в дальнейшем изложении. Так, на стр. 102 не охарактеризованы основные черты просветительского направления, в гл. 4 не показано отношение А. Н. Радищева к просветительству, на стр. 167—168 своеобразие буржуазного направления сведено лишь к смежной проблематике. Все это свидетельствует о том, что вопросы, поставленные В. Г. Мирзоевым, требуют дальнейшего изучения и нуждаются в уточнениях.

В книге имеются и ошибки. Так, на стр. 10 и 263 демократическому направлению в сибирской историографии приписывается материалистическое понимание истории, и тем самым его представители (А. П. Шапов и др.) ставятся, по существу, выше даже Н. Г. Чернышевского, у которого, как известно, были лишь материалистические тенденции в истолковании истории. Это явная идеализация демократического направления в сибирской историографии.

В книге недооценивается роль С. У. Ремезова в сибирской историографии. Черты провиденциализма в его концепции, канонизация Ермака и риторические недостатки «Истории Сибирской» В. Г. Мирзоевым преувеличены. В то же время ничего не сказано о плодотворных занятиях С. У. Ремезова географией, топографией и этнографией Сибири, что весьма обогащало его исторические взгляды. Крайне лаконично изложены воззрения И. Н. Болтина. Новые черты концепции этого оригинального историка, их влияние на изучение вопросов истории Сибири в книге не выявлены. Идеализируются В. Г. Мирзоевым воззрения В. М. Головина. Налет идеализации лежит и на неумеренно обширном очерке о А. П. Шапове.

Предшествующие работы В. Г. Мирзоева были перегружены материалами об экспедициях, а также географическими, этно-

графическими, археологическими сведениями. В разделах монографии, касающихся XVIII в., этот недостаток успешно преодолен, однако применительно к XIX в. он в известной мере сохранился. Хотя данный материал и сосредоточен в двух вводных главах к разделам, посвященным сибирской историографии первой и второй половины XIX в., дело от этого мало изменяется. Главы эти перегружены материалами, подчас слабо или совершенно не связанными с историографией Сибири.

Кризис буржуазно-дворянского направления следовало оценить в книге более глубоко и доказательно (стр. 352—353). Итоговая оценка воззрений Н. А. Фирсова (стр. 359—360), в которой непомерно подчеркиваются их слабые стороны, вызы-

вает сомнение. Изучение положения сибирских народов, предпринятое этим историком, имело для своего времени положительное значение при всех недостатках его трудов. Вряд ли стоило писать специальный очерк о В. К. Андриевиче (стр. 385—387) — историке малозначительном, неквалифицированном, а тем более изображать его индивидуальные недостатки как характерные особенности направления, к которому он относился.

В целом книга В. Г. Мирзоева — заметное явление в советской историографической литературе. Вместе с тем она убеждает в том, что нужна еще значительная работа по дальнейшему изучению сибирской историографии.

В. Е. Иллерицкий

А. П. ПРОНШТЕЙН. *Методика исторического исследования*. Ростов н/Д. Изд-во Ростовского университета. 1971. 468 стр. Тираж 1 900. Цена 1 руб. 95 коп.

Литература по методике исторического исследования пока еще бедна и не заняла подобающего ей места в деле подготовки историков-исследователей. А между тем нередко приходится сталкиваться с неумением историков взять из источника то, что он может дать, и даже с потребительским отношением к нему. Поэтому выход в свет книги профессора Ростовского университета доктора исторических наук А. П. Пронштейна должен быть признан своевременным и целесообразным. Автор зарекомендовал себя как крупный специалист по истории феодализма в России, а в последние годы успешно трудится над проблемами источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

Достоинства книги в значительной мере определяются большим педагогическим опытом и широкой эрудицией автора, что дает ему возможность привлекать данные не только вспомогательных исторических, но и смежных с исторической наукой дисциплин: юриспруденции, лингвистики, литературоведения и др. Исходя из методологических основ марксистско-ленинской науки, А. П. Пронштейн показывает, что методика исторического исследования содержит «анализ способов, с помощью которых решаются задачи изучения исторических источников в

их последовательности. Сюда входят изучение методов прочтения и уяснения содержания источника, дошедшего до нас в одном списке; восстановление оригинала по текстам, сохранившимся в нескольких видах, изводах и редакциях; истолкование исторических источников: установление времени, места, автора и условий их возникновения; выяснение научной значимости информации, заключенной в законодательстве, актовом материале и повествовательных источниках» (стр. 13). В работе рассматриваются те методы исторического исследования, которые применяются к анализу источников по истории России эпохи феодализма (точнее, до конца XVIII века). В начале книги дается характеристика и классификация письменных источников, а в конце говорится об их разыскании (эвристика). Основная же часть труда А. П. Пронштейна посвящена задачам правильного прочтения и уяснения источников, их датировке, атрибуции и определению подлинности.

Автор знакомит читателя с теоретической литературой по историческому источниковедению и освещает взгляды советских ученых по важнейшим источниковедческим проблемам. Книга учит глубокому, тщательно и всестороннему исследованию текста

источника и разнообразным методам исправления имеющихся в нем ошибок. В ней трактуются проблемы установления сложного состава памятников и выделения из него ранних редакций. Много внимания автор уделяет текстологическому исследованию источников, дошедших до нас в разных видах, изводах и редакциях. Большую роль А. П. Пронштейн отводит вопросам истолкования источников в целом, определению их научной ценности и содержащейся в них информации. Книга снабжена указателем имен и указателем исторических источников, который включает более 350 памятников, использованных автором в тексте.

На обороте титульного листа указано, что издание рассчитано на студентов, аспирантов, научных работников. И действительно, в нем содержится богатый материал, который будет полезен читателям с различным уровнем подготовки. Правда, адресовав книгу очень широкому кругу читателей, автор поставил себя в трудное положение. Дело в том, что некоторые рассматриваемые им вопросы останутся непонятными для тех, кто раньше ими не занимался. Например, студент, не изучавший вопросы исторической хронологии (а она преподается далеко не на всех исторических факультетах), не знает, что такое ультрамартовский год (стр. 118); не всякий студент осведомлен о том, что собою представляет школа библейской критики (стр. 120). Наоборот, некоторые разделы (в частности заключение) не обязательны для читателя квалифицированного. В дальнейшем методическую литературу целесообразнее было бы адресовать более определенному кругу читателей.

Достоинством труда А. П. Пронштейна является то, что автор не злоупотребляет дидактикой; его рекомендации, касающиеся методики работы с источником, обычно основаны на конкретных примерах и не формулируются в виде абстрактных нравочений. Развитие советского источниковедения, как известно, происходит в спорах и в дискуссиях. И А. П. Пронштейн информирует читателя об этих спорах. В монографии показаны преимущества советского источниковедения по сравнению с источниковедением буржуазным. Если для буржуазных ученых, пишет автор, задачи внутренней критики источника сводятся в основном к тому, чтобы «понять психологию и душевный склад автора источника, то советские историки стремятся выяснить прежде всего его классовые и политические позиции» (стр. 11).

Советские источниковеды не считают возможным решать в отрыве от политических и классовых воззрений автора источника и вопросы его внешней критики (стр. 11). Они продвигают вперед методику текстологического анализа, тесно связывая историю текста с развитием общественной жизни, с социальной, политической и идейной борьбой (стр. 126), стремятся изучать источник в целом, в связи с другими современными ему источниками и с деятельностью учреждений, из которых он исходил.

Сам А. П. Пронштейн, как правило, сочетает критический подход к дореволюционному буржуазному источниковедению с признанием тех заслуг, которые у буржуазных исследователей были. Хотелось бы только отметить недостаточное внимание автора к источниковедческим изысканиям А. Е. Преснякова, которому принадлежит, в частности, большая заслуга в деле изучения духовных и договорных грамот князей в связи с летописными текстами, то есть в связи с политическими событиями того времени, когда грамоты возникли. Хотя А. Е. Пресняков (как и А. А. Шахматов) не принимал в расчет социально-экономическую обстановку, но уже учитывал обстановку политическую; в этом отношении он является предшественником Л. В. Черепнина.

Книга А. П. Пронштейна насыщена многочисленными примерами и образцами, на которых демонстрируются методы исследовательской работы. Однако из-за обилия примеров автор иногда лишает себя возможности показать читателю, в чем заключается мастерство исторического анализа. Так, на стр. 138—139 лишь вскользь упоминается о том, что методы сравнительно-исторического анализа позволили А. А. Зимину успешно провести работу над собранием ханских ярлыков русским митрополитам. На стр. 115 автор пишет, что помещенная в Лаврентьевской и Троицкой летописях под 1116 г. запись Сильвестра послужила А. А. Шахматову одним из главных оснований для выделения Повести временных лет в отдельный памятник. Этот абзац без пояснений понятен лишь специалистам. То же следует сказать и о сопоставлении летописного текста 977 г. (из которого явствует, что останки князя Олега Святославича покоятся у Вручего «и до сего дне») и текста 1044 г. (в котором речь идет о перезахоронении останков князя — стр. 116). Вместо того, чтобы показать, как А. А. Шахматов использовал эти противоречивые показания Повести временных лет при выявлении и да-

тировке предыдущих сводов, вошедших в данный памятник, А. П. Пронштейн ограничился фразой о том, что «эти и другие подобные наблюдения привели А. А. Шахматова к заключению, что первоначальный текст Новгородской первой летописи был иным, но в дальнейшем он дополнялся известиями, взятыми из других источников» (стр. 116).

Хотелось бы остановиться на интерпретации автором некоторых материалов. Как известно, план постепенного освобождения земледельцев в России, содержащийся в главе «Хотиллов» (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву), вызвал в литературе много разных толкований. А. П. Пронштейн только упоминает о попытке некоторых дворянских и буржуазных историков использовать этот план для изображения А. Н. Радищева либералом и опровергает данное мнение ссылками на другие места «Путешествия» (стр. 171). Но он не пишет о том, что советские историки дали несколько различных толкований главы «Хотиллов», основанных на анализе самого плана постепенного освобождения крестьян, а не только на сопоставлении его с другими местами «Путешествия».

Можно согласиться с теми соображениями, которые А. П. Пронштейн высказывает о взглядах И. Т. Посошкова и об их классовой природе. Однако следовало бы упомянуть о том, что предложенная интерпретация этого источника может быть дополнена множеством других толкований и что она никак не исчерпывает содержания «Книги о скудости и богатстве». Об этом нужно было сказать потому, что рассуждения о данной книге приведены для подтверждения следующего тезиса: «Задачей

интерпретации повествовательных источников является раскрытие заключенных в них мыслей во всей полноте словарно-вещественного и логического содержания» (стр. 168). Вряд ли интерпретатор может ставить перед собою задачу выявить все, что содержится в источнике. Новому исследователю, возможно, удастся найти в «Книге о скудости и богатстве» мысли, которые остались не замеченными его предшественниками. Но научная интерпретация действительно должна наиболее полно и глубоко раскрывать мысли, заключенные в повествовательном источнике.

Иногда А. П. Пронштейн не отмечает, что некоторые рекомендуемые им образцы толкования источника являются спорными. Так, на стр. 134—137 говорится, что Правда Ярославичей была ответом на восстание 1068—1071 гг.; что текст Пространной Правды перерабатывался в связи с волнениями в Киеве в 1146—1147 гг. и народным восстанием во Владимиро-Суздальской земле; что окончательное создание Пространной Правды было связано с волнениями в Новгороде в 1209 (по В. Л. Янину — в 1207) году. Автору следовало бы отметить, что эти интересные соображения М. Н. Тихомирова и Л. В. Черепнина о связи между кодификацией и указанными восстаниями пока еще являются гипотезами.

Мы подробно останавливались на недостатках очень полезной и ценной работы А. П. Пронштейна, имея в виду, целесообразность ее переиздания, а также то, что она может послужить стимулом для создания других трудов о методике исследовательской работы историков.

В. В. Мавродин, А. Л. Шапиро

В. Я. БАСИН. *Россия и казахские ханства в XVI—XVIII веках.* Алма-Ата. 1971. 274 стр. Тираж 3 000. Цена 1 руб. 84 коп.

Монография старшего научного сотрудника Института истории Казахской Академии наук кандидата исторических наук В. Я. Басина затрагивает актуальную проблему становления и развития исторических связей национальных окраин с Россией, их вхождения в состав Русского государства. Автор попытался более широко, чем его предшественники, поставить вопрос о роли Казахстана во внешней политике России и

в международных отношениях. Такая целенаправленность работы обусловила ее содержание: русско-казахские отношения рассматриваются в широких хронологических рамках — XVI—XVIII вв. с экскурсами в первую половину XIX века. Таким образом, автор стремится осмыслить затянувшийся процесс присоединения Казахстана к России, проследить этапы и тенденции восточной политики царизма в свя-

зи со сложным внешнеполитическим положением Казахстана (взаимоотношения с Джунгарией и Китайской империей). Поэтому акцент сделан в книге на дипломатических связях (посольских отношениях) и на роли Казахстана в международной политике.

Монография основана главным образом на опубликованных материалах, в той или иной мере использованных и другими историками. Однако она свидетельствует о назревшей потребности обобщить большой конкретно-исторический материал, о необходимости серьезно оценить путь, пройденный советской исторической наукой Казахстана. Стремясь рассмотреть восточную политику России на широком фоне всей ее внешней политики, В. Я. Басин утверждает, что решение восточного вопроса в XVIII в. заключалось в том, чтобы обеспечить безопасность южных границ, добиться выхода из Черного моря в Средиземное, прорубить «южное окно» в Европу и на Восток (стр. 62). Поэтому значительное внимание он уделяет внешней политике Петра I, когда восточная политика осложнялась столкновениями с западными державами (Францией, Англией и др.). Связывая политику Петра I с «ускоренным развитием капитализма» в России в первой четверти XVIII в. (стр. 68), автор забывает о том, что выше он сам писал, что лишь в конце XIX — начале XX в. «Россия переживала сложный и бурный процесс становления капиталистических отношений» (стр. 21). Без дополнительных комментариев данное сопоставление выглядит как противоречие, не объясняющее позицию автора в этом сложном вопросе. Думается, что вообще следовало бы несколько расширить текст о политике Петра I по отношению к Казахстану и Средней Азии, поскольку автор утверждает, что уже в первом десятилетии XVIII в. «активизировалась политика Петра I в сторону казахской степи» (стр. 72).

Говоря о большом значении завоевания Россией Казанского и Астраханского ханств в активизации восточной политики (стр. 52—55), а также о расширении торговых связей России в XVII в., В. Я. Басин не уделяет должного внимания торговле России со Средней Азией через Сибирь и казахские степи. Здесь следовало бы использовать ценную публикацию «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР» (т. I. Л. 1932), а также исследования о русской торговле с Восто-

ком через Сибирь¹. Эта часть работы перегружена фактами, не имеющими прямого отношения к восточной политике, связанными с русско-польскими, русско-украинскими и русско-грузинскими отношениями. Создается впечатление, что автор несколько преувеличивает роль Казахстана в международных отношениях XVII века.

Автор ограничился весьма лаконичной характеристикой социально-экономических отношений и политического строя Казахстана в XVIII в. (стр. 120—121). Ссылки на советскую историографию не исключают необходимости рассмотрения данных вопросов в аспекте изучаемой темы. Это важно для понимания того, почему процесс вхождения казахских ханств в состав России затянулся больше чем на столетие, вплоть до 40-х годов XIX века. Фактически в работе речь идет о взаимоотношениях царского правительства и его администрации с казахскими ханами и султанами, имена которых нередко не связываются ни с территорией их владений, ни с подвластным населением. На основании книги нельзя составить представление, как в процессе развития русско-казахских отношений формировались политические связи с отдельными ханствами, как распространялось влияние России на различные регионы Казахстана. Характеристики отдельных представителей ханской власти, данные с налетом идеализации («могущественный хан Касым», «талантливый хан Хакк-Назар», «дальновидный политик хан Тауке», «могущественный владетель Бухары Абдулла-хан» и пр.—стр. 82, 105 и др.), не помогают объективно оценить их реальную роль в казахских ханствах и во взаимоотношениях с Россией.

Из поля зрения В. Я. Басина выпала основная масса населения казахских ханств—рядовые кочевники-скотоводы. Немногие приведенные цитаты из документов, в которых содержатся оценки настроений народных масс, сделанные представителями ханской власти, не сопровождаются авторскими комментариями и искажают действительность. Говоря о слабости хана Абулхаира и его намерении укрепить свою власть путем принятия российского подданства и получения военной помощи от России, автор явно преувеличивает

¹ Х. Зияев. Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XVIII—XIX вв.). Автореферат докторской диссертации. Ташкент. 1964; О. Н. Вилков. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М. 1967.

«власть и авторитет среди широких масс кочевников» 399 «самых видных владельцев Младшего жуза», принявших российское подданство (стр. 154). Вряд ли и представители родовой знати (бины и батыры), эксплуатировавшие феодально-зависимое население путем всевозможных поборов, могли обеспечить себе «безраздельное влияние» и непоколебимый авторитет среди широких масс; тяготение населения к России было вызвано надеждой избавиться от военных нападений со стороны Джунгарии.

Рассматривая «становление русско-казахских взаимоотношений», автор утверждает, что «связи казахских ханств с Россией прослеживаются задолго до XVI в.», что эти связи стали «весьма заметными» уже «после освобождения России от золотоордынского ига» (стр. 75—76). Известно, что процесс формирования этнической территории казахов и ранних государственных образований у них был длительным. Можно ли говорить о том, что «контакты между... русскими и казахами возникли на основе политических интересов» (стр. 78) в то время, когда казахская народность еще не сложилась? Не слишком ли категорично звучит вывод автора о том, что «вскоре после возникновения казахского этнополитического союза с ним устанавливаются уже дипломатические, политические и хозяйственные отношения, причем... они носили не эпизодический характер, а являлись прочно сложившейся системой» (стр. 77)? Становление казахско-русских отношений следовало бы увязать с формированием казахской народности и образованием казахских ханств.

Присоединение Казахстана к России представляет собою сложный и длительный процесс. Однако стремление В. Я. Басина определить его хронологические грани не внесло ясности в этот вопрос, а попытки пересмотреть и уточнить даты присоединения отдельных частей Казахстана (Младшего и Среднего жузов) свидетельствуют о невнимательном обращении с датами, установленными советской историографией. В 1731 г. с принятием российского подданства ханом Семске была присоединена к России часть Среднего жуза². Автор

же утверждает, что в литературе якобы считается, что в 1731 г. в состав России вошел весь Средний жуз. Почему-то не указана дата, положившая начало присоединению к России Младшего жуза — 10 октября 1731 г., когда была оформлена присяга хана Абулхайра и 30 старшин этого жуза³. Недостаточная осведомленность В. Я. Басина в литературе вопроса не давала ему оснований для неправильного толкования ее выводов. В книге преувеличена растянутость присоединения Младшего жуза (стр. 153—154). Невнимательность при использовании журнала начальника Оренбургской комиссии В. Урусова (1740 г.) привела к ошибкам: 28 и 29 августа 1740 г. состоялась присяга на подданство России не только старшин Младшего жуза, 28 августа в числе 399 чел. присягали 128 старшин Среднего жуза⁴.

В. Я. Басин не учитывает того обстоятельства, что дата написания или отправления документа не всегда синхронна с датой зафиксированного в нем факта. Начало присоединения Казахстана к России определяется временем присяги принявших подданство, а не донесением об этом факте русского посла А. Тевкелева от 5 января 1732 г. (см. стр. 156—157). Неточны и даты принятия российского подданства отдельными представителями ханской власти и феодальной знати (стр. 144, 157), а также первоначальных и повторных присяг. Таким образом, усложняется выяснение разновременных этапов перехода казахских ханств под протекторат России.

Проблема безопасности юго-восточных границ ведет В. Я. Басина к изучению казахско-джунгарских отношений и политики царской России в этом вопросе. Автор неоднократно пишет о «владычестве» Джунгарии, установившемся в Юго-Восточном Казахстане (точнее, в Старшем жузе) после военного вторжения 1741—1742 годов. Возникает вопрос: существовала ли экономическая зависимость Юго-Восточного Казахстана от джунгарских властей и в чем она заключалась? К сожалению, книга В. Я. Басина не дает на него ответа. На стр. 189 приводится дата Семилетней войны (1756—1763 гг.) и написано следующее: «В это самое время хан Туралы и его окружение готовили поход в Старший жуз, находив-

² См. Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата. 1948, стр. 238; е е же. Экономические и политические связи Казахстана с Россией. М. 1960, стр. 115; «История Казахской ССР». Т. 1. Алма-Ата. 1957, стр. 241.

³ «История Казахской ССР». Т. I, стр. 238.

⁴ См. «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.». Сборник документов. Алма-Ата. 1961, стр. 153.

шийся под властью Джунгарии». Известно, что в 1758 г. Джунгария была оккупирована Китайской империей, а претензии джунгарских правителей на власть в Старшем жузе были значительно нейтрализованы уже в 1743 г. направленным из России посольством К. Миллера: ему удалось освободить из джунгарского плена султана Среднего жуза Аблая и дать понять, что значительная часть Казахстана уже находится под протекторатом России, а потому необходимо прекратить все «непристойные требования» и военные вторжения. Попытка джунгарского хунтайджи вступить в «дипломатический брак» с родственницей хана Нуралы (наложницей его отца) не является достаточным аргументом для вывода о существовании «прямого контакта между казахской степью и Джунгарией» (стр. 192). Трудно представить, что было уже забыто военное нападение 1741—1742 гг., явившееся и на этот раз огромным народным бедствием.

На основании монографии создается впечатление, что все претензии джунгарских властей (в частности требования аманатов — заложников) осуществлялись. Автор почему-то умалчивает о том, что в документах содержатся данные о категорических отказах посылать аманатов в Джунгарию «без царского указа», несмотря на то, что джунгарский правитель Галдан-Церен угрожал войной. Такие искажения ведут к неправильным оценкам событий.

Непонятна в трактовке В. Я. Басина политическая ориентация султанов Младшего жуза (сыновей состоявшего в российском подданстве хана Абулхаира), якобы пославших «своих лазутчиков в Джунгарию» с известием, что избрание в ханы их старшего брата Нуралы «получит юридическую силу после утверждения в Петербурге». Почему они в таком случае «предлагали мир и дружбу Джунгарии» (стр. 182)? Ведь после утверждения в ханском звании Нуралы его братья укрепили свое положение, сделавшись «владельцами» крупных родоплеменных объединений без помощи джунгарских властей. Ошибочно представление о том, что после нападения Джунгарии 1741—1742 гг. серьезным препятствием в развитии русско-казахских отношений была активная джунгарская ориентация некоторых представителей казахской феодальной знати (султанов и биев). Почему-то остались вне поля зрения автора существенные факты, говорящие о назревавшем тяготении к России Старшего жуза уже в 30-е го-

ды XVIII века. В начале апреля 1734 г. принял подданство России хан Жолбарс, а 10 июня того же года русское правительство удовлетворило просьбу и родовой знати Старшего жуза о принятии ее в российское подданство⁵. Так началось присоединение к России Юго-Восточного Казахстана, завершившееся в 1847 году.

Употребление термина «подданство», имевшего место в правовых отношениях Русского государства и зафиксированного в законодательных актах и других документах, не исключает раскрытия его содержания, изменявшегося в различных исторических условиях, о чем свидетельствуют ссылки автора на работы других историков (стр. 253—254). Вывод о том, что во взаимоотношениях с Казахстаном «Россия умело использовала... несколько видоизмененный институт протектората, который сочетался с элементами вассалитета» (стр. 260), не вызывает возражений, если он сформулирован применительно к XVIII веку. Верно, что Россия сыграла немаловажную роль в обеспечении безопасности юго-восточных рубежей и в разрядке напряженности внешнеполитического положения Казахстана. Но В. Я. Басин почему-то не вспоминает о том, что многократные обещания военной помощи России со стороны казахских ханств фактически не осуществлялись. Такие обещания фигурировали лишь в условиях подданства, в переговорах с посольствами, в дипломатической переписке. Не были реализованы и намерения русского правительства использовать казахов в Семилетней войне, в конных отрядах и пр. В. Я. Басин пишет, что «после подписания указа императрицы от 19 февраля 1731 г. о подданстве казахов казахские ханства превратились в вассальные» (стр. 252). Это положение не вяжется с пониманием подданства как протектората с элементами вассалитета. Видимо, решение вопроса о формах взаимоотношений Казахстана с Россией требует более тщательного изучения всего процесса присоединения Казахстана к России.

«Введение» к книге не дает представления об ее источниковедческой базе. Обзор использованных архивных материалов и других источников в нем нет. Немногие критические реплики в адрес источников не избавили В. Я. Басина от ошибок в датировке важных фактов, в трактовке казахско-джунгарских отношений и пр. Не удов-

⁵ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», док. №№ 45, 49, 54.

летворяет также структура и содержание «Краткого обзора литературы по теме». Автор включил в него наряду с работами буржуазных и советских историков донесения русских послов, записки С. Герберштейна, И. Фалька и другие повествовательные источники. Вместе с тем он не осуществил своего намерения дать критический анализ литературы по теме (стр. 39). Ограничившись лаконичной оценкой нескольких исследований (стр. 32—33), В. Я. Басин лишь напомнил в сноске 44 о существовании ряда работ, связанных в какой-то мере с его тематикой.

Некоторые оценки автора вызывают возражения. Неверно, что «лишь в 40-х годах XX в. закрепилась точка зрения о прогрессивности присоединения Казахстана к России» (стр. 31—32). Еще Ф. Энгельс указывал, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и

Центральной Азии...»⁶. Непонятно, что rozumeeт автор под «экстенсивностью» освещения материала в «Истории Казахской ССР» (стр. 4). Нельзя согласиться и с мнением о «хрестоматийной направленности» «Очерков истории Казахской ССР» (Л. 1941) М. П. Вяткина, проложившего основные пути в изучении истории Казахстана. Глухие ссылки на «ряд историков», без указаний их фамилий, и на «ряд работ», не названных в тексте и в постраничных сносках, снижают их критическую оценку. Можно было бы избежать искажений и неточностей в цитировании документов (стр. 142, 153 и др.), ошибок в ссылках на источники (стр. 146, 150, 152 и др.) и литературу (стр. 128, ссылка 16, стр. 157, ссылка 35, и др.).

Эти существенные недостатки следует учитывать при пользовании книгой.

Н. Г. Аполлова

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 27, стр. 242.

В. А. РЫЖИКОВ. «Социализм» по-лейбористски: мифы и реальность. М. Политиздат. 1971. 208 стр. Тираж 17 000. Цена 62 коп.

В происходящем сейчас во всем мире историческом противоборстве сил социализма и капитализма, прогресса и реакции определенное место занимает социал-реформизм, выступающий на стороне монополистической буржуазии. Проводя политику антикоммунизма, правые лидеры современной социал-демократии всячески стараются замаскировать свою неприглядную роль агенты капиталистов, пытаются сбить с толку широкие трудящиеся массы путем распространения лженаучных и псевдосоциалистических теорий и концепций. Своим антикоммунизмом, подчеркивал на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г. в Москве Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, нынешние правые вожди социал-демократии стремятся прикрыть полный отказ от социалистических целей, провал реформистского курса и капитуляцию перед государственно-монополистическим капитализмом¹. Вот почему можно лишь приветствовать появление каждой новой работы, в которой с марксистско-

ленинских позиций разоблачаются политика, идеология и практика современного социал-реформизма.

Работа кандидата юридических наук, доцента МГИМО В. А. Рыжикова представляет собой ретроспективный взгляд на историю английской лейбористской партии с момента ее зарождения до наших дней. Заслуга автора состоит прежде всего в том, что он освещает те «теневые стороны» британского лейборизма, которые не нашли еще должного анализа в трудах советских и зарубежных исследователей. Автор изучил обширную советскую и английскую научную и публицистическую литературу и дал обстоятельную оценку действий и мировоззрения государственных, политических и тред-юнионистских деятелей Англии. Читатель знакомится с идейно-политическими основами их оппортунизма, механизмом деятельности партийной машины лейбористов, закулисной кухней выхолащивания правыми лейбористскими и тред-юнионистскими лидерами прогрессивных резолюций, принимаемых низовыми организациями и представляемых на рассмотрение ежегодных конференций партии и конгресса тред-юнионов.

¹ См. «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва. 5—17 июня 1969 г.». М. 1969, стр. 80.

Какаясь межвоенного периода, В. А. Рыжиков анализирует основные вехи политики и идеологии британских социал-демократов как в период деятельности первых двух лейбористских правительств, так и во время пребывания лейбористов в оппозиции. Наибольший интерес здесь представляет раскрытие борьбы внутри их партии накануне второй мировой войны. Автор на примерах из внутривнутриполитической жизни Англии и ее внешней политики разоблачает выдумки о том, что после 1931 г. лейбористская партия якобы претерпела нечто вроде «социалистического возрождения» (см. стр. 80—90).

Большая часть книги обоснованно посвящена анализу политики и идеологии лейбористов во время нахождения их у власти и в период пребывания в оппозиции после второй мировой войны. Особое место занимает здесь характеристика антисоветского и империалистического курса внешней политики третьего лейбористского правительства К. Эттли (1945—1951 гг.). Автор привлекает при этом работы советских и зарубежных марксистов, а также английских буржуазных государственных и политических деятелей и ученых, опубликованные главным образом в последние годы и пока еще малоизвестные в советской историографии. Так, В. А. Рыжиков критически использует книги нынешнего лидера лейбористов Г. Вильсона «Необходимость британского социализма», «Задачи политики», «Задачи власти», а также его многочисленные выступления в парламенте, в печати и по телевидению. В работе (в ряде случаев впервые) привлекаются материалы о политике английских «социалистов» из исследований таких современных буржуазных английских ученых и публицистов, как П. Фут, У. Дэйвис, Э. Кей, А. Сэмсон, А. Шримсли, Г. Фэйрли, Е. Никольсон, Я. Гилмор, и других.

Наиболее удачен раздел, в котором идет речь о малоисследованной в советской исторической науке внутренней и внешней политике последнего лейбористского правительства (октябрь 1964 — июнь 1970 года). Большой фактический материал и данные, почерпнутые из английских источников и литературы последних лет и не получившие еще должного отражения в советской историографии, позволили автору убедительно показать, что это правительство фактически защищало и укрепляло позиции крупного монополистического капитала. Не меньший интерес представляет анализ внешней поли-

тики последнего лейбористского правительства.

В книге совершенно правильно подчеркивается, что в праволейбористских лидерах «большой бизнес» Англии увидел в 1964 г. столь необходимых ему в стремительный «атомный» век квалифицированных, экономически хорошо образованных и послушных управляющих. Самое же главное, что импонировало капиталистам, было заявление лидеров британских «социалистов» о том, что «лейбористская партия свято уважает частную собственность промышленников и их прибыли». «Не успела еще лейбористская администрация с комфортом расположиться на Уайт-холле,— пишет В. А. Рыжиков,— как министр экономики Браун, министр финансов Каллагэн, министр торговли Джэй да и сам премьер-министр заверили монополистов, что лейбористское правительство не собирается проводить каких-либо коренных преобразований, что оно намерено лишь заставить капитализм функционировать лучше, более слаженно, чем при консерваторах» (стр. 153—154). Книга напоминает, что накануне выборов лейбористы обещали ликвидировать безработицу, стабилизировать розничные цены, обеспечить ежегодный рост производства примерно на 5%. Эти обещания не были выполнены. Увеличение производства не превысило за годы правления лейбористов 2,3%, армия безработных возросла до 600 тыс. человек, а розничные цены поднялись на 23%. При этом проводилась антирабочая «политика цен и доходов», которая имела целью «замораживание» зарплаты. В то время, как военные расходы Великобритании в 1964—1970 гг. «съедали» львиную долю бюджетных ассигнований и в конце концов превысили 2,2 млрд. ф. ст., средства, выделяемые на здравоохранение и социальные нужды, составляли 9—12%. Автор констатирует, что все бюджеты правительства лейбористов отличались тем, что они, несмотря на обилие «социалистической» фразеологии и даже некоторых уступок трудящимся, в целом всегда отвечали интересам правящих кругов Англии.

До прихода к власти в 1964 г. праволейбористские лидеры резко критиковали консерваторов за их приверженность США и политику гонки вооружений, за стремление сохранить остатки британской колониальной империи, за отрицательное отношение к проблеме разоружения и враждебный СССР и другим социалистическим странам курс и т. д. Лейбористы справедливо отмечали при

этом, что такого рода политика ухудшает экономическое положение Англии и серьезно подрывает ее международный престиж. За пять с лишним лет, пишет В. А. Рыжиков, у лейбористского правительства Г. Вильсона имелась реальные возможности для претворения в жизнь широко разрекламированного им «социалистического» внешнеполитического курса. Однако на деле этого не произошло. В угоду «большому бизнесу» США и Англии и так называемым особым англо-американским отношениям лейбористы предали забвению свои конструктивные предложения и идеи о разрядке международной напряженности в Европе, о необходимости сотрудничества «между Востоком и Западом» и т. п. Последнее лейбористское правительство активно поддерживало американскую агрессию против вьетнамского народа и способствовало укреплению блока НАТО. Как правильно отмечается в книге, рано или поздно внутренняя и внешняя политика лейбористов должна была вызвать возмущение широких слоев трудового населения Англии. Расплата пришла 18 июня 1970 г.: в результате выборов к власти пришел консервативный кабинет Э. Хита.

Отмечая несомненные достоинства работы, которая охватывает историю лейбористов за семьдесят с лишним лет, нельзя вместе с тем не указать на ее недочеты и проблемы. Строго хронологический метод исследования был нарушен тем, что автор специально не анализировал политику правых лейбористов во время второй мировой войны. Недостаточно полно освещена деятельность лейбористов и в период их пребывания

в оппозиции (1951—1964 гг.). Автор бегло касается социально-экономических реформ правительства К. Эттли, хотя эти меры были крупным завоеванием трудового народа Англии. Вообще следовало бы более обстоятельно рассмотреть традиционную политику лейбористских правителей: одной рукой делать уступки трудящимся, а другой — отбирать их. Это замечание относится как к главе о политике кабинета К. Эттли, так и к главе, в которой анализируется деятельность правительства Г. Вильсона.

В работе встречаются также отдельные неточности (например, на стр. 125—126, где речь идет о судьбе четвертого пункта устава лейбористской партии, или на стр. 199, где автор повествует о метаморфозах лейбористской политики «к востоку от Суэца»). Есть в книге и не совсем удачные формулировки, примером чего могут служить страницы, посвященные «особым» англо-американским отношениям. Здесь надо было более четко и определенно отразить ту мысль, что британский империализм был и остается врагом мирового революционного процесса и разрядки международной напряженности, что вплоть до наших дней в различных областях международных отношений существует совпадение империалистических интересов правящих кругов Англии и США, которые, руководствуясь доктриной антикоммунизма, совместно организуют экспорт контрреволюции в различные страны, пытаются помешать справедливой борьбе народов за мир, независимость, свободу и социализм.

А. Н. Красильников

В. А. ТЮРИН. *Ачехская война (Из истории национально-освободительного движения в Индонезии)*. М.: Изд-во «Наука». 1970. 322 стр. Тираж 1 200. Цена 1 руб. 52 коп.

Ачехская война (1873—1913 гг.) — одна из самых ярких страниц в истории национально-освободительной борьбы не только Индонезии, но и всей Юго-Восточной Азии. В течение 40 лет небольшой и почти безоружный народ Аче — султаната на Северной Суматре — с неслыханным упорством отстаивал свою свободу и независимость от голландской колониальной державы, которая имела в своем распоряжении огромные

материальные и людские ресурсы. Память о мужественных героях Ачехской войны вдохновляла индонезийский народ в его борьбе за освобождение от колониального ига после второй мировой войны. Ачехская война привлекла к себе пристальное внимание и европейской общественности и мусульманского мира. О ней много писали и говорили. Между тем до сих пор ни в советской, ни в западной, ни в индонезийской

историографии не было проведено ее целостного исследования. Монография кандидата исторических наук В. А. Тюрина является первым опытом полного и всестороннего анализа истории этой войны.

Книга основана на обширном круге источников, на тщательном сопоставлении различных источников, на точном анализе их текста. Особую ценность ей придает использование всех доступных автору ачехских материалов, так же как и широкое привлечение голландских источников: парламентских документов, отчетов колониальной администрации, ведомственной переписки, обзоров военных действий, мемуаров, печати, частных писем и многочисленных публицистических произведений современников. В. А. Тюрин опирается также на публикации документов, вышедшие в других европейских странах, в том числе английские и русские, в частности на недавно изданный Институтом востоковедения АН СССР сборник архивных дипломатических документов «Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии (1871—1917)» (М. 1965).

Содержание книги значительно шире ее заглавия. Автор отнюдь не ограничивается описанием хода военных действий. В работе дается развернутый социально-экономический очерк ачехского общества перед войной, показаны расстановка социальных сил, характер взаимоотношений между светскими феодалами, духовенством и крестьянством, особая роль значительных пережитков родового строя. Излагая историю войны, В. А. Тюрин тщательно прослеживает те глубинные сдвиги, которые происходили в социальной структуре, политической организации, идеологии и военной системе Аче в ходе борьбы с голландскими колонизаторами. В то же время детально исследованы все зигзаги их политики, ее основные этапы и особенности в связи с внутренним политическим положением в самой Голландии и соперничеством различных партий в решении колониального вопроса. Автору удалось показать роль ачехского вопроса в политической жизни метрополии и его воздействие на развитие отношений Голландии с другими державами (Англией, США, Италией, Россией), которые имели свои интересы в Индонезии или других странах Восточной Азии.

Но главное внимание В. А. Тюрина все же сосредоточено на самой войне и ее влиянии на судьбы Северной Суматры. Он раз-

рабатывает подробную и четкую периодизацию войны, учитывая позиции разных социальных групп на отдельных ее этапах, изменение голландской военной политики и, наконец, специфические особенности тех географических районов, где оказывался эпицентр военных действий. В книге отражено своеобразие различных областей Аче, отсутствие между ними прочных внутренних связей (Великое Аче, Западное побережье, Северное и Восточное побережье, внутренние районы острова), которое мешало единству действий ачехского народа и в конечном счете стало одной из причин его поражения. Автор вскрывает также противоречивость интересов отдельных социальных групп, участвовавших в освободительной войне, которая также в конечном счете повлияла на трагическую развязку 40-летней борьбы. Но в то же время он отмечает и временное совпадение их интересов (в силу специфических условий ачехского общества), которое породило на редкость упорное сопротивление голландцам именно в этой части Индонезии.

Если в других странах Юго-Восточной Азии феодальная знать после первых серьезных поражений обычно отходила от освободительного движения и шла на соглашение с колонизаторами, то здесь она долго не складывала оружия и, более того, в течение последних восьми лет войны возглавляла сопротивление голландцам. Уже в последующие годы, когда часть князей капитулировала перед колонизаторами, при каждой, даже незначительной военной удаче многие из них вновь возвращались в лагерь освободительного движения. Причинами такой политики феодальной знати, заключает В. А. Тюрин, были, с одной стороны, известный архаизм ачехского общества, отсутствие непреодолимого барьера между князем и рядовым дружинником, выходцем из крестьян (что особенно характерно для внутренних районов Аче), а с другой — очень сильное (для феодального общества) развитие внешней торговли (что было особенно характерно для прибрежных районов, где доходы феодальной знати состояли не столько из земельной ренты, сколько из торговой прибыли от экспорта пряностей и других тропических продуктов, причем именно эту прибыль и грозило отнять у них голландское завоевание).

Интересен анализ второго периода войны. К началу 1881 г., после оккупации Голландией султанского домена и прилегаю-

ших к нему феодальных владений (области Великое Аче), феодальная знать отошла от руководства движением, а роль султанского двора стала практически ничтожной. К руководству пришло мусульманское духовенство (уламы) во главе с М. Саманом, которое, провозгласив лозунг «священной войны», в короткий срок сумело создать принципиально новое теократическое государство, построенное на законах шариата, в котором как светская феодальная знать, так и крестьянство оказались под контролем фанатически настроенного мусульманского духовенства. Как показано в книге, идеи социальной справедливости, вкрапленные в учение М. Самана, резко повысили политическую активность ачехского крестьянства, вызвали подъем освободительного движения, в ходе которого голландцы лишились почти всех завоеванных раньше территорий и в течение нескольких лет были вынуждены обороняться на крошечном плацдарме.

Автор выясняет, как по мере развития уламского государства духовные вожди начали постепенно перерождаться в обычных феодалов, как гасла надежда крестьян на социальную справедливость в шариатском государстве и соответственно нарастала их политическая апатия, падал энтузиазм в освободительной борьбе. Наряду с другими причинами это дало возможность голландцам вновь перейти в наступление на Аче во второй половине 90-х годов XIX века.

Третий этап освободительной войны (1896—1898 гг.), когда была сделана новая попытка объединить сопротивление колонизаторам под единым руководством, В. А. Тюрин связывает с именем национального героя Индонезии Теуку Умара. В книге анализируются его тщетные попытки наладить сотрудничество как с партией уламов-саманистов, так и с окрепшей к середине 90-х годов султанской партией. Несмотря на его блестящие военные и дипломатические способности, кратковременный единый фронт фактически распался еще при его жизни. Причиной этого послужила прежде всего слабость социальной базы, на которую опирался Теуку Умар. Четвертый период войны (1899—1903 гг.), выделенный В. А. Тюриным, характеризуется наступлением голландских войск и заканчивается практически поголовной гибелью или капитуляцией всех вождей сопротивления как из числа традиционной знати, так и из уламов. Феодальный класс Аче в целом приходит к соглашению с колониальной властью. Собы-

тия последнего этапа (1903—1913 гг.), когда сопротивление оказывают уже только разрозненные партизанские отряды, свидетельствуют, однако, какого накала достигла освободительная борьба ачехского народа. Голландцам потребовалось еще 10 лет энергичных действий специально созданных контрпартизанских групп, чтобы окончательно подавить народное сопротивление.

Монография написана хорошим литературным языком и, несмотря на большой объем, обилие фактического материала и сложность проблематики, легко читается. Особенно удались автору разделы, где даются яркие и запоминающиеся портретные характеристики вождей ачехского сопротивления и голландских колониальных деятелей (М. Самана, Хабиба, Теуку Умара, С. Хюргронье, ван Хэютса, ван Даалена и др.).

К числу недостатков книги следует отнести бедность ее картографических материалов. Двух разномасштабных карт совершенно недостаточно для обширной монографии, основным сюжетом которой служит военная история. Многие географические пункты, упомянутые в книге, вообще не попали на карты. Нет необходимой ясности в характеристике социальной программы Теуку Умара. В. А. Тюрин неоднократно подчеркивает непримиримую ненависть к нему традиционной феодальной знати и феодализирующихся уламов-саманистов и огромную любовь народа, сделавшего его главным героем эпоса об Ачехской войне. Все это, конечно, не случайно. Но чем, кроме своих военных подвигов, он заслужил такую любовь и такую ненависть, что он хотел сделать для народа? На эти вопросы работа не дает ответа.

Излишняя сжатость заключения породила недостаточную четкость некоторых формулировок, подводящих итоги исследования. На стр. 308 говорится, что на «втором этапе (1881—1913 гг.) по мере нарастания антифеодальных настроений крестьянства... к руководству движением пришли духовенство и деревенская верхушка». На той же странице автор пишет: «Ачехская война — национально-освободительное движение феодального типа... И духовенство и деревенская верхушка, руководившие сопротивлением с начала 80-х годов XIX в., не были в условиях Аче представителями буржуазного национализма. Даже создав военно-теократическое государство Самана, они остались на позициях «феодального национализма». Еще более ярко это проявилось в объеди-

нении Теуку Умара». Налицо логическое противоречие (руководство, выдвинутое ростом антифеодальных настроений крестьянства, осталось на позициях «феодального национализма»), которое может повлечь за собой упрек в игнорировании многослойности национально-освободительного движения в Аче и недооценке роли антифеодального крестьянского движения. Между тем в самой книге такого противоречия нет. Автор гораздо лучше отразил бы ее содержание, если бы разъяснил подробнее в заключении, что рожденное антифеодальным движением новое руководство в силу исторических условий могло

трансформироваться только в новый феодальный класс, как это не раз уже случилось в ходе крестьянских восстаний в различных частях света. И в плане конечного итога развития антифеодальной борьбы вообще все движение в целом можно назвать феодальным, так как оно не могло, естественно, ни вернуться к родо-племенным отношениям, к чему субъективно стремились крестьянские массы, ни превратиться в буржуазное, так как для этого еще не созрели условия. Такое пояснение устранило бы имеющееся в заключении книги видимое противоречие.

Э. О. Берзин

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ. *Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в.— начала 900-х годов*. Томск. Изд-во Томского университета. 1969. 408 стр. Тираж 700. Цена 2 руб. 20 коп.

Книга доктора исторических наук, профессора Томского университета Б. Г. Могильницкого посвящена исследованию идейно-методологических воззрений одного из течений русской либеральной медиевистики второй половины XIX в., которое автор определяет как «социально-экономическое направление», относя к нему И. В. Лучицкого, М. М. Ковалевского, Н. И. Кареева, П. Г. Виноградова, А. Н. Савина, Д. М. Петрушевского, Р. Ю. Виппера, В. К. Пискорского.

Объединяя эту группу историков в «социально-экономическое направление», Б. Г. Могильницкий руководствовался общностью их методологических воззрений, а также сходством леволиберальных политических взглядов, которые рассматриваются им на широком фоне политической и идейной борьбы, происходившей в изучаемое время в русском обществе. Выделение этого направления по таким критериям представляется вполне целесообразным, хотя вообще вопрос о принципах отнесения историков к тем или иным историографическим направлениям в советской литературе недостаточно разработан и требует еще специального изучения.

Автор уже известен своими работами, посвященными русской медиевистике 60-х годов XIX в.— 900-х годов и ее отдельным

представителям¹. Новая работа подводит некоторые итоги его многолетних исследований. В книге по ряду вопросов даны интересные сопоставления взглядов рассматриваемой группы историков с историческими воззрениями представителей аналогичных течений западноевропейской буржуазно-либеральной историографии.

Исследование Б. Г. Могильницкого отличается продуманностью в постановке проблем и аргументированностью выводов. Для него характерно стремление избежать каких-либо схем и шаблонов в оценке рассматриваемых историографических явлений, показать во всей конкретности сложность и противоречивость воззрений избранной им группы ученых.

Б. Г. Могильницкий во многом уточняет общепринятую характеристику политических взглядов этой группы ученых, принадлежащих, по его мнению, к левому крылу русского либерализма. Он совершенно правильно подчеркивает половинчатость и противоречивость их мировоззрения, в кото-

¹ См. Б. Г. Могильницкий. К вопросу о методологических основах исторических взглядов А. Н. Савина. «Средние века». Вып. XVI. 1969; его же. О некоторых аспектах отражения современности в трудах русских медиевистов. «Методологические и историографические вопросы исторической науки». Томск. 1966. Вып. 4 и др.

ром переплетались сочувствие к народу и чувство страха перед ним, осуждение самодержавия и паническая боязнь революции (стр. 36—37, 102—103, 401—402).

Рассматривая вопрос об отношении русской либеральной медиевистики конца XIX — начала XX в. к главным направлениям в европейской философской мысли того периода, автор хорошо показывает, в чем русские историки-либералы в общем следовали позитивистским социологическим канонам. Вместе с тем он отмечает, что отдельные позитивистские положения вызвали неудовлетворение у историков «социально-экономического направления», и это толкало их на поиски иных методологических принципов. Б. Г. Могильницкий не ограничивается утверждением, что на русскую буржуазную медиевистику марксистские идеи оказывали более заметное и плодотворное воздействие, чем на западноевропейскую (стр. 129—166), а конкретно анализирует, в чем оно заключалось. В то же время он выясняет, что либеральные историки, испытав на себе определенное влияние марксизма, не только не приняли материалистический принцип объяснения истории в целом, но и с середины 90-х годов XIX в. открыто нападали на него, обычно сводя его к вульгарному экономизму. Б. Г. Могильницкий почему-то обошел молчанием вопрос о влиянии на формирование методологии медиевистов «социально-экономического направления» русской историографической традиции, представленной Т. Н. Грановским и главным образом революционными демократами, в том числе и идеологами народничества. А между тем именно эти традиции в 70—80-е годы XIX в. в немалой степени обуславливали относительную прогрессивность русской медиевистики по сравнению с западной. Нельзя не пожалеть, что, констатировав важность и неразработанность этого вопроса (стр. 21), Б. Г. Могильницкий оставил его открытым.

В книге рассматриваются теоретические концепции западноевропейского феодализма, созданные медиевистами «социально-экономического направления», их понимание предмета и функций исторической науки, исторического прогресса, наконец, отношение этих историков к начавшемуся в 90-е годы XIX в. общему кризису буржуазной исторической мысли. Автор убедительно вскрывает противоречие между общетеоретическими и социологическими взглядами, в основе своей идеалистической методологией этих историков и их подходом к конкретно-

му изучению исторических явлений и процессов, в котором Б. Г. Могильницкий подмечает отдельные элементы материалистического истолкования истории, в частности признание определенной зависимости социального строя, политической организации общества, а отчасти и его идейной жизни от экономических отношений (стр. 235, 236, 251, 252, 255 и др.). Особый интерес представляют наблюдения Б. Г. Могильницкого над методическими приемами медиевистов «социально-экономического направления», например, о применении и усовершенствовании ими таких исследовательских методов, как сравнительно-исторический, ретроспективный и статистический (стр. 270—293). Думается, что автор правильно в целом решил сложную проблему об отражении в творчестве историков «социально-экономического направления» общего кризиса буржуазной исторической мысли, начавшегося в Западной Европе на рубеже XIX и XX веков. Отметив, что проявления этого кризиса ощущались в русской медиевистике с начала 90-х годов, Б. Г. Могильницкий показывает это на эволюции методологических воззрений отдельных ученых (Н. И. Кареева, Р. Ю. Виппера, Д. М. Петрушевского) в направлении субъективно-идеалистического понимания истории и исторического познания — в неокантианском или махистском духе (стр. 294—310).

Вместе с тем он справедливо указывает на то, что до 1905 г. такого рода тенденции не были господствующими среди историков «социально-экономического направления». Только после революции 1905 г., в связи с переходом русской либеральной буржуазии на контрреволюционные позиции, в русской медиевистике начался развернутый пересмотр историко-теоретических взглядов (стр. 404—405).

С точки зрения собственно медиевистики привлекает внимание анализ взглядов ученых «социально-экономического направления» на некоторые важнейшие проблемы истории феодального общества. Прежде всего Б. Г. Могильницкий выясняет понимание ими феодализма. Он показывает, как оно эволюционировало от чисто политико-юридического к компромиссному, двойственному, что выразилось в разделении феодализма на «политический» и «социальный». В конкретных исследованиях этих историков, пишет автор, на первый план выдвигался феодализм «социальный». Характерными признаками его считались не только господство вотчины и натурального

хозяйства, как это было принято и в западной медиевистике, но и сочетание крупного вотчинного землевладения с мелким крестьянским хозяйством. В своем большинстве эти ученые видели в последнем важный элемент сельского производства (стр. 320—321), что существенно обогатило русскую медиевистику тех лет. Отмечая, что русские медиевисты рассматриваемого направления счастливо избежали крайностей «романизма» и «германизма», так как в вопросе о происхождении западноевропейского феодализма придерживались теории «синтеза», Б. Г. Могильницкий, однако, проходит мимо того важного факта, что именно они были пионерами в разработке типологического решения проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. Они впервые отчетливо выделили, например, итальянский и английский варианты этого процесса (П. Г. Виноградов) и предприняли в целом плодотворные попытки сравнительно-исторического его рассмотрения применительно к разным народам и странам Западной Европы².

Б. Г. Могильницкий выясняет также, как решались в русской либеральной медиевистике конца XIX — начала XX в. проблемы общины и вотчины и взаимоотношений между ними. Он справедливо оттеняет ряд положительный сторон в интерпретации русскими историками общинной теории: их успешные поиски экономических основ существования и эволюции общины, удачные попытки периодизации ее истории в связи с эволюцией системы родства и отношений собственности (М. М. Ковалевский), пристальное внимание к судьбам не только свободной, но и крепостной общины периода развитого феодализма, когда она сосуществовала с вотчиной (П. Г. Виноградов, Д. М. Петрушевский). Жаль, однако, что Б. Г. Могильницкий коснулся лишь мимоходом и только в связи с общиной проблемы собственно вотчины в трудах этих ученых, которая, как известно, занимала заметное место во всех их построениях, так как в большинстве своем они были сторонниками так называемой классической вотчинной теории. Признавая изначально большую роль свободной общины в процессе генезиса феодализма применительно к раз-

витому феодализму, они неизменно выпячивали ведущую роль вотчины, считая общину на этом этапе как бы частью вотчины. Этот сюжет заслуживал большего места еще и потому, что в подходе к нему русская медиевистика конца XIX в., пожалуй, более всего приближалась к западной, повторяя ее многие ошибки, в частности рисуя феодальную вотчину как обязательно единообразную по своей структуре организацию и, главное, как воплощение социальной гармонии между феодалами и зависимыми крестьянами.

Хорошо показывает Б. Г. Могильницкий внутреннюю противоречивость трактовки средневекового государства и роли классовой борьбы при феодализме русскими медиевистами «социально-экономического направления». Оставаясь в теории сторонниками надклассовости государства, на практике многие из них (М. М. Ковалевский, Д. М. Петрушевский, А. Н. Савин и даже Н. И. Кареев) иногда принимались до понимания классовых тенденций в политике средневековых государств, особенно в сословной и абсолютной монархии. Точно так же в своих конкретных исследованиях они признавали классовую борьбу и в деревне и в городах важным фактором развития феодального общества, уделяя ей часто специальное внимание. Однако наряду с этим указанные ученые (особенно М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов и даже Д. М. Петрушевский в своем «Восстании Уста Тайлера») полагали, что в феодальном обществе классовая борьба отнюдь не была закономерной и необходимой и ее проявления следует рассматривать как признак разложения и болезни общества, а иногда как результат «неправильной» политики господствующего класса и правительства.

Автору удалось с большой конкретностью и тонкостью проследить противоречия в идейно-методологических воззрениях отдельных историков, особенно по конкретным проблемам. Менее удачно он характеризует системы их взглядов как применительно к отдельным историкам, так и всему направлению в целом. Это в первую очередь относится к общей оценке сущности методологических принципов историков «социально-экономического направления». Весь материал книги, и прежде всего вскрытая в ней сложность и противоречивость их воззрений, позволяет более определенно оценивать их методологию в целом как позитивистскую. Думается, что слож-

² Особенно в работах: М. М. Ковалевский. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Тт. I—II. М. 1898—1900; Д. М. Петрушевский. Очерки из истории средневекового общества и государства. М. 1907.

ность и противоречивость воззрений русских либеральных медиевистов конца XIX в. отражали прежде всего их принципиальный эклектизм, плюрализм в подходе к историческим явлениям, стремление примирить непримиримое — материализм с идеализмом, то есть как раз те черты, которые были характерны для позитивизма как философского и социологического течения. Напомним, что все эти историки были противниками монизма, причем не только материалистического, но и идеалистического. Конечно, можно их называть и просто «историками-идеалистами», как это делает Б. Г. Могильницкий (стр. 401—402). Однако здесь требуется уточнение относительно их дуализма, который в ту пору находил свое наиболее ясное и чистое выражение не только в Западной Европе, но и в России в позитивистском подходе к истории. Широкое распространение позитивизма в России в пореформенный период было связано с положением самой либеральной буржуазии в социальной структуре страны, с ее антиреволюционной настроенностью и враждебностью к диалектике и материализму. Отсюда эклектика и эволюционизм в мировоззрении и методологии истории. Даже когда русские медиевисты 70-х годов

XIX в. — 900-х годов критиковали О. Конта или Г. Спенсера или принимали отдельные элементы материалистического понимания истории, как это отчетливо прослежено на многих страницах книги, они все же не выходили за рамки общих позитивистских настроений. Поэтому если можно говорить о влиянии на этих историков материалистического понимания истории, в целом чуждого им, то применять этот термин — «влияние» для определения их отношения к позитивизму вряд ли правомерно, поскольку последний составлял плоть и кровь их собственного общеисторического мировоззрения. Эту плюралистическую, дуалистическую, эволюционистскую, в конечном счете позитивистскую основу в мировоззрении историков «социально-экономического направления» следовало бы подчеркнуть еще сильнее.

Исследование Б. Г. Могильницкого несет в себе обширную и весьма ценную информацию. Оно во многом обогащает наши представления о большой группе русских историков, оставивших заметный след в отечественной и мировой науке. Полезна она и с точки зрения предлагаемых автором приемов историографического исследования.

Е. В. Гутнова

А. Р. КОРСУНСКИЙ. *Готская Испания. (Очерки социально-экономической и политической истории)*. М. Изд-во МГУ. 1969. 326 стр. Тираж 1 600. Цена 1 руб. 44 коп.

В монографии доктора исторических наук, профессора МГУ А. Р. Корсунского рассмотрен первый этап складывания феодализма в готском королевстве на территории Испании (V—VII вв.). Автор давно занимается этой темой, и его многочисленные труды составляют весомую часть советской и зарубежной историографии генезиса феодального общества.

Проблема эта относится к числу важнейших и интереснейших не только для медиевистов, но и для историков других эпох, преимущественно в методологическом плане. Складывание феодального строя в недрах рабовладельческого или первобытно-общинного общества происходило медленно. Новые отношения лишь постепенно вытесняли или преобразовывали старые, создавались разнообразные переходные фор-

мы. Зарождавшийся феодальный строй укреплялся в той мере, в какой совершалось это вытеснение. Поэтому темпы и формы процесса зависели от специфики конкретных условий и в первую очередь от соотношения сил. Испания играет в этом плане особую роль даже в пределах Западной Европы, что придает книге особый интерес.

Немногочисленные германцы — примерно 5% от всего населения (стр. 69) — размещались в Испании очень неравномерно, заняв главным образом наиболее романизованную территорию на плато бассейна р. Дуэро. Очевидно, эти самые освоенные в ту пору земли привлекли завоевателей высоким естественным плодородием: они напоминали им северодунайские области, покинутые в 375 г. под напором гуннов. Во всяком случае, быстрое восприятие готами

римской агротехники не подлежит сомнению, тем более что они не добавили к ней ничего своего. Попад в страну, давно освоенную и плотно заселенную, победители Римского государства захватили $\frac{2}{3}$ земель (возможно, что в ряде случаев и больше) в ущерб не только крупному, но и прочему землевладению испано-римлян. Свое господство и государство готы основывали на всенной силе (местное население не допускалось в армию) и на использовании унаследованных от Рима гражданских учреждений, обладавших огромным воздействием на все общество в целом.

Для темпов и форм феодализации Испании наибольшее значение имело наличие товарных отношений, городов как ремесленных и административных центров, развитого рабства и римской, то есть полной, частной собственности на землю (аналогичные условия существовали и в Италии, однако лангобарды, сменившие там остготов в 560-х годах, в значительной степени их изменили). К тому же сами готы после своих более чем сорокалетних передвижений по Южной Европе утратили многие черты, присущие германцам той эпохи. Синтез сильных римских и ослабленных германских начал при политическом главенстве готов определил уникальную в своем роде специфику Испании на период в 300 лет вплоть до арабского завоевания. Исследователь имеет в своем распоряжении сравнительно обильный материал хронологически точно определяемых правовых источников, частных актов и хроник. Хотя хозяйственные памятники типа политиков отсутствуют, автор с большим мастерством собрал соответствующие сведения из разнообразных источников, так что картина получилась достаточно выразительная.

Наибольший интерес представляет не только очень быстрое появление у готов частной собственности на землю, но и сам процесс ее формирования. Решающим при этом было воздействие господствовавшей у испано-римлян римской формы собственности, обусловившей товарность земли. Ей противостоял у готов аллод обычного типа, то есть собственность малой семьи на усадьбу и пашни с сохранением за маркой прав и ограничений в ее пользу. Однако королевские земельные пожалования и купленные земли — а готы стали покупать землю с самого начала своего появления в Южной Галлии и Испании (стр. 58—59, 75—76) — выпадали из системы германско-аллодиального землевладения; благо-

приобретенным имуществом готы распоряжались, подобно испано-римлянам, совершенно свободно, и закон охранял их права. Таким образом, гот мог соединять в своем лице собственника римского типа и аллодиста. А. Р. Корсунский справедливо подчеркивает переплетение римских и германских порядков, длительное сосуществование и взаимодействие римской частной собственности и аллодиальной (стр. 49—50). На испанском материале отчетливо прослеживается мощное воздействие римского типа собственности на местное крупное землевладение знати и церкви. В силу этого бенефициальная система так и не получила в готской Испании заметного развития, несмотря на все усилия королевской власти. В конце VII в. знать имела право свободно распоряжаться королевскими пожалованиями (стр. 200—201).

Естественно, что в этих условиях феодализация социально-экономических отношений, то есть появление феодальной собственности, зависимого крестьянства как основного производящего класса и феодалов как эксплуататоров крестьянского труда встречала значительные трудности. Рабство пустило в римской Испании чрезвычайно глубокие корни и наложило на общество готской Испании (в VII в. слияние готов с местным населением в основном завершилось — стр. 155—156 и др.) заметное клеймо. Множество сведений, приведенных и суммированных автором (стр. 100—142), в том числе и о живучести практики обращения в рабство свободных людей при различных обстоятельствах, полностью подтверждают его вывод о том, что в Испании зависимые крестьяне имели своими предками преимущественно испано-римских рабов и отпущенников; колоны и разорившиеся готские земледельцы составляли лишь малую их часть (стр. 141—142). В связи с этим следует указать на известную нечеткость применяемой А. Р. Корсунским терминологии: он разделяет рабов и сервов как бы на две группы, называя сервами рабов, посаженных на землю и эволюционирующих в собственников орудий производства и своего хозяйства. Однако нередко термины «раб» и «серв» оказываются синонимами (см. стр. 104); кроме того, в советской историографии утвердилось понятие серважа как уже чисто феодальной формы зависимости, а в готской Испании она еще только формировалась. Отношения, унаследованные от римской рабовладельческой системы, несомненно, подверга-

лись изменению, предвеляя (но не более того) появление серважа как такового. Отметим также очень интересное явление. Характеризуя это общество с чрезвычайно сильными элементами римского строя, где рабы (как бы их ни называли) продолжают играть роль главной рабочей силы в крупном и среднем землевладении, автор приводит данные о том, что магнаты устанавливают свою власть также над деревнями, где живут и свободные крестьяне. К концу VII в. последние постепенно подпадают под административное влияние крупных землевладельцев (стр. 217—218). Аналогичные явления характерны и для начала процесса феодализации в обществах, не знавших развитого рабства (например, в Англии, Скандинавии и т. п.), и на завершающем этапе складывания феодализма (например, в Северной Франции в X—XI веках).

Социальной борьбе А. Р. Корсунский отводит особую главу. Великолепное знание источников дало ему возможность выделить два движения — багаудов и еретиков-присциллианистов, хотя и очень трудно выяснить социальную базу последних (стр. 256). Характерно, что в V в. наибольший размах движение багаудов приобрело в единственной римской провинции (Тарраконе), еще не находившейся под властью германцев. В нем приняли участие все эксплуатируемые слои населения (стр. 242—243). Массы крестьян и рабов в VI в. вели упорную борьбу уже не против римлян, а против государства, выражавшего интересы римской и готской знати (стр. 244—246). Однако само формирование нового строя было в Испании сильно задержано не просто пережитками рабовладельческого общества — термин «пережиток» здесь мало что объясняет; в книге четко показано, насколько глубоко все общество было еще пронизано именно системой рабства. Привнесенные или осуществленные готами перемены оказались недостаточно эффективными, чтобы сломить или хотя бы существенно изменить эту систему в течение исследуемого периода. Поэтому, может быть, следовало при оценке движения багаудов сильнее подчеркнуть его антирабовладельческую направленность.

Формирование готского государства в Испании протекало в своеобразной обстановке. Завоеватели упразднили верховную римскую власть в провинции, не уничтожив ни одного из римских институтов, управлявших жизнью и деятельностью 95% на-

селения. Вестготские короли возглавили имевшиеся местные органы, а в начале VI в. была официально санкционирована деятельность позднеримских учреждений государственного управления (стр. 269—271). Сохранилась римская налоговая система, суд даже в деревнях был в руках королевских (то есть государственных) судей. Центральная власть представляла собой соединение совета магнатов (светских и церковных) с прерогативами короля-военачальника. Его власти был чужд патримониальный характер, присущий, например, Меровингскому королевству. Высший административный орган был построен в значительной мере по позднеримскому и византийскому образцам (стр. 272—285). Общество в целом разделялось на четко отграниченные классы. Лишь для незначительной его части — готов (менее 5% всего населения) — характерна начальная стадия классовообразования. Из этих данных, очевидно, вытекает вывод о готском государстве как классовом институте, вобравшем в себя многочисленные учреждения позднеримской эпохи, при которых такие реликты военной демократии германцев, как народные собрания и выборность королей, должны были достаточно быстро отмереть сперва по существу, а затем и по форме. Иными словами, это королевство являлось переходной к феодализму государственной формой, но обладало при этом всеми функциями и органами государственной власти в центре и на местах. Поэтому вызывают недоумение некоторые суждения А. Р. Корсунского о «формировании государства» (стр. 262 и 272), о том, что «Вестготское королевство не сразу стало подлинным государством» (стр. 263), о «сочетании» остатков римской государственности и форм управления, свойственных военной демократии (стр. 297). Мало подходит к исследуемой эпохе и понятие централизованного государства (стр. 227 и 302). Переходные периоды в целом и отдельные их черты нуждаются в таких определениях, которые наиболее ярко и четко выявляли бы двойственный их характер и процесс преобразования подобной двойственности в новое качество. Было бы несправедливо полностью предъявить такой упрек автору: повсюду в книге и в заключении он все это учитывает. Однако у читателя все же может сложиться мнение, что такого рода двойственность представлена более как соединение (или переплетение) различных черт, присущих переходному пе-

риоду, чем как их своеобразное и органическое развитие.

Новая монография А. Р. Корсунского окажет большую помощь всем, кого интересуют не только конкретные судьбы гот-

ской Испании, положившей начало феодализму на Пиренейском полуострове, но и сложные проблемы смены общественно-экономических формаций вообще.

А. Д. Люблинская

НОВЫЕ КНИГИ

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924. Т. 2. 1905—1912. Под общ. ред. Г. Н. Голикова, В. Я. Зевина, Г. Д. Обичкина и А. А. Соловьева. М. Политгиздат. 1971. VIII, 720 стр. с илл. 47 000 экз. 1 руб. 42 коп.

История СССР

Алексеева Е. П. *Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии.* Вопросы этнического и социально-экономического развития. М. «Наука». 1971. 355 стр. с илл. 2 000 экз. 2 руб. 31 коп.

Арутюнян Ю. В. *Социальная структура сельского населения СССР.* М. «Мысль». 1971. 374 стр. 6 000 экз. 1 руб. 39 коп.

Афтенюк С. Я. *Ленинская национальная политика Коммунистической партии и образование советской государственности молдавского народа.* Кишинев. «Карта молдовенякэ». 1971. 392 стр. 2 000 экз. 1 руб. 88 коп.

Батуев Б. Б. *Партия большевиков — организатор победы Советской власти в Восточной Сибири.* Улан-Удэ. Бурятское книжное изд-во. 1971. 262 стр. 3 000 экз. 1 руб. 12 коп.

Беленкина Т. И. *Из истории классово-вой борьбы коми народа.* Сыктывкар. Коми книжное изд-во. 1971. 108 стр. 2 000 экз. 18 коп.

Буня М. *Глазовские находки.* Записки краеведа. Ижевск. «Удмуртия». 1971. 214 стр. с илл. 10 000 экз. 57 коп.

Бурджалов Э. Н. *Вторая русская революция.* Москва. Фронт. Периферия. М. «Наука». 1971. 463 стр. 2 500 экз. 2 руб. 9 коп.

Васильев Ю. М. *Рига.* Памятники зодчества. Рига. «Лиесма». 1971. 285 стр. с илл. 10 000 экз. 1 руб. 42 коп.

В братском союзе народов. 50 лет автономии Советской Калмыкии. Документы и материалы празднования. Сост. Н. У. Илишкин и И. С. Немичев. Элиста. Калмкнигоиздат. 1971. 154 стр. с илл. 1 000 экз. 46 коп.

Виктор Иванович Шунков. Вступит. статья С. О. Шмидта. Библиография сост. Р. И. Кузьменко. М. «Наука». 1971, 66 стр. 1 000 экз. 21 коп.— Выпуск посвящен чл.-корр. АН СССР, выдающемуся исследователю-историку.

В огне революционных боев. Районы Петрограда в двух революциях 1917 г. Сбор-

ник воспоминаний старых большевиков-пиртерцев. Глав. ред. Ф. Н. Петров. М. «Мысль». 1971. 383 стр. с илл. 14 000 экз. 1 руб. 25 коп.

Военные моряки в борьбе за власть Советов в Азербайджане и Прикаспии. 1918—1920 гг. Сборник документов. Сост. В. И. Александрова. Отв. ред. В. М. Ковальчук. Баку. «Элм». 1971. 392 стр. 1 200 экз. 1 руб. 50 коп.

Герои в бушлатах. Сост. М. Н. Гусев. Донецк. «Донбасс». 1971. 158 стр. с илл. 15 000 экз. 50 коп.— Сборник очерков и воспоминаний о моряках-донбассовцах, отличившихся в боях за Советскую Родину.

Гришин Г. Т. *Экономика Воронежской губернии и ее анализ в трудах В. И. Ленина.* Воронеж. Изд-во Воронежского ун-та. 1971. 207 стр. с илл. 1 300 экз. 1 руб. 36 коп.

Грудачев П. *Багряным путем гражданской.* Воспоминания. Симферополь. «Таврия». 1971. 130 стр. с илл. 15 000 экз. 35 коп.

Древнее поселение в Подмосковье. Отв. ред. Ю. А. Краснов. М. «Наука». 1971. 115 стр. с илл. 2 200 экз. 73 коп.— Сборник статей о Троицком городище.

Ежов В. Д. *Записки очевидца.* Предисл. В. С. Шумского. М. «Международные отношения». 1971. 175 стр. 40 000 экз. 24 коп.— Автор рассказывает о жизни и работе советских дипломатов в Западной Германии.

Жеребцов Л. Н. *Крестьянское жилище в Коми АССР.* Сыктывкар. Коми книжное изд-во. 1971. 96 стр. с илл. 1 000 экз. 48 коп.

Жукова Е. *Товарищ Богдан и его друзья.* М. «Московский рабочий». 1971. 104 стр. с илл. (Страницы героической истории). 50 000 экз. 12 коп.— Документальная повесть об агенте ленинской «Искры» И. В. Бабушкине и рабочих-революционерах, членах Орехово-Богородского комитета РСДРП.

Зарайск. Ред.-сост. Ю. Тюрин. М. «Советская Россия». 1971. 24 стр. с илл. (Памятники русского зодчества). 30 000 экз. 60 коп.

Зильманович Д. Я. *На орбите большой жизни.* Документально-мемуарное повествование о дважды Герое Советского Союза Я. В. Смушкевиче. Вильнюс. «Минтис». 1971. 287 стр. с илл. 5 000 экз. 1 руб. 33 коп.

Иванов В. И. и Чернопицкий П. Г. *Социалистическое строительство и классо-*

вая борьба на Дону, 1920—1937 гг. Исторический очерк. Ростов-на-Дону. Книжное изд-во. 1971. 191 стр. 3 000 экз. 44 коп.

Иоффе А. М. *Издательская деятельность большевиков в 1905—1907 гг.* М. «Книга». 1971. 256 стр. 2 000 экз. 1 руб. 32 коп.

Исследования по социально-политической истории России. Отв. ред. Н. Е. Носов. Л. «Наука». Ленинградское отделение. 1971. 399 стр. 2 500 экз. 1 руб. 98 коп.

История Бухарской и Хорезмской народных республик. Коллективная монография. Ред. П. В. Волобуев и др. М. «Наука». 1971. 253 стр. с илл. 2 600 экз. 1 руб. 48 коп.

История СССР с древнейших времен до наших дней. В 2-х сериях. В 12-ти томах. 2-я серия. Т. 7—12. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Глав. ред. Б. Н. Пономарев. Т. 9. Построение социализма в СССР. 1933—1941 гг. М. «Наука». 1971, 552 стр. с илл. 45 000 экз. 2 руб.

Калинин А. и Балдаев В. *Шушенский перевал* Иркутск. Восточно-Сибирское книжное изд-во. 1971. 111 стр. с илл. 10 000 экз. 12 коп.—Документальная повесть о польском революционере И. Л. Проминском, товарище В. И. Ленина по ссылке в Шушенском.

Кашуткин П. *Повесть о сибирском Чапаеве.* М. «Советская Россия». 1971. 175 стр. с илл. 50 000 экз. 46 коп.—Документальный очерк о герое гражданской войны П. Е. Шетинкине.

Киракосян Д. *Западная Армения в годы первой мировой войны.* Под ред. М. Г. Нерсисяна. Ереван. Изд-во Ереванского ун-та. 1971. 477 стр. 10 000 экз. 1 руб. 70 коп.

Колесникова М. и Колесников М. *Рихард Зорге.* М. «Молодая гвардия». 1971. 304 стр. с илл. 150 000 экз. 78 коп.

Кондакова Н. И. *Идейно-политическая работа Коммунистической партии в освобожденных районах РСФСР. 1941—1945 гг.* Научн. ред. Ю. П. Петров. Воронеж. Изд-во Воронежского ун-та. 1971. 303 стр. 3 000 экз. 1 руб. 75 коп.

КПСС. Справочник. 3-е, доп. и переработ. изд. Под ред. А. А. Соловьева. М. Политиздат. 1971. 414 стр. 200 000 экз. 81 коп.

Косачевская Е. М. *Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века.* Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1971. 271 стр. 1 600 экз. 1 руб. 25 коп.

Ленинский комсомол Армении. Очерки истории. Авт. А. Н. Карапетян и др. Ереван. «Айастан». 1971. 314 стр. с илл. 5 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Лукьянченко Т. В. *Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX—XX вв.* М. «Наука». 1971. 167 стр. с илл. 1 250 экз. 1 руб. 3 коп.

Маймескулов Л. Н., Рогожин А. И. и Сташис В. В. *Всеукраинская чрезвычайная комиссия, 1918—1922.* Харь-

ков. Изд-во Харьковского ун-та. 1971. 251^{*} стр. 5 000 экз. 1 руб. 46 коп.

Материалы по истории Коммунистической партии Таджикистана. Вып. 2. Ред. Ш. М. Султанов и др. Душанбе. «Ирфон». 1971. 275 стр. 3 000 экз. 52 коп.

Мержанов М. *Так это было.* Последние дни фашистского Берлина. М. Политиздат. 1971. 247 стр. с илл. 300 000 экз. 44 коп.—Воспоминания военного корреспондента.

Навечно в строю. Вып. 1. Сост. И. И. Андронов. М. Воениздат. 1971. 264 стр. с илл. 40 000 экз. 1 руб. 95 коп.—В альбоме рассказано о 150 войнах-героях, зачисленных навечно в списки личного состава частей, кораблей, военно-учебных заведений.

На левом фланге фронта. Сост. В. Ф. Гладков и И. С. Семиохин. Краснодар. Книжное изд-во. 1971. 280 стр. с илл. 30 000 экз. 1 руб. 46 коп.—Воспоминания и материалы о Новоросийско-Таманской наступательной операции.

Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941—май 1945 гг.). Библиографический указатель книжной и журнальной литературы на русском языке. 1941—1968 гг. Сост. Е. Б. Марголина. М. «Наука». 1971. 460 стр. 3 200 экз. 2 руб. 8 коп.

Некоторые вопросы ленинского учения о партии. Материалы научно-теоретической конференции преподавателей и аспирантов кафедры истории КПСС ЛГУ. Отв. ред. К. А. Кузнецов. Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1971. 96 стр. 5 335 экз. 44 коп.

Окладников А. П. и Береговая Н. А. *Древние поселения Баранова мыса.* Отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск. «Наука». Сибирское отделение. 1971. 214 стр. с илл. 1 300 экз. 1 руб. 39 коп.

Осуществление ленинского плана электрификации в Киргизии. Сборник документов. В 2-х ч. Ч. 2. Ред. И. Е. Семенов. Фрунзе. «Кыргызстан». 1971. 433 стр. 1 000 экз. 1 руб. 49 коп.

Плнев И. А. *В боях за освобождение Румынии, Венгрии, Чехословакии.* Орджоникидзе. «Ир». 1971. 160 стр. с илл. 15 000 экз. 32 коп.—Воспоминания дважды Героя Советского Союза, генерала армии.

Почко Н. *Генерал Н. Н. Раевский.* М. «Московский рабочий». 1971. 56 стр. с илл. (Герои Отечественной войны 1812 г.). 75 000 экз. 7 коп.

Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 8. Ред. С. Н. Семанов. М. «Молодая гвардия». 1971. 367 стр. с илл. 100 000 экз. 1 руб. 28 коп.

Русское искусство XVIII—первой половины XIX века. Материалы и исследования. Под ред. Т. В. Алексеевой. М. «Искусство». 1971. 359 стр. с илл. 20 000 экз. 3 руб. 40 коп.

Садыхзаде Ш. Г. *Древние украшения Азербайджана.* Баку. «Ишыг». 1971. 16 стр. с илл. 32 л. илл. 6 300 экз. 2 руб. 52 коп.—Текст на азербайджанском, русском и английском яз.

Сануков К. *Товарищ Влас. Йошкар-Ола*. Маркнигониздат. 1971. 120 стр. с илл. 4 000 экз. 22 коп.— Документальный очерк о замечательном большевике-ленинце В. М. Лихачеве.

Серман Б. Е. *Человек остается...* Предисл. С. С. Смирнова. Симферополь. «Таврия». 1971. 136 стр. с илл. 30 000 экз. 55 коп.— В сборник вошли записки, письма, страницы из дневников, рассказывающие о поисках героев подземного гарнизона Аджимущкая.

Смирнов Н. *От Москвы до Бреста*. Минск. «Беларусь». 1971. 127 стр. с илл. 100 000 экз. 24 коп.— Воспоминания о боевом пути кавалерийского отряда А. Флегонтова, сформированного под Москвой и совершившего в августе—октябре 1942 года семисоткилометровый путь от линии фронта до Червенского района Минской области.

Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Сборник документов. Ред. С. Дернберг, Х. Зайдевич, И. Н. Земсков и др. Т. 2. 1919—1922 гг. М. Политиздат. 1971. 596 стр. 1 руб. 67 коп.

Соловьев М. Е. В. И. Ленин о Февральской революции 1917 года в России. М. «Высшая школа». 1971. 104 стр. 10 000 экз. 13 коп.— Учебное пособие по курсу истории КПСС.

Стрешинский М. и Франтишев И. *Генерал Симоняк*. Документальная повесть. Изд. 2-е, испр. и доп. Предисл. М. Попова. Л. Лениздат. 1971. 367 стр. с илл. 50 000 экз. 76 коп.

Сунцов Н. П., Телешенко А. И. и Хвостиков М. П. *Краснознаменный Дальневосточный*. История Краснознаменного Дальневосточного военного округа. М. Воениздат. 1971. 343 стр. с илл. 56 000 экз. 1 руб. 15 коп.

Сычевский П. Ф. *В борьбе с самодержавием*. Благовещенск. Хабаровское книжное изд-во, Амурское отделение. 1971. 56 стр. 8 000 экз. 7 коп.

Таганрог. Историко-краеведческий очерк. Авт. Л. А. Бодик и др. Ростов-на-Дону. Книжное изд-во. 1971. 296 стр. с илл. 15 000 экз. 78 коп.

Татыбаев С. У. *Исторический опыт построения социализма в Каракалпакии. 1917—1941 гг.* Нукус. «Каракалпакия». 1971. 317 стр. 1 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Урланис Б. Ц. *Статистика населения*. М. «Статистика». 1971. 80 стр. 35 000 экз. 13 коп.

Федоров А. Г. *Авиация в битве под Москвой*. М. «Наука». 1971. 299 стр. с илл. 25 000 экз. 1 руб. 47 коп.

Фомин В. М. *Профсоюзы Белоруссии в борьбе за технический прогресс в промышленности. 1946—1971 гг.* Минск. «Наука и техника». 1971. 279 стр. 1 000 экз. 1 руб. 37 коп.

Хакушев Е. Т. *В боях за Кабардино-Балкарию. 1942—1943 гг.* Нальчик. «Эльбрус». 1971. 136 стр. 1 000 экз. 45 коп.

Шанидзе А. *Грузинский монастырь в Болгарии и его типик*, Грузинская редак-

ция типика. Тбилиси. «Мецниереба». 1971. 386 стр. с илл. 5 000 экз. 2 руб. 76 коп.— На грузинском и русском яз.

Шебунин А. И. *Сколько нами пройдено...* М. Воениздат. 1971. 173 стр. с илл. 65 000 экз. 56 коп.— В рядах Советской Армии автор воспоминаний прошел путь от командира артбатареи до заместителя министра обороны СССР.

Шиндялов Н. А. *За власть Советов. 1917—1922 гг.* Благовещенск. Хабаровское книжное изд-во, Амурское отделение. 1971. 56 стр. (Из истории Амурской областной партийной организации). 8 000 экз. 7 коп.

Штыхов Г. В. *Археологическая карта Белоруссии*. Памятники железного века и эпохи феодализма. Вып. 2. Под ред. Ф. В. Борисевича. Минск. «Польмя». 1971. 276 стр. с илл. 1 100 экз. 1 руб. 96 коп.

Шутов В. *Смерти смотрели в лицо*. Книга о донецком подполье. После сл. П. Богданова. Донецк. «Донбасс». 1971. 385 стр. с илл. 25 000 экз. 83 коп.

Юденков А. Ф. *Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории. 1941—1944 гг.* М. «Мысль». 1971. 358 стр. 6 000 экз. 1 руб. 75 коп.

Всеобщая история

Агаев С. Л. *Иран: внешняя политика и проблемы независимости. 1925—1941 гг.* М. «Наука». 1971. 360 стр. 2 900 экз. 1 руб. 32 коп.

Алаев Л. Б. *Такой я видел Индию*. М. «Наука». 1971. 319 стр. с илл. 50 000 экз. 96 коп.

Бажанов А. Т. *Органы юстиции Парижской Коммуны*. Казань. Изд-во Казанского ун-та. 1971. 138 стр. 1 500 экз. 93 коп.

Бодянский В. Л. *Современный Кувейт*. Справочник. М. «Наука». 1971. 327 стр. с илл. 8 600 экз. 1 руб. 36 коп.

Борисовский П. И. *Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии*. Л. «Наука». Ленинградское отделение. 1971. 174 стр. с илл. 3 100 экз. 1 руб. 3 коп.

Гус М. *Безумие свастики*. М. «Советский писатель». 1971. 400 стр. с илл. 30 000 экз. 75 коп.— В публицистических очерках писатель раскрывает социально-классовые и исторические корни германского милитаризма.

Ермаков В. и Колосов Л. *Какая она, Италия?* М. Политиздат. 1971. 288 стр. 50 000 экз. 41 коп.— Рассказывают собственные корреспонденты «Правды» и «Известий».

Зорина А. М. *Революционное движение на Кубе. 1917—1925 гг.* М. «Наука». 1971. 112 стр. 3 000 экз. 34 коп.

Иванов Н. А. *Кризис французского протектората в Тунисе. 1918—1939 гг.* М. «Наука». 1971. 400 стр. 1 300 экз. 1 руб. 78 коп.

История стран Азии и Африки в новое время. Отв. ред. Ф. М. Ацамба и др. М. Изд-во Московского ун-та. 1971. 622 стр. с илл. 10 000 экз. 2 руб. 20 коп.— Учебное пособие для университетов.

Митрохин Л. В. *Индия о Ленине*. В. И. Ленин в индийской публицистике и

воспоминаниях современников-индийцев. М. «Наука». 1971. 131 стр. с илл. 3 500 экз. 46 коп.

Никитин В. А. *США. Правый экстремизм — угроза демократии*. М. «Мысль». 1971. 412 стр. 4 500 экз. 1 руб. 68 коп.

Проблемы коммунистического движения в Индии. Авт. О. В. Плешов и др. М. «Мысль». 1971. 207 стр. 2 500 экз. 72 коп.

Розин В. и Сидоров Л. *Хризантемы у тюремной стены*. М. «Молодая гвардия». 1971. 207 стр. с илл. 50 000 экз. 40 коп.— Документальный материал, раскрывающий подрывную деятельность английской, американской и западногерманской разведок, а также международного сионизма.

Сидорова В. С. *Скульптура Древней Индии*. М. «Искусство». 1971. 87 стр. с илл. 20 000 экз. 2 руб. 67 коп.

Современная карта зарубежного мира. Административно-территориальное деление зарубежных стран. Справочник. Авт.-сост. А. Г. Шигер. 4-е изд., испр. и доп. М. «Мысль». 1971. 462 стр. с илл. 40 000 экз. 1 руб. 6 коп.

Тумаркин Д. Д. *Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820—1865 гг.* М. «Наука». 1971. 444 стр. с илл. 1 400 экз. 2 руб. 7 коп.

XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии. Прага. 25—29 мая 1971 г. М. Политиздат. 1971. 371 стр. 75 коп.

Шапошникова Л. В. *Годы и дни Мадраса*. М. «Наука». 1971. 383 стр. с илл. 30 000 экз. 1 руб. 26 коп.

Эпиграфика Востока. Вып. 20. Сборник статей. Под ред. В. А. Крачковской. Л. «Наука». Ленинградское отделение. 1971. 122 стр. с илл. 1 600 экз. 75 коп.

Книги, переведенные с иностранных языков

Валихновский Т. *Израиль и ФРГ*. Авториз. пер. с польского. М. «Прогресс». 1971. 168 стр. 32 коп.

X съезд Венгерской социалистической рабочей партии. Будапешт. 23—28 ноября 1970 г. Пер. с венгерского. М. Политиздат. 1971. 251 стр. 57 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

«Вопросы истории КПСС» № 11, 1971. В. А. Кадейкин. К вопросу о повышении научной обоснованности партийной работы в условиях развитого социалистического общества; В. Ф. Терехов. Программа интеграции стран социалистического содружества; В. П. Мишаков, Л. Б. Ястребов. Фальсификация проблем нэпа в западногерманской буржуазной историографии; И. А. Чемерисский. Коммунистическая партия — организатор борьбы с голодом (1921—1922 гг.); В. Д. Надточеев. Из истории борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией в Московской партийной организации; П. А. Борковский. Восстановление и организационное укрепление партийных организаций западных областей УССР (1944—1945 гг.); В. Я. Ашанин. О партийном строительстве как науке; **В. К. Габуня**. XXIV съезд КПСС о закономерностях строительства социализма и коммунизма; Р. Н. Соколов. Клемент Готвальд (К 75-летию со дня рождения); Л. М. Зак. Памяти Жана Фревиля; М. В. Котомкин. Из воспоминаний о Ленине; М. Ф. Медведев, В. М. Устинов. Обзор литературы по истории партийных организаций Средней Азии и Казахстана; Э. Э. Шкляр. Партия во главе боевого и трудового содружества советских народов в годы Великой Отечественной войны.

«Вопросы истории КПСС» № 12, 1971. К. Маркс о книге Ф. Листа «Национальная система политической экономии»; А. И. Соболев. Ленинизм и современные проблемы овладения законами революционной

борьбы; В. В. Горбунов. О ленинском подходе к вопросам партийного руководства культурным строительством; В. В. Иванов. В. И. Ленин о роли принципа историзма в научном познании; Г. М. Акопов. Важный шаг в осуществлении программы мира; И. Ф. Суворов. Партийные организации в борьбе за повышение творческой активности инженерно-технических кадров в промышленности (1966—1970 гг.); А. Ф. Затулин. О некоторых вопросах периодизации истории КПСС; Б. М. Морозов. Партия и массовые организации трудящихся; Д. З. Муриев, М. М. Малахов. Во главе защитников Москвы (Обзор исторической литературы о руководящей роли КПСС в битве под Москвой).

«История СССР» № 6, 1971. В. М. Селунская. Разработка некоторых вопросов классовой структуры советского общества в новейшей историографии; Л. Г. Бескровный, Л. А. Гольденберг. О предмете и методе исторической географии; В. А. Зибарев. Социализм и народности Севера; И. С. Розенталь. Русский либерализм накануне первой мировой войны и тактика большевиков; О. А. Сайкин. Из истории «Молодой партии Народной воли»; В. В. Болтушкин. Укрепление совхозов РСФСР кадрами в 1953—1958 гг.; М. С. Зинич. Из истории станкостроения и тяжелого машиностроения в первый период Великой Отечественной войны; А. И. Чугунов. Из истории борьбы с японскими провокациями на морских границах в 30-е годы; А. И. Александров. Вооруженная

защита тыла страны в 1918—1920 гг.; Н. П. Павлов. Образование и деятельность Удмуртского комиссариата; Ю. А. Писарев. Из истории эвакуации югославян из Советской России (1918—1919 гг.); Р. Г. Эймонтова. Университетский вопрос и русская общественность в 50-х—60-х годах XIX в.; Н. Б. Голикова. История составления обращений участниками астраханского восстания 1705—1706 гг.; М. Б. Свердлов. Исследования по истории древней Руси в Германской Демократической Республике; В. Е. Шутый. Даниел Крман и его путевые записки; М. М. Фрейденберг. Югославские работы о роли России в национально-освободительном движении Далмации и Черногории; Е. А. Шаповалов. Знамя парижских баррикад; Ю. Г. Малков. Новые памятники живописи древнего Пскова.

«Новая и новейшая история» № 6, 1971.

Л. Штерн. Германский государственно-монополистический капитализм и антифашистское Сопротивление под руководством КПГ; В. Н. Белецкий. Австрийская нация — продукт многовекового развития; П. Ю. Рахшмир. Современные тенденции буржуазной историографии фашизма; Л. И. Трофимова. Первые шаги советской дипломатии; И. Р. Лаврецкий. Жизнь и смерть Эрнесто Че Гевары; С. А. Созина. По следам легенды об Эльдorado; В. И. Антюхина-Московиченко. Шарль де Голль; Е. Л. Рудницкая, В. А. Дьяков. Возникновение Тайного интернационала Бакунина; Е. А. Ларин. Последние дни Батисты на Кубе; Ю. М. Каграманов. Быль и небылицы о Лоуренсе «Аравийском»; Л. В. Позднеева. Документы по внешней политике США (1939—1945 гг.); В. Алексеев. Судьбы дипломатического архива Италии в годы второй мировой войны; А. С. Кан. Новые обзорные труды польских историков-скандинавистов.

«Военно-исторический журнал» № 12, 1971.

Л. Козлов. Коммунистическая партия — организатор разгрома немецко-фашистских войск под Москвой; Д. Муринев. Некоторые вопросы советской военной стратегии в Московской битве; М. Казаков. Использование резервов русской армии в первой мировой войне; К. Крайнюков. Талантливый полководец (к 70-летию со дня рождения Н. Ф. Ватутина); И. Биричев. Изматывая врага; Г. Жуков. Битва под Москвой; И. Шикин. Подвигу жить в веках!; А. Цыкин. Тактика Дальней бомбардировочной авиации в летне-осенней кампании (1941 год); В. Куликовский. Развитие тактики Красной Армии в годы гражданской войны; А. Кавтарадзе. Из истории русского Генерального штаба; Н. Рашба, Л. Подгорецкий. Хотинская война (1621 год); Г. Шатунов. Народное военно-патриотическое общество; И. Носков. Прикосновение к подвигу; А. Якушевский. Битва под Москвой и буржуазные фальсификаторы истории.

«Народы Азии и Африки» № 5, 1971.

В. Г. Солодовников. Внешнеэкономические связи СССР с развивающимися

странами; В. И. Лобаченко. Проблемы экономического развития Нигерии; Д. Б. Малышева. Религия и политика в Уганде (1945—1971 гг.); Ю. Н. Попов. О природе мелкобуржуазной идеологии в странах Африки; Н. И. Одегов. Ленинская критика сионизма; Л. А. Березный. О некоторых проблемах истории Синьхайской революции; Л. Б. Алаев. Типология индийской общины; З. З. Абдуллаев. Методологические и источниковедческие проблемы исследования «переворота 3 хута» 1921 года в Иране; М. А. Тари-Верды, А. И. Магерамов. Хайдар-хан Амуоглы; Ю. И. Иванов. Изменения в структуре рабочего класса Восточной Африки; А. Г. Судейкин. Канпурский антикоммунистический процесс 1924 года.

«Международная жизнь» № 11, 1971.

Ю. Жданов, В. Городнов. Авангард борьбы за мир и прогресс; Н. Капченко. Сохранение и укрепление мира — главная задача ООН; А. Столешников. Разоружение — на рассмотрение всемирного форума; Г. Апалин. Антисоциалистическая сущность внешней политики Пекина; В. Кузьмин. «Гуамская доктрина», старые цели, новые средства; В. Шумский, В. Качанов. Социал-демократия на перекрестках международной политики; Ю. Шишков. Торговая война на Западе; Э. Грязнов. Основные тенденции социально-экономического развития Индии; В. Яковлев. «Общий рынок» и развивающиеся страны; Н. Волжин. Индонезия перед выбором; Мухаммед Захир Шах. Мирное сосуществование, плодотворное сотрудничество; Вл. Ли. Место современного национально-освободительного движения в антиимпериалистической борьбе.

«Международная жизнь» № 12, 1971.

СССР—Франция; важный шаг вперед; Л. Алексеева, А. Волгин. Укрепление международной безопасности — насущная задача современности; В. Золотарев. Интеграция стран СЭВ и развитие мирового социалистического рынка; Д. Востоков. Внешняя политика КНР после IX съезда КПК; В. Голосов. Многонациональные монополии и государство; В. Ладейкин. Преступная политика израильских экстремистов; Д. Пензин. Новый раунд в схватке с нефтяными магнатами; Л. Видясова. Империализм — враг народов, враг общественного прогресса; За военную разрядку в Европе; В. Матвеев. Слова и дела британских тори; С. Кособчук. Латинская Америка: проблема внешней задолженности; С. Гуреев. Иммунитет государственных морских торговых судов.

«Мировая экономика и международные отношения» № 12, 1971.

В. Матвеев. Борьба за мир в меняющемся мире; Ю. Шишков. Последствия и противоречия капиталистической интеграции; Г. Абрамишвили. Буржуазные теории реализации и маркетинг; В. Усоскин. Моделирование, прогнозы и экономическая реальность; И. Зорина. Характер и перспективы революционного процесса в Чили; С. Яковлева. Методы капиталистической

эксплуатации: новые аспекты; В. Похлебкин. На «картическом фланге» НАТО; В. Петров. Международный капитал в экономике Израиля; С. Фильштинский. Бастион империализма в Южной Атлантике; Э. Брегель. О некоторых спорных вопросах теории общего кризиса капитализма; Л. Истягин. Партийный механизм и политическая борьба в ФРГ; В. Наборов. Иностраный капитал в США; Б. Комзин. Международная торговля научно-техническими знаниями; Ю. Иванов. Социальные процессы в африканской деревне.

«Советские архивы» № 6, 1971. А. И. Азаров. Состояние и перспективы развития архивного дела в Белорусской ССР; Н. Б. Волкова. Комплектование ЦГАЛИ СССР материалами личных архивов деятелей литературы и искусства; Г. П. Лебедев. Документальные публикации центральных государственных архивов СССР; С. А. Клепиков. Бумага Ярославской фабрики Затрапезновых (1728—1764 гг.); С. Р. Долгова. Древнейшее книгохранилище страны (из истории книжного собрания МГАМИД); М. М. Карнаилова. Из опыта организации использования документальных материалов в ведомственных архивах; С. П. Кизимова. Школьные музеи — один из источников комплектования государственных областных архивов; Г. М. Шаргородский. О работе Инзенского районного государственного архива Ульяновской области; Г. В. Онисковец, С. Балыков. О работе филиалов облгосархива Гомельской области; Ш. Камладзе. Из опыта работы Зестафонского филиала ЦГА Грузинской ССР; Г. Е. Ступак, О. Г. Фомина. О каталогизации документальных материалов архива «Братскгэсстрой»; Н. Я. Комаров. Документы местных архивов о противовоздушной обороне Северо-Запада СССР (1941—1944 годы); М. Ф. Прохоров. Документальные материалы фондов московских департаментов Сената по истории классовой борьбы в 1773—1775 гг.; Сводные данные о количестве податных дворов Европейской России по переписи 1678 г. (Публикацию подготовили Я. Е. Водарский и В. В. Павленко).

«США: экономика, политика, идеология» № 11, 1971. А. С. Богданов. Чрезвычайные мероприятия правительства; Анаг. А. Громыко, А. Т. Кокошин. Мировой океан в политике США; В. В. Ларионов. Трансформация концепции «стратегической достаточности»; М. Н. Захарова. Г. Торо: от непротivления к сопротивлению; Р. А. Коняев. Вывоз капитала; Г. А. Арабапов. Шаг, отвечающий интересам мира; А. И. Микоян. Два месяца в США.

«США: экономика, политика, идеология» № 12, 1971. Г. А. Трофименков. Политический реализм и стратегия «реалистического сдерживания»; Советская программа мира в действии; Милитаризм и экономика (Научная конференция в Институте США); Б. В. Карпович. Американские ультраправые сегодня; Алан Бестик. Церковный бизнес; Д. В. Смыслов. Кризис доллара: корни, содержание, последствия;

С. А. Червоная. Шаг назад в десегрегации школ; В. В. Калашников. Почему закрылся журнал «Лук»; Джордж Джексон. Соледадский брат.

«Латинская Америка» № 6, 1971. М. Ф. Кудачкин. Революционные преобразования и буржуазный реформизм; Б. М. Мери. Прогрессивное студенчество в освободительной борьбе; И. А. Бунегина. Особенности экспорта иностранного капитала в Бразилию; Э. И. Романова. Латинская Америка на внешнем рынке: проблема соотношения цен; Л. И. Шагунова. Юбилей костариканских коммунистов; С. И. Луккина. Жак Стефен Алексис — борец за свободу Гаити; Г. С. Ефимова, А. А. Лавут. «Андская группа»; В. А. Кузьмищев. Говорящие узлы Тауантинсуью; Б. С. Никифоров. Эдуардо Чибас; Ю. М. Григорьян. «Третий рай» в борьбе за латиноамериканский рынок.

«Украинский исторический журнал» № 10, 1971. И. Ф. Курас, В. Н. Немяты. Первичные партийные организации на современном этапе коммунистического строительства; И. Ф. Евсеев. Использование братскими социалистическими странами опыта СССР в преобразовании сельского хозяйства; М. Г. Корнеева. Тенденция к интеграции научного знания — закономерность развития современной исторической науки; О. Ф. Штепа. Комсомол Украины в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма (1959—1965 гг.); В. Н. Мазило. Роль прессы Украины в мобилизации сил на отпор фашистскому агрессорам в начальный период Великой Отечественной войны; А. М. Максимов. Борьба рабочих Донбасса за союз с крестьянством в 1905 г.; П. И. Воробей. Из истории украинской прессы в России (1905—1914 гг.); Л. Е. Беренштейн. Сионизм на службе империализма.

«Украинский исторический журнал» № 11, 1971. Л. А. Нагорная. XXIV съезд КПСС о задачах борьбы против идеологии антикоммунизма; В. Г. Сарбей. Начало усвоения марксистских идей украинской историографией; Е. М. Апанович. Вооруженные силы Украины первой половины XVIII ст. в украинской и русской историографии; Н. В. Беллик. Идеино-воспитательная работа партийных организаций в производственных коллективах; В. И. Стрельский, Р. С. Кац. Из истории проникновения иностранного капитала в судостроительную промышленность Украины в конце XIX—в начале XX ст.; И. К. Васюта. Аграрное перенаселение на Западной Украине в 20-х—30-х годах XX ст.; Ю. Ю. Фомин. Материальная помощь украинского народа национально-освободительному движению южных славян в 1876—1877 гг.

«Вестник Ленинградского государственного университета» № 20. Вып. 4. 1971. История, язык, литература. Н. И. Павлицкая. Издание и распространение произведений В. И. Ленина в 1917 году (март—октябрь); И. В. Погорельский. В. И. Ленин и Хорезмская Народная Советская Республика; К. А. Кузнецов. Техническое творчество ленинградских рабочих

в период строительства коммунизма; П. А. Подбологов. Борьба РКП(б) с контрреволюционной идеологией меньшевизма (1923—1925 гг.); В. И. Коротаяев. Рост культурного уровня архангельских рабочих в 1920—1927 гг.; Т. В. Ильина. О новгородской школе книжной графики XV века (по материалам Софийской библиотеки ГПБ); А. Д. Новичев. Предпосылки конфликта между султаном Махмудом II и Мухаммедом Али в 1839—1841 гг. (из истории борьбы Египта за независимость); А. Д. Столяр. О материальном «производстве идей» в антропогенезе как археологической реальности (освоение фигуры шара); Н. Г. Гетманова. Деятельность ленинградских организаций МОПР по интернациональному воспитанию трудящихся (1926—1932 гг.); Р. М. Мавродина. К. Маркс о взаимоотношениях Киевской Руси и кочевников.

«Труды» Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. ХСУП. 1971. *Среднеазиатский этнографический сборник III. Занятия и быт народов Средней Азии*. Н. П. Лобачева. Очерк культуры и быта колхозников — освоенцев Кызылкумов (По материалам колхоза им. М. Горького Турткульского района КК АССР); Ф. Д. Люшкевич. Этнографическая группа ирони; И. М. Джаббаров. Ремесло узбеков южного Хорезма в конце XIX—начале XX в. (Историко-этнографический очерк); О. А. Сухарева. К вопросу о литье металлов в Средней Азии; А. С. Морозова. Туркменская одежда второй половины XIX—начала XX века; А. Л. Троицкая. Некоторые старинные обычаи, обряды и поверья таджиков долины Верхнего Зеравшана; Г. П. Снесарев. К вопросу о происхождении празднеств суннатой в его среднеазиатском варианте; Р. Я. Рассудова. Формы организации труда в общинах некоторых районов орошаемого земледелия Средней Азии (конец XIX—начало XX в.).

«Ученые записки» Горьковского государственного педагогического института им. М. Горького. Вып. 97. 1971. *Серия исторических наук*. Л. В. Шапошникова. В. И. Ленин о руководящей роли рабочего класса в социалистическом преобразовании крестьянского хозяйства; И. М. Мордвишин. В. И. Ленин о рабочем движении накануне первой революции в России; А. П. Грачева. О культурном шефстве рабочих Вятской губернии над крестьян-

вом (1923—1927 гг.); Е. И. Кирюхина. Помощь рабочим Горьковского края колхозному крестьянству в первые годы второй пятилетки; С. П. Захарова. О качественных изменениях в составе рабочего класса Марийской АССР в 1945—1955 гг.; С. Н. Глазкин. Из истории борьбы рабочих за улучшение организации труда в годы семилетки (по материалам Московской, Ленинградской и Горьковской областей); П. П. Ваднелъ. К вопросу о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции в России на рабочее движение в Румынии; А. И. Доронченков. О некоторых путях изучения передового опыта советского рабочего класса трудящимися Болгарии (1958—1960 гг.); А. И. Тюрина. К вопросу о применении наемного труда в вотчинных промыслах в XVII в. (по материалам нижегородских поташных заводов); К. Г. Селезнев. Наемный труд на Нижегородской ярмарке в крепостное время (1817—1866 гг.); В. Д. Зеленцов. Отмена крепостного труда на Ижевском заводе в 1866 г. (к столетию реформы).

«Ученые записки» Горьковского государственного педагогического института им. М. Горького. Вып. 107. 1971. *Серия исторических наук*. Л. П. Филиппова. Октябрьская революция и нижегородское учительство; Н. М. Чесноков. Первые шаги коллективизации сельского хозяйства в Нижегородской губернии (1918—1921 гг.); К. Г. Селезнев. Решающие успехи культурной революции в Горьковской области (1933—1937 гг.); Л. В. Шапошникова. Руководящая роль рабочего класса в социалистическом преобразовании крестьянских хозяйств (на примерах деятельности в Средней Азии рабочих-текстильщиков Московской, Ленинградской, Иваново-Вознесенской областей в 1929—1930 гг.); Э. М. Фильченкова. От рабочего контроля — к регулированию промышленности (из деятельности Бюро по реорганизации Нижегородского заводского совещания); А. И. Тюрина. Развитие советской демократии в восстановительный период (1921—1925 гг.) (по материалам сельских и волостных Советов Нижегородской губернии); В. Д. Зеленцов. Великая Октябрьская социалистическая революция и церковники (по материалам Горьковской области); Э. Н. Кордюкова. К истории развития форм общественного инспектирования (по материалам Нижегородской губернии, края).

Хроникальные заметки

◆ 2 декабря 1971 г. состоялось расширенное заседание ученых советов Института военной истории Министерства обороны СССР, Института истории СССР и Института всеобщей истории АН СССР, Института истории партии при МГК и МК КПСС,

посвященное теме «30-летие великой победы под Москвой». Заседание открыл директор Института истории СССР, чл.-корр. АН СССР П. В. Волобуев. Вступительное слово произнес чл.-корр. АН СССР П. А. Жилин. Был заслушан доклад Д. З. Му-

риева «Великая битва под Москвой и ее влияние на развитие советского военного искусства», а также научные сообщения: И. И. Жигалов — «Международные последствия Московской битвы», Б. Н. Черноусов — «Московская партийная организация в дни битвы за столицу», А. Д. Колесник — «Московское ополчение в защите столицы», В. Г. Жаворонков — «Оборона Тулы и ее роль в защите Москвы», П. К. Пономаренко — «Партизанское движение в период битвы под Москвой».

◆ «Актуальные вопросы развития национальных отношений в СССР в свете решений XXIV съезда КПСС» — этой теме была посвящена научная конференция, проведенная в Серпухове 12—14 января 1972 г. по инициативе Сектора философских проблем пролетарского интернационализма и национальных отношений Института философии АН СССР и Научно-методического Совета по пропаганде научного коммунизма Всесоюзного общества «Знание». В ее работе приняли участие философы, историки, экономисты, юристы, учителя, партийные работники, сотрудники газет и журналов из республик Прибалтики, Закавказья, Средней Азии, УССР, Молдавской ССР и ряда городов РСФСР (Москва, Ленинград, Волгоград, Воронеж, Пятигорск, Тула, Уфа и др.). Конференцию открыл и. о. директора Института философии АН СССР С. Ф. Одуев. Были заслушаны доклады: «XXIV съезд и задачи научных исследований национальных отношений в СССР» — Э. А. Баграмова, «Теоретические вопросы формирования и развития Советского многонационального государства» — И. П. Цамеряна, сообщение М. С. Джунусова «Национальные отношения в советском обществе как объект социального прогнозирования». По вопросам, поднятым в докладах, а также по проблемам, связанным с критикой буржуазной фальсификации национальных отношений в СССР, с интернациональным и патристическим воспитанием, выступили: Н. П. Борзых (Фрунзе), Ю. В. Воробьев, М. В. Иордан, И. Я. Копылов (Воронеж), В. А. Лазутка (Вильнюс), М. Н. Росенко (Ленинград), М. А. Свердлин (Волгоград), В. П. Сергеев, Э. В. Тадевасян, Р. А. Тузмухамедов, А. Ф. Фаткулина (Уфа), А. И. Холмогоров (Рига) и др. Заключительное слово произнес заместитель директора Института философии АН СССР Ф. Т. Архипцев.

◆ 3 декабря 1971 г. было проведено заседание Научного совета Главного архивного управления при Совете Министров СССР. С докладом на тему «Научно-исследовательская работа в архивных учреждениях и перспективы ее развития в свете решений XXIV съезда КПСС» выступил начальник ГАУ при СМ СССР Г. А. Белов. В прениях по докладу приняли участие начальник Архивного управления при СМ УССР А. Г. Митюков, директор ЦГАОР СССР Н. Р. Прокопенко, директор ВНИИДАД Д. Д. Голованов,

профессор МГУ П. А. Зайончковский, заместитель начальника Архивного управления при Канцелярии премьер-министра ДРВ Ву Зыонг Хоан и другие.

◆ 1—3 декабря 1971 г. состоялся научный симпозиум на тему «Восточная политика германского империализма и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (проблемы истории и историографии)», организованный сектором истории международных отношений стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения и балканистики АН СССР. В его работе приняли участие представители научных учреждений и высших учебных заведений разных городов страны. Заседания открыл заместитель директора института Л. Н. Нежинский. С основным докладом выступил заведующий сектором В. К. Волков — «Внешнеполитические концепции германского империализма и их проявление в отношениях со странами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы». Были заслушаны доклады: Н. П. Полетика (Минск) — «Бисмарк и внешнеполитическая программа пангерманстов во второй половине XIX века», И. М. Кулинич — «Захватнические планы германского империализма по отношению к Украине в конце XIX — начале XX в. в историографии ГДР», А. А. Язькова — «Становление Версальской системы в Центральной и Юго-Восточной Европе и проблема германской угрозы», Д. С. Климовский (Минск) — «Антипольская политика германского империализма в преддверии Локарно (октябрь 1924 г. — октябрь 1925 г.)», А. С. Аветян — «Основные направления развития германской геополитики в 20-е годы», Г. В. Павленко (Ужгород) — «Две линии в русско-германских отношениях конца XIX — начала XX в. (к вопросу о русско-германском революционном сотрудничестве и совместной борьбе монархий России и Германии против революционного движения)», И. И. Поп — «Политика центральных держав в Восточной Европе в 1913 г.», П. Я. Крупников (Рига) — «Планы германской колонизации Прибалтики в XX в. в освещении германской историографии (обзор работ историков ГДР и ФРГ)», А. И. Степанов — «ГДР в борьбе против западногерманского реваншизма, за обеспечение мира и европейской безопасности», Л. Я. Гибианский — «Потсдамская конференция и Юго-Восточная Европа», М. С. Восленский — «Восточная политика правительства ХДС/ХСС, Московский и Варшавский договоры ФРГ с СССР и Польшей и проявление реалистических тенденций во внешней политике правящих кругов Западной Германии» и другие. Симпозиум закончился обсуждением плана-проспекта коллективного труда «Восточная политика германского империализма и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы», над которым работают сотрудники института.

◆ 50-летию со дня основания Института красной профессуры и 25-летию Академии общественных наук при ЦК КПСС

было посвящено расширенное заседание Ученого совета АОН, состоявшееся 9 декабря 1971 года. На заседании присутствовали член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС А. Я. Пельше, кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев, заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С. П. Трапезников, секретарь МГК КПСС В. Н. Ягодкин, ученые, представители научных и учебных заведений братских социалистических стран, главы дипломатических представительств ряда социалистических стран. По поручению ЦК КПСС на заседании выступил А. Я. Пельше, отметивший значение деятельности Института красной профессуры и АОН. Доклад «Ленинские традиции воспитания теоретических кадров партии» сделал ректор Академии чл.-корр. АН СССР М. Т. Иовчук. Со словами приветствия и поздравлениями выступили: директор ИМЛ при ЦК КПСС, вице-президент АН СССР акад. П. Н. Федосеев, ректор ВПШ при ЦК КПСС Н. Р. Митронов, от имени окончивших Институт красной профессуры — акад. П. Н. Поспелов и акад. М. Б. Митин, от имени бывших выпускников АОН — секретарь Ростовского обкома КПСС М. К. Фоменко, от аспирантов Академии — Т. В. Ищенко и Пал Фелди (ВНР). 10 декабря в АОН на заседаниях специализированных и кафедральных ученых советов были заслушаны научные доклады и сообщения.

◆ Институт марксизма-ленинизма и Академия общественных наук при ЦК КПСС, Институт славяноведения и балканистики АН СССР провели 22 ноября 1971 г. научную конференцию, посвященную 75-летию со дня рождения Клемента Готвальда. С докладом, посвященным К. Готвальду, выступил заведующий отделом истории международного коммунистического движения ИМЛ при ЦК КПСС А. И. Соболев. Доклад «Клемент Готвальд и Коммунистическая партия Чехословакии» сделал заведующий отделом истории КПЧ Института марксизма-ленинизма при ЦК КПЧ А. Фалтыс.

◆ Теме «Расизм — идеология империализма, враг общественного прогресса» была посвящена Международная научная конференция, проведенная 14—16 декабря 1971 года. Ее организовали Академия наук СССР, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Университет дружбы народов имени П. Лумумбы. В работе конференции приняли участие ученые Болгарии, Венгрии, ГДР, МНР, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии. Конференцию открыл вице-президент АН СССР М. Д. Миллиончиков. Вступительное слово произнес вице-президент АН СССР директор ИМЛ при ЦК КПСС акад. П. Н. Федосеев. С докладами выступили: председатель Ассоциации содействия ООН в СССР акад. Ф. В. Константинов — «Марксизм-ленинизм в борьбе против всех видов шовинизма и расизма», чл.-корр. АН СССР, президент АН КиргССР К.-Г. Каракеев — «Расизм — враг мира и безопасности

народов, преграда на путях социального прогресса», акад. М. Б. Митин — «Сионизм — разновидность шовинизма и расизма». Были заслушаны также доклады: «Идеология расизма и империализм» — Э. Беки (Венгрия), «Кризис на Ближнем Востоке и сионистский расизм» — С. Горанова (Болгария), «Сущность и тенденции современного расизма» — Х. Клетта (ГДР), «Сионизм и идеологическая диверсия в Чехословакии в 60-х годах» — Я. Черны. Ряд научных сообщений был сделан на секциях «Критика идеологии расизма» и «Современный расизм и борьба с ним во имя прогресса народов». На заключительном пленарном заседании выступил директор Института этнографии Академии наук Кубы Р. Лопес-Вальдес. Итоги конференции подвел П. Н. Федосеев.

◆ 30 ноября — 3 декабря 1971 г. проходил симпозиум советских историков-американистов, организованный Институтом всеобщей истории АН СССР. Заседания симпозиума открыл заместитель директора института А. А. Искендеров. С основным докладом — «О состоянии и задачах изучения истории США» выступил Г. Н. Севастьянов. Тема «Американская революция и складывание американской нации» получила освещение в докладах: «Американская и французская революции (сравнительная характеристика)» — А. А. Фурсенко (Ленинград), «Современная историография американской революции XVIII века» — Л. Б. Уманский (Казань), «Складывание американской нации» — Ш. А. Богина. Тема «Общедемократическое, рабочее и аграрное движение в США» были посвящены доклады: «Изучение истории рабочего и общедемократического движения в США» — В. Л. Мальков, «Особенности классовой борьбы в США в новейшее время» — П. А. Шишкин, «О развитии капитализма в сельском хозяйстве США в XIX веке» — Г. П. Куропятник, «Влияние научно-технической революции на положение фермеров в США» — В. П. Золотухин. По теме «Внешняя политика США, русско-американские и советско-американские отношения» состоялись доклады: «Новые материалы по истории русско-американских отношений XIX века» — Н. Н. Болховитинов, «Об изучении истории советско-американских отношений» — В. К. Фурев (Ленинград), «Некоторые вопросы идеологии американского империализма на современном этапе» — Н. Н. Яковлев, «Современные тенденции во внешнеполитическом курсе США» — А. А. Громыко.

◆ 23—24 ноября 1971 г. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и его филиал — Институт истории партии при ЦК КП Молдавии провели в Кишиневе республиканскую конференцию, посвященную состоянию историко-партийной науки и перспектив ее развития в свете решений XXIV съезда КПСС. В работе конференции участвовали заведующие кафедрами истории КПСС и преподаватели общественных наук молдавских вузов, ученые Института

истории АН МССР, сотрудники Музея истории Коммунистической партии Молдавии, Республиканского историко-краеведческого музея, Государственного архива МССР, работники прессы и издательств республики. Вступительное слово произнес секретарь ЦК Компартии Молдавии П. К. Лучинский. Вклад молдавских историков в развитие историко-партийной науки был освещен в докладах ученого секретаря, заведующего отделом филиалов и координации ИМЛ при ЦК КПСС М. В. Искрова, директора Института истории партии при ЦК Компартии Молдавии С. Я. Аftenюка, заведующего кафедрой истории КПСС Кишиневского университета Д. Е. Шемякова, заместителя директора Института истории партии при ЦК КПМ А. М. Лисецкого. Всего на конференции было сделано двадцать докладов и сообщений.

◆ В конце октября — начале ноября 1971 г. в Севастополе была проведена республиканская научно-теоретическая конференция по вопросам патриотического и интернационального воспитания молодежи, посвященная 50-летию образования СССР. Ее организовали ЦК ЛКСМУ, Академия наук УССР, Министерство высшего и среднего специального образования и Министерство просвещения УССР, республиканское отделение общества «Знание», Украинское общество охраны памятников истории и культуры, республиканский комитет ДОСААФ. Конференцию открыл первый секретарь ЦК ЛКСМУ А. С. Капто. Было заслушано выступление первого секретаря Крымского обкома КП Украины Н. К. Кириченко. На пленарном заседании с докладами выступили: А. С. Капто — «Актуальные вопросы патриотического и интернационального воспитания молодежи в свете решений XXIV съезда КПСС и XXIV съезда КП Украины», Л. В. Сохань — «Патриотизм и интернационализм — движущие силы развития социалистического общества», А. В. Лихолат — «О 50-летию образования СССР», Б. С. Кобзарь — «Научно-педагогические основы патриотического и интернационального воспитания учащейся молодежи». Дальнейшая работа проходила в секциях.

◆ 25—26 октября 1971 г. в Ленинграде была проведена научно-теоретическая конференция на тему «Великая Октябрьская социалистическая революция в новейшей историко-партийной литературе (1960—1970 гг.)». В ней приняли участие ученые более 10 городов Российской Федерации. С докладом «Основные итоги и задачи разработки проблемы «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции» в свете решений XXIV съезда КПСС» выступил Е. Ф. Ерыкалов (ЛГУ). Новым материалам о выдающейся роли В. И. Ленина и ЦК РСДРП(б) в Октябрьском вооруженном восстании был посвящен доклад Б. Н. Камешкова (Ленинградский политехнический институт).

◆ 96-й годовщине со дня рождения выдающегося деятеля Коммунистической пар-

тии и Советского государства М. И. Калинина посвятил свое расширенное заседание 19 ноября 1971 г. Ученый совет Государственного музея М. И. Калинина (Москва). Были заслушаны сообщения: «М. И. Калинин о работе советского аппарата», «М. И. Калинин о роли сельской интеллигенции в осуществлении политики Коммунистической партии в деревне в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)».

◆ Труды В. И. Ленина, выдержки из его речей, докладов, решения Коммунистической партии по развитию сельского хозяйства в нашей стране опубликованы в сборнике «В. И. Ленин и КПСС о социалистическом преобразовании сельского хозяйства» (Политиздат, 1971). Материалы сборника систематизированы в двух частях. В первую включены произведения В. И. Ленина, касающиеся аграрного вопроса. Они размещены в семи тематических разделах и расположены в хронологическом порядке. Во вторую часть книги вошли решения съездов партии, партийных конференций и Пленумов ЦК КПСС по проблемам сельского хозяйства.

◆ Политиздат Украины выпустил в свет на русском языке сборник документов и материалов «На защите революции» (Киев, 1971), посвященный деятельности Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии. Его хронологические рамки: 1917—1922 годы. В создании и укреплении органов ЧК Украины, в руководстве их деятельностью активное участие принимали А. С. Бубнов, К. Е. Ворошилов, Г. И. Петровский, С. В. Косиор, Н. И. Подвойский, В. М. Примаков, Ф. А. Сергеев (Артём), Н. А. Скрипник и другие. Первым командиром особого корпуса войск ВУЧК был Ф. И. Николенко. Документы сборника систематизированы в двух разделах: «Военно-революционные комитеты в борьбе с контрреволюцией на Украине (1917—1918 гг.)» и «Организация и деятельность Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии (1918—1922 гг.)». Многие из них публикуются впервые. В подстрочных примечаниях читатель найдет комментарии к документам, а также краткие биографические справки о ряде ответственных работников ЧК.

◆ Ивановский педагогический институт имени Д. А. Фурманова выпустил сборник статей и материалов «Дмитрий Андреевич Фурманов» (Иваново, 1971). В сборник входят статья П. В. Куприяновского и Л. А. Розановой «Д. А. Фурманов — секретарь губкома», основанная на архивном материале, раскрывающем деятельность Фурманова как организатора партийной работы в Иваново-Вознесенской губернии, статья Д. Я. Зонва «На посту комиссара Чапаевской дивизии», рассказывающая об обстоятельствах, в связи с которыми 16 июля 1919 г. была послана телеграмма В. И. Ленина военному 25-й дивизии Д. А. Фурманову; А. А. Исбах рассказывает об участии Д. А. Фурманова в литературной борьбе 20-х годов. Воспоминания о встречах с Д. А. Фурмановым делаются чл.-

корр. АН СССР Н. Ф. Бельчиков и бывший начальник артиллерии Чапаевской дивизии Герой Советского Союза Н. М. Хлебников.

◆ В связи с началом большого строительства новых зданий и модернизацией старого жилого фонда Кронштадта, необходимость сохранения его своеобразного архитектурного облика работники Государственной инспекции охраны памятников совместно с сотрудниками Центрального государственного архива Военно-Морского Флота СССР приступили к тщательному изучению истории строительства и архитектуры города. В ЦГАВМФ СССР найдено много ценных документов, в том числе графические материалы, благодаря которым оказалось возможным точно установить, что представляли собою и как первоначально выглядели самые ранние постройки Кронштадта, относящиеся к петровскому времени (так называемые губернские дома, «Итальянский дворец» Меншикова, Минихов дом и др.). Обнаруженные материалы уже легли в основу проекта реставрации одного из губернских домов, которому будет возвращен первоначальный вид, утраченный в XIX веке. В дальнейшем последует реставрация других зданий. В архиве имеются материалы о строительстве докового Адмиралтейства, знаменитых кронштадтских каналов, о сооружении офицерских и служительских домов во второй половине XVIII в., а также документы, характеризующие строительство Кронштадта в 1820—1850 гг., когда были созданы такие сооружения, как госпиталь, гостинный двор, арсенал, система оборонительных казарм, ряд церквей. Обнаружены данные о работе для Кронштадта выдающихся русских зодчих И. К. Коробова, С. И. Чевакинского, В. И. Баженова, А. Д. Захарова, А. П. Брюллова.

◆ В Литературный музей АН УзССР поступила ценная рукопись — сборник про-

изведений Алишера Навои, переписанный более ста лет назад в Коканде искусным каллиграфом Мирзой Мухаммедом Назаром. В манускрипте размером 30 на 50 см и весом 9 кг — свыше 1460 страниц. Каждая из них разделена на четыре колонки, в которые мелким почерком вписаны одиннадцать творений великого поэта. Среди них — отрывки и полные тексты сочинений из «Хамсы», поэм «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин», «Вал Искандера» и другие. Рукопись переплетена в толстую кожаную обложку, выполнена на хрустящей кокандской бумаге и оформлена разнообразным орнаментом и цветными вкладками. Находка представляет большой интерес для востоковедов, ведущих текстологические исследования сочинений Алишера Навои.

◆ В 1973 г. будет отмечаться 1000-летний юбилей со дня рождения выдающегося ученого-энциклопедиста Абу Рейхана Бируни. Бируни внес вклад в развитие математики, географии, минералогии, фармакогнозии (описание лекарственных растений). Историки благодарны Бируни за его обширное исследование жизни народов древней и средневековой Индии. Недавно в Ташкенте изданы классические труды Бируни — «Памятники минувших поколений», «Индия», «Геодезия», «Переписка с Ибн-Сина».

◆ В 1127 г. в центре Бухары был построен ставший знаменитым на Востоке минарет Калян — один из шедевров древнего зодчества. Автор сооружения, не потерявшего спустя восемь с лишним столетий великолепия и величественности, скрыл свое имя за загадочными буквами, хитроумно вплета их в замысловатую арабскую вязь — выдержки из корана. Ныне историки и архитекторы Узбекистана сумели прочесть автограф зодчего. Это знаменитый архитектор и строитель XII в. устод Бако.

Рецензии

WERNER BERTHOLD. *Marxistisches Geschichtsbild — Volksfront und antifaschistisch-demokratische Revolution*. Berlin. Akademie-Verlag. 1970. 297 S.

ВЕРНЕР БЕРТОЛЬД. *Марксистская историческая концепция — народный фронт и антифашистская демократическая революция*

Автор рецензируемой книги — сотрудник Лейпцигского университета имени Карла Маркса, написавший ряд историографических работ, в частности монографию о взглядах крупных западногерманских историков Г. Риттера и Ф. Мейнеке¹. Перу В. Бертольда принадлежит ряд разделов коллективного труда ученых ГДР об основных направлениях и тенденциях развития историографии ФРГ².

Рецензируемая книга — одно из первых исследований по истории марксистской исторической мысли Германии в новейшее время. Рассматривая период 1933—1946 гг., автор вводит в научный оборот новый материал о становлении и развитии немецкой марксистской историографии, использует документы ЦК КПГ, хранящиеся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ, архивные фонды университетов ГДР. В работе поставлены важные проблемы теоретико-методологического характера, прежде всего проблема углубления и разработки методологии исторического познания, расширения марксистского фронта исторических исследований под воздействием столь значительных социально-политических сдвигов 30—40-х годов, как победа социализма в СССР, борьба коммунистиче-

ских партий за антифашистский народный фронт, вторая мировая война, разгром германского фашизма при решающем участии СССР.

Для правильного понимания этапов развития марксистской исторической мысли Германии, подчеркивает автор, необходимо учесть значение идей и установок VII конгресса Коммунистического Интернационала, поставившего перед компартиями задачу борьбы с фашизмом, с фашистской идеологией, выдвинувшего перед коммунистами ленинское требование воспринять все лучшее, что есть в историческом прошлом наций, опираться на прогрессивные, революционные традиции трудящихся масс. Борясь против национал-социалистских фальсификаций, КПГ обратилась к изучению демократических традиций немецкого народа, к разработке целостной марксистской концепции национальной истории. Коммунисты подчеркивали неразрывную взаимосвязь истории пролетарского движения с историей Германии в целом, рассматривая КПГ как партию, выражающую «самые коренные национальные интересы немецкого народа» (стр. 53).

В нелегальных изданиях КПГ («Die Rote Fahne», «Die Internationale») были опубликованы многочисленные статьи, посвященные героям Великой крестьянской войны, революции 1848—1849 гг., традициям немецкого гуманизма и просвещения, пролетарским революционерам XIX—XX веков. В июне 1937 г. по решению Политбюро ЦК КПГ была образована комиссия по изучению проблем истории германского рабочего дви-

¹ W. Berthold. «...Grosshungern und gehorchen». В. 1960. Есть русский перевод: В. Бертольд. «...Голодать и повиноваться» (Историография на службе германского империализма). М. 1964.

² Unbewältigte Vergangenheit. Handbuch zur Auseinandersetzung mit der westdeutschen Geschichtsschreibung». В. 1970.

жения. В состав комиссии вошли В. Пик, Ф. Денгель, Г. Эберлейн, Р. Линдау, П. Вандель и другие руководящие деятели КПГ, находившиеся в эмиграции в Советском Союзе. Опираясь на архивные документы, В. Бертольд дает высокую оценку деятельности комиссии, разработавшей научную периодизацию истории германского рабочего движения и подготовившей ряд ценных материалов о борьбе немецкого пролетариата в 1890—1918 гг., по истории КПГ. На основе этой предварительной работы была подготовлена книга В. Пика «К истории Коммунистической партии Германии» (1943 г.)— первый обзор истории марксистско-ленинской партии немецкого рабочего класса. Труд В. Пика, констатирует автор, сыграл значительную роль в дальнейшей разработке учеными ГДР истории германского рабочего движения³.

В годы борьбы против фашизма немецкими коммунистами был написан ряд серьезных трудов по истории Германии XIX—XX веков. В. Бертольд высоко оценивает изданную в 1945 г. книгу В. Ульбрихта «Легенда о «немецком социализме»⁴, сыгравшую большую роль в политическом воспитании широких слоев трудящихся Восточной Германии. Борьба за выработку марксистской концепции германской истории шла не только в СССР, но и в других центрах антифашистской эмиграции. На наш взгляд, исследование В. Бертольда было бы полезно дополнить анализом значительных исторических трудов коммунистов А. Нордена, П. Меркера, А. Абуша, подготовленных в США и Мексике⁵.

В одном из самых удачных разделов монографии рассматриваются изучение немецкими коммунистами проблем Ноябрьской революции, интерпретация ее характера и уроков. Автору удалось показать, как тесно был связан теоретический анализ проблем Ноябрьской революции с определением перспектив социально-политического развития Германии, с практическими проблемами антифашистской борьбы. В

«Иллюстрированной истории германской революции», изданной КПГ в 1929 г., в трудах советских исследователей того времени германская революция 1918—1919 гг. трактовалась как пролетарская, социалистическая революция⁶. Вопрос о характере Ноябрьской революции был подвергнут обсуждению в руководящих кругах компартии в связи с подготовкой решений Брюссельской (1935 г.) и Бернской (1939 г.) конференций КПГ. Это обсуждение, приведшее к отказу от характеристики Ноябрьской революции как пролетарской, явилось необходимым условием для выдвижения коммунистами лозунга о демократическом, антифашистском характере революционных преобразований, которые должны последовать за свержением гитлеровской диктатуры в Германии. В материалах КПГ, опубликованных в 1939 г., сохранилось определение Ноябрьской революции как буржуазной, закончившейся поражением рабочего класса. Хотя данное определение нуждалось в определенных коррективах, а проблема характера революции не была решена до конца⁷, в 1935—1939 гг. был сделан серьезный шаг вперед в деле марксистско-ленинского анализа революционных событий в Германии, развернувшихся под влиянием Великого Октября.

Разработка марксистской концепции германской истории была тесно связана с преодолением установок, согласно которым история Германии являлась средоточием «убожества», сплошной цепью побед реакции и поражений революционных сил (так называемая «Miseretheorie»). Подобная точка зрения получила тем большее распространение, что империалистическая Германия долгие десятилетия была очагом реакции и агрессии, а в условиях фашизма подавляющая часть немецкой нации послушно следовала за Гитлером. Во время дискуссии, проходившей в ЦК КПГ в начале 1943 г., А. Аккерман отмечал, что было бы неверным изображать историю Германии лишь как историю «антидемок-

³ В 1949 г. в ГДР было выпущено расширенное и дополненное издание труда В. Пика: W. Piesck. Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. 30 Jahre Kampf. В. 1949.

⁴ W. Ulbricht. Die Legende vom «Deutschen Sozialismus». В. 1945.

⁵ A. Norden. Lehren deutscher Geschichte. В. 1947; P. Merker. Deutschland — sein oder nicht sein. Bd. I—II. Mexico. 1944—1945; A. Abusch. Der Irrweg einer Nation. В. 1946.

⁶ «Illustrierte Geschichte der deutschen Revolution». В. 1929; К. И. Шелавин. Авангардные бои западногерманского пролетариата. Очерки германской революции 1918—1919 гг. Чч. 1—2. Л. 1929—1930.

⁷ В результате дискуссий, проходивших в ГДР и в СССР во второй половине 50-х годов, была выработана известная формула: Ноябрьская революция — это буржуазно-демократическая революция, осуществлявшаяся в известной мере пролетарскими средствами и методами.

ратической, искаленной нации». Аккерман предлагал сочетать глубокую и принципиальную «национальную самокритику», разоблачение исторических корней господства фашизма с изучением и пропагандой революционных, демократических традиций немецкого народа. Э. Гернле писал тогда же, что нельзя терять веру в «революционные возможности, имеющиеся в немецком народе и особенно в немецком рабочем классе» (стр. 112—115).

В. Бертольд впервые приводит материалы обсуждения Центральным Комитетом КПП в начале 1945 г. «Директив по преподаванию германской истории», ведущая роль в подготовке которых принадлежала Э. Гернле и Р. Линдау. Автор убедительно показывает, как общая марксистская концепция национальной истории претворялась в проект принципиально нового исторического школьного курса. «Директивы» являлись составной частью разрабатывавшейся коммунистами платформы антифашистских, демократических преобразований на территории Германии. Идеологическое значение данного документа было значительно шире его непосредственной задачи: преподавание германской истории на новой основе должно было способствовать перевоспитанию людей, отравленных ядом нацизма. «Директивы» широко обсуждались и в рамках антифашистского движения среди военнопленных, примкнувших к Национальному комитету «Свободная Германия». Эти дискуссии проходили в духе товарищеского, конструктивного сотрудничества коммунистов, работавших в Национальном комитете, с учителями старой немецкой школы, с бывшими военнослужащими вермахта, извлечшими серьезные уроки из недавнего исторического прошлого. Такое сотрудничество, подчеркивает В. Бертольд, можно считать «моделью и предварительным этапом напряженной борьбы в области преподавания истории, в области исторических исследований, которая развернулась в советской оккупационной зоне после 1945 года» (стр. 155).

Автор монографии уделяет большое внимание идеологической подготовке к созданию Социалистической единой партии Германии. Существенной предпосылкой сотрудничества, объединения коммунистов и социал-демократов являлось единство взглядов по коренным проблемам истории Германии, особенно истории рабочего движения. В товарищеских дискуссиях коммунистов и социал-демократов, проходивших на

востоке Германии в конце 1945 — начале 1946 г., обсуждались такие вопросы, как роль реакционного пруссачества и милитаризма в истории страны, уроки и значение революции 1848—1849 гг. и Ноябрьской революции 1918 г., классовая сущность германского фашизма. В выступлениях руководителей социал-демократической партии О. Гротеволья и М. Фехнера была дана высокая оценка Великой Октябрьской социалистической революции, подчеркнута решающая роль СССР в разгроме гитлеризма. О. Гротеволь, выражая мнение большинства членов партии, решительно осудил антикоммунистическую политику реформистских лидеров СДПГ веймарского периода, отказавшихся от создания единого пролетарского фронта накануне установления фашистской диктатуры. Автор отмечает, что тесному сплочению коммунистов и социал-демократов послевоенной Восточной Германии способствовал глубокий объективный анализ политической линии компартии в период борьбы против фашистской опасности, данный в речах и статьях В. Пика и А. Аккермана. Открытое признание сектантско-догматических ошибок, допущенных тогда немцами коммунистами, не могло умалить заслуг КПП, ее роли как политической силы, выразившей интересы большинства нации.

В заключительной части исследования В. Бертольд подробно освещает начальный этап процесса утверждения марксистско-ленинской методологии в исторической науке и преподавании истории в Восточной Германии. Автор уделяет особое внимание помощи Советской военной администрации развитию марксистской исторической науки, борьбе СЕПГ за создание квалифицированных кадров историков-марксистов, рассматривает переход лучшей части старых, буржуазных специалистов в области истории на антифашистские, демократические позиции.

Одной из самых первостепенных и важных задач немецких марксистов была борьба против фашистских фальсификаторов истории. В. Бертольд солидаризируется с позицией Э. Гернле в вопросе о методах критики буржуазной историографии, о диалектической взаимосвязи между критикой буржуазных фальсификаций и исследованием исторической действительности. Э. Гернле подчеркивал, что марксист не может ограничиваться только «разоблачением» фашистских писаний, необходимы

«точные знания», необходимо «научное исследование подлинной истории, ее движущих сил, осуществленное методами исторического материализма» (стр. 119). Исходя из данных принципов, опираясь на помощь советской исторической науки (автор указывает на использование немецкими товарищами трудов М. М. Смирнова, В. М. Хвостова, сборника статей под редакцией Ф. И. Нотовича, изданного в 1939 г.⁸), коммунисты, находившиеся в эмиграции в СССР, создали ряд исследований, посвященных анализу и разоблачению национал-социалистской идеологии и немецкой империалистической историографии. В этой связи автор выделяет работы Г. Гюнтера⁹ и Л. Штерна¹⁰.

Содержательная книга В. Бертольда не лишена отдельных недостатков. Автору следовало бы, как нам представляется, более широко противопоставить развитие немецкой марксистской исторической мысли

⁸ «Против фашистской фальсификации истории». М.-Л. 1939.

⁹ H. Günther. Der Herren eigner Geist. Die Ideologie des Nationalsozialismus. Moskau—Leningrad. 1935.

¹⁰ Речь идет, например, о статье Л. Штерна, опубликованной под псевдонимом Франц Шнейдер на русском языке. См.: Ф. Шнейдер. Фальсификация немецкой истории гитлеровскими мракобесами и жуликами. «Коммунистический Интернационал», 1943, № 1.

в 1933—1946 гг. и эволюцию немецкой реформистской и буржуазной историографии, представители которой находились в то время в Англии, США, Швейцарии и других странах. В. Бертольд критикует книгу правого социалиста Ф. Штампфера по истории Веймарской республики¹¹, но упускает из виду проникнутые духом антикоммунизма историко-политические концепции, выдвинутые жившими в эмиграции реформистом Р. Левенталем (П. Зеринг) и буржуазным социологом В. Репке. Установки этих авторов сыграли определенную роль в «идеологическом перевооружении» буржуазной историографии в Западной Германии первых послевоенных лет.

В целом же В. Бертольд глубоко и всесторонне прослеживает сложный путь развития марксистской исторической мысли Германии от первых трудов по истории рабочего движения, созданных коммунистами в годы Веймарской республики, до разработки целостной концепции национальной истории. Широкая и последовательная борьба компартии против буржуазной идеологии, творческие усилия исследователей-марксистов 30—40-х годов подготовили крупные успехи современной исторической науки в Германской Демократической Республике.

А. И. Борозняк

¹¹ F. Stampfer. Die vierzehn Jahre der ersten deutschen Republik. Karlsbad. 1936.

D. OBOLENSKY. *The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500—1453*. London. «Weidenfeld and Nicolson». 1971. XIV + 445 pp.

Д. ОБОЛЕНСКИЙ. *Византийское сообщество государств. Восточная Европа. 500—1453*.

Прекрасно изданная книга известного английского ученого, профессора Оксфордского университета Д. Оболенского привлекает внимание уже своим оригинальным заглавием¹. Речь идет о сформировавшемся

в целом, по мнению автора, к 1000 г. «сообществе православных государств Восточной Европы» под эгидой Византийской империи. Условно и не тождественно современному в работе также понятие «Восточная Европа»: имеется в виду обширный ареал, включающий весь Балканский полуостров, Моравию, Венгрию, Валахию, Молдавию и русские земли. Вне рассмотр-

¹ В качестве равнозначных приведенному заголовку Д. Оболенский употребляет в книге также выражения: «средневековое (или «всеобщее») объединение христианских наций» (стр. 69, 85, 163), «иерархия подчиненных империи наций, обязанных сохранением церковной и в той же мере политической верности Византии» (стр. 114). В своем докладе на XIII Международном конгрессе исторических наук, в котором кратко изло-

жена основная идея книги, автор употребляет термин «византийское сообщество наций» (см. Д. Оболенский. Связи между Византией и Русью в XI—XV вв. М. 1970, стр. 5).

рения оставлена Польша, ибо она лежала за границами православия.

Книга Д. Оболенского является своего рода подведением итогов многолетней работы над проблемой русско-византийских и славяно-византийских отношений. В ней обобщаются предшествующие выводы автора. Однако он не повторяет, а систематизирует и развивает их с целью наиболее полно обосновать свою главную идею: синтетическому (обзорному, как пишет Д. Оболенский) методу целиком и полностью подчинен метод аналитический. Очерченный выше ареал рассмотрен не в статике, а в изменениях: их претерпевали не только границы ареала (отпали Моравия, Венгрия, Хорватия — включились валашско-молдавские земли, крайний северо-восток Европы), но и интенсивность связей разных его частей с их центром — Константинополем. В работе охвачены, в сущности, все стороны проблемы, включая вопросы взаимодействия культур. Подчеркнутое внимание уделено экономике и социальной жизни как факторам, оказавшим существенное влияние на характер и судьбы взаимных контактов стран «сообщества» с Византией. Во введении Д. Оболенский вполне определенно ставит задачу преодолеть две погрешности, свойственные современной научной литературе: переоценку византийского влияния на славянский «хинтерланд» и его недооценку (стр. 3).

Д. Оболенский стремится учесть все новое и, на его взгляд, заслуживающее внимания в мировой научной литературе, будь то «на восток от Эльбы» или «на запад» от нее. В силу избранного им жанра (обобщающий синтетический труд) Д. Оболенский ссылается лишь на минимум источников и литературы. Однако в кратком перечне специальных работ, приведенном в конце книги, среди трех с половиной сотен послевоенных исследований почти половину составляют труды ученых стран социализма. Интенсивное использование этих работ (автор свободно владеет восточноевропейскими языками) отразилось на всех разделах книги.

Отметим такие особенности труда Д. Оболенского, как трактовка им феодализма, которая сочетает традиционные для западной и дореволюционной русской историографии представления (непременное раздробление политического суверенитета) и воззрение на феодализм как на стадию внутреннего социально-экономического развития общества, характеризуемую в

первую очередь эксплуатацией экономически, социально и административно зависимого крестьянства крупными земельными собственниками, входящими в «правящий» класс государства (стр. 118, 211, 214—215). Феодальные институты в Византии (кстати, господствующая на Западе школа византинистов вообще не признает «византийского феодализма») отнюдь не являются, по мнению автора, результатом заимствований с Запада (стр. 252), а такого же рода институты славянских стран — заимствованными из Византии, хотя и испытали ее влияние, прежде всего на Балканах (см. стр. 118, ср. 253)².

Согласно воззрениям автора, христианизация была обусловлена определенным уровнем социального и экономического развития общества (стр. 156, 281), хотя, подчеркивает он, нельзя игнорировать при этом значительной роли выдающихся деятелей, нравственно-эстетического обаяния христианской доктрины и ритуала (стр. 189, 194, 283, 289), а также насилия государственной власти. Процесс утверждения православия в Болгарии и на Руси, пишет Д. Оболенский, занял не менее столетия после официального принятия христианства. Он вскрывает при этом сугубо социальные корни крестьянского сопротивления, вызванного усилением эксплуатации и утратой части земельного фонда после утверждения в новообращенной стране церковных институтов (стр. 286—289). В отличие от большинства западных ученых Д. Оболенский рассматривает богомильскую ересь в Болгарии как широкое крестьянское движение, носившее ясно выраженный социальный характер. Автор называет их вдохновителями «неповиновения» народных масс земельным магнатам, церкви и властям и идеологами антивизантийского движения (стр. 118, 125, 215). Также в отличие от укоренившейся в западной историографии точки зрения автор показывает огромные масштабы славянской колонизации Балканского полуострова, отмечая значительную роль славян в процессе трансформации Позднеримской империи в средневековую Византийскую монархию (стр. 52).

² Впрочем, стремясь «не спешить с приговором» там, где ведутся споры, автор обычно ставит термины «феодализм» и «феодальный» в кавычки, но это скорее знак вежливости по отношению к оппонентам, чем намек на условность собственного толкования этого понятия.

Процесс проникновения византийской цивилизации во все концы «православного» и «полуправославного» мира Д. Оболенский изображает во всей его комплексности и противоречивости, с учетом факторов «притяжения» и «отталкивания», как процесс сложного взаимодействия, в котором заимствующая сторона играла активную роль, отбирая, видоизменяя, развивая воспринятое и внося свое, оригинальное творчество в общую сокровищницу культурной традиции «византийского сообщества» (стр. 278 сл., 315), особенно тесного — в его культурном аспекте — между южными и восточными славянами (стр. 323 сл.). Синтетический метод исследования автор применяет, так сказать, и в пространственном аспекте (от пристального рассмотрения локальных явлений к попытке охватить общую картину всего региона) и в хронологическом (от рассмотрения обстоятельств возникновения и сущности явления — к изучению его судеб вплоть до исчезновения)³.

Разумеется, здесь мы имеем возможность остановиться лишь на центральной, ведущей идее книги, наиболее четко, пожалуй, высказанной в следующих словах: «Скрепленное изменчивыми связями, разделенное на этнические группы и воюющие национальные государства, находящееся под растущей угрозой развала центробежными силами, рожденное в муках варварских вторжений, это сообщество держав обнаружило достаточную жизненность и устойчивость, сохраняясь как различимое единство с IX по XV в.» (стр. 3). Сразу же оговоримся, что мы отнюдь не возражаем против того, что некое «единство» (компактная группа европейских государств, отношения которых с Византией характеризуются некоторыми общими чертами) действительно существовало. Однако суть вопроса заключается в следующем: в чем состоял центр тяжести «единства», какими главными факторами оно обуславливалось и в чем находило проявление? Нам уже приходилось высказывать критические замечания к некоторым элементам концеп-

³ В полном соответствии с таким подходом в эпилоге книги проблема «Byzance après Byzance» («Византия после Византии»). Кратко рассмотрев обстоятельства рождения и судьбы теории «Москва — Третий Рим», автор пишет о несостоятельности политических и идеологических тенденций западной историографии оживлять «византийский дух» там, где он давно выветрен бурями истории.

ции Д. Оболенского⁴. По мнению автора, политическая независимость средневековых народов Восточной Европы не противоречит факту признания или супрематии императора, «если их связи с империей рассматривать не в соответствии с современной точкой зрения на международные отношения, не в понятиях борьбы между «национализмом» и «империализмом», а в духе «византийского сообщества» как сверхнационального объединения христианских государств, центром которого был Константинополь, а Восточная Европа — лежащим на периферии доменом» (стр. 277).

Все это справедливо: нельзя оценивать мотивы поведения людей далекого прошлого в соответствии с критериями и понятиями XX века. Однако нет ли тут логической аберрации? Ведь сам автор ведет речь о «сообществе» не только как о церковно-идеологическом и культурном единстве, но также и в определенном смысле политическом и юридическом объединении с «административным центром» в Константинополе (стр. 2, 272 сл.). Что касается «единства» первого вида (церковно-идеологическое и культурное), то оно прекрасно обосновано в монографии анализом вполне реальных «скреп», его цементировавших, и многочисленных конкретных проявлений результатов культурной диффузии. Иначе обстоит дело с «единством» второго вида (политическим и юридическим или административным). Знание особенностей средневекового политического мышления, согласно которому своя страна (например, Русь или Болгария) — лишь часть имперской «божественной» системы, не может избавить от обязанности показать, каким образом эта своеобразная доктрина находила свое воплощение в реальной действительности, служили ли такими же «скрепами» политико-юридического «единства» факторы признания со стороны государей восточноевропейских стран политической супрематии императора и его высшего юридического авторитета.

Нам представляется, что «сообщество» второго вида было для византийца, так сказать, «мысленным раем» и идеологическим обоснованием внешней политики империи, направленной на достижение этого идеала (ср. стр. 273), для подданного же «зависимой» страны — лишь морально-эти-

⁴ См. Г. Г. Литаврин, В. Л. Янин. Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX—XV вв. «История СССР», 1970, № 4, стр. 52—53.

ческой концепцией, связанной с эсхатологическими представлениями и религиозным почтением к родине христианства — древней империи «ромеев». Ни «эгоцентрическая фантазия византийцев, увлекавшая их к убеждению в законности прав василевса на весь цивилизованный мир» (стр. 273), ни теоретическое признание государями стран Балкан и Руси высшей супрематии и юридического авторитета императора не получали воплощения в реальных политических акциях внутри «сообщества», а поэтому оно не имело никакой действительной политической или административно-иерархической структуры и само по себе никогда не выполняло такого рода функциональной роли. Конечно, общетеологические воззрения господствующих кругов могли воздействовать и, наверное, воздействовали на выбор политического курса, однако в таких случаях их посредствующую роль весьма трудно распознать за достаточно мирскими интересами, приводившими к заключению политических соглашений и союзов как против врагов «сообщества», так и против враждебных коалиций внутри него.

Автор всюду подчеркивает политический аспект церковной зависимости восточно-христианских стран от Византии, но нигде не приравнивает эту зависимость к политической, включая церковный фактор «сообщества» в число культурно-идеологических. Теоретическое признание всем «православным миром» упомянутой политической доктрины византийских идеологов должно быть отнесено к такого же рода факторам. Оно также не может быть оставлено без внимания как важное явление в истории идейной и культурной эволюции, но оно не имело непосредственного отношения к факторам, скреплявшим «византийское сообщество». Скорее наоборот: византийская политическая доктрина не скрепляла, а разрушала «сообщество», когда ее действительно пытались проводить в жизнь, ибо осуществить ее на практике можно было только силой, через ожесточенную борьбу. Исходя из этой доктрины и учета реального соотношения сил, Византия при Цимисхии (968—976 гг.), а затем при Василии II (986—1025 гг.) аннексировала, поглотив нескольких членов «сообщества», весь север Балканского полуострова в ходе длительных жестоких войн. Такой же точки зрения придерживался Симеон болгарский (893—927 гг.), принявший титул «василевса болгар и ромеев», а впоследствии и Стефан Душан

(1331—1355 гг.), пытавшийся сесть на константинопольский трон. Этим и объясняется тот «парадокс», что наименее устойчивой «византийская ассоциация» была близ самого его центра — на Балканах (стр. 348).

Таким образом, считая возможным сузить содержание понятия «византийское сообщество государств» до рамок церковно-идеологического и культурного единства, мы склонны такого же рода пределами ограничить понятие «сообщество» и при оценке взаимных связей между прочими его членами. Впрочем, это сделано самим автором: он характеризует степень прочности связей каждого члена «сообщества» с империей отдельно, не ставя вопроса о том, соблюдали ли (или даже признавали ли) они ту иерархию степеней и рангов, которыми их наделил император и которые скрупулезно учитывались в торжественном дипломатическом церемониале византийского двора. Нам неизвестны данные о том, что византийская иерархия титулов соблюдалась меж членами «ассоциации», если только они не устанавливали силой порядка собственной иерархии в ходе взаимной вражды, которая, кстати говоря, «византийскому сообществу» была свойственна не меньше, чем любой другой группе европейских стран того времени вне пределов «сообщества».

Мы не разделяем убеждения автора, что система византийских титулов составляла «проблему центральной важности» в отношениях империи с болгарями, русскими и сербами (стр. 114). Случаев узурпации титула было в «сообществе» всего два на протяжении шести веков. Титул сербского, хорватского или венгерского правителя действительно иногда символизировал вассальные отношения к империи, но точно такой же титул мог носить и совершенно независимый от империи государь. Теоретический взгляд на такого «духовного сына», «духовного брата», «союзника» или «приведенного к договору» как на потенциального подданного василевса так и оставался теоретическим, если не было возможности подкрепить свои воззрения силой.

Д. Оболенский — прекрасный знаток принципов и методов византийской дипломатии и имеющей отношение к ней титулатуры. Мы согласны с тем, что она имела некоторое значение: получение высокого титула от императора повышало престиж

государя «варварской» страны внутри нее и на международной арене. Но все дело в том, что обладание таким титулом было часто не результатом милости или осуществления высшего суверенитета василевса, а следствием поражения империи, а главное, его получение ни к чему не обязывало обладателя титула в его отношениях с Византией.

История отношений Византии с Киевом, Галичем и Суздаlem в 50—60-х годах XII в. получила в книге гораздо более осторожную оценку, чем в упомянутом докладе Д. Оболенского на конгрессе, в котором он утверждал, что Мануил I «не без успеха» использовал эти три русские княжества «как пешки на доске европейской дипломатии»⁵. Подчеркивая, что Владимирко галичский лишь формально признал суверенитет императора, Д. Оболенский все-таки полагает, что власть Мануила I над ним и над Юрием Долгоруким, подобно власти римского *pater familias*, была отнюдь не идеальной, ибо выражалась в обязательстве оказывать военную помощь (стр. 231). Но, во-первых, эти обязательства были взаимными: трудно определить, кто оказал больше воинских услуг: империя ли Галичу или Галич империи; во-вторых, Суздадь и Галич состояли в одной коалиции с Византией не столько потому, что она этого захотела, сколько потому, что их собственные интересы столкнули их с Киевом и Венгрией, враждебной империи. Не подкрепляет тезиса о власти *pater familias* и ссылка автора на поход Ростислава Мстиславича галичского против союзных Калояну болгарскому (врагу империи) половцев в самом начале XIII в. (стр. 232). Для этого необходимо было особое соглашение (послы Ростислава вели переговоры с императором в мае 1200 г. в Константинополе), да и сам Ростислав стремился к разгрому половцев, разорявших его земли в союзе с киевским князем.

Автор полагает, что «византийское сообщество» превратилось лишь в культурную общность в никейский период истории империи, когда из-под ее власти вышли Болгария, Сербия, Русь (с 1240 г.) (стр. 203), когда византийский василевс утратил возможность утверждать политическими и дипломатическими средствами «сообщество» как административное целое, а

роль связующей силы, даже возросшую в это время, взяло на себя византийское патриаршество (стр. 242). Примером политического реализма считает автор то обстоятельство, что именно в этот период Никея санкционировала для Болгарии патриархию, для Сербии — автокефальную архиепископию, для Руси — поставление киевским митрополитом уроженца Руси — монаха Кирилла (стр. 241—242). «Сообщество» было только культурно-церковным с самого начала и до конца. Наименьшую же уступку получил именно тот (Русь), со стороны которого опасность или, напротив, перспективы воинской поддержки были минимальны. Все решали не иерархия и система титулов, а реальное соотношение сил в каждый данный момент. Упомянутые уступки поэтому нельзя расценивать вместе с автором как проявление «центробежных тенденций» внутри «сообщества». Это понятие к нему не приложимо во все периоды существования этой общности (см. стр. 242).

Лишь в единственной сфере — церковной, тесно связанной с политикой в ту эпоху, — законы «византийского сообщества» действовали в целом постоянно; зависимость здесь была, несомненно, обусловлена *de jure*, впрочем, не только в силу канонов (это весьма спорно), но и в силу традиции, ставшей священной. Эта проблема заслуживает особого рассмотрения, но, поскольку Д. Оболенский зачислил церковные связи (по нашему мнению, верно) в число культурно-идеологических факторов, можно оставить ее в стороне. Заметим, однако, что упомянутая традиция, вызывавшая порой протесты в XI и XII вв., свято соблюдалась именно тогда, когда ее легче всего было преодолеть, — в XIV и XV веках. Но причины этого лежали не в верности русских порядкам «сообщества» (стр. 266), а в политической ситуации на Руси, которая позволяет понять и то, почему преемники Василия I, выбросившего имя василевса из поминальных диптихов, вновь включили его в них, посылая в Константинополь время от времени «милостыню» — в безвозмездный дар, как знак почтения и жалости. Однако, когда сам василевс в 1439 г. во Флоренции согласился на унию с западной церковью, то, несмотря на его «высшую супрематию» и «высший юридический авторитет», русские отказались от «сообщества» даже в той сфере, в какой находились в подлинной зависимости, — в церковной.

⁵ См. Д. Оболенский. Связи между Византией и Русью в XI—XV вв., стр. 2—3.

В историографии более полутора веков упорно держится миф об агрессивности Византийской империи, тогда как с конца XI в., исключая, может быть, лишь царствование Мануила I (1143—1180 гг.), она находилась в глухой круговой обороне. Автор прав, считая, что главная практическая цель византийской дипломатии (в том числе, добавим мы, и культивирование идеи «супрематии») заключалась в стремлении выжить, а не распространить свое господство на весь «крещеный мир». Она стремилась любыми средствами обезвредить подлинного или потенциального врага, удержать его от нападения, но с 70-х годов XII в. уже не преследовала целей осуществления на практике своей политической теории, которая, как нам кажется, оказала существенное влияние на концепцию «византийского сообщества» Д. Оболенского. «Сообщество» не имело конституционных политико-юридических скреп, влияние «центра» в нем слабело или усиливалось в соответствии с ходом политических событий и изменениями в реальном соотношении сил.

В заключение заметим, что автор излишне акцентирует внимание на опасности приравнять «национальное единство» к культурному (стр. 3). Нет необходимости умалять значение византийской цивилизации в развитии культуры славянских народов. Однако трудно согласиться с тем, что вплоть до XV в. она была доминирующей нотой в их общем хоре, «греческим гимном на славянском языке» или «скорее местным диалектом, чем особым языком»

(стр. 349, 361). Не следует отрицать и то, что чем ближе к истокам славянской культуры, тем явственнее черты ее общности с Византией. Однако каждая славянская культура, в X в. так же, как и в XV, имела в своей сердцевине черты, придававшие ей индивидуальность. Автор отмечает их, но (в несомненной связи с концепцией «сообщества») предпочитает подчеркивать признаки византийской «модели».

Нельзя согласиться с Д. Оболенским в трактовке роли викингов как в образовании Древнерусского государства (стр. 181), так и в военных кампаниях империи (стр. 232—236) (русские славяне почему-то при этом не фигурируют, хотя на этот счет есть достоверные данные). Неверно и утверждение автора, что протоболгарское завоевание «спасло» славян между Дунаем и Балканами от полной эллинизации (стр. 647). Называя и государство Аспаруха (стр. 66) и Латинскую империю (стр. 237) «паразитическими», автор допускает малопримлемую аналогию, не приняв во внимание идею славянопротоболгарского политического симбиоза, которая способна объяснить многое и которая не противоречит фактам.

Однако, несмотря на все наши замечания и возражения, труд Д. Оболенского является научным исследованием, в котором с достаточной глубиной и полнотой вскрыты особенности и историческая роль одного из крупнейших культурных ареалов средневековой Европы.

Г. Г. Литаврин

По страницам зарубежных журналов

ПОЛЬСКИЙ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК «Studia źródłoznawcze. Commentationes» (1957—1971 гг.).

Одной из характерных черт развития современной науки является рост интереса к проблемам методологии. Методология и методика исторического исследования и, в частности, вопросы теоретического источниковедения привлекают внимание советских историков и широко обсуждаются на страницах периодической научной печати. Несомненный интерес представляют также работы в этом направлении историков других социалистических стран. Они дают богатый материал для сопоставления различных точек зрения, разнообразных подходов к решению сложнейших вопросов социального познания, осуществляемых на основе общей методологической базы марксизма-ленинизма.

Немало внимания методике работы с историческими источниками уделяют польские ученые. Польская Академия наук в течение ряда лет издает специальный ежегодник источниковедческих исследований «*Studia źródłoznawcze*» (Warszawa — Poznań). В нем публикуются материалы по вспомогательным историческим дисциплинам, проблемам конкретного источниковедения польской истории, причем большое место отводится вопросам теоретического источниковедения. Помимо статей и обзоров, в большом критико-библиографическом разделе систематически помещаются рецензии на отечественную и зарубежную литературу по вопросам источниковедения и других вспомогательных исторических дисциплин. В настоящем обзоре освещаются те материалы ежегодника, в которых затрагиваются вопросы теоретического источниковедения.

Современное источниковедение характеризуется расширением своей базы за счет источников не только отдаленного прошлого, но и новейшего времени. Задачи марксистско-ленинской исторической науки по изучению современного развития общества требуют разработки методов анализа новых видов исторических источников, развития вспомогательных исторических дисциплин нового и новейшего времени. Большую работу в этом направлении проводят историки и архивисты Польши. В статье «Успехи вспомогательных исторических дисциплин в Польше XIX—XX вв. в свете современных задач» (VIII, 1963) И. Игнатович характеризует это направление работ польских историков, оценивает состояние и перспективы дальнейшего развития вспомогательных исторических дисциплин. Поворот к проблематике источниковедческих исследований новейшего времени автор непосредственно связывает с реальными задачами современной польской исторической науки, с необходимостью изучения новых категорий источников. Говоря о методологических принципах современного источниковедения, автор придает важное значение изучению источника как исторического факта, его интерпретации в свете социально-исторических условий, вызвавших его возникновение. И. Игнатович освещает достижения и задачи польских историков в связи с двумя основными направлениями исследований в области источниковедения современности. Это — собирание и приведение в известность исторических источников и их научная критика. Источниковедческая эвристика (отыскание и приведение в известность исторических источников), несомненно, имеет для периода новой и новейшей истории особое значение, поскольку здесь общее количество источников, как никогда ранее, возрастает и вопросы их отыскания и отбора встают с особой остротой. Тем важнее, как показывает автор, в этом случае связь исторической науки с архивоведением, объединение усилий историков и архивистов в решении общих задач по отысканию источников, их введению в научный оборот с помощью путеводителей, тематических обзоров, публикаций. В статье обращается внимание также на важность научной постановки исторической библиографии и других форм информации об источниках, хранящихся в библиотечных фондах, и о вещественных памятниках, которые не утрачивают и для новейшей истории своего значения источников. И. Игнатович характеризует также некоторые вопросы методики источниковедческого исследования применительно к документам современности. В целом же он считает, что общие методологические принципы классификации, научной критики и интерпретации применимы и к источникам данного периода. В то же время он стремится раскрыть те новые возможности, которые специфика источников современности дает для использования при их анализе приемов источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

Новые задачи исторической науки, все более широко охватывающей социальные явления, объясняют тот большой интерес, который проявляет ежегодник к статистическим источникам. Методике использования статистических материалов посвящена большая работа С. Боровского, опубликованная в трех томах ежегодника: «Характер и классификация статистических источников» (IX, 1964), «Критерии оценки статистических источников» (X, 1965), «Вторичные статистические источники» (XII, 1967). Автор исходит из положения о двойственной природе исторического источника, который является в одно и то же время результатом определенных условий общественного развития и их отражением. Он делит все источники на три категории, различая три степени осознания и фиксации социальных явлений как массовых. В первом случае явления прошлого не были осознаны и фиксированы как массовые. В результате историк располагает лишь материальными реликтами таких явлений прошлого

(например, остатки строений и т. п.), которые представляют собою исторические, но не статистические по своему характеру источники. Во втором случае наблюдатель-современник осознает и фиксирует наблюдаемые им явления как массовые, дает в руки историка первичные статистические источники. В третьем случае, когда явления фиксированы как массовые не их современником, а — по их остаткам — позднейшим наблюдателем, историк получает вторичные статистические источники. Для этих трех категорий источников — исторических (прастатистических), первичных и вторичных — С. Боровский разрабатывает систему критериев проверки достоверности. Особенно детально он рассматривает критерии оценки наиболее важной категории — первичных статистических источников. При этом учитываются три этапа их создания — наблюдения и фиксации отдельных явлений, конструирования статистического целого и выведения статистических закономерностей; рассматриваются критерии непосредственности наблюдения, их однородности, адекватности, полноты наблюдения, репрезентативности выборки и т. п.

С. Боровский делает упор на систему общих критериев, с помощью которых может вестись проверка достоверности статистических источников, и не ставит своей задачей учитывать конкретно-историческую специфику их происхождения и содержания, от которой во многом зависит исследовательская методика. В отличие от него И. Игнатович останавливается на некоторых методах работы со статистическими источниками конкретного содержания — по истории промышленности Лодзи во второй половине XIX в. (ХП, 1967). Автор отмечает ряд сложностей, возникающих перед историком в связи с такими фактами, как несоответствие структуры нарождающейся капиталистической промышленности устаревшим принципам статистического учета, динамика цен, изменения территориального деления, усложняющие сопоставимость данных о развитии промышленности.

В работах польских ученых можно заметить определенный интерес к проблеме классификации источников — одной из наиболее сложных и малоразработанных в источниковедении. На определенном уровне его развития обязательно возникает необходимость обсуждения этой проблемы. Поводы к возникновению такого рода дискуссий могут быть различными. В советской историографии, например, импульсом послужили практические задачи преподавания — необходимость иметь обоснование классификации источников в учебных курсах¹. Вскоре, однако, собственно учебно-педагогические вопросы нашли свое решение, но обсуждение этих проблем не прекратилось, оно сконцентрировалось на теоретико-методологических основах общей классификации источников². Устойчивость интереса к этим вопросам позволяет думать, что они связаны с ключевыми проблемами источниковедения. Действительно, исследование принципов классификации углубляет представление о природе исторического источника, о специфике отражения в нем социальной действительности. Анализ существующих классификационных схем и обоснование новых ставят в центр внимания общие, повторяющиеся свойства источников, способствуют выявлению этих свойств. Трудно переоценить значение такого направления: только опираясь на реально существующие общие свойства источников можно разрабатывать методику их источниковедческого исследования.

В первом томе ежегодника Г. Лябуда опубликовал статью «Опыт новой систематики и новой интерпретации исторических источников» (I, 1957). Он критикует известную схему деления источников на «исторические остатки» и «исторические предания», ведущую свое начало от работ И. Г. Дройзена и Э. Бернгейма и модифицированную затем другими буржуазными историками. Г. Лябуда считает эту схему классификации формальной, абсолютизирующей либо материально-физические, либо психические свойства источников, а между тем эти свойства неразрывно связаны. Он стремится строить свою схему классификации на основе понимания источника как

¹ См., например, В. К. Яцунский. К вопросу о классификации письменных источников в курсе источниковедения истории СССР. «Труды» Московского историко-архивного института. Т. XI. М. 1958; Р. С. Мнухина. Источниковедение истории нового и новейшего времени. М. 1970.

² С. М. Каштанов, А. А. Курносков. Некоторые вопросы теории источниковедения. «Исторический архив», 1962, № 4; Л. Н. Пушкарев. Типологическая классификация русских письменных источников по отечественной истории. М. 1969.

исторического явления, связанного с теми условиями, в которых он возникает, и в то же время отражающего эти условия. Источник одновременно и продукт деятельности человека и ее отражение, он средство познания, дающее возможность воспроизвести процесс общественного развития в его различных проявлениях. Г. Лябуда придает важное значение пониманию источника «как исторического факта», иначе говоря, как части исторической реальности. Рассмотрение источника в связи с теми социальными условиями, которые в конечном счете обусловили его возникновение, является, как известно, одним из коренных принципов марксистско-ленинского источниковедения, открывающим возможности подлинно научного решения вопросов авторства источника, интерпретации и критики его содержания, постановки проблем классификации. Многие авторы ежегодника подчеркивают принципиальное значение понимания источника как исторического факта для развития археологии, дипломатики, классической филологии, других вспомогательных исторических дисциплин.

В построении схемы классификации исторических источников Г. Лябуда исходит из того, что в каждом источнике имеются различные элементы — физические (то есть вещественные), психические и социальные. Каждый из этих элементов («квантов») присущ любому источнику, но в различных пропорциях. В зависимости от того, какой из элементов преобладает, автор счел возможным разделить источники на три категории — эрготехнические, психотехнические и социотехнические. К последней, охарактеризованной наиболее полно, он отнес источники, возникающие непосредственно в результате взаимодействия людей в процессе производства. Статья Г. Лябуды была первой работой по вопросам теоретического источниковедения на страницах ежегодника. Она привлекла внимание к изучению природы исторического источника, принципов классификации. Авторы, выступившие в последующих томах ежегодника, оттачивались от высказанных в ней суждений. В недавнее время вопросы классификации источников вновь были подняты в польской научной печати. Были высказаны критические замечания о схеме, предложенной Г. Лябудой в 1957 году. Главный упрек сводился к тому, что она не имеет достаточно четкого принципа деления источников и в силу этого систематизация конкретных источников по предложенным категориям практически невозможна³.

Логико-семантический аспект классификации был затронут в статье Е. Гедымина (III, 1958). Автор, известный исследователь методологии социального познания⁴, поставил в статье актуальную проблему работы с источником. Одной из первоочередных задач теоретического источниковедения является создание понятийно-терминологического аппарата, соответствующего нынешнему состоянию этой отрасли. Характерный для развития современной науки процесс интеграции нашел свое отражение в источниковедении. Сегодня эта быстро растущая отрасль знания не только находится во взаимодействии с другими историческими науками, но и стремится к использованию исследовательской методики таких наук, как статистика и математика, лингвистика и литературоведение, логика и социальная психология. Для современного источниковедения, как отрасли быстро развивающейся, характерен не вполне устоявшийся, меняющийся понятийно-терминологический аппарат, употребление не вполне определенных и унифицированных терминов. Это весьма усложняет выяснение существа дискуссионных проблем. Е. Гедымин проанализировал те логико-семантические вопросы, которые возникают при обсуждении проблем классификации, в частности в связи с критикой формальной классификации источников Э. Бернгейма. Автор указал на ряд недостатков формально-логического деления источников как следствие семантических ошибок в названии членов классификации, неясностей ее принципа из-за употребления многозначных, близких по значению, неустойчивых терминов, неприменимых с точки зрения других наук. Поднятый Е. Гедымином вопрос заслуживает самого пристального внимания в связи не только с проблемами классификации, но и с рядом других вопросов источниковедения и исторической науки⁵.

³ «Studia metodologiczne» (Poznań), IV, 1968, s. 17—50.

⁴ См. его монографию: J. G e d y m i n. Z problemów logicznych analizy historycznej. Poznań, 1961.

⁵ Вопросы терминологии недавно рассматривались также на страницах нового польского издания по методологии исторической науки (см. J. M a t u s z e w s k i. Terminologia rozpraw metodologicznych. «Historyka. Studia metodologiczne». T. II. 1969, s. 139).

Если говорить о содержании понятий, которыми оперирует современное источниковедение, то прежде всего может встать вопрос об анализе самого понятия «источниковедение». Известно, что объем этого понятия в различных локальных и хронологических рамках был далеко не равнозначен. В недавно опубликованном в ГДР издании по методологии истории термин «источниковедение» употребляется наряду с понятием «источниковедческая критика» и включает, собственно, лишь этап отыскания источников, источниковедческой эвристики⁶. В то же время, например, во французской историографии, которую со времен Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса и до наших дней характеризует интерес к методике работы с источником, речь идет о внутренней и внешней критике, проверке достоверности, трудностях терминологической и смысловой интерпретации и других сторонах источниковедческого анализа, но никогда — об источниковедении как особой дисциплине⁷. В русской историографии понятие «источниковедение» введено в научный оборот в работах известного буржуазного историка А. С. Лаппо-Данилевского⁸.

Вопрос о месте источниковедения в советской историографии нашел некоторое отражение в специальной работе польских историков Ф. Броновского и Б. Кшеменьской (IV, 1959). Эта статья появилась в одном из ранних томов ежегодника и, естественно, не могла учесть материалы советской историографии начала 60-х годов, когда сдвиги в ее развитии стали очевидны и был поставлен ряд существенных вопросов теории и методики источниковедения. Отметив, что термин «источниковедение» использовался еще в русской буржуазной науке, авторы, опираясь на работы М. Н. Тихомирова, Д. С. Лихачева, А. Д. Люблинской, А. Т. Николаевой, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнина, проследивали ту эволюцию, которую претерпело это понятие на различных этапах развития советской исторической науки. Польские историки пытаются выявить характерные черты его в советской историографии послевоенного периода, в частности подход к источнику как к историческому явлению, продукту определенной общественной среды, интерпретацию источника в связи с экономико-политическими условиями общественного развития. В то же время они полемизируют с некоторыми положениями критики буржуазного источниковедения как формального, содержащимися в советских работах тех лет.

Особое внимание авторов привлекла наметившаяся в СССР уже в тот период тенденция к расширению объема понятия источниковедения как основной вспомогательной исторической дисциплины. Они анализируют эту тенденцию, исходя из того понимания источниковедения, которое дается в соответствующей статье второго издания Большой Советской Энциклопедии, а также в работе А. Т. Николаевой⁹. Авторы высказывают ряд соображений относительно расширительного понимания задач источниковедения. С их точки зрения, это может привести к размыванию границ между источниковедческим и собственно историческим исследованием. Определяя границы источниковедения, они относят к его задачам изучение всей суммы вопросов критики источника. Выяснение же того, что дает источник для освещения исторических проблем прошлого, они выводят за пределы источниковедения, относя непосредственно к задачам исторического исследования. С такой точки зрения работа, трактуемая, например, как акты материалы как источник по истории русского крестьянства, должна быть отнесена по своему профилю не к источниковедческим, а к историческим исследованиям. Авторы поднимают в данном случае важный вопрос о признаках отличия и специфике источниковедческих исследований.

Обращаясь к практике современной историографии, действительно бывает трудно решить, где совершается переход от источниковедения к решению чисто исторических проблем, или, наоборот, когда источниковедческое исследование превращается в историческое. Определенную роль играет, конечно, недостаточно четкая структура многих источниковедческих исследований. Главное, однако, заключается в специфичности связей источниковедения и собственно исторической науки, в их постоянном и тесном

⁶ «Einführung in das Studium der Geschichte». В. 1966.

⁷ «Histoire et ses méthodes». Р. 1961.

⁸ А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории. Т. 2, СПб. 1913.

⁹ «Источниковедение». БСЭ. 2-е изд. Т. 19 (автор — Л. В. Черепнин); А. Т. Николаева. Некоторые вопросы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в БСЭ. «Исторический архив», 1966, № 2.

взаимопроникновении, когда для решения исторических проблем необходимо провести анализ и критику источника, а для выяснения специально источниковедческих вопросов критики и интерпретации источника нужен историко-логический анализ. Е. Топольский недавно справедливо заметил, что даже только для источниковедческой критики и интерпретации требуется огромный объем внеисточниковой информации¹⁰. И все же, стремясь вычленив бесспорную область источниковедения из безграничного поля исследований прошлого, вряд ли следует, как полагают Ф. Броновский и Б. Кшемьская, сужать ее, относя к ней лишь традиционную сумму критических операций над источником. Советское источниковедение преодолело это ограничение, оно активно занимается также вопросом о том, что дает та или иная группа источников для освещения определенного круга проблем. Такая постановка темы источниковедческих исследований вполне правомерна.

Задумываясь над спецификой современного источниковедческого исследования, необходимо учитывать его цель и направление, его отличие от исследования чисто исторического плана. В центре внимания историка — определенная проблема, одна из сторон общественного процесса, рассмотреть которую в ее связях и опосредствованиях с возможной полнотой он ставит своей задачей. Для этого привлекается и используется вся возможная информация, в том числе исторические источники. Источник как целое, во всем богатстве его содержания, не интересует в данном случае исследователя. Он выступает лишь в той мере и в том качестве, в каком позволяет решить проблему, интересующую историка как предмет его изучения. Иное дело — постановка исследования в источниковедческом плане (акты, мемуары, переписка и т. п. — «как исторический источник»). В этом случае в центре внимания — источник (или комплекс однородных источников) и в задачу исследования входит выявление всей содержащейся в нем информации с последующей оценкой ее полноты, достоверности, специфичности и неповторимости, а следовательно, и научной ценности по сравнению с информацией, содержащейся в других источниках. Раскрытие всех возможностей источника, выявление многообразных аспектов имеющихся в нем сведений, пригодных для освещения многих исторических, социально-психологических и иных проблем, — такова здесь задача исследователя: он анализирует вопросы авторства, происхождения и историю создания источника; осуществляет текстологическую и смысловую интерпретацию, выясняя смысл, который вложил в содержание источника его составитель, раскрывает полноту свидетельств данного источника и оценивает достоверность его сообщений о том отрезке исторического времени, к которому он относится. Каждый из этих этапов источниковедческого исследования имеет свои специфические трудности, требует все новых специальных знаний.

Среди актуальных тем теоретического источниковедения, затронутых в ежегоднике, следует назвать и проблему достоверности, самую старую и сложную в источниковедческой работе. В статье Е. Гедымина рассматривается вопрос о достоверности информатора — автора источника (VII, 1962). В качестве исходного положения Гедымин констатирует наличие двух интуитивных концепций надежности информатора. Одна из них ставит меру достоверности в зависимость от частоты получения от данного лица правдивых или, напротив, ложных сообщений в определенной области. Другая концепция определяет меру достоверности с учетом целей и средств, имевшихся в распоряжении информатора (знал ли факты и хотел ли их сообщать). Е. Гедымин намечает, таким образом, один из путей анализа меры достоверности информатора и тем самым способствует решению проблемы надежности источника в целом. Однако изученность вопроса о достоверности в настоящее время далеко не соответствует его значимости. Его решение может, по-видимому, быть осуществлено с учетом специфики отражения в источнике действительности, социальной психологии его автора, а также восприятия сведений источника исследователем. Достоверность источника возникает в процессе взаимодействия сложных компонентов, зависящих от многих социальных и психологических моментов. К тому же понятия надежности информатора и достоверности источника в целом не однозначны. Источник достоверен как элемент исторической реальности своего времени, и в то же время каждое отдельное его свидетельство требует конкретного анализа, лишь частично опирающегося на общую формулу надежности

¹⁰ См. Е. Топольский. О понятии и роли внеисточникового знания в историческом исследовании. «Studia metodologiczne», III, 1967.

информатора. Проблема достоверности должна стать предметом серьезных исследований прежде всего на материале конкретных источников, различных их видов и категорий. Это позволит накопить материал для дальнейшего изучения специфики отражения действительности в историческом источнике и решения проблемы достоверности.

Ряд статей ежегодника позволяет судить о том, как складываются в настоящее время связи источниковедения с другими специальными историческими дисциплинами. В некоторых статьях эта тема является предметом анализа; в других она затрагивается в ходе решения конкретных задач данных научных дисциплин. Б. Ляпис (XIV, 1969) исследует значение сотрудничества исторической и филологической наук для их взаимного обогащения и развития на материале ряда работ, опубликованных на страницах польских филологических журналов за последние годы. Несомненно, знания в области филологии расширяют границы источниковедческого анализа и интерпретации источников. В то же время новые работы польских филологов дают возможность говорить об обогащении историками проблематики классической филологии, об анализе литературных произведений древности в связи с изучением социальных, политических и культурных условий античной цивилизации. Б. Ляпис подчеркивает значение подхода к литературному произведению прошлого как к источнику познания исторических фактов.

Для современной исторической науки характерен процесс переосмысления методики и задач ряда вспомогательных исторических дисциплин, расширяется понимание их целей и назначения. Некоторые из них можно считать специальными историческими дисциплинами, имеющими свои методы и особые самостоятельные цели исследования. К числу таких дисциплин относится дипломатика. О тенденциях ее развития пишет М. Белинская в статье «К вопросу о возникновении польской канцелярии» (XIII, 1968). Внимание автора привлекло расширение самого понятия и предмета дипломатики, прогресс в ее исследовательских методах. Рассматривая причины этого явления, она связывает его с общим процессом интеграции общественных наук, развитием исследования правовых институтов, соответствием обогатившим методику исследований по дипломатике, а также с внедрением в медиэвистику некоторых современных приемов изучения документов (с помощью фототехники и др.). Задачи современной дипломатики М. Белинская видит в более всестороннем и полном изучении деловой документации канцелярий, ограниченной определенными локальными рамками и представленной в динамике. С новым пониманием правового значения документов она связывает критику традиционного в буржуазной дипломатике деления актов на публично-правовые и частноправовые. В статье подчеркивается также принципиальное значение изучения деловой документации в связи с конкретными условиями ее происхождения и отмечается, что лишь с учетом этого возможна ее правильная интерпретация. Отмеченные моменты, несомненно, показывают тесную взаимозависимость дипломатики и источниковедения в его современном понимании.

П. Недо в своей статье (XII, 1967) обосновывает роль фольклора как исторического источника и ставит проблему классификации этого рода источников. Они могут быть правильно поняты и истолкованы, считает он, лишь в том случае, если учтены связи исторического фольклора с временем, которое его породило.

Концепция источниковедения, лежащая в основе рассматриваемого издания, за прошедшие пятнадцать лет не осталась неизменной. Процесс интеграции, характерный для современной науки в целом, оказал свое влияние на ее развитие. Все более очевидной становится масштабность проблем теоретического источниковедения, их значимость для методологии истории и других общественных наук. Об этом свидетельствуют, в частности, новые статьи Е. Матерницкого «Некоторые проблемы теории и методологии истории» и С. Пекарчика «Методологическая реконструкция гуманитарных наук и практика исторического исследования» (XV, 1971). Коренные проблемы теоретического источниковедения (источниковое и внеисточниковое знание, критика источников, проблема достоверности) органически вливаются в проблематику методологии истории и гуманитарных наук в целом и лишь на этом уровне найдут свое кардинальное решение.

О. М. Медушевская

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Deutsche Aussenpolitik».
Berlin. 1971, № 5.

О. Фишер. ГДР — надежный союзник в борьбе за мир, прогресс и социализм; С. И. Беглов. Внешнеполитическая платформа XXIV съезда КПСС; Г. Хайланд, Х.-И. Шёнхерр. О ведущей роли марксистско-ленинских партий в процессе расширения и углубления всестороннего сотрудничества братских социалистических стран; Р. Йеске. Об интернационалистских традициях отношений между ГДР и ПНР; Сообщения. А. И. Полторак, Н. С. Лебедева. Нюрнберг: история и современность; Д. Штропп. О некоторых вопросах внешней политики Норвегии; К. Витте. Позиция датской социал-демократии по отношению к проблемам европейской безопасности; Х. Штёбер. Организация африканского единства и соотношение классовых сил в Африке; И. Латышев. К вопросу о положении трудящихся в Японии.

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft».
Berlin. 1971, № 10.

Э. Энгельберг. О методологических проблемах периодизации истории; К. Си иливаск. Роль Прибалтики в Великой Октябрьской социалистической революции; Сообщения. В Руге. Посмертное саморазоблачение Г. Брюнинга; Публикации. Р. Агстен, М. Богиш. Документы к истории либерально-демократической партии Германии в 1945 г.

«Zeitschrift für Militärgeschichte».
Berlin. 1971, № 6.

Ю. Кюблер. От политики «большой дубинки» до политики «добраго соседа». Четыре десятилетия преемственности и изменения военной политики США по отношению к Латинской Америке; Х. Усчек. Проблема связи политики и войны в военной теории и практике И. Д. Шарнгорста; В. А. Мазуленко. Оперативная маскировка советских войск при проведении наступательных операций в период Великой Отечественной войны; О. Грёлер. Фашистский германский воздушный флот в последней фазе второй мировой войны; В. Рош лау. Функции саперных войск сухопутных вооруженных сил бундесвера в период его развития в ударную атомную армию НАТО (1956—1962 гг.).

«Kwartalnik historii kultury materialnej».
Warszawa. 1971, № 1.

С. Александрович. Новый источник об осаде Полоцка польско-литовскими войсками в 1579 г.; З. Розанова, Е. Смуликовска. Мотивы труда в польской пластике периода Ренессанса (XVI—первая половина XVII в.); Научные сооб-

щения. В. Майзель. Статуэтка палача с позорного столба во Вскохе; Е. Фогель, А. Карловска-Камзова. Остатки зверинца в окрестностях Курника; А. Выробиш. Материалы к истории материальной культуры польского мещанства в начале XVIII в.; В. Калиновски. Строительство промышленных предприятий в Стараховицах в 1836—1841 гг. в свете анализа картографических материалов.

«Kwartalnik historii kultury materialnej».
1971, № 2.

Я. Паздур. Изменения во взглядах на труд в Польше XVIII—начала XIX в.; Р. Свентоховски. Кирпичный завод доминиканского монастыря в Варшаве (1604—1784 гг.); И. Ирасек. Место крупной собственности в развитии сельского хозяйства на Чешских землях в 1648—1848 гг.; Научные сообщения. Т. Опас. Старые оборонительные сооружения шляхетских городов Люблинского воеводства; М. Квапенёв а. Хронология распространения гончарного круга в средние века и в новое время.

«Kwartalnik historii kultury materialnej».
1971, № 3.

И. Гейшторова. Из истории поместья Варшавы в XVI в.; Е. Пыргала. Обжиг известки в бассейне средней и нижней Вислы в I—IV вв. н. э.; М. Домбровска. Отопление и освещение жилых помещений на Польских землях в VI—XIII вв.; Т. Лалик. Владения древнеболеславских каноников в первой половине XI в. К вопросу об организации княжеского домена; Научные сообщения. Использование источников соленой воды на Сондеччизне в древнейшие времена; Т. Поклевски. Попытка археологической реконструкции средневекового поместья. Спицимеж на Варте; Т. Керсновска. Княжеская резиденция XIII в. в Блоне; Т. Лалик. Строительство деревянного поместья в Ядовниках в 1394 г.

«Kwartalnik historyczny».
Warszawa. 1971, № 4.

С. Эрлих. Парижская Коммуна и опыт революционного движения в XX в.; Е. Здрада. Роль Ярослава Домбровского во время Парижской Коммуны; Г. Лабуда. Польские хроники в средневековье; А. Вежбицки. Вокруг книги «Дух польской истории». Споры об оценке национальной истории в польской историографии 1917—1919 гг.; Материалы. Л. Гросфельд. Германская миссия в Варшаве и ее отношение к польско-советской войне 1920 г.

«Przegląd Zachodni».
Warszawa. 1971, № 3.

Ю. Конечны. Положение в области политического воспитания в ФРГ; А. Брожек, А. Сухоньски. Прошлое поль-

ских Западных земель в польских школьных учебниках по истории; А. Чубиньски. Роль Великой Польши в развитии польского национально-освободительного движения Силезии в 1918—1921 гг.; Т. С. Врублевски. Взгляды исследователей ГДР и ФРГ на актуальные проблемы славистики. Материалы. Я. Собчак. «Имперский центр служения родине» — орган пропаганды в Веймарской республике; З. Шушкевич. Популяризаторская и пропагандистская деятельность Института Восточной Европы во Вроцлаве в 1918—1944 гг.; П. Хаузер, Т. Котловски. Позиция генерала С. Шептицкого по отношению к восстанию 1921 г. в Верхней Силезии.

«*Sprawy międzynarodowe*». Warszawa. 1971, № 7—8.

А. Станек. Польша, социалистическое сообщество и европейская безопасность; А. Каркошка. Разоружение: новые импульсы; Я. Хованец. Кризис капиталистической валютной системы: причины, характер, попытки выхода из него; Б. Визимирска. Трудные проблемы Пакистана; З. Добосевич. Экономические отношения Великобритании с африканскими странами.

«*Sprawy międzynarodowe*». 1971, № 9.

А. Клафковски. Договор между Польшей и ФРГ об основах нормализации отношений как свидетельство признания статус-кво в Европе; Р. Фрелек. Кризис «холодной войны»; Ю. Солдачук. Торговля между Востоком и Западом и экономическое развитие Восточной и Западной Европы; Р. Маркевич. Направления развития ГДР (по материалам VIII съезда СЕПГ); Я. Стефанович. Испания и Европа; З. Добосевич. Процесс национализации иностранного капитала в Африке; Сообщения. Г. Батовски. Из истории польско-английских отношений в сентябре 1939 г. (по материалам Форин оффис).

«*Sprawy międzynarodowe*». 1971, № 10.

П. Божик. Программа экономической интеграции социалистического сообщества; Т. Бартковски. Политические волнения в арабском мире; М. Лытко. Первые контуры расширенного «Общего рынка»; Я. Стефанович. Италия: политика равновесия; Г. Окулярчик. Consensus в процессе принятия решений в ООН; Сообщения. Е. Сулэк. Политика ФРГ по отношению к Польше в 1966—1969 гг.; Е. Скибиньски. Отношения ГДР с развивающимися странами.

«*Studia historyczne*». Kraków. 1971, № 2.

Ч. Лехицки. Из истории галицийской прессы на рубеже XIX и XX вв. («*Ruch Katolicki*» — «*Przedświt*»); Г. И. Ионита, М. Мольдочевану. Исследования по новейшей истории Румынии за последнюю четверть века; Материалы. М. Гумовски. «Гора Вавеля в долине Кракова». История масонской ложи в Кракове; Г. Жадрковска. Письма Ф. Смолки Э. Тоннеру; Дискуссии. С. Курась. Еще раз о так называемой «*Liber Beneficiorum*» Яна Длугоша.

«*Wojskowy przegląd historyczny*». Warszawa. 1971, № 3.

В. Бялек. Создание и деятельность Высшей школы Военно-морского флота ПНР им. героев Вестерплатте; А. Огородовчик. Воинские поселения на Западном Поморье Польши в 1945—1948 гг.; П. Дубель. Подрывная деятельность немецких «рабочих команд» в Силезии в 1921—1922 гг. Материалы. Н. Михта. О некоторых вопросах и опыте тактики партизанских боев; Я. Жепецки. Организация и деятельность Информационно-пропагандистского отдела Главного командования Армии Крайовой. Часть 2-я; В. Кулеша. В районе рек Просна, Варта и Видавка. Из боев 28-й пехотной дивизии в кампании 1939 г.; Ю. Куропеска. Из воспоминаний штабного офицера. Часть 4-я; П. Ставецки. Из истории оборонной промышленности довоенной Польши. Окончание; Архивная смесь. Г. Батовски. Об участии Польши в Межсоюзническом военном комитете в Лондоне в 1939—1940 гг. (по документам Форин оффис); Дискуссии. Ф. Скибиньски. Неизменные принципы военного искусства.

«*Československý časopis historický*». Praha. 1971, № 5.

З. Снитил. Коммунистическая партия Чехословакии и некоторые вопросы строительства социализма; К. Герман. Планы антисоветской интервенции Великобритании и Франции и чехословацкий корпус в России весной 1918 г.; Л. Немешкал. Николай Адаукт Фойгт и первое чешское исследование по нумизматике; З. Шимечек. Торговля Южной Чехии с Австрией во второй половине XV—начале XVI в.; И. Кутхан. Гирзо, королевский бургграф Звикова (Клингенберга) в Южной Чехии (XIII в.); О. Крживка. О происхождении полей и плотности посева в Хронике В. Гайека; Дискуссии. И. Спелвачек. К методике источниковедческого анализа позднесредневековых актов.

ЗАМЕТКИ О СТАТЬЯХ

*Румынские социалисты
и группа «Освобождение труда».*
*«Studii de istorie a gîndirii
economice».*
Bucureşti. 1970, № 9.

Румынский историк Георге Добре исследует связи румынских социалистов с группой «Освобождение труда». Хотя они и важны для воссоздания полной картины развития социалистического движения в Румынии, но проблема эта не упоминается в обобщающих трудах по истории Румынии и румынского рабочего движения¹. В монографии А. Деака эти связи лишь упоминаются, но им не дается соответствующая оценка². Статья Г. Добре способствует изучению и пропаганде интернационалистских традиций румынского рабочего движения, ее материал помогает глубже понять идеологическое развитие социалистического движения в стране.

Автор справедливо указывает, что революционные русско-румынские связи восходят к 70-м годам прошлого столетия, когда русские революционные народники (д-р Н. Руссель (Н. К. Судзиловский), К. Доброджану-Геря (К. Кац), П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, Н. Зубку-Кодрану и др.), избравшие Румынию местом эмиграции или часто посещавшие ее, осуществляли личные контакты с румынскими революционерами³. Н. Руссель и К. Доброджану-Геря, обосновавшись в Румынии, поддерживали связи с будущими членами группы «Освобождение труда», помогали транспортировке нелегальной литературы из Швейцарии, Франции и Англии через Румынию в Россию (стр. 18). В 1879—1881 гг. Г. В. Плеханов и П. Б. Аксельрод — впоследствии члены группы «Освобождение труда» — совершили поездку в Румынию. В статье сообщается также о посещении Г. В. Плехановым в 1880 г. колонии русских революционных эмигрантов в Тулче.

Деятельность плехановской группы была высоко оценена румынским социалистическим журналом «Revista socială», который в 1884 г. подчеркнул перспективность организации рабочих и пропаганды социалистических идей (стр. 21—22). О деятельности группы «Освобождение труда» писала в феврале 1884 г. и газета «Telegraphul» (стр. 22). Русско-румынским связям содействовал Д. Благовоев, а также В. Луцкий, знакомый с Н. Русселем.

Румынские социалисты оказывали помощь плехановской группе. Автор рассказывает, в частности, о деятельности социалистической группы во главе с К. Доброджану-Геря в Яссах, получавшей марксистскую литературу из Женевы и распространявшей в 1883—1884 гг. издания группы «Освобождение труда» в Румынии. Среди них были гектографированное издание «Манифеста Коммунистической партии» с предисловием Г. В. Плеханова, а также ряд его работ: «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» и др. В транспортировке русской революционной литературы активное участие принимал проживавший в Тулче врач П. Ивановский (П. Александров). Г. Добре приводит ссылки на многочисленные документы охранки, следившей за пересылкой литературы группы «Освобождение труда». Ряд работ Ф. Энгельса был опубликован в Румынии в переводах сразу же после их издания группой «Освобождение труда». Это еще раз подтверждает, что связи русских и румынских социалистов носили систематический характер. Г. Добре приходит к вполне обоснованному выводу, что эти связи содействовали распространению марксизма в Румынии, помогали социалистам в борьбе с идеологией анархизма (стр. 27—28). Автор отмечает далее, что наряду с группой «Освобождение труда» К. Доброджану-Геря и другие румынские социалисты продолжали поддерживать контакты и с «Народной волей» (стр. 29).

Документальные данные, приводимые автором, убеждают в том, что к концу XIX в. русско-румынские революционные связи еще более окрепли. В румынских рабочих газетах «Munca» и «Lumea nouă» публиковались статьи Г. В. Плеханова, которого последняя назвала «одним из лучших знатоков марксистской теории» (стр. 31). Многие его работы, как отмечает Г. Добре (например,

¹ T. Georgescu. De la revolutionarii democrati la fâurarii Partidului Comunist Român. Bucureşti. 1971.

² См. А. Деак. Lenin și România. Bucureşti. 1970, pp. 31—32.

³ Подробнее об этих связях в 1870-х годах см.: В. Н. Виноградов. Влияние народников России на румынское революционное движение 70-х годов XIX века. «Новая и новейшая история», 1971, № 4.

«К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»), «румынские социалисты читали в оригинале» (стр. 31). К. Доброджану-Геря регулярно переписывался с членами плехановской группы, а в 1896 г. в Лондоне на конгрессе II Интернационала произошла его личная встреча с членами группы (стр. 31). В 1899 г. при поездке В. Засулич в Россию она использовала румынский паспорт, которым ее снабдил К. Доброджану-Геря.

Автор приходит к важному выводу, что участие румынских социалистов в транспортировании ленинской «Искры» в Россию было подготовлено их предшествующими связями с группой «Освобождение труда» (стр. 32). Добавим, что эти связи создали благоприятные условия и для идейного влияния «Искры» на румынское революционное движение, влияния, которое имело большое значение в обстановке развертывавшейся борьбы с оппортунистами в начале XX века⁴.

Е. И. Спиваковский

⁴ См. Ю. Я. Баскин, Е. И. Спиваковский. Ленинская «Искра» в Румынии. «По ленинскому пути». «Ученые записки» Ленинградской ВПШ. Вып. 2. 1970.

Послевоенная Западная Германия — «политический вакуум» или арена социальной борьбы?

*«Politische Studien». München.
1971, № 195; «Vierteljahreshefte
für Zeitgeschichte».
Stuttgart. 1971, № 2.*

Профессор истории Мюнхенского университета Эрнст Дейерлейн, принадлежащий к антикоммунистическому направлению западногерманской историографии, выступил со статьей о политическом развитии западных оккупационных зон Германии в годы, предшествовавшие образованию Федеративной республики. Автор пытается возродить фальсификаторскую версию относительно «политического вакуума», якобы образовавшегося в Германии после разгрома фашизма. Он повторяет при этом шаблонные фразы о «конце германской истории», будто бы наступившем в 1945 г., когда, как он пишет, Германия вообще «перестала быть субъектом мировой истории». Дейерлейн пытается доказать непричастность крупной западногерманской буржуазии и ее главной партии — ХДС — ХСС к расколу Гер-

мании. Он ничего не говорит о рабочем и демократическом антифашистском движении первых послевоенных лет, но зато всячески восхваляет американскую политику в Германии, а также «план Маршалла». Дейерлейн стремится навязать читателю мысль, будто раскол Германии был обусловлен Потсдамскими соглашениями, а особенно деятельностью советских военных властей в восточной части страны.

Являясь попыткой возрождения пропагандистских шаблонов времен «холодной войны», концепция Дейерлейна призвана сыграть совершенно очевидную роль в условиях современной политической борьбы в ФРГ. Легенда о «политическом вакууме» используется для того, чтобы оправдать действия правящих классов Западной Германии, вновь утвердивших свое господство в обстановке, сложившейся после поражения Германии, их следование в фарватере антисоветской политики западных держав, прежде всего США. Фальсификаторская и апологетическая концепция «политического вакуума» возникла в конце 40-х — начале 50-х годов, и именно Дейерлейн был одним из ее создателей. Дальнейшее развитие она получила в публикациях Э. Крауткремера, М. Рексина, Г. Биндера¹.

Понимая шаткость своей аргументации, Дейерлейн пытается принять позу «объективного исследователя»; он заявляет, что выступает против «упрощенных толкований» и «спорных утверждений апологетического характера» в освещении событий 1945—1949 годов. Но подобные формулировки вполне могут быть отнесены к концепции самого Дейерлейна, вообще отказавшегося от анализа политической борьбы в западных зонах. Возрождая давно разоблаченные и изжившие себя установки, автор стремится использовать их в борьбе против марксистской историографии. Он, в частности, крайне обеспокоен «большой активно-

¹ В книге, опубликованной около 15 лет назад, Дейерлейн писал: «В 1945—1949 гг. не могло быть никакой немецкой политики, существовала только политика по отношению к Германии» (E. Deuerlein. Die Einheit Deutschlands. Frankfurt a. M. — B. 1957, S. 196); см. также: e j u s d. Deutschland nach dem Zweiten Weltkrieg. Konstanz. 1964; e j u s d. Deklamation oder Ersatzfrieden? Die Konferenz von Potsdam 1945. Stuttgart. 1970; E. Krautkrämer. Deutsche Geschichte nach dem Zweiten Weltkrieg. Hildesheim. 1962; M. Rexin. Die Jahre 1945—1949. Hannover. 1962; G. Binder. Deutschland seit 1945. Stuttgart. 1969.

стью» историографии ГДР в исследовании «причин и обстоятельств образования Федеративной Республики Германии».

Бесплодность попыток фальсифицировать политическую пред историю ФРГ осознается ныне и самими буржуазными исследователями. Характерна в этом отношении статья преподавателя Фрейбургского университета, историка и социолога Гаральда Мея. Он отмечает, что в западных оккупационных зонах шла острая политическая борьба, во многом определившая будущее Федеративной республики, что там определено существовала альтернатива восстановлению господства монополистического капитала. Во второй половине 40-х годов, констатирует автор, на западных берегах Эльбы действовали «интенсивные импульсы», направленные на осуществление «подлинных социальных преобразований», на «политическое преодоление прошлого». Этим тенденциям противодействовала «буржуазная, антисоциалистическая коалиция», блок оккупационных властей США, Англии и Франции с западногерманскими «авторитарными силами». Альянс, созданный, как показывает Г. Мей, «под знаком антикоммунизма», ставил перед собой задачу «спасения старых отношений собственности и власти», реставрации «старых общественных структур».

Следует, однако, упомянуть о слабостях и противоречиях в трактовке послевоенной западногерманской истории, предложенной фрейбургским социологом. Г. Мей явно замалчивает роль пролетариата западных зон, стоявшего во главе демократического, антимонополистического движения. Осуждая восстановление в ФРГ «господства концернов», он апеллирует к идеалам «социального рыночного хозяйства», в защиту которых выступали основоположники неолберальной экономической школы В. Эйкен и А. Мюллер-Армак. И все же статья Г. Мея отражает некоторые новые процессы в историографии ФРГ, возникшие под влиянием происходящих в Западной Германии социально-политических сдвигов. Автор отмечает, что с конца 60-х годов в демократическом движении ФРГ происходит «возрождение забытых импульсов» и «морально-политических идеалов послевенного времени», которые вызывают необходимость в пересмотре концепций, господствовавших до сих пор в освещении истории западных оккупационных зон.

Б. И. Александров

Консерваторы и империя

«Round Table». London. 1970, № 240.

В ноябре 1970 г. вышел специальный номер журнала «Round Table», посвященный его 60-летию. Одной из наиболее интересных в номере является статья директора Института по изучению международных организаций при Сессекском университете Р. Родс Джеймса «Консервативная партия и империя». Автор прослеживает колониальную политику консерваторов за сто лет и делает ряд признаний, особенно примечательных в устах убежденного консерватора. В целом статья носит апологетический характер. Ее основной тезис заключен в следующих словах: «Сила консервативной партии — в ее способности двигаться вместе с развитием событий» (стр. 517). Разумеется, английской буржуазии нельзя отказать в гибкости. Однако это отнюдь не означает, что за истекшее столетие консерваторы — наиболее реакционная английская политическая партия — действительно считались с объективным ходом исторического развития.

Автор делит историю Британской империи последнего века на два хронологически равных периода: до и после первой мировой войны. Первый период — время, когда империя шла к своему зениту. Консерваторы тогда вовсе не ограничивались лишь сочувственными наблюдениями за ее ростом. Они всеми мерами старались ускорить этот процесс. Автор же в ряде случаев нарочито преуменьшает «заслуги» консерваторов, отводя им более скромную и пассивную роль, нежели они — главные сторонники империи — играли на самом деле. Так, давно утвердилось мнение, что переход Англии к империалистической политике совпал с деятельностью второго правительства Дизраэли. Однако Родс Джеймс заявляет, что «кабинет 1874—1880 гг. вряд ли можно характеризовать как империалистическую администрацию» (стр. 513). Стремясь доказать это и тем обелить политику консервативного правительства Дизраэли, автор не останавливается перед искажением хорошо известных событий. Он утверждает, будто операция с акциями компании Суэцкого канала и провозглашение королевы Виктории императрицей Индии не были связаны с общей имперской политикой. Аннексию Трансвааля в 1877 г. автор изображает как меру, проведенную исклю-

чительно в интересах частных лиц. За войну с Афганистаном (1878—1880 гг.) ответственность, по его словам, несет не британское правительство, а исключительно вице-король Индии лорд Литтон (стр. 513). Подобные высказывания полностью противоречат фактам. На самом деле всеми этими действиями, сыгравшими значительную роль в формировании основных направлений последующей колониальной политики Англии, руководило непосредственно английское правительство. Признавая, что в 80-е—90-е годы XIX в. консерваторы действительно активно проводили имперскую политику, автор в то же время бездоказательно утверждает, что с началом XX в. эта политика перестала быть главной для консервативной партии. Такому тезису также решительно противостоят факты и прежде всего то, что именно консерваторы насаждали в общественно-политической жизни Англии оголтелый джингоизм. Воинствующий империализм был их знаменем.

Деятельность консервативной партии после первой мировой войны проходила в обстановке начавшегося кризиса, а затем и распада Британской империи. В этих условиях консерваторы особенно активно стремились затормозить объективный ход событий, максимально оттянуть неизбежный крах империи. Автор же, защищая тезис о «реалистичности» курса консерваторов, характеризует их политику как всего лишь «прагматическое отступление». Этим он старается создать впечатление, будто отступление английских колонизаторов было сознательным и чуть ли не добровольным и даже заранее запланированным, а отнюдь не вынужденным и исторически неизбежным следствием подъема национально-освободительной борьбы и углубления общего кризиса капитализма. Родс Джеймс хочет убедить читателя в том, что в 20-е—30-е годы консерваторы считались с интересами населения английских колоний и готовы были идти на всевозможные уступки их народам. То же самое он пишет и о послевоенной политике, заявляя, например, что консерваторам-де принадлежит заслуга в области деколонизации в 1957—1963 годах. При этом он умалчивает об упорной борьбе угнетенных народов, которая и привела в эти годы к провозглашению независимости многих колоний. По мнению же автора, почти во всех случаях английские капиталисты ушли из своих бывших владений как «гуманные, миролюбивые и цивилизованные» люди (стр. 519).

Родс Джеймс неоднократно ставит вопрос: почему же так «гуманно» проведенный процесс деколонизации принес Англии столь скромные выгоды? В этой связи он предъявляет консерваторам ряд претензий. Так, в статье говорится, что правящие круги не смогли достаточно гибко использовать распад Британской империи: процесс деколонизации вызывал у них лишь «нетерпение и раздражение» (стр. 518). Самая большая ошибка, по мнению автора, была допущена в период суэцкого кризиса 1956 года. Она нанесла непоправимый удар интересам Англии. Родс Джеймс критикует консерваторов также за близорукость в родезийской политике (стр. 519).

В целом же он оценивает имперскую политику консерваторов за последнее столетие как «практичную» и «разумную», хотя вся история британского империализма неопровержимо свидетельствует о том, что они неизменно выступали как реакционная сила, которая стремилась затормозить и даже повернуть вспять объективный ход исторического развития.

А. Г. Судейкин

Польские ученые обсуждают методологические вопросы исторической науки

«*Kwartalnik Historyczny*».
Warszawa. 1970, № 4.

Один из центральных польских исторических журналов опубликовал материалы обсуждения двух новых книг по методологии — монографий В. Мошеньской и Е. Топольского¹. Методологические вопросы исторической науки не рассматривались специально польскими историками со времени появления «Историки» М. Хандельсмана (1921 г.). Вышедшие за последние годы работы (В. Кули, Е. Гедымина, Г. Лябуды, А. Малевского и Е. Топольского, Ц. Бобиньской) ограничивались преимущественно исследованием отдельных проблем. Книги В. Мошеньской и Е. Топольского различаются между собой отбором проблем и методами их решения. В. Мошеньска изучает

¹ W. Mo s z c z e n s k a. Metodologii historii zarys krytyczny. Warszawa. 1968; J. Topolski. Metodologia historii. Warszawa. 1968.

самый процесс исторического исследования. В связи с анализом его логики она рассматривает понятие «источниковедческая база», вопросы классификации источников, критики их авторства и происхождения внутренней критики достоверности свидетельств. Автором прослеживается процесс разработки эмпирических данных, исторического анализа и синтеза. В ее книге поставлен также вопрос о задачах методологии истории в свете перспектив развития науки. В работе Е. Топольского центральная проблема — соотношение методологии истории и других наук. Он прослеживает связь методологии исторической науки с общефилософской методологической базой понимания исторического процесса — историческим материализмом, его значение для познания общественных явлений и борьбы с позитивизмом в плане онтологическом и теоретико-познавательном. В соответствии с положением марксизма-ленинизма об активной роли человеческой деятельности в развитии исторического процесса автор стремился показать также активную роль историка в познании прошлого, творческий характер исследования.

Обсуждение монографий В. Мошёнської и Е. Топольского было организовано Историографической комиссией Польской Академии наук. В дискуссии приняли участие М. Серейский, А. Грабский, З. Рогозинский, Е. Матерницкий, Я. Чарновский, а также авторы обеих книг. Факт появления одновременно двух оригинальных исследований подобного рода был расценен участниками дискуссии как убедительное свидетельство роста интереса к теории исторического познания, связанного с воздействием марксизма на общественные науки. Высокий научный уровень монографий позволил сосредоточить внимание в ходе дискуссии на наиболее сложных и актуальных вопросах методологии истории. Первый среди них — вопрос о месте среди других отраслей знания, о специфике ее задач. Он поставлен в монографии Е. Топольского, который, в частности, рассматривает связь методологии науки с теорией информации, семиотикой, историей науки, теорией познания. Как показывает материал дискуссии, необходимо дальнейшее исследование специфики связей методологии истории с общефилософской базой познания, с одной стороны, и с методикой исторического исследования — с другой.

В ходе обсуждения не раз возникала мысль о необходимости совершенствования

терминологического аппарата методики исторического исследования. Для современности характерно взаимопроникновение методов и исследовательских приемов истории и ряда других наук — статистики и математики, семиотики и теории информации, конкретной социологии и социальной психологии. Развивающийся все быстрее процесс интеграции наук ставит с особой остротой вопрос о понятийно-терминологическом аппарате, отвечающем специфике и задачам исследования. В ходе дискуссии отмечалась опасность механического перенесения понятий и терминов ряда наук в историческую науку, необходимость разработки специальной терминологии в связи с перспективами проникновения количественных методов в социальное исследование.

Одним из центральных явился вопрос о работе с историческим источником. Разработка оптимальных методов получения возможно более полной и достоверной информации из источников — одна из важнейших проблем методологии истории. Ключевые вопросы источниковедения — внешняя и внутренняя критика источников, проверка достоверности свидетельств — органически входят в число основных проблем методологии истории. В. Мошёнська вносит в освещение этих вопросов ряд коррективов. В частности, она вводит новое понятие, которое она называет наблюдением источниковедческой базы, включающее: 1) предварительное наблюдение (критику источника) и 2) истинное наблюдение (рассмотрение источников информации с учетом общего состояния источниковедческой базы).

Е. Топольский выдвигает в своей монографии концепцию «внеисторического знания». Он подчеркивает важность тех моментов исследовательского процесса, когда историк опирается не на данные источника, а на те сведения, которыми он располагает благодаря своей общеметодологической подготовке и профессиональной эрудиции. В связи с этой концепцией большое внимание привлек вопрос о соотношении исторического и внеисторического знания в работе историка. Речь идет о гармоническом сочетании всех сторон методологической и профессиональной подготовки, позволяющем извлечь из источников новые данные, имеющие познавательное значение, и оценить их.

Появление монографий, рассматривающих вопросы методологии истории в целом, имеет, как указывалось в ходе дискуссии, важное значение для подготовки молодых ис-

ториков. Вместе с тем отмечалось, что одной из важных задач является создание учебных пособий по методологии истории для высшей школы.

О. М. Михайлова

К вопросу о доколумбовых контактах африканцев и американцев

«Ghana Notes and Queris».
Accra, 1970, № 11.

Ганский историк Р. Дэвис собрал данные по вопросу о доколумбовых контактах между Африкой и американскими континентами. Первое упоминание о таких связях встречается в книге арабского историка и географа Ибн Фадла Аллах аль-Умари (или аль-Омари) «Масалик ал-Абсар фи Мамалик аль-Амаср», относящейся к началу XIV века. Аль-Умари передает рассказ мансы Мусы, императора Мали, о том, что его предшественник манса Мухаммед, убежденный, что океан не безбрежен, отправил в плавание около 200 кораблей, снаряженных для многих лет путешествия. Из этого странствия возвратился лишь один корабль. Его капитан поведал о таинственном сильном течении в открытом море, которое поглотило одно за другим все суда флотилии. Мухаммед не поверил этому рассказу и вновь снарядил флот, на этот раз в составе «2 000 кораблей, одну тысячу с людьми, другую — с продовольствием для людей». Он сам отправился за океан, и с тех пор никто не видел ни его самого, ни его спутников. Этот рассказ повторен в хронике арабского историка аль-Халхашади «Субх-аль-Аша», относящейся к началу XV века.

Африканисты по-разному воспринимали данное сообщение. Некоторые, как, например, М. Годфруа-Демомбинь, издатель сочинений аль-Омари, расценивали его как плод фантазии. Однако большинство современных африканистов полагает, что в этих сообщениях, возможно, нашли отражение действительно имевшие место события. Одни историки считают, что флот отправился из устья реки Сенегал (английский историк М. Трилингэм), другие же — от берегов Гвинеи (египетский историк Ахмад Зеки Паша). Высказывалось также предположение, что «таинственное течение в открытом море» — это река Амазонка, которая, обладая очень сильным течением, выносит свои воды далеко в открытый океан. Встает вопрос о судах, пригодных для та-

кого путешествия. Автор статьи приводит мнение известного французского африканиста Р. Мони, что ими могли быть суда, подобные встреченным первыми европейцами в Западной Африке сенегальским (стр. 1), обладающим, по свидетельству того же историка, грузоподъемностью более 10 тонн (стр. 4). Р. Дэвис считает, что уверенность мансы Мусы в том, что океан не безбрежен, имела свои корни в арабско-мусульманской географической науке, анализу достижений которой этот ученый уделяет довольно много места.

В статье рассматриваются сведения древних и средневековых авторов об Азорских и Канарских островах. Автор полагает, что ко времени путешествия мансы Мухаммеда были известны оба архипелага, хотя сведения арабов о них были все-таки весьма приблизительны. Эти острова могли служить перевалочными пунктами для тех путешественников через Атлантику, которые плыли в тропических широтах, то есть там, где ветры благоприятствуют таким плаваниям. Пассаты, дующие от Западной Африки на юго-запад, к северо-восточным берегам Бразилии, отличаются постоянством направления и скорости и очень благоприятны для трансатлантических плаваний. Дэвис подсчитал, что скорости 5 узлов в час достаточно, чтобы преодолеть расстояние от о-вов Зеленого мыса до устья Амазонки в течение примерно трех недель. Некоторые авторы, в частности, английский ученый У. Джеффри, видят доказательство афро-американских связей в доколумбово время в арабских сообщениях об открытии острова «Саас», где жили безбородые люди, которые одевались в листья, а «дыхание их было подобно дыму горящего дерева». Эти историки, пишет Р. Дэвис, полагают, что речь идет о жителях островов Вест-Индии, которые курили табак, как известно, не распространенный тогда ни в каких иных местах земного шара.

Интересна ссылка автора на работы американского ученого Хун Лин Ли, переведшего китайские работы по географии периода Южно-Сунской империи (1127—1279 гг.), в которых есть упоминания о длительном морском путешествии к западу от Та-Ши (страны арабов) в страну Му-лань-ни, «лежащую за большим морем». Из этого путешествия были привезены растения, животные, зерна, которые Хун Лин Ли отождествляет с табаком, кукурузой и альпаком (стр. 4). Однако Р. Дэвис считает, что эти данные необходимо тщательно проверить.

Доказательства африкано-американских связей, пишет он, можно видеть и в названии «Бразилия», которое выводят из арабского слова, означающего «далекая» страна, или из названия одного из берберских племен — Бану Бирзаль.

Дэвис отмечает, что пока еще мало возмозных следов пребывания африканцев на территории Америки. К таким свидетельствам исследователи (Джеффри, а затем Р. Мони и др.) относили сходство скелетных остатков в долине реки Пекас в Техасе и Нью-Мехико с негрскими черепами на границе с Сахарой. По мнению американского ученого Л. Винера, изучавшего первые сообщения европейцев об Америке и написавшего трехтомный труд «Африка и открытие Америки», белые, прибыв в Америку, нередко встречали там негров, потерпевших, как полагали, кораблекрушение у берегов Америки.

К историческим загадкам относятся и открытия в последней четверти XIX в. в бразильской области Параиба наскальные изображения и надписи, изучение которых позволило семитологу Э. Ренану предположить финикийско-карфагенское влияние на Америку. Дэвис выдвигает гипотезу, что

через греков и арабов малийцы познакомились с опытом и умением финикийян в мореплавании, что натолкнуло их на мысль попытаться пересечь омывающий их побережье океан (стр. 5). Автор сопоставил данные о происхождении и распространении маиса, что позволило ему подвергнуть критике предложенное Джеффри обоснование доколумбового проникновения маиса в Европу через Африку и Турцию (стр. 6). Дэвис склоняется к мысли, что маис завезли в Африку португальцы, причем уже после открытия Америки Колумбом. Он высказывает предположение, что сведения о небезбрежности океана могли прийти в Мали и другим, более длинным и сложным путем, а именно от норвежцев (сохранивших память о Лейфе, сыне Эрика Рыжего) через Россию, имевшую широкие торговые связи с арабскими странами.

В целом решение этого вопроса требует тесных контактов представителей разных наук. Большие надежды следует при этом возложить на археологию, а также на изучение средневековых португальских, арабских и других документов.

Э. С. Львова

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ *

Арш Г. Л. Этеристское движение в России. М. 1970. 372 стр. Рец.: Дарова Н.— «Études balkaniques». Sofia. 1971, № 2, pp. 145—148.

Беляев Е. А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М. 1965. Пер. на англ. яз. L. 1969. Рец.: Соок М. А.— «History». L. 1971, № 188, pp. 432—433.

«Борьба классов и современный мир». М. 1970. 252 стр. Рец.: Rebsch H. P.— «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». В. 1971, № 5, S. 862.

Бункина М. К. Центры мирового империализма. Итоги развития и расстановка сил. М. 1970. 303 стр. Рец.: Blunk E.— «Deutsche Aussenpolitik». В. 1971, Н. 4, S. 795—797.

Васильев Л. С. Культуры, религии, традиции в Китае. М. 1970. 484 стр. Рец.: Т. Р.— «Ceskosl. čas. hist.». Praha. 1971, № 5, s. 781.

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Институт научной информации и Фундаментальную библиотеку по общественным наукам АН СССР в течение ноября 1971 г.

«Военно-исторический журнал». М. 1970, №№ 1—12. Рец.: Constantiniu F. și Jonescu M. E.— «Studii. Rev. de istorie». București. 1971, № 3, p. 4.

«Вопросы демографии (Исследования, проблемы, методы)». Сб. статей. М. 1970. 280 стр. Рец.: Srb V.— «Demografie». Praha. 1971, № 2, s. 171—173.

Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л. 1949. Пер. на нем. яз.: В. 1971. Рец.: Wolle H.— ND-Literatur». S. 1, 1971, № 11, S. 8.

«Германская история в новое и новейшее время». В 2 т. Т. 1—2. М. 1970. 2 т. Рец.: Granjard H.— «Études germaniques». P. 1971, № 3, p. 420.

«Проблемы истории докапиталистических обществ». Кн. I. 1968. 691 стр. Рец.: Dunn St. P.— «Amer. Anthropologist». Washington. 1971, № 4, pp. 828—829.

Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. (1914—1917). Л. 1967. 363 стр. Рец.: Gleason W.— «Canad. Slav. Studies». Montreal. 1971, № 4, pp. 794—796.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. Пер. на нем. яз.:

Stuttgart. 1969. Рец.: Feick J.—«Aussenpolitik». Hamburg. 1971. Н. 10, S. 633.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М. 1969. Пер. на польск. яз.: Warszawa. 1970. Рец.: Jwańowski W.—«Życie i myśl». Warszawa. 1971, № 10, s. 153—156.

Иоффе А. Е. Внешняя политика Советского Союза. 1928—1932. М. 1968. 488 стр. Рец.: Łopatniuk S.—In: «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały». Т. 8. Warszawa. 1971, s. 269—271.

«Исторические связи народов СССР и Румынии в XV—начале XVIII в. Документы и материалы». В 3 т. Т. 3. М. 1970. 398 стр. Рец.: Šerban С.—«Rev. roum. d'histoire». București. 1971, № 4, pp. 771—774.

«История Италии». В 3 т. Т. 2. М. 1970. 607 стр. Рец.: Mgrá J.—«Českosl. čas. hist.». Praha. 1971, № 5, s. 768—769.

«История СССР с древнейших времен до наших дней». В 2 сер., в 12 т. Т. 1—8. М. 1966—1968. 8 т. Рец.: Niederhauser E.—«Canad. Slav. Studies». Montreal. 1970, № 4, pp. 785—786.

«История южных и западных славян». М. 1969. 536 стр. Рец.: Boratniuk W.—In: «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały». Т. 8. Warszawa. 1971, s. 249—251.

«Китай и соседи в древности и средневековье». М. 1970. 275 стр. Рец.: Künstler M. J.—«Przegląd orient.». Warszawa. 1971, № 3, s. 302—304.

Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М. 1967. 400 стр. Рец.: Niederhauser E.—«Agrártörténeti szemle». Budapest. 1971, № 1—2, 251—256. old.

«Кризис мирового капитализма». Минск. 1969. 216 стр. Рец.: J. C.—«Českosl. čas. hist.». Praha. 1971, № 5, s. 779.

Лаверычев В. Я. По ту сторону баррикад. (Из истории борьбы московской буржуазии с революцией.) М. 1967. 288 стр. Рец.: Gleason W.—«Canad. Slav. Studies». Montreal. 1971, № 4, pp. 794—796.

«Ленин в борьбе за революционный Интернационал». М. 1970. 671 стр. Рец.: Lewin E.—«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». В. 1971, № 5, S. 855—856.

«В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал». М. 1970. 562 стр. Рец.: Kochański A.—«Z pola walki». Warszawa. 1971. № 2, s. 213—215.

«Ленин и Польша. Проблемы, контакты, отклики». М. 1970. 418 стр. Рец.: Iwańczuk Z.—In: «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały». Т. 8. Warszawa. 1971, s. 264—268.

«Литература древнего Китая». М. 1969. 288 стр. Рец.: Künstler M. J.—«Przegląd orient.». Warszawa. 1971, № 3, s. 304—305.

«Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса. История публикации и изучения в СССР. М. 1969. 512 стр. Рец.: Koch J.—«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». В. 1971, № 5, S. 851—852

«Международные связи России в XVII—XVIII вв.». М. 1966. 506 стр. Рец.: Kirch-

ner W.—«Canad. Slav. Studies». Montreal. 1970, № 4, pp. 786—788.

«ООН и международное экономическое сотрудничество». М. 1970. 478 стр. Рец.: Hinkel G.—«Deutsche Aussenpolitik». В. 1971, Н. 4, S. 791—795.

Руденко С. И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. М. 1968. Пер. на англ. яз.: L. 1970. Рец.: Russell A.—«Asian Affairs». L. 1971, N. S. Vol. 2, pt. 3, pp. 376—377.

«Советско-болгарские отношения 1944—1948 гг. Документы и материалы». М. 1969. 508 стр. Рец.: K. Ko.—«Českosl. časopis hist.». Praha. 1971, № 5, s. 778.

«Советско-венгерские отношения 1945—1948 гг. Документы и материалы». М. 1969. 356 стр. Рец.: K. Ko.—«Českosl. čas. hist.». Praha. 1971, № 5, s. 778—779.

«Советское славяноведение». М. 1966—1968. Рец.: Gregorowicz St.—«Biul. inform. studiów z dziejów stosunków polsko-radzieckich». Warszawa. 1971, № 23, s. 25—34.

«Советское славяноведение». Материалы IV Конференции историков-славистов. Минск, 31 янв.—3 февр. 1968. Минск. 1969. 663 стр. Рец.: Dimčeva-Vigěva D.—«Études balkaniques». Sofia. 1971, № 2, pp. 162—163.

«СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. (Сент. 1938—авг. 1939 г.)». М. 1971. 736 стр. Рец.: Łopatniuk St.—«Biul. inform. studiów z dziejów stosunków polsko-radzieckich». Warszawa. 1971, № 23, s. 40—44.

Улановская И. А. Борьба за Восточную Африку и прессы. (1884—1890). М. 1969. 213 стр. Рец.: J. C.—«Českosl. čas. hist.». Praha. 1971, № 5, s. 775.

Федоренко Л. Г. Осуществление культурной революции в Польской Народной Республике. (1944—1956 гг.) Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. Киев. 1970. 22 стр. Рец.: «Biul. inform. studiów z dziejów stosunków polsko-radzieckich». Warszawa. 1971, № 23, s. 54—56.

Фрейдзон В. И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. Подъем освободительного движения в 1859—1873 гг. М. 1970. 366 стр. Рец.: 1. Ko. J.—«Českosl. čas. hist.». Praha. 1971, № 5, s. 773; 2. Манчев К.—«Études balkaniques». Sofia. 1971, № 2, pp. 138—140.

Цейтлин М. А. Очерки развития лесозаготовок и лесопиления в России. М. 1968. 296 стр. Рец.: Kolosvágy Sz.—«Agrártörténeti szemle». Budapest. 1971, № 1—2, 256—260. old.

Шапошников А. В. Дороги джунглей. М. 1968. Пер. на нем. яз.: Leipzig. 1970. Рец.: Heller W.—«ND-Literatur». S. 1. 1971, № 11, S. 8.

Шитов Н. Ф. Развитие В. И. Лениным идеологии и политики пролетарского интернационализма (1894—1907). М. 1966. 615 стр. Рец.: Kapcewicz J.—«Z pola walki». Warszawa. 1971, № 2, s. 207—212.

Эйдельман Н. Я. Лунии. М. 1970.

352 стр. Рец.: Śliwowska W.—«Przegląd hist.». Warszawa. 1971. № 3, s. 562—565.

«Фридрих Энгельс. Биография». М. 1970. XII, 627 стр. Рец.: Stern H.—«ND-Literatur». S. 1. 1971, № 11, S. 3.

Яжборовская И. С. Коммунистическая партия Польши и идеи Октября.

1918—1923 гг. М. 1967, 298 стр. Рец.: Kacsewicz. J.—«Przegląd hist.». Warszawa. 1971, № 3, s. 577—586.

Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1—2. М. 1970. Рец.: Lapteva L. P.—«Českosl. čas. hist.». Praha. 1971, № 5, s. 758—759.

Хроникальные заметки

◆ Вышла на французском языке изданная ранее на румынском книга Апостола Стана «Аграрная проблема в Валахии во время революции 1848 г.» (A. Stan. Le problème agraire pendant la révolution de 1848 en Valachie. Bucarest. ARSR. 1971. 154 p.). Автор касается того, как освещалась эта проблема в социально-политической литературе периода действия Органического регламента (1831—1848 гг.), очерчивает аграрную программу революции 1848 г., ее отражение в тогдашней печати, ход крестьянского движения в Валахии, деятельность Комиссии по земельной собственности и борьбу деревенского населения в защиту завоеваний революции после 13 сентября 1848 года.

◆ «Парламентские архивы с 1787 г. до 1860 г.»—фундаментальное французское издание, охватывающее все материалы Учредительного, Законодательного и Национального собраний указанного периода. Его первая серия отведена под 1787—1799 годы. Вышедший из печати т. 89 посвящен времени с 29 жерминаля до 13 флореала II года Республики, то есть с 18 апреля до 2 мая 1794 г. («Archives parlementaires de 1787 à 1860». 1ère sér. T. LXXXIX. Paris. CNRS. 1971. 609 p.). Он отражает ход дебатов в Национальном собрании на всех заседаниях и включает в себя 1167 различных документов и подробный указатель.

◆ Во французском издательстве «Droz» вышел в свет ряд новых работ по разным отраслям исторической науки. Под редакцией Ж. Обэна и Г. Бушона выпущен сборник документов и материалов по истории стран Индийского океана времен португальского колониального владычества («Mare luso-indicum. Etudes et documents sur l'histoire de l'Océan Indien et des pays riverains à l'époque de la domination portugaise». Paris. 1971. XIV. 174 p.). Очерк, посвященный бордоским печатным изданиям XVII в., написал Л. Дергав (L. Desgraves. Les livres imprimés à Bordeaux du XVIIe siècle. Paris. 1971. 268 p.). Полезным справочником является хронологический указатель П. Конлона к эпохе французского Просвещения за 1692—1699 годы (P. M. Conlon. Prélude au siècle de Lumières en France. Répertoire chronologique de 1680 à 1715. T. II. Paris. 1971. 528 p.). Четыре этюда о книге Жана де Лабрюйера «Характеры», обли-

чающей общество времен Людовика XIV, содержит работа Л. ван Дельфта (L. van Delft. La Bruyère moraliste. Paris. 1971. 178 p.). В сборник статей в честь известного эллиниста Генри М. Пейра вошли исследования о различных эллинистических трудах французских авторов начиная с XVIII в. («The Persistent Voice». Paris. 1971. 220 p.). Английское правление в Гасконии ранее Столетней войны стало темой работы Ж. Трабю-Кюссака (J.-P. Trabut-Cussac. L'administration anglaise en Gascogne sous Henri III et Edouard Ier. Paris. 1971). Как откликнулось французское общественное мнение на австро-венгерское соглашение 1867 г., показывает в своей книге А. Лоран (A. Lorant. Le compromis austro-hongrois de 1867 vu par l'opinion publique française contemporaine. Paris. 1971. XII, 242 p.). Проблемы бедности и связанного с неэквивалентной внешней торговлей общественно-неравенства в слаборазвитых странах затрагиваются в публикациях Института прикладной экономической науки («Publications de l'Institut de science économique appliquée». T. XXIV, fasc. 1—4. Paris. 1971). Увидели свет очередные тома ежегодников «Международное обозрение по истории банков» и «Обозрение по истории горного дела и металлургии» («Revue internationale d'histoire de la banque». Vol. 4. 1971. 564 p.; «Revue d'histoire des mines et de la métallurgie». 1971. T. III. Fasc. 1. 112 p.). Связи между наличием ресурсов полезных ископаемых и государственной политикой в провинции в первой половине прошлого столетия касается работа П. Пеле и Л. Юблера (P.-L. Pelet, L. Hubler. Ressources minières et politique vaudoise 1798—1848. Paris. 1971. 125 p.). Очерк сравнительной археологии представляет собой книга Ж. Вестена о средневековых фресках романского типа во Франции, Италии и Испании (J. Wettstein. La fresque romane. Paris. 1971. 130 p.).

◆ Вблизи Хетцдорфа (округ Штрассбург) обнаружена печь для обжига керамики, относящаяся к III—II вв. до н. э. Это по древности единственная в своем роде находка на северной территории ГДР.

◆ В ходе мелиорационных работ недалеко от Лангельна (округ Вернигероде, ГДР) натолкнулись на каменное захоронение размером 1,5 м × 1,1 м. Крышка гроба хорошо сохранилась. В могиле найдены 2

каменных топора, 3 глиняных сосуда, нижняя челюсть свиньи и др. В захоронении каменного века возле Крейтцена (округ Альтенбург) оказалось 7 украшенных шнуровым орнаментом сосудов, 2 каменных топора с отшлифованными остриями и 16-сантиметровый кремневый кинжал.

◆ Польские археологи под руководством проф. К. Михаловского давно ведут изыскания в Египте. В Дейр-эль-Бахари они реставрируют храм царицы Хатшепсут на четырех террасах. В центре Александрии открыты фрагмент архитектурного комплекса, огромные бани, театральная постройка с мраморными сиденьями римского периода, система цистерн для водоснабжения.

◆ Вблизи Щецина польские археологи обнаружили следы большого поселения первобытных людей, относящегося к эпохе палеолита. Это пока самое древнее из открытых ранее поселений на побережье Балтийского моря.

◆ В плане сотрудничества Института материальной культуры ПАН с Парижским университетом, с 1963 г. ведутся совместные работы польских и французских археологов, в частности возле деревни Дроси в Бургундии. Обнаружено много ценных материалов эпохи средневековья.

◆ Первое подземное кладбище майя обнаружено французской экспедицией в гватемальской провинции Альта Верапас. Найдены 18 черепов, керамика, камни для размола маиса и флейта, почитавшаяся как фетиш.

◆ Между берегом Сицилии и островом Мотиа археологи «Британской школы» выявили на дне моря остатки 7 финикийских кораблей, а на самом острове — древнейшую верфь.

◆ В Восточных Пиренеях, в пещере возле Кон-дель-Араго, найден череп человека 200-тысячелетней давности среди костных останков лошадей и обломков примитивных каменных орудий.

◆ В Иль-Руссе (Корсика) на месте разрушенного вандалами г. Агила открыт ведущий к морю каменный свод, вершина которого несколько возвышается над поверхностью земли. Это следы римского поселения Рубикум, возведенного за 200 лет до н. э. На окрестной территории находят

римские монеты, сосуды, обломки погребальных урн, амфор и этрусские вазы.

◆ В гроте Монгодье (французский департамент Шаранта) в неандертальском захоронении, которому 80 тыс. лет, найдены скелеты оленей и дикой свиньи, остатки очага и каменных орудий.

◆ Выравнивая откос на склоне горы в центре полуострова Крезон, бретонский крестьянин случайно обнаружил бронзовый предмет, оказавшийся головой женской статуи. Голову венчает шлем с украшением: дикий лебедь в момент взлета. Голова и шлем покрыты зеленой патиной. Археологическая лаборатория в Бресте установила, что это — голова армориканской богини Бригитты, великолепный образец кельтского искусства. В глубокие пустые глазницы были некогда вставлены зрачки из голубого стекла. Туловища статуи обнаружить не удалось. Вероятно, оно было изготовлено из какого-либо материала, подвергшегося разрушению. находка относится к I в. н. э.

◆ Во время археологических раскопок древнего захоронения в Питтене (Нижняя Австрия) было найдено несколько тысяч различных предметов, относящихся к эпохе бронзы. Наибольший интерес представляют 3 бронзовые диадемы. Выгравированные на них спирали и символы солнца и почти незаметные места склепок свидетельствуют о высоком мастерстве. Обнаружены также позолоченная железная брошь, украшенная камнями; сосуды от разных периодов; серьги, кольца, браслеты, стеклянные бусы; солонка, выточенная из оленьего рога, с бронзовыми разукрашенными пластинками; пробка, прикрепленная к железной цепочке; кресало, напоминающее кастет. Хорошо сохранились скелеты умерших. Археологам удалось определить здесь чередование слоев по всей эпохе бронзы. А под 3-метровым слоем земли выявлено захоронение примерно V—I вв. до н. э., над которым лежало славянское кладбище IX в. н. э. Установлено, что в районе Питтена около 3 тыс. лет тому назад находилось место обмена бронзовыми изделиями, поступавшими сюда из Трансильвании.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

БРИГАДИР ЖЕНСКОЙ ТРАКТОРНОЙ

Апрель 1936 года. В Большом Кремлевском дворце идут заседания X съезда ВЛКСМ. Один за другим на трибуну поднимаются молодые строители социализма, лучшие представители Ленинского комсомола — стахановцы, ударники полей, молодые ученые, бойцы армии и флота. Они рассказывают о своих трудовых успехах, о планах на будущее. Когда председательствующий на одном из заседаний объявил фамилию очередного оратора, в зале вспыхивают долго не смолкающие аплодисменты. Делегаты и гости съезда приветствовали бригадира первой в СССР женской тракторной бригады Пашу Ангелину.

Имя Прасковьи Никитичны Ангелиной — дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии, депутата Верховного Совета СССР — широко известно в нашей стране и за рубежом. Вся ее жизнь прошла в служении своему народу и была примером подражания для многих советских женщин. Ангелина — инициатор многих патриотических начинаний в сельском хозяйстве 30-х, 40-х и 50-х годов. Она воспитала целую плеяду талантливых трактористок. Паша Ангелина прославилась как новатор сельскохозяйственного производства, достигнув невиданных по тому времени результатов обработки земли на тракторе и как непревзойденный мастер высоких устойчивых урожаев зерновых культур.

Прасковья Никитична родилась в 1912 г. в многодетной батрацкой семье в селе Старобешеве, Донецкой области, Украинской ССР. Когда в 1929 г. в Старобешеве был организован колхоз, его первыми активными членами стали Ангелины. Государство оказало помощь колхозникам — в селе появились первые два трактора. Они произвели огромное впечатление на семнадцатилетнюю Пашу. Познакомившись с их работой, она твердо решила стать трактористкой. В то время тракторы водили исключительно мужчины. «Трактористка» —

такого слова тогда даже не было. Но здесь-то и проявились основные черты характера Паши Ангелиной: упорство и настойчивость в достижении поставленной цели. Она поступила в школу механизаторов. И, наконец, весной 1930 г. она села за руль трактора. Вначале ей пришлось работать на американских «фордзонах», которые часто ломались. Впоследствии она так вспоминала время своих первых успехов и огорчений: «Я добилась того, что трактор, на котором я работала, редко выходил из строя — во всяком случае, реже, чем у других, а по выработке я опередила многих своих товарищей. Мне выдали «ударную книжку», наградили значком отличника, премировали ценным подарком и... перевели кладовщиком на нефтебазу «в порядке выдвижения»¹. Начальник политотдела МТС, старый большевик И. М. Куров успокоил тогда Пашу, сказав, что приказ о ее переводе кладовщиком отменен, и попросил ее подобрать девушек, которые смогли бы быстро овладеть трактором².

Вскоре при Старобешевской МТС были организованы курсы трактористок, а Пашу назначили бригадиром первой в стране женской тракторной бригады. И вот весной 1933 г. ее бригада вышла на поля колхоза «Политотдел». В сезон 1933 г. в бригаде выработка на каждый трактор достигла рекордного результата: по 739 га при плане 477 гектаров. Сама бригадир выработала до 900 гектаров. Женская тракторная бригада завоевала первое место и переходящее Красное знамя в соревновании тракторных бригад за высокий урожай. Чтобы еще больше увеличить выработку на один трактор, нужно было изыскать возможности, способствующие повышению производительности тракторного парка и прицепного инвентаря.

¹ П. Н. Ангелина. Люди колхозных полей. М. 1954, стр. 31.

² См. К. Костенко. Большая жизнь. М. 1959, стр. 18.

И такие возможности Ангелина нашла. Был уплотнен рабочий день, сокращены холостые переезды, а подвоз горючего производился к месту работы, улучшено качество ремонта агрегатов и инвентаря³. Наряду с высокой производительностью тракторов, которая росла из года в год, бригада добивалась большой экономии горючего. Ангелина требовала от трактористок превосходного знания машин. В бригаде поддерживалась строгая трудовая дисциплина.

В феврале 1935 г. Ангелина приехала в Москву на II Всесоюзный съезд колхозников-ударников. Она рассказывала с трибуны съезда о работе своей женской тракторной бригады, о трудностях, встретившихся при ее создании, и успехах трактористок, о том, как работают и живут ее подруги. Она завершила, что бригада не остановится на достигнутых результатах, приняв обязательство довести выработку земли на один трактор до 1 200 гектаров. (В то время существовала норма — 300 гектаров на 15-сильный трактор.) На заседании съезда 14 февраля Ангелина была избрана в комиссию по рассмотрению Устава сельскохозяйственной артели. Высокие обязательства, принятые бригадой, были выполнены. Об этом Ангелина говорила на Всесоюзном слете передовиков сельского хозяйства в Москве в декабре того же года. Каждым трактором было обработано по 1 225 га, бригада сэкономила при этом свыше 20 т горючего. На этом совещании Паша объявила о новом обязательстве трактористок: в 1936 г. добиться выработки на каждый трактор 1 600 га и довести число женских тракторных бригад в Старобешевском районе до десяти. Достижения бригады Ангелиной были высоко оценены Коммунистической партией и Советским правительством. После окончания работы Всесоюзного слета передовиков сельского хозяйства Ангелину наградили орденом Ленина, а всех трактористок ее бригады — орденами Трудового Красного Знамени. «Революционерами сельскохозяйственного производства» назвал Ангелину и других знатных тружениц сельского хозяйства секретарь ЦК ВЛКСМ А. В. Косарев на X съезде комсомола.

Ангелина была замечательным воспитателем кадров. С 1936 г. каждый сезон состав ее бригады менялся почти полностью. Подготовив молодых механизаторов к самостоятельной работе, она организовывала новую бригаду, а ее бывшие трактористки становились бригадирами женских тракторных

бригад. Таким образом, бригада Ангелиной превратилась в «школу тракторного деда», где готовились квалифицированные кадры водителей машин. По ее почину женские тракторные бригады стали создаваться и в других областях, края, республиках. Когда на поля страны стали поступать новые мощные гусеничные тракторы ЧТЗ, Ангелина вместе с другими передовиками сельского хозяйства, делегатами X съезда ВЛКСМ, обратилась через газету «Правда» к бригадирам тракторных бригад, трактористам и комбайнерам с призывом: «Лучших трактористов — на тракторы ЧТЗ». Подписавшие обращение обязывались так изучить новые машины, чтобы осенью 1936 г. и весной 1937 г. пересечь на них и дать за сезон не менее 2 500 га на каждый трактор⁴.

П. Н. Ангелина была делегатом Чрезвычайного Восьмого съезда Советов СССР, принявшего новую Конституцию страны. 12 декабря 1937 г. земляки оказали ей высокое доверие, избрав ее депутатом Верховного Совета СССР. В том же году ее приняли в члены партии. Осенью 1939 г. Паша становится слушательницей Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Вместе с П. Ковардак, М. Мухортовой и другими бригадирами тракторных бригад она обратилась в 1939 г. через газету «Правда» ко всем женщинам нашей страны с призывом: «Молодые патриотки, учитесь управлять трактором!»⁵. Призыв знатных трактористок «Сто тысяч подруг — на трактора» услышала вся наша страна. Не 100, а 200 тыс. советских женщин откликнулись на это обращение и овладели без отрыва от производства профессией трактористок. Впоследствии, в годы Великой Отечественной войны, ушедших на фронт мужчин заменили женщины, освоившие эту профессию в мирное время.

Война застала Ангелину в родном селе. Военная обстановка потребовала напряжения всех физических и духовных сил. Работа на колхозных полях не прекращалась ни днем, ни ночью. Урожай 1941 г. был убран в кратчайший срок, а план хлебосдачи государству перевыполнен. В связи с продвижением фронта к Старобешеву бригада Ангелиной на своих тракторах, погружив все необходимое, покинула село. Через две недели труднейшей дороги она прибыла к месту назначения — аул Теректа, Западно-Казахстанской области, колхоз имени Буденно-

⁴ «Правда», 25. IV. 1936.

⁵ «Правда», 1. IV. 1939.

³ П. Н. Ангелина. Указ. соч., стр. 68.

го. Казахские степи, выжженные солнцем и суховеями, давали мало зерна. Учитывая местные климатические условия, в которых фактор времени имел определяющее значение, бригада Ангелиной провела сев озимых в кратчайший срок при соблюдении всех агротехнических правил. Самоотверженный труд трактористок в сочетании с их высоким мастерством и вера в свои силы дали положительные результаты. В 1942 г. колхоз имени Буденного снял по 150 пудов пшеницы с гектара. Получив за работу на трудодни большое количество пшеницы, трактористки бригады решили сдать в фонд Красной Армии на строительство танковой колонны 768 пудов хлеба, из которых 218 пудов сдала Ангелина. В 1943 г. бригада Ангелиной сняла по 180 пудов пшеницы с гектара, доказав, что казахская земля может давать высокие устойчивые урожаи.

После освобождения Старобешева в 1944 г. бригада Ангелиной вернулась в родные места. Немецко-фашистские захватчики причинили ее родному колхозу огромный ущерб: Старобешевская МТС, до войны одна из крупнейших на Украине и лучших в Союзе, фактически перестала существовать. Все надо было начинать сначала. Без восстановления тракторного парка и прицепного инвентаря нечего было и думать о проведении посевной кампании. В этот период Ангелина снова проявила себя как талантливый организатор. По ее предложению был изготовлен самодельный станок для расточки подшипников, а на запчасти она советовала использовать детали разбитых немецких танков. Ангелина мобилизовала колхозников на работы по восстановлению прицепного инвентаря. Все от мала до велика выходило на снегозадержание. В 1945 г. бригада Ангелиной сняла высокий урожай — 21,4 ц со всех обработанных ею 654 гектаров. Такого высокого урожая старобешевцы еще не знали. В 1946 г. Ангелина получила Государственную премию за усовершенствование методов эксплуатации тракторов и сельскохозяйственных машин, обеспечившее высокую производительность тракторного парка и «значительное повышение урожаев колхозных полей»⁶.

1946 год принес нашей стране тяжелые испытания. Лето на Украине, как и во многих других районах страны, выдалось сухим и жарким. И все же поля колхозов, обслуживаемые бригадой Ангелиной, благодаря правильной обработке почвы, снегозадержанию

дали хороший урожай пшеницы. В 1947 г. Ангелиной, «получившей урожай пшеницы 19,2 ц с га на площади 425 гектаров»⁷, было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Имя ее стало известно далеко за пределами нашей Родины. Письма в Старобешево приходили из Болгарии, Румынии, Чехословакии, Венгрии, Албании, Китая, Франции, Италии, США. Делегации из стран народной демократии приезжали к Ангелиной учиться передовым методам обработки земли и выращиванию высоких урожаев. Имя знатной трактористки было включено в «Мировую биографическую энциклопедию», издававшуюся в Нью-Йорке. В своем ответе на американскую анкету Ангелина, формулируя свое отношение к социальным преобразованиям, происшедшим в нашей стране и решительным образом повлиявшим на ее судьбу, писала: «Без вопроса «благодаря чему» нельзя понять и оценить жизненный путь советского человека, а значит, и мой. Главное ведь не во мне лично..., а в том, что мой подъем не есть исключение..., я поднялась вместе со всем народом, вышла в герои вместе со всем народом. Вот в чем главное»⁸. Согласно решению Министерства сельского хозяйства СССР, Старобешевская машинно-тракторная станция была преобразована в опорно-показательную. Туда приезжали директора МТС, механизаторы, чтобы перенять богатый опыт, накопленный годами упорного труда.

В послевоенные годы Коммунистическая партия придавала первостепенное значение вопросам повышения урожайности зерновых культур. На механизаторов сельского хозяйства и в первую очередь на трактористов МТС ложилась большая ответственность. Говоря об этом в одном из своих выступлений, Ангелина предлагала оценивать работу тракторных бригад МТС не по количеству вспаханных гектаров, а центнерами собранных с гектара зерновых и других культур, что позволит поднять качество обработки земли и больше заботиться об урожае⁹. В скором времени работу трактористов стали оценивать именно по этому принципу. В связи с возросшими требованиями к механизаторам сельского хозяйства Ангелина предложила заняться вопросами переподготовки бригадиров тракторных бригад, работающих на полях по 10—15 лет, а чтобы

⁷ «Правда», 20.III.1947.

⁸ П. Н. Ангелина. О самом главном. Мой ответ на американскую анкету. М. 1948, стр. 5.

⁹ «Правда», 17.II.1947.

⁶ «Правда», 27.VI.1946.

поднять их роль и авторитет,—предоставить им возможность самостоятельно решать производственные вопросы¹⁰.

50-е годы в Старобешеве характеризовались резким увеличением урожайности зерновых культур. Средняя урожайность зерновых за 1950—1955 гг. составляла 22,2 центнера с гектара. В феврале 1958 г. Праксovia Никитична Ангелина была награждена второй золотой медалью «Серп и молот» «за выдающиеся успехи в деле получения высоких и устойчивых урожаев зерновых и технических культур»¹¹. «Я работаю на тракторе много лет,—писала Ангелина.—Это для меня больше, чем «просто

¹⁰ «XVII съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. 23—27 сентября 1952 г. Материалы съезда». Киев. 1953, стр. 133.

¹¹ «Правда», 27.II.1958.

должность». Это мое место в борьбе за наши пятилетки, мой боевой участок в дни Отечественной войны, источник радости, достатка, славы»¹². Такие судьбы, как судьба Ангелиной, стали возможны только в стране победившего социализма, ибо социализм создал безграничные возможности для проявления в массовом масштабе талантов и творческих возможностей каждого труженика.

П. Н. Ангелина умерла в Москве 21 января 1959 г. в расцвете сил и творческих планов. Это случилось за несколько дней до открытия XXI съезда КПСС, делегатом которого она была избрана. Похоронили ее в родном Старобешеве, там, где прошла почти вся ее трудовая жизнь.

Г. Б. Антонов

¹² П. Н. Ангелина. О самом главном..., стр. 5.

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР

Тверской бульвар — старейший из современных московских бульваров. Здесь что ни шаг — история. Разбит он был летом 1796 г., руководил его устройством архитектор С. Карин. Засаженный преимущественно липами, бульвар тогда же стал любимым местом прогулок московских бар. Непустячий люд, во всяком случае в разгар гулянья, сюда не допускался. Своим «зеленым клубом» называли бульвар московские дворяне. Здесь происходили встречи знакомых, деловые и любовные свидания, завсегда там обменивались новостями, девицы «на выданье» украдкой бросали взоры на флиртующих гусар и молодых чиновников, шептались мамыши, высккивая среди модных вертопрахов женихов для своих дочек. Поэт К. Н. Батюшков писал: «Вот жалкое гульбище для обширного и многолюдного города, какова Москва; но стечение народа, прекрасные утра апрельские и тихие вечера майские привлекают сюда толпы праздных жителей. Хороший тон, мода требуют жертвований: и фронт, и кокетка, и старая вестовщица (сплетница.— Ю. Ф.), и жирный откупщик скачут в первом часу утра с дальних концов Москвы на Тверской бульвар. Какие странные наряды, какие лица»¹.

¹ К. Н. Б а т ю ш к о в. Прогулка по Москве. «Очерки московской жизни». М. 1962, стр. 13.

Резко изменился бульвар осенью 1812 г.: почти все липы были вырублены на топливо. На фонарных столбах оккупанты вешали москвичей, заподозренных в поджогах. С изгнанием «Великой армии» бульвар являл собой печальное зрелище. Но вскоре он был восстановлен. Здесь появилось множество «утех»: фонтаны, мостики, беседки из зелени. Вдоль главной аллеи были водружены бюсты знаменитых людей. Завелась и кондитерская. Слух гуляющих услаждали военный оркестр и хор песенников. В дневные часы оба проезда бульвара заставлялись экипажами. «Здесь ежедневно собирается множество прогуливающихся и иногда так много, что бывает тесно. В некоторых расстояниях поставлены скамейки для отдохновения»².

Хотя в 30-е годы прошлого столетия в Москве появились и другие бульвары, однако Тверской не утратил своей славы. Один из современников писал: «Несмотря на моды, нововведения, новые сады, новые бульвары, Тверской бульвар первенствует перед всеми прочими гуляньями... Тут всегда гуляющие: около двух и трех часов лучшая публика, московская модная молодежь — после обеда, живущие около и еду-

² «Москва или исторический путеводитель». М. 1831, стр. 89.

щие мимо непременно зайдут пройтись на Тверской бульвар. При этом надобно признаться, что этот бульвар отделан лучше всех других. Множество цветов, фонтаны, беседки, лужочки, кустики, разбросанные в самом приятном порядке, дают ему преимущества перед другими бульварами»³. Гулянья на Тверском бульваре стали предметом множества эпиграмм и всякого рода стихотворных сатир. В этом жанре пробовал свои силы и 16-летний М. Ю. Лермонтов, описавший «бульварный маскарад» в стихотворении «Булевар». Кстати, добавляя слово «Тверской» в то время не было необходимости: бульваром считался только Тверской, остальные зеленые полосы кольца стали называться бульварами не сразу. И когда Чацкий произносил: «А троё из бульварных лиц, которые с полвека молодятся?» — современники прекрасно понимали, что речь идет о завсегдаших именно Тверского бульвара.

Постепенно публика становится там более разнообразной в сословном отношении. А. С. Пушкин в 1833 г. писал жене из Москвы: «На Тверском бульваре попадают две-три салопницы, да какой-нибудь студент в очках и фуражке, да князь Шаликов». В. Г. Белинский отмечал, что купцами «кишат даже самые аристократические улицы и места в Москве»⁴, в том числе и Тверской бульвар. В 1840-х годах некий чванный аристократ брюзгливо осуждал гулянья на московских бульварах: «Кого я встречу на этих гуляниях?.. Двух-трех порядочных людей и целую толпу оборванных мужиков, запачканных прачек»⁵. Заметно меняется состав гуляющих в 1860-е годы. В одном из писем пензенскому приятелю В. О. Ключевский, в то время московский студент, писал о Тверском бульваре: «Вот как наступит вечер, там музыка около маленького ресторанчика и, братец ты мой, столько прохвостов, что и-и! Здесь царствуют такие патриархальные нравы, что всякую даму встречную, если есть охота, ты можешь без церемоний взять под руку и гулять с ней, толковать обо всем»⁶.

³ П. Л. Яковлев. Записки москвича. М. 1830, стр. 66—67.

⁴ А. С. Пушкин. Собрание сочинений. Т. XV. М. 1952, стр. 75; В. Г. Белинский. Собрание сочинений. Т. VIII. М. 1955, стр. 401.

⁵ М. Н. Загоскин. Москва и москвичи. «Очерки московской жизни», стр. 205.

⁶ В. О. Ключевский. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М. 1958, стр. 93.

Но это вечером. Днем же бульвар сохранял остатки аристократического лоска. Иначе не заставляли бы трех барышень Шербацких прогуливаться по Тверскому бульвару в сопровождении гувернантки и лакея⁷.

Поистине «бульварные» нравы Тверского бульвара показал молодой А. П. Чехов в рассказе «75000». Но это уже 1880-е годы. Яркую бытовую зарисовку бульвара на рубеже XIX и XX вв. — со студентами, городовым, проститутками, мастеровыми — дал Л. Андреев в пьесе «Дни нашей жизни». Начало XX в. ознаменовало новый этап и в истории бульвара. 25 февраля 1901 г., во время первой в Москве массовой рабочей демонстрации, на Тверском бульваре появились баррикады. 9 апреля 1905 г. по бульвару «значительной толпой» прошли забастовавшие булочники, 23 октября — печатники⁸. В октябрьские дни 1917 г. на Тверском бульваре происходили ожесточенные схватки между белогвардейцами и революционным отрядом двинцев, который продвигался к Никитским воротам.

В 1920-е годы в Москве нередко можно было увидеть плакаты с рифмованным призывом: «Все на книжный базар — на Тверской бульвар». Главная аллея в эти дни превращалась в галерею книжных киосков и лотков. Роль продавцов и агитаторов книги добровольно брали на себя многие видные писатели, журналисты, артисты. Книжные базары были одним из немаловажных мероприятий культурной революции... Еще 4 ноября 1923 г. в начале Тверского бульвара был открыт памятник великому русскому естествоиспытателю К. А. Тимирязеву (скульптор С. Д. Меркуров, архитектор Д. П. Осипов). Ученый изображен облаченным в мантию доктора Кембриджского университета, почетным членом которого он был. На гранитном пьедестале высечены «кривая физиологии растений», разработанная ученым, и надпись «К. А. Тимирязеву — борцу и мыслителю». В октябре 1941 г. во время фашистской бомбежки памятник был сбит взрывной волной, но в тот же день утверждён на прежнем месте. Сохранились выбоины в нижней части скульптуры — неизгладимые следы нацистского варварства. Вскоре после окончания Великой Отечественной войны бульвар был перепланирован и благоустроен (архитектор В. И. Долга-

⁷ Л. Н. Толстой. Собрание сочинений. Т. 7. М. 1948, стр. 24.

⁸ «1905 год в Москве». М. 1955.

нов): появились новые деревья и нарядные цветники, вдоль центральной аллеи протянулась длинная клумба-рабатка, поставлена узорчатая чугунная ограда (архитектор Г. И. Луцкий).

Длина бульвара ныне — около 857 м, ширина в разных местах — 60—80 метров. Стоит он из главной аллеи и менее оживленной, боковой. Среди многих старинных лип, кленов, вязов выделяется стоящий напротив дома № 14 дуб, которому свыше 200 лет. Его высота — более 20 м, окружность ствола — около 3 метров. Дуб старше бульвара, он рос возле городского вала и был включен в ансамбль бульвара при его разбивке. В конце бульвара с 1880 г. по 1950 г. стоял памятник А. С. Пушкину архитектора А. М. Опекушина. Сейчас на этом месте — красивая площадка с цветниками, окаймленная гранитными стенками и украшенная вазонами и светильниками.

Перейдем теперь к домам, которые смотрят на бульвар. Дом № 1 по левому внешнему проезду от Никитских ворот построен в 1949 г. для военнослужащих архитекторами К. Д. Кисловой и Н. Н. Селивановым. Это — строгое монументальное строение. Соседний дом появился в 1877 г. (архитектор П. С. Кампиони). До 1915 г. здесь помещались меблированные комнаты. Затем это здание перестраивается под Румянцевскую гимназию, его фасад оформляется под стиль «неоампир». После Октябрьской революции гимназия была преобразована в среднюю школу, существующую по сей день. Владение № 5 состоит из двух домов. Левый появился около 1850 г.; правый, угловой, построен в 1879 г. по проекту архитектора В. П. Загорского. Дом № 7 принадлежал домовладельца Романовым. Возводился он в 1882 г., а в 1893 г. надстраивался четвертым этажом: со стороны Бронной улицы к нему была сделана пристройка с залом, который сдавался под концерты и театральные представления разным труппам. Сейчас здесь дает спектакли Московский драматический театр — театр на Бронной. В меблированных комнатах дома Романовых жили чиновники, врачи, артисты, музыканты. В 1890-х годах здесь снимал квартиру композитор В. С. Калинин, в 1900-х — известный художественный критик С. Н. Кругликов. В 1905 г. в квартире дантиста (первый подъезд от угла) В. Н. Данишевского помещался перевязочный пункт для рабочих-дружинников. 14 декабря эта квартира была разрушена дубасовской артиллерией. 31 октября

1917 г. красногвардейцы со второго этажа этого здания обстреливали из пулемета позиции белогвардейцев у Никитских ворот.

Внушительного вида доходный дом № 9 выстроен около 1910 г. архитектором И. Г. Кондратенко для одного из богатейших московских домовладельцев Коровина. Гранитная мемориальная доска напоминает, что здесь с 1919 г. по 1933 г. жил старейший деятель Коммунистической партии И. А. Пятницкий. В доме № 11 с 1889 по 1928 г. жила великая русская драматическая актриса М. Н. Ермолова, первая народная артистка республики. История этого здания такова: в 1830-х годах действительный статский советник Звягинцев построил двухэтажный дом с мезонином и флигелем слева. В 1843 г. владелец расширил мезонин в сплошной третий этаж и украсил центр фасада «фонарем» (выступом). В 1873 г. новый владелец инженер-капитан Ромейко построил дом во дворе (там сейчас больница), у флигеля появился балкон, сам же флигель был связан с домом переходом. В 1875 г. флигель надстраивается третьим этажом. В 1889 г. здание приобрел муж Ермоловой адвокат Шубинский. В 1913 г. он сменил деревянный «фонарь» на каменный. 14 июня 1920 г. Моссовет предоставляет дом в пожизненное пользование М. Н. Ермоловой. Кабинет ее помещался на втором этаже за фиолетовыми стеклами. 15 мая 1970 г. в доме открывается мемориальный музей актрисы. При ее жизни здесь часто бывали А. И. Южин, К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, М. Г. Савина, В. Н. Давыдов, Ф. И. Шалапин. В 1920-е годы в этом доме снимал квартиру народный артист СССР Ю. М. Юрьев.

Соседний дом, № 13, в плане имеет конфигурацию буквы П. Три этажа центральной его части составляли барский особняк начала прошлого века. Принадлежал он родственнику А. И. Герцена, богатому сапожнику Д. П. Голохвастову, о котором подробно рассказывается в «Былом и думах». Фасад был украшен пышным четырехколонным портиком, по бокам шли длинные флигели, в 1885 г. они были соединены с главным зданием. В 1874 г. дом купил банкир С. С. Поляков и перестроил его под банк. После 1917 г. здание переходит в ведение Наркомата военно-морского флота, затем здесь размещается Управление милиции, а с 1923 г. — часть Коммунистического университета трудящихся Востока. В 1930-х годах дом был занят Промбанком, затем Стройбанком, причем в 1951—1952 г. зда-

ние перестроили. Под № 15 значатся два очень похожих друг на друга двухэтажных дома с балконами. В 1894 г. это владение прибрал к рукам банкир Л. С. Поляков. К 1917 г. оба здания принадлежали Ярославско-Костромскому банку, главными заправилами которого были миллионеры братья Поляковы. В правом здании одно из помещений с 1909 г. по 1918 г. арендовало «Товарищество Гранат», издававшее известную энциклопедию, для которой В. И. Ленин написал статью «Маркс».

Немало легенд окружает владение № 17. В начале прошлого века оно принадлежало богачу майору Осташевскому, жил он в двухэтажном доме в глубине двора. Перед фасадом здания владелец разбил огромный сад с прудом, куда приезжала веселиться московская знать. На пруду устраивались лодочные катания и фейерверки. В этот сад забрел как-то в детстве Лев Толстой с братьями, о чем со слов самого Л. Н. Толстого писал его биограф П. И. Бирюков: «Сад показался им необыкновенной красоты. Там были пруд с лодками, флагами, цветы, мостики, дорожки, беседки и т. д.»⁹. В 1840-х годах владение перешло к генералу Лукашу, больной жене которого врачи рекомендовали жить в открытой беседке, специально построенной напротив дома. Однако, по преданию, она все же умудрилась умереть от угара. Затем усадьба переходит к богатой чудачке, экспансивной В. П. Пуколовой-Крекшиной. Дом Осташевского ей не понравился, и в 1864 г. она построила на том же участке трехэтажный дом, выходящий и ныне фасадом на бульвар. Фасад был щедро украшен колоннами, орнаментом, скульптурами и прочей лепниной. Говорили, что это была копия парижского дома Пуколовой. Здание построили, но Пуколова в нем жить отказалась и переселилась в дом на Поварской (ул. Воровского). Здание же на бульваре она сдавала под выставки и собрания. Здесь в 1867—1869 гг. собирался клуб московской художественной интеллигенции — «Артистический кружок», членами которого были А. Н. Островский, П. И. Чайковский, Н. Г. Руби́нштейн, П. М. Садовский, А. Ф. Писемский и другие. В этом же доме впервые была показана москвичам специально привезенная из Петербурга картина К. Д. Флавицкого «Княжна Тараканова».

В 1870-х годах артистка А. Воронова строит на бульваре двухэтажный (со дво-

ра — трехэтажный) дом № 19 (архитектор А. А. Мартынов), квартиры которого сдает внаем. В 1890-х годах одну из них снимал выдающийся русский хирург Н. В. Склифосовский. Накануне Октябрьской революции дом принадлежал князьям Святополк-Мирским. В 1939 г. он был надстроен тремя этажами и заново архитектурно оформлен. Далее следует Богословский переулок, который назван по стоящей рядом церкви Иоанна Богослова, построенной в 1666 году. Она упоминается в старой студенческой песенке:

От зари до зари,
Лишь зажгут фонари,
Вереницей студенты шатаются.
А Иван Богослов,
На них глядя, без слов
С колокольни своей улыбается.

Дом № 23 — известный москвичам Драматический театр имени А. С. Пушкина. В начале XIX в. это был ампирный особняк генерала Мамонова. Незадолго до революции он стал собственностью трех братьев Паршиных, унаследовавших от отца-коммерсанта дом и капиталы. В доме помещались бухгалтерские курсы и воинское присутствие. Молодой режиссер А. Я. Таиров уговорил Паршиных перестроить особняк в театр, который арендовал для своей труппы. 12 декабря 1914 г. представлением древнеиндийской драмы «Сакунтала» открылся новый театр, названный «Камерным». Однако духовные власти разыскали средневековый закон, запрещающий устройство «увеселительных мест» на близком расстоянии от храмов божьих, и потребовали прекращения спектаклей. С большим трудом удалось добиться снятия запрета. В 1930 г. здание было расширено. Театр, труппу которого украшала замечательная актриса А. Г. Коонен, прославился такими постановками, как «Оптимистическая трагедия» В. В. Вишневского, «Госпожа Бовари» по роману Флобера, и рядом других. С 1950 г. спектаклем «Из искры» Ш. Дадьяни в том же помещении начал свою работу Театр имени А. С. Пушкина.

Соседнее двухэтажное здание с балконом перестроено из старых флигелей в 1882 г. архитектором А. С. Каминским. Флигели эти входили в большое владение № 25, принадлежавшее в начале прошлого века И. А. Яковлеву, отцу А. И. Герцена. В главном корпусе за садом в 1812 г. родился великий революционный писатель-

⁹ Цит. по: Н. Родионов, Л. Н. Толстой в Москве. М. 1958, стр. 7—8.

демократ, поэтому здание по праву называют Домом Герцена. Этот корпус сохранился еще с екатерининских времен. Герцен посвятил дому и его обитателям немало волнующих страниц «Былого и дум». В 1840-х годах здесь поселился известный своим литературным салоном Д. Н. Свербеев, у которого бывали Н. В. Гоголь, К. С. Аксаков, Т. Н. Грановский, В. Г. Белинский, М. С. Щепкин. Попав позднее в купеческие руки, дом подвергся некоторой перестройке. В 1920 г. он был передан писательским организациям и становится одним из литературных центров страны. Здесь выступали с чтением своих стихов С. А. Есенин и В. В. Маяковский, а в 1928 г., после приезда из Италии, А. М. Горький встречался в Доме Герцена с писательской общественностью. Во флигелях жили С. Н. Сергеев-Ценский, Вс. Иванов, А. Платонов. В 1934 г. в Доме Герцена открывался Литературный институт имени А. М. Горького. В правом флигеле помещается редакция журнала «Знамя». В 1920 г. на воротном столбе усадьбы был установлен барельефный портрет А. И. Герцена (скульптор Н. А. Андреев). В 1959 г. перед домом открыт памятник Герцену (скульптор М. И. Мильбергер).

Двухэтажный дом № 27, построенный в 1872 г., вошел в историю революционного движения. В 1874—1875 гг. представитель революционного народничества И. Мышкин вместе с книготорговцем Вильде устроили здесь типографию, где наряду с легальными изданиями печаталась литература, содержащая призывы к свержению самодержавия. Дом выходит на Сытинский переулок, названный так по фамилии землевладельца 1740-х годов капрала Сытина. Напротив, под № 29 стоит двухэтажный дом, построенный в конце XVIII века. Той же давности — скромный двухэтажный особняк № 31 с воротной аркой посредине. Владение № 33 состоит из двух зданий, в основе своей сохранившихся с начала XIX в., и известно москвичам-старожилам как один из первых кинотеатров. Открылся он в 1909 г. и носил характерное название «Великий немой». Когда «великий немой» заговорил, маленький кинотеатрик специализировался на показе хроникально-документальных фильмов и стал называться «Новости дня». В 1964 г. он был закрыт. Дом № 35 получил свой современный облик лет сто тому назад, но год его рождения теряется в XVII веке. Двухэтажное каменное здание стояло здесь еще до по-

жара 1812 года. Действующая в нем ныне аптека открылась в начале 1870-х годов. В конце прошлого века на крыше со стороны площади появилась застекленная надстройка — фототелье.

Возвремся теперь к началу бульвара и перейдем к домам, выходящим на правый его проезд. Участок, где стояли дома под №№ 2—4, в 1967 г. был расчищен от малоценных строений; здесь вырастет многоэтажное здание ТАСС. Массивный дом № 6 (архитектор А. Ф. Мейснер) принадлежал Ярославской мануфактуре, использовавшей его под квартиры. В октябрьские дни 1917 г. он запылал от артиллерийского обстрела, осталась одна коробка. К 1925 г. дом был полностью восстановлен. Доходные дома №№ 8 и 10 построены незадолго до первой мировой войны. В последнем много лет помещается ТАСС.

Дом № 12 построен в 1891 г. для Нижегородско-Самарского банка К. М. Быковским — типичное учрежденческое, деловое здание тех лет. В 1920-х годах в нем помещалось Таможенное управление, сейчас его тоже занимает ТАСС. Два верхних этажа возведены в советское время. Соседнее владение (№ 14) — остатки барской усадьбы, принадлежавшей в 1824 г. генералу Мосолову. В главном, трехэтажном корпусе и двух весьма заурядной архитектуры домах, выходящих на проезд, мало что сохранилось от изящного ампирного особняка, окруженного уютными флигельками. Попав в купеческие руки, дом в прошлом веке подвергался неоднократным перестройкам. Свыше 150 лет насчитывает и дом № 16. В 1840-х годах, когда он сдавался под квартиры, здесь жил студент Московского университета Б. Н. Чичерин, в дальнейшем известный историк-юрист и публицист. Он описывает этот дом и собрания в нем в своих воспоминаниях «Москва сороковых годов». Двухэтажный дом № 18 стоит с пушкинских времен, но в 1900-х годах был радикально перестроен архитектором Ф. О. Шехтелем во вкусе заказчиков — водочных заводчиков Смирновых, после чего стал типичным образцом упадочного стиля «модерн». В больших залах смирновского особняка часто устраивались выставки и собрания. И. Е. Репин энергично протестовал против организации выставок работ художников-реалистов именно в этом здании, стиль которого вызывающе противоречил демократическому направлению в искусстве. От Смирновых в 1912 г. дом переходит к графам Кутайсовым —

потомкам личного парикмахера Павла I. В октябре 1917 г. особняк был занят белыми, обстреливавшими отсюда красногвардейцев, продвигавшихся к Никитским воротам. В первые годы Советской власти здесь помещался Московский Революционный трибунал.

На двухэтажном доме № 20, хорошо сохранившемся с конца XVIII в., прикреплена мемориальная доска с надписью: «Здесь во время октябрьских боев 1917 года при взятии дома градоначальника героически погибли члены Союза рабочей молодежи товарищи Жебрунов и Барболин». Здание градоначальства — главного управления московской полиции, за которое в 1917 г. шли кровопролитные бои, находилось на участке № 22; старинный дом, стоявший на линии проезда, был снесен в 1937 году. Сейчас здесь строится новое здание МХАТ с зрительным залом на 1600 мест (авторский коллектив под руководством архитектора В. С. Кубасова).

Изящные, преисполненные гармонии дома № 24 и 26 уцелели с конца XVIII века. Являя собой отличные образцы архитектуры русского классицизма, они дают хоро-

шее представление о первоначальной застройке бульвара. В 1830—1831 гг. оба здания принадлежали отставному вельможе И. Н. Римскому-Корсакову, одному из фаворитов Екатерины II. Живо интересовавшийся русской стариной, А. С. Пушкин часто посещал дряхлого царедворца, чтобы послушать его рассказы о быте и нравах двора императрицы. Последним владельцем дома № 24 был участник убийства Распутина князь Ф. Юсупов. А дом № 26 принадлежал распутинскому другу, известному авантюристу и спекулянту Д. Рубинштейну. Проезд заканчивается домом № 28, построенным архитектором А. Г. Мордвиновым в 1939 году. Другой фасад этого здания выходит на улицу Горького. Здесь со стороны бульвара находилась мастерская народного художника СССР С. Т. Конёнкова. В угловом эркере дома, на четвертом этаже расположена музей-квартира народного артиста СССР А. Б. Гольденвейзера — замечательного пианиста и музыкального педагога, друга Л. Н. Толстого.

Ю. А. Федосюк

БРУНИ И ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ОБРАЗОВАННОСТЬ

Каждому историческому периоду присущи свои представления об образованности и культуре. Взгляды эпохи Возрождения, переходной от средневековья к новому времени, отличаются в этом отношении тем, что в ту эпоху светское знание высвобождается из-под опеки религии и обретает независимость. Оно делается достоянием довольно широких общественных кругов, а приобщение к нему уже более не связано обязательно с его профессиональной реализацией в каком-либо виде умственного труда. Тогда-то и зарождалось, впервые в истории феодальной Европы, представление об образованном, культурном человеке как таковом. Что же вкладывали гуманисты, идеологи эпохи Возрождения, в свое понимание homo eruditus (образованного человека)? С их представлением о нем дает возможность познакомиться трактат итальянского гуманиста Л. Бруни «О научных и литературных занятиях» («De studiis et

litteris») ¹. Леонардо Бруни Аретино (1374—1444 гг.) — один из идейных вождей гуманистов 1-й половины XV в., писатель, историк и переводчик. Он был секретарем папской курии, канцлером Флорентийской республики и считался своеобразной «достопримечательностью» Флоренции, где пользовался широкой известностью. Как гуманист Бруни интересовался прежде всего проблемами морали, подчеркивая их важность для жизни и пытаясь определить «высшее благо» людей и найти пути к его достижению. Он стойко защищал идею достоинства и самоценности человеческой личности, выступал против феодального тезиса о «благородстве», источником которого будто бы являются лишь знатное происхождение и родовитость. Особо подчеркивал Бруни роль гума-

¹ Трактат напечатан в издании L. Vignoli Aretino. Humanistisch-philosophische Schriften. Hrsg. und erl. von H. Baron. Leipzig. 1928 (далее — «De studiis»).

нитарных дисциплин в духовном формировании человека. Свою вышеназванную работу он посвятил Баттисте Малатеста, жене тирана Римини Галеаццо Малатеста, которая принадлежала к кругу образованных женщин того времени, таких, как Ипполита Сфорца, Изотта Ногарола, Чечилия Гонзага и иные. Так что работа Бруни по-своему интересна прежде всего как программа женского гуманистического образования, трактуемого Бруни довольно многообразно. Но по замыслу трактат гораздо шире.

Идеи Бруни расходятся с идеями средневековой системы образования. С самого начала он отвергает «обыденное и беспорядочное» образование современных ему теологов и не прочь резко высказаться по поводу их невежества. Однако затем останавливает себя, говоря, что «вошел не в ту дверь», и начинает излагать принципы собственной системы. «Настоящее и свободное» образование, которое он защищает, соединяет знание различных наук с умением владеть литературным языком или литературной культурой². Эти две сферы тесно взаимосвязаны. Ведь язык без знания фактов бесплоден и пуст, а фактические знания, сколь бы ни были они значительны, оказываются порой недоступными читателю, если они изложены нелитературным языком. «Какая польза знать многое и прекрасное, если не можешь об этом умело сказать и если не в состоянии написать, не вызывая смеха?»³. Фундамент образованности для Бруни—умение владеть языком, «приобретенное упражнением, обстоятельное и глубокое» Это умение предполагает всестороннее знание грамматики, воспитание в себе чувства красоты стиля, способности писать и говорить красиво и изящно. Подобные качества приобретаются с помощью учителя, далее путем изучения трудов античных грамматиков, создавших науку о языке, и благодаря собственному усердию, причем последнее по значению превосходит все остальное. Главное, о чем должен позаботиться человек,—отобрать для чтения те книги, которые написаны лучшими и опытейшими в языке авторами, и избегать книг, написанных неумело. Бруни предостерегает от чтения без разбора как от беды, порчи для ума: «Чтение произведений без нужной разборчивости запечатлевает свои пороки на читающем и, подобно чуме, заражает его ум. Ведь чтение—словно духовная пища, которая кормит и поит

ум. Подобно тому, кто, заботясь о желудке, поглощает не всякую пищу,—тот, кто хочет сохранить здоровой душу, не должен позволять себе какое попало чтение»⁴.

Человеку следует учиться языку на лучших образцах. Но он должен еще уметь учиться. Для этого необходимо серьезно размышлять над прочитанным; обращать внимание, на какое место поставлено каждое слово; что означают отдельные части речи. По мнению Бруни, важно воспринимать у авторов и их словарный запас, употребляя в разговоре и при письме только те слова, которые встречаются у лучших писателей. Интересные рекомендации дает гуманист по воспитанию в себе чувства красоты стиля: для этого полезно читать вслух, чтобы обнаружить ритм и созвучия, соединения и периоды, связанные между собой внутренней гармонией и измеряемые и познаваемые слухом. Такие ритмы и созвучия есть как в стихах, так и в прозе, а яснее всего обнаруживают себя у наилучшего автора. Читающий вслух заметит все это отчетливее и как бы наполнит уши гармонией, которую затем почувствует при письме и сможет подражать ей. Чтение вслух поможет также выработать правильную интонацию. Овладение языком как первое необходимое условие «настоящего и свободного» образования должно сочетаться со знанием различных наук, с фактическими знаниями. Какие же области знания рекомендует Бруни?

Обращаясь к «женщине-христианке», он по традиции начинает со священных книг. Но этим и ограничивается его дань традиции. Цель чтения этих книг звучит отнюдь не традиционно и вполне гуманистически: познавательно-нравственная задача чтения сочетается с удовлетворением эстетических запросов. Из священных книг женщина «многое почерпнет, многое с их помощью познает в себе». Но она должна быть разборчива. Среди «отцов церкви» надо читать старых писателей, не слишком касаясь писаний прочих. Какой толк в том, что образованная женщина знает современных церковных авторов и ничего не может сказать о тех более ранних, кто писал изящным и достойным ушей языком, в то время как последние ничего не дают?⁵. Впрочем, Бруни тут снова «вошел не в ту дверь», и, хотя искушение велико, он спешит прервать небезопасный разговор и ведет женщину к

² Ibid., S. 6.
³ Ibid., S. 19.

⁴ Ibid., S. 7.
⁵ Ibid., S. 12.

светским знаниям, о которых затем начинается рассуждать. Среди светских наук на первом месте, вполне в духе ранних гуманистов, он ставит этику. Женщина должна знать, что говорили философы о добродетельной жизни, воздержании, умеренности, скромности, справедливости и храбрости. Бруни не навязывает своего решения в выборе лучшего жизненного пути, а просто предлагает читать различных философов. Не делая скидок на «менее совершенный» женский ум, он вводит женщину в круг гуманистических дебатов его времени о лучшем образе жизни, настойчиво советует не проходить мимо таких, например, размышлений: достаточна ли добродетель сама по себе для счастливой жизни? Не являются ли препятствием для нее жизненные невзгоды и бедность? Если же они выпадают на долю счастливого человека, становится ли он от этого несчастным? В чем вообще заключается человеческое счастье: в наслаждении и отсутствии страданий, как думал Эпикур, в чести, как полагал Зенон, или в добродетельной жизни, согласно Аристотелю?⁶ Серьезность, с которой Бруни общается женщину к животрепещущим проблемам этики, — показатель того, что гуманисты видели в женщине равноправного партнера в духовной жизни.

Бруни рекомендует также изучать историю. Из истории люди узнают о происхождении и развитии своего народа, о военных и мирных деяниях других народов. Но истории присуще не только познавательное значение, ибо «знание прошлого дает благоразумные советы; исход подобных событий в прошлом побуждает нас в зависимости от обстоятельности к действию или отклоняет от него». К тому же история изобилует примерами, которые можно использовать при разговоре. Гуманист рекомендует читать античных авторов: Тита Ливия, Саллюстия, Тацита, Курция Руфа, а особенно Юлия Цезаря, «излагающего свои деяния в комментариях с большой легкостью и изяществом». Изучать историков «не представляет труда. В них не нужно ни отыскивать тонкостей, ни распутывать сомнительные вопросы: ведь вся история заключается в повествовании о самых простых событиях»⁷. Бруни советует не пренебрегать также чтением речей ораторов: у них «мы научимся восхвалять благодеяния и проклинать злодеяния, ободрять, убеждать, волновать и

устрашать. Хотя все это делают и философы, однако (не знаю уж, каким образом) именно во власти оратора вызывать гнев и милосердие, возбуждать или подавлять душу... Особыми орудиями ораторов являются словесные украшения и образная мысль; их мы заимствуем у ораторов для письма и разговора и обратим в свою пользу, когда потребует дело. Наконец, возьмем у них словесное богатство, силу высказывания и, так сказать, в качестве орудия всю жизненную силу и мощь их речи».

Последнее, что рекомендует Бруни, — поэзия, «божественный род литературы». Сначала следует его традиционная апелляция к античному авторитету: все великие мужи древности знали поэтов. Аристотель, например, часто использовал стихи Гомера, Гесиода, Пиндара, Еврипида и других. Этот аргумент подкрепляется собственными соображениями Бруни: в стихах обычно содержится много мудрых мыслей о жизни и нравах. К тому же поэзия отличается необыкновенной красотой языка и сообщает читателю некое благородство. Как истинный сын своей эпохи, человек предприимчивый и ценящий время, Бруни убеждает читателя: ведь стихи мы узнаем еще в детстве, когда не заняты другими делами; благодаря гармонии стихи хорошо запоминаются, путешествуют вместе с нами и даже без книг приходят на память, так что делающий что-то другое одновременно может быть занят и ими⁸. Аргумент «от практики» дополняется аргументом «от философии», причем весьма характерным для Возрождения. Здесь Бруни говорит о соответствии поэзии и самой природы. Даже необразованные люди получают наслаждение, воспроизводя звуки и ритмы. И хотя то же самое они могут лучше сказать прозой, они считают более достойным для слуха облечь слова в стихотворный размер. Это можно сказать и об обедне в храме: несмотря на ее торжественный церемониал, наша душа остается сонной и безучастной; но если хор запоет нечто поэтическое, тотчас человек пробудится. Эстетика опять вторгается у Бруни в сферы «запретного» и бьет по церковному лицемерию, что весьма характерно для автора работы «Против лицемеров»⁹.

Пылко и остроумно защищает Бруни поэзию от нападок «суровых судей» — рвни-

⁸ Ibid., S. 16.

⁹ Этот трактат — единственный труд Бруни, переведенный на русский язык (см. «Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии». М. 1963).

⁶ Ibid.

⁷ Ibid., S. 13.

телей католической морали. В вину поэтам ставится ими то, что в стихах описываются страсти и греховные деяния. Бруни решительно отрицает огульное обвинение и приводит примеры описания поэтами целомудрия, супружеской преданности и добрых дел; предосудительного же у поэтов немного. Но воображаемый противник Бруни не успокаивается. Он заявляет, что из боязни встретить злое и порочное он вообще не будет читать стихов и не позволит другим. Тогда Бруни решается на смелое заявление: «А Платон и Аристотель читали! Если ты противопоставляешь им себя строгостью нравов или пониманием сути вещей, я никоим образом не потерплю этого! Неужели ты считаешь, что видишь нечто такое, чего не видели они? «Я—христианин»,— скажет тот. А они, может быть, жили по особым обычаям? Как будто честь и строгость нравов не были тогда такими же, что и теперь». Далее Бруни ссылается на греховные сюжеты в самом «священном писании»: «Разве не там — безумная страсть Самсона, с чьей могучей головы, положенной на колени женщины, были обрезаны волосы, дававшие ему силу? Разве это не поэтично и разве это не греховно? Я уж умалчиваю об ужасном преступлении дочерей Лота и о достойном проклятия разврате содомитов. Но клянусь, что, восхваляя поэтов, я не остановлюсь перед тем, чтобы упомянуть об этих двух пороках. А если посмотреть на любовь Давида к Вирсавии и его злодеяние по отношению к Урии? На братоубийство у Соломона и на многочисленную толпу наложниц?.. Следовательно, поэтов нельзя отвергать с презрением на том лишь основании, что у них иногда встречается кое-что, написанное для наслаждения людей»¹⁰.

Говоря о «настоящем и свободном» образовании, Бруни упоминает только гуманитарные дисциплины. Правда, он заявляет, что умам, к которым он обращается, должна быть свойственна страсть к познанию и пониманию, так что они не пренебрегут вообще никаким знанием. Тем не менее существуют, с его точки зрения, такие науки (например, арифметика и геометрия), которые он не включает в «общее образование».

Отвергает он и астрологию. Дело было, очевидно, не только в том, что Бруни обращался к женщине. Подобный взгляд отражал отношение некоторых гуманистов к негуманитарным отраслям знания и свидетельствует об их ограниченности, отчасти связанной со слабым уровнем развития естественно-технических наук в эпоху раннего Возрождения. Такие взгляды были, однако, характерны не для всех гуманистов. Так, П. П. Верджеро (1370—1444 гг.) в своем педагогическом трактате давал высокую оценку всем естественным наукам; к тому же, на его взгляд, все дисциплины так между собой связаны, что ни одну нельзя изучать по-настоящему игнорируя другие¹¹. Что касается специфики женских занятий, то Бруни энергично высказывается против того, чтобы женщина сама занималась риторикой, хотя читать сочинения ораторов — дело для нее необходимое и достойное. Риторика, как войны и сражения, есть мужское занятие. К тому же ораторские приемы, которые сродни актерскому мастерству, не подходят женщине: она покажется сумасшедшей и нуждающейся в усмирении, если, говоря, начнет размахивать руками или издавать неистовые вопли.

«Настоящее и свободное» образование приобретает упорным, хорошо продуманным и систематизированным трудом. Нужно, «много читая и изучая, повсюду собирать и накапливать, всячески выведывать и исследовать то, что полезно для наших занятий». В результате напряженной внутренней работы по формированию духовного облика в человеке «отразится нечто значительное и достаточное для того, чтобы быть содержательным, многообразным и красноречивым, а не пустым невеждой». Так появится в человеке культура, которая даст ему «замечательное превосходство» над другими и принесет славу... Подобное понимание образования было связано с гуманистической идеей о преобразующей роли знания, идеей, рожденной в эпоху, переходную от средневековья к новому времени.

Н. В. Ревякина

¹¹ Petri Pauli Vergerii. De nobilium puerorum educatione libellus gravissimus. Lipsiae. 1604, D8, E.

¹⁰ «De studiis», S. 18.

У исторической карты народов мира

ЛУЖИЧАНЕ

В середине апреля 1945 г. войска 1-го Украинского фронта вместе с частями Войска Польского форсировали Нису Лужицку. Здесь, в Лужице, жили славяне, лужицкие сербы, которые с большой надеждой ожидали прихода Красной Армии. Еще шли ожесточенные бои, когда делегация от лужицких сербов отправилась с посланием в штаб 1-го Украинского фронта. Командующий фронтом И. С. Конев, ознакомившись с содержанием послания, информировал Ставку Верховного Главнокомандования. Сбылись надежды лужичан. Красная Армия, освободившая мир от угрозы коричневой чумы и принесшая новую жизнь немецкому народу, освободила лужичан от долгого национального угнетения. В 1945 г. начался качественно новый этап истории лужицких сербов.

Лужичане (самоназвание «сербский люд»; немцы называли их ранее «венды», а теперь — «сорбы») живут в Дрезденском и Котбусском округах ГДР, в Верхней и Нижней Лужице с центрами в г. Бауцен (Будышин) и в г. Котбус (Хочебуз). Самая крупная река Лужице Шпрее с многочисленными притоками и каналами образует низменность Шпревалд (по-лужицки «Блота»), где основным видом транспорта летом являются лодки. Язык лужичан (точнее — два диалекта: верхне- и нижнелужицкий, постепенно сливающиеся) относится к западославянской языковой группе. Нижнелужицкий диалект ближе к польскому языку, верхнелужицкий — к чешскому. Оба они испытали сильное влияние со стороны немецкого. В свою очередь, немцы, живущие поблизости от лужичан, заимствовали ряд их слов. В языке лужичан в результате их длительной исторической изоляции от других славянских народов сохранились архаические формы (имперфект, аорист, двойственное число и пр.). Большинство верующих лужичан были лютеранами, около 10 % — католиками. Официальные переписи давали следующую численность лужичан: в 1849 г. — 142 тыс. человек, в 1861 г. — 136 тыс., в 1880 г. — 132 тыс., в 1900 г. — 117 тыс., в 1910 г. — 104 тыс., в 1925 г. — 71 тыс., в 1939 г. — 425 человек¹. Эти данные, особенно за 1930-е годы,

являются фальсифицированными. В настоящее время, с учетом смешанных браков и процесса интеграции, исследователи приводят цифры от 70 тыс. до 120 тыс. человек².

Лужичане — самый маленький славянский народ. Однако научный интерес к ним велик. В 1929 г. насчитывалось 4 713, а в 1952 г. — 7 580 названий книг и статей о лужичанах³. Значительный вклад в их изучение внесли русские ученые. Особенно выделяются работы И. И. Срезневского, А. Ф. Гильфердинга, Л. В. Щербы, А. А. Шахматова. В СССР изданы библиографические указатели и обзоры⁴, появились специальные труды.

В начале второй половины I тыс. н. э. обширное пространство между Одером (Одрой), Эльбой (Лабой) и Заалой (Салой) было заселено многочисленными западославянскими племенами, в том числе находившимися у Рудных и Лужицких гор сербско-лужицким племенным союзом. Собственно лужичане занимали территорию между современными Котбусом и Люббеном. Под Бауценом обосновались мильчане. Между Эльбой и Заалой жили сербы. Хотя у лужицких племен рано начали зарождаться феодальные отношения, объединение их в государственно-политическое образование не успело завершиться и самостоятельное историческое развитие было прервано немецким завоеванием. В 861 г. основатель династии немецких Каролингов король Людовик покорил сербов. К тому времени основой их жизни являлись земледелие и скотоводство. Охота, рыбная ловля, бортничество отошли на второй план⁵. Развивалась торговля, ремесло начало отде-

² «Народы зарубежной Европы». Т. I. М. 1964, стр. 279; «Атлас народов мира». М. 1964, стр. 141; «Die Sorben». Bautzen. 1964.

³ J. J a t z w a u k. Wendische (Sorbische) Bibliographie. Leipzig 1952.

⁴ Д. К. Зеленин. Современное изучение славянства в Западной Европе. «Советская этнография», 1932, №№ 3—4; Е. Бинкевич. Лужичане (материал к библиографии). «Советская этнография», 1947, кн. VI—VII.

⁵ J. H e r r m a n n. Siedlung, Wirtschaft und Gesellschaftsverhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. «Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte». Bd. 23, S. 89.

¹ М. И. Семиряга. Лужичане. М.-Л. 1955, стр. 11.

латься от земледелия, росли первые города. Цветущий край привлекал немецких феодалов, и они усилили проникновение в славянские земли. В 932 г. Генрих I подчинил лужичан и мильчан.

Параллельно шел процесс сближения сербских и лужицких племен. Обитателей и Верхней Лужицы (область мильчан и гломачей) и Нижней (собственно лужичане) стали называть лужицкими сербами. Впрочем, различия между ними сохранились доныне, особенно в языке и некоторых элементах традиционной материальной культуры. Тем не менее все лужичане давно и достаточно отчетливо осознавали свое этническое единство и на протяжении многих веков в крайне неблагоприятных для национального развития условиях сумели сохранить самобытность культуры и этническое самосознание, хотя уже к концу XV в., допустим, в Верхней Лужице осталось лишь 468 славянских деревень, а 256 были немецкими⁶. Появились новые города — Дрезден, Бауцен, Лейпциг и др., возникавшие в основном в местах бывших славянских поселений или укреплений. В городах был особенно велик удельный вес немцев и образовался исключительно немецкий патрициат. Однако среди ремесленников и городских низов имелись лица славянского происхождения. В Бауцене, например, в 1400 г. 36% горожан были славянами. Сербские ремесленники играли значительную роль в классовых столкновениях. 29 мая 1405 г., когда в Бауцене дело дошло до открытого народного восстания, его возглавил серб, староста гильдии суконщиков⁷. Ярким свидетельством роли сербов в общественной жизни лужицких городов могут служить гражданские присяги, приносившиеся на сербском языке. Уже тогда существовали различные препятствия для получения гражданских прав лицами славянского происхождения. Ремесленников-славян во многих городах не принимали в цеховые организации.

Исключительно тяжелым было положение славянских крестьян в обеих Лужицах, где они, находясь под двойным гнетом социального и национального закабаления, постепенно превращались в крепостных. Немецкому крестьянину, несмотря на то, что ему тоже приходилось испытывать тяготы крепостничества, жилось все же легче. Показательно, что батракам в сербской мест-

ности платили меньше. Феодалы всячески старались подчеркнуть этнические различия в среде крестьян и помешать объединенной антифеодальной борьбе. Стремясь избежать дополнительного гнета, часть мужчин шла навстречу ассимиляции и онемечивалась, преимущественно в городах. А с XIV в. онемечивание славян приняло почти насильственный характер. В конечном итоге на данной территории сохранился лишь небольшой славянский островок, который вплоть до 1635 г. политически принадлежал Чехии в рамках империи Габсбургов.

Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.) оказалась страшным бедствием для лужичан, чья земля стала одним из главных театров военных действий. Многие города и деревни были разрушены шведами, дотла был сожжен Бауцен. К тому же со времен Реформации, расколовшей лужичан на две враждебные религиозные группировки, усилился их разрыв с католиками Чехии и Польши. Но, с другой стороны, Реформация с ее требованием проповедовать «слово божие» на родном языке способствовала скромным начаткам сербского народного образования. Мартин Лютер был против перевода церковных книг на сербский язык. «Зачем вы будете начинать напрасный труд? Что, вам не хватает немецких книг?»—ответил он лужичанам-лютеранам, обратившимся к нему⁸. И все-таки перевод Нового завета на нижнелужицкий диалект был осуществлен в 1548 г. Н. Якубицей, что явилось важной вехой на пути становления лужицкой письменности. Первопечатной книгой на нижнелужицком диалекте стал катехизис Лютера (1574 г.). Первая книга на верхнелужицком диалекте увидела свет в 1597 году. Михаил Френцель, основатель целой династии местных сербских просветителей, создал основы лужицко-сербского правописания.

Культурное развитие лужичан всячески тормозилось. Во многих лужицких районах был запрещен родной язык. В 1667 г. прусский курфюрст отменил церковную службу на нижнелужицком диалекте. Принимались законы, единственная цель которых состояла в том, чтобы унижить лужичан. Бауценским лужичанам запрещалось ходить с палками, танцевать, носить длинные волосы, перья на шляпах и сапоги с высокими каблуками⁹. В постановлениях от 1717, 1731,

⁶ «Die Slawen in Deutschland. Ein Handbuch». Hrsg. von J. Herrmann. В. 1970, S. 98—100, 120.

⁷ Ibid., S. 391.

⁸ См. М. И. Семиряга. Указ. соч., стр. 24.

⁹ Там же, стр. 32.

1735 г. прусский король Фридрих-Вильгельм I требовал «отмены» лужицкого языка. Он запретил жениться сербам, не владевшим немецким языком. Однако правящий класс не отказывался привлекать их к солдатской службе. В 1714 г. был создан лужицкий полк. Лужичане служили и в королевской гвардии¹⁰. В XIX в. усилилось развитие буржуазных отношений в лужицких районах, как и во всей Германии. Многие крестьяне, особенно после 1871 г., ушли в города, а часть лужичан еще ранее покинула родину и отправилась на поиски лучшей доли в Америку и Австралию. В 1849 г. лужицкие колонии возникли около Аделаиды и Мельбурна, в 1854 г. несколько селений лужичан появилось в штате Техас.

Тем временем в Лужице росло движение за национальное возрождение. Его возглавила местная интеллигенция, получавшая поддержку со стороны других славянских народов. Представители лужичан участвовали в славянских съездах в Москве (1867 г.) и в Праге (1868 г.). Поэт Х. Зейлер (1804—1872 гг.) и композитор К. А. Коцор (1822—1904 гг.) внесли особенно заметный вклад в сокровищницу культуры лужицких сербов. Первого можно назвать основоположником их национальной литературы, второго — их классической музыки. Написанная ими песня «Ряна Лужица» стала как бы национальным гимном лужичан. С 1842 г. Зейлер издавал еженедельную газету, будущую «Serbske Nowiny» (с 1854 г.). Коцор ввел в обычай праздники хорового пения, с 1845 г. ставшие постоянной традицией. В 1875 г. была организована первая «скадованка» — вселужицкая встреча молодежи и студентов. В 1847 г. возникло научно-издательское общество «Матица Сербска» с печатным органом «Часопис» («Casopis Maćicy Serbskeje»). «Матица Сербска» почти в течение века играла огромную роль в общественной и культурной жизни лужичан. Она объединила всех видных представителей лужицкого возрождения, в том числе таких, как Я. Смоляр, Я. Барт-Тишински, Я. Радьсерб-Вела, А. Мука. В день 50-летия «Матицы Сербской» в Бауцене был заложен «Сербский дом». Деньги на его строительство прислали многие зарубежные славянские общества. В здании разместились редакция, типография, библиотека и музей. (Разграбленный в 1937 г. и сожженный эс-

совцами в 1945 г., «Сербский дом» был заново отстроен в 1956 году.)

В последние десятилетия XIX в. началась новая волна германизации лужичан. В 1888 г. были прекращены факультативные занятия по сербскому языку в котбусской гимназии. В 1896 г. министр внутренних дел Пруссии издал распоряжение об ограничении «вендской национальности»¹¹. В противовес официальному нажиму в 1912 г. возник союз лужицких обществ «Domowina» («Родина»). Веймарская республика не принесла лужичанам национального равноправия. Специальные юридические оговорки в школьном законодательстве Саксонии сводили на нет планы преподавания сербского языка. Зато в 1920 г. был создан «Вендский отдел», целью которого стали разработка методов скорейшей ассимиляции лужичан и «предотвращение возможного влияния социализма на движение вендов». Тогда же усилился международный резонанс лужицкого вопроса. В защиту прав малого народа выступили видные ученые-слависты Европы И. А. Бодуэн де Куртенэ, Т. Грабовский, Т. Лер-Сплавинский, Л. Нидерле, И. Пата и другие. В мае 1922 г. они обратились даже в Лигу Наций. Создавались общества друзей лужичан. Усилился интерес к их истории, литературе и этнографии. Издавались специальные исследования о лужичанах, например, книга бельгийского историка А. Вирсе под красноречивым названием «Народ-мученик»¹².

Коренное улучшение положения лужичан было невозможно в условиях буржуазного государства. Только одна партия со всей последовательностью выступала в защиту их интересов — КПГ. Первая местная коммунистическая ячейка была организована в Грюневальде в 1919 году. В 1926 и 1927 гг. КПГ вносила в Саксонский ландтаг проекты законов, в которых выдвигались требования обязательного преподавания сербского языка, пресечения любого социального и политического угнетения лужичан. Но законопроекты были отвергнуты реакцией. К концу 20-х годов усилилось социальное размежевание в освободительном движении лужичан. Пролетариат, полупролетарские слои и мелкое крестьянство все настойчивее боролись за социальные и национальные преобразования. Мелкая буржуазия города и кулачество создали в 1926 г. отдельную организацию «Лужицкий крестья-

¹⁰ Н. Brüchner. Ein Volk in Ketten. «Schriftenreihe über die Sorben». Hf. 2. Bautzen 1958, S. 56—57.

¹¹ «Die Sorben», S. 140.

¹² А. Vierzet. Un peuple-martir. Bruxelles. 1923.

янский союз». Правое крыло его стояло на позициях антикоммунизма.

Самые мрачные страницы в истории лужицкого народа связаны с периодом фашизма. В марте 1933 г. Гитлер в демагогических целях устроил прием «шпревальдцев», а в мае 1933 г. громогласно заявил, что «отвергает» политику германизации. Правые лидеры лужичан, изменив делу прогресса, приветствовали национал-социализм¹³. Но вскоре иллюзии рассеялись. Были арестованы все местные коммунисты и многие лидеры национального движения, запрещены газета «Сербске Новини», «Лужицкий крестьянский союз», спортивная организация «Соколы». Председателя «Домовины» П. Недо выслали, а ее в 1937 г. вообще закрыли. Затем запретили употребление лужицкого языка даже в быту. Уничтожались не только лужицкие книги, но и надписи на лужицком языке, высеченные на могильных плитах. Лужичан Гитлер собирался переселить в Эльзас и Лотарингию. Их обучение разрешалось в таких масштабах: считать до 500, уметь подписываться, читать не полагалось¹⁴.

Сербские лужичане, призванные в немецкую армию, гибли на всех фронтах второй мировой войны. Часть их, опьяненная первоначальными фашистскими победами, отклеялась от своего народа. Но имелося немало истинных патриотов, которые, не щадя жизни, боролись с фашизмом и были замучены в застенках гестапо и концентрационных лагерях: М. Грелльмуз, основатель организации КПГ в Бауцене П. Некк и многие другие. Когда Красная Армия приблизилась в 1945 г. к Лужице, местных мужчин фашисты почти поголовно угнали в «фольксштурм». Разгром «тысячелетнего райха» спас лужицких сербов от уничтожения. Пробыл долгожданный час освобождения. Однако не все еще трудности были преодолены. Долго и упорно трудящимся лужичанам пришлось бороться с влиянием мелкобуржуазной националистической организации «Сербский народный совет» (СНС), тесно связанной с чехословацкой буржуазией и имевшей тогда в Праге свое представительство¹⁵. Националисты пытались отвлечь лужицких сербов и возродившуюся в апреле 1945 г. «Домовину» от решения насущных социальных задач. Большую помощь лужи-

чанам оказали советская военная администрация в Восточной Германии, КПГ, а затем СЕПГ. Сильным ударом по СНС явился крах февральского контрреволюционного мятежа 1948 г. в Чехословакии.

23 марта 1948 г. Саксонский ландтаг принял «Закон об охране прав лужицкого народа». Аналогичный закон был принят 12 сентября 1950 г. правительством земли Бранденбург. Впервые за свою многовековую историю лужичане получили права на свободное развитие. Они с энтузиазмом приветствовали провозглашение Германской Демократической Республики, первого рабоче-крестьянского государства на немецкой земле. О коренных изменениях, которые произошли ныне в жизни лужичан, свидетельствуют факты. Действуют 9 чисто лужицких и 85 смешанных школ, где изучается сербский язык. Открыто сербское педагогическое училище. Имеется свое издательство, выпускающее учебники, книги, журналы, газеты. Среди последних наиболее популярна ежедневная «Nowa doba». В Бауцене работают Центральная лужицкая библиотека и немецко-сербский национальный театр, где ставятся и переводные пьесы, и оригинальные произведения лужицких авторов, среди которых наиболее известен Ю. Брезан. Плодотворно трудится композитор Ю. Винар. Оба они лауреаты Национальной премии ГДР. С 1966 г. проводятся фестивали лужицкой культуры. Часто выступают Центральный хор «Домовины» и Государственный ансамбль лужицкого народного искусства (организован в 1952 г.), выступавший также в ПНР, ЧССР, Англии и ФРГ. Другой лужицкий танцевальный коллектив с большим успехом участвовал в Будапештском фестивале молодежи и студентов. В 1951 г. при Славянском институте Лейпцигского университета был создан Институт лужицкого языкознания, при Историческом институте функционирует Лужицкое историческое отделение. Учрежден Институт лужицкого народоведения, который входит в систему Германской Академии наук. Его руководитель, известный педагог и литературовед П. Новотни, в сентябре 1969 г. на объединенной научной сессии Института марксизма-ленинизма, Академии общественных наук при ЦК КПСС и институтов АН СССР в Москве выступил с интересным докладом «Развитие культуры и науки лужицких сербов в ГДР».

Лужицкую проблему, которая в феодальном и буржуазном государствах остава-

¹³ «Die Slawen...». S. 24.

¹⁴ «Die Sorben», S. 34—35, 45, 227.

¹⁵ См. В. С. u. ž. Die DDR und die Sorben. Eine Dokumentation zur Nationalitätenpolitik in der DDR. Bautzen. 1969, S. 76, 78.

лась нерешенной на протяжении столетий, социалистический строй решил в считанные годы. В приветственном обращении ЦК СЕПГ к VII конгрессу «Домовины» (1969 г.) был высоко оценен вклад лужицких трудящихся в создание развитой

системы социализма. Успехи ГДР в социалистическом строительстве общеизвестны. В них вложен труд и лужицких сербов, наконец-то обретших право на свободную и счастливую жизнь.

А. Ейне, В. Е. Владыкин

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Окунева Майя Александровна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР. Специализируется по истории Латинской Америки и социальным проблемам стран «третьего мира». Автор статей по этой тематике.

Ксензенко Николай Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории КПСС Харьковского инженерно-экономического института. Специализируется по проблеме аграрных преобразований Великой Октябрьской социалистической революции на Украине.

Егоров Вадим Леонидович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СССР АН СССР, специализируется в области феодального периода отечественной истории.

Парсаданова Валентина Сергеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР, специалист по новейшей истории Польши и советско-польским отношениям, автор ряда научных работ по этой тематике.

Никифоров Владимир Николаевич — доктор исторических наук, заведующий сектором историографии Института Дальнего Востока АН СССР. Специализируется в области истории Китая. Автор монографии «Советские историки о проблемах Китая», один из авторов и редакторов книг «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока», «Века неравной борьбы» и др.

Райков Алексей Васильевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Липецкого пединститута, автор книги «Пробуждение Индии» и ряда статей по истории индийского национально-освободительного движения.

Бескровный Любомир Григорьевич — заслуженный деятель науки РСФСР, доктор исторических наук, профессор, научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Специалист по истории СССР. Автор монографий «Отечественная война 1812 года», «Очерки по источниковедению военной истории России», «Очерки военной историографии России» и других работ.

Ермолин Павел Андреевич — генерал-лейтенант в отставке, доцент, автор работ по истории Советских Вооруженных Сил. В годы Великой Отечественной войны — заместитель начальника тыла Красной Армии.

Оржеховский Игорь Вацлавович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР Горьковского университета, автор ряда статей по истории крестьянской реформы 1861 г. и внутренней политики России второй половины XIX века.

Утченко Сергей Львович — профессор, доктор исторических наук, заведующий сектором древней истории Института всеобщей истории АН СССР, главный редактор «Вестника древней истории», специалист по истории Древнего Рима. Автор монографий «Идейно-политическая борьба накануне падения Римской республики», «Кризис и падение Римской республики», «Глазами историка», «Древний Рим (события, люди, идеи)» и др.

ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ ИВАНОВ

10 января 1972 г. после тяжелой продолжительной болезни скончался видный советский историк, заведующий отделом истории России периода капитализма Института истории СССР АН СССР, доктор исторических наук, профессор Леонид Михайлович Иванов.

Л. М. Иванов родился 8 ноября 1909 г. в Петербурге в семье служащего. В 1929—1932 гг. учился на историко-экономическом отделении Ярославского педагогического института и одновременно работал преподавателем в техникуме. В 1933—1936 гг. Л. М. Иванов занимался в аспирантуре при Историческом музее в Москве, затем работал в Музее революции, а с 1937 г.— в Институте истории АН СССР, где в 1939 г. защитил кандидатскую диссертацию «Государственные крестьяне Московской губернии и реформа П. Д. Киселева».

С первых же дней Великой Отечественной войны Л. М. Иванов уходит добровольцем в народное ополчение, затем сражается в рядах истребительного батальона, защищавшего столицу, а с января 1942 г. переводится на политработу в Действующей армии. После тяжелого ранения, приведшего к инвалидности, Леонид Михайлович вынужден был в августе 1943 г. покинуть фронт и вернуться к довоенной работе.

В течение нескольких лет он являлся ученым секретарем Института истории АН СССР, а в 1946—1948 гг.— заместителем директора Института истории АН УССР. В 1950 г. Леонид Михайлович возвратился в Институт истории АН СССР и с тех пор более 20 лет возглавлял сектор, а затем отдел истории России периода капитализма. В 1955 г. он защитил докторскую диссертацию, посвященную революции 1905—1907 гг. на Украине. С 1958 г., с момента создания секции «Общие закономерности и особенности развития России в период империализма» Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», Л. М. Иванов являлся заместителем председателя, а с 1966 г.— председателем секции. На созываемых ею всесоюзных научных сессиях Леонид Михайлович выступал с историкографическими, методологическими и конкретно-историческими докладами. Л. М. Иванов являлся делегатом XIII Международного конгресса исторических наук в Москве и был одним из докладчиков на V Международном конгрессе экономической истории в Ленинграде (1970 г.).

Л. М. Иванов постоянно вел научно-редакционную работу. Он был членом редколлегии журнала «Вопросы истории», «Исторических записок», ответственным редактором сборников по социально-экономической истории нашей Родины, монографий по истории российского пролетариата, принимал участие в редактировании VII тома «Всемирной истории», V тома «Истории Москвы», вузовского учебника «История СССР» (т. II. 1861—1917. Период капитализма) и др. Немало сил Л. М. Иванов отдал преподавательской работе на историческом факультете МГУ, в последнее десятилетие он руководил аспирантами в Институте истории СССР АН СССР.

Член КПСС с 1941 г., Л. М. Иванов через всю жизнь пронес высокое звание коммуниста. Он неоднократно избирался секретарем и членом парткома Института истории АН СССР. Его отношение к работе, его выступления всегда носили принципиальный характер.

Л. М. Иванов оставил заметное научное наследие. Им опубликовано свыше ста научных работ по широкому кругу вопросов социально-экономической истории капиталистической России. Некоторые из них переведены на иностранные языки. Для Леонида Михайловича, человека, который родился в Петербурге, а детство и юность провел в Ярославле и Костроме, изучение истории пролетариата нашей страны как бы естественно стало кардинальным направлением исследовательских изысканий. Своими трудами в этой области Л. М. Иванов завоевал всеобщее признание и авторитет. Наиболее существенный вклад был сделан им в разработку вопросов формирования пролетариата как класса, а также политики царизма и буржуазии в отношении рабочих. Под руководством Леонида Михайловича завершена работа над двухтомным коллективным трудом «История рабочего класса России», в котором ему принадлежит несколько глав. Под его редакцией продолжалось издание документальных сборников «Рабочее движение в России в XIX в.» и подготовлены к печати три сборника документов о рабочем движении в пачале XX века, он направлял работу группы составителей библиографии по истории пролетариата страны.

Безвременно, в расцвете творческих сил ушел из жизни человек, стоявший в центре большой армии исследователей. Его заслуги перед Родиной, перед наукой отмечены десятью правительственными наградами. Все знавшие Леонида Михайловича Иванова навсегда сохраняют в памяти светлый образ этого ученого, коммуниста и человека

SUMMARIES OF MAJOR ARTICLES

M. A. OKUNEVA. The Theoretical Views of the Founders of Marxism and Peasant Revolutionism

The elaboration of the strategy and tactics of the Communist movement in backward and dependent countries with their predominantly peasant population relies on the teaching of the founders of Marxism-Leninism on the peasant question and the experience accumulated by the CPSU and the other Communist and Workers' parties in establishing a firm alliance between the working class and the peasantry in present-day conditions. It is especially important to establish a close alliance of the peasants in the underdeveloped countries with the socialist world system and the international working-class movement. The article is directed against the attempts of bourgeois and petty-bourgeois ideologists to divorce the peasant struggle from that waged by the working class on a national and world-wide scale against recurrent tendencies to depict the peasantry as a more revolutionary class than the proletariat. The author also shows the utter insolvency of attempts to represent the marginal strata of town and country as the principal revolutionary force of our time.

N. I. KSENZENKO. The Solution of the Agrarian Question in the Beet-Growing Districts of the Ukraine (1917-1922)

The author graphically shows that the peculiarity and complexity attending the solution of the agrarian question in the beet-growing areas of the Ukraine consisted in the interaction of the agrarian and industrial problems coupled with especial acuteness of the problem of the peasants' land hunger and agrarian overpopulation. The radical restructuring of agrarian relationships initiated after the October Revolution confronted these districts with the important questions of providing the peasants with land and simultaneously ensuring adequate supplies of raw materials for the sugar-refining industry. The protracted search for acceptable forms and methods of solving these problems resulted in the replacement of the old raw material base of the sugar-refining industry represented by big private landownership with peasant beet-growing and led to the establishment of close ties between the peasants and the nationalized enterprises of the sugar-refining industry, to the development of beet-growing cooperatives as an important precondition for mass collectivization in these districts.

V. L. YEGOROV. Political and Administrative Structure of the Golden Horde

The history of the extensive state founded by the Mongols in the 13th century in the steppelands of Southern Russia is usually approached from the aspect of its external manifestations, as a result of which many questions of its internal life continue to remain insufficiently investigated to this day. The article examines the political and administrative structure of the Golden Horde. The author convincingly shows that the system of state management and administrative division of the Golden Horde basically retained its military-feudal essence outwardly clothed in new forms. Installed in high government posts and wielding much power and influence in the internal political life of the state, the big Mongol feudal lords openly favoured separatist tendencies. The logical outcome of this were frequent disturbances which began at the end of the 1350's and testified to the incipient disintegration of the Golden Horde.

V. S. PARSADANOVA. Political Struggle in the Polish Peasant Movement (1944-1949)

The article is devoted to an important stage in the development of the peasant movement associated with the struggle for the consolidation of people's government in Poland. The process of political polarization of the class forces in the Polish countryside and the experience of implementing the agrarian reform convinced the Polish peasants that the socio-political and cultural backwardness of the countryside could be liquidated only on the basis of socialism, in close alliance with the working class and under the leadership of its party. The political and organizational growth of the Left wing of the peasant move-

ment, its active participation in all undertakings initiated by people's government and close cooperation with the working class helped to overcome the division within the peasant movement. Marching shoulder to shoulder with the Polish Workers' Party in the struggle for national liberation, for the abolition of feudal landownership and the monopolies, for the restoration of the country's war-ravaged economy, the Polish peasantry, joined the nation-wide effort to build socialism.

V. N. NIKIFOROV. From the History of Soviet Sinology (Commemorating the 70th Birthday of P. A. Mif)

The article is devoted to the activities of P. A. Mif, who guided the research work of Soviet Sinologists in 1927-1937 and participated in the preparation of a number of documents of the Communist International on diverse aspects of the Chinese revolution. P. A. Mif was the author of the earliest monographs on the history of the revolutionary movement in China and wrote the first outline history of the Communist Party of China. P. A. Mif repeatedly warned the Chinese Communists against the danger of converting the Communist Party of China into a peasant party and against its withdrawal from the leadership of the proletariat. He rendered effective assistance to Chinese revolutionaries by supporting in every way the internationalist trend within the Communist Party of China.

A. V. RAIKOV. The Indian National Revolutionaries and Marxism (1920's-1930's)

The author traces the evolution in the world outlook of the Indian petty-bourgeois revolutionaries under the influence of international and internal developments, primarily under the impact of the Great October Socialist Revolution. Beneficent influence on their views was also exerted by the activity of the Communist International and the first Indian Communists. The article graphically shows how they gradually rid themselves of the fetters of religion, how their attention was steadily shifting from almost exclusive preoccupation with questions of tactics in the struggle against the brutal colonial regime to the elaboration of a programme of socio-economic transformations basically directed against capitalism. Perceiving the ideas of scientific socialism, the national revolutionaries began to take an active part in the working-class and peasant movement. Towards the mid-1930's this evolution logically brought the majority of the national revolutionaries into the ranks of the Communist Party of India.

CONTENTS

of the journal "Problems of History" No. 2, 1972

Articles: **M. A. Okuneva.** The Theoretical Views of the Founders of Marxism and Peasant Revolutionism. **N. I. Ksenzenko.** The Solution of the Agrarian Question in the Beet-Growing Districts of the Ukraine (1917-1922); **V. L. Yegorov.** Political and Administrative Structure of the Golden Horde; **V. S. Parsadanova.** Political Struggle in the Polish Peasant Movement (1944-1949); **V. N. Nikiforov.** From the History of Soviet Sinology; **A. V. Raikov.** The Indian National Revolutionaries and Marxism (1920's-1930's); **Historical Essays:** **L. G. Beskrovny.** The Role Played by the Homeguards in the Patriotic War of 1812; **I. V. Orzhekhovsky.** The Third Department. Reminiscences. **P. A. Yermolin.** The Rear of the Red Army in the Battle of Moscow. **Historical Science in the U. S. S. R. and Abroad. Surveys:** **A. O. Zilberman.** New Bibliographical Publications for Historians; **O. M. Medushevskaya.** Poland's Yearbook on Source Research **Book Reviews:** **F. M. Vaganov.** How the Right Deviation in the All-Union Communist Party (Bolsheviks) Was Defeated (1928-1930); **G. Z. Ioffe.** The February Revolution of 1917 in Anglo-American Bourgeois Historiography; **A. P. Pronstein.** Methodology of Historical Research; **V. A. Ryzhikov.** Labour-Style "Socialism": Myths and Reality; **D. Obolensky.** The Byzantine Community of East-European States. 500-1453 (London), etc. **Scientific Notes. Facts, Events, People.** Notes on articles published in foreign journals; articles in Soviet and foreign historical journals, new Soviet and foreign books.

SOMMAIRE

de la revue «Questions d'histoire» № 2, 1972

Articles. **M. A. Okounéva.** Les vues théoriques des fondateurs du marxisme et les traits révolutionnaires propres aux paysans; **N. I. Ksenzenko.** La solution du problème agraire dans les régions de la culture de betterave de l'Ukraine (1917-1922); **V. L. Egorov.** La structure étatique et administrative de la Horde d'Or; **V. S. Parsadanova.** La lutte politique dans le mouvement paysan de Pologne (1944-1949); **V. N. Nikiforov.** De l'histoire de la sinologie soviétique; **A. V. Raïkov.** Les révolutionnaires nationaux indiens et le marxisme (1920-1930). **Études historiques:** **L. G. Beskrovny.** Les partisans dans la Guerre Nationale de 1812; **I. V. Orjékhevsky.** Le Troisième Département. Mémoires. **P. A. Ermoline.** Les arrières de l'Armée Rouge dans la bataille de Moscou. **Sciences historiques en U. R. S. S. et à l'étranger. Revues:** **A. O. Zilberman.** Nouvelles publications bibliographiques pour les historiens; **O. M. Médouchevskaïa.** Annuaire polonais de la critique historique. **Comptes rendus des livres:** **F. M. Vaganov.** Déviation droite au sein du P.C.(b) de l'U.R.S.S. et sa défaite (1928-1930); **G. Z. Ioffé.** La révolution de Février de 1917 vue par l'historiographie bourgeoise anglo-américaine; **A. P. Pronstein.** La méthode des recherches historiques; **V. A. Ryjïkov.** Le «socialisme» d'après les travaillistes: mythes et réalité; **D. Obolensky.** Communauté byzantine des Etats de l'Europe Orientale. 500-1453 (London), etc. **Notes scientifiques. Faits, événements, hommes.** Notes sur les articles publiés dans les revues étrangères; sommaires des revues historiques soviétiques et étrangères, nouveaux livres parus en U.R.S.S. et à l'étranger.

SUMARIO

de la revista «Cuestiones de historia» № 2, 1972.

Artículos: **M. A. Okuneva.** Conceptos teóricos de los fundadores del marxismo y posiciones revolucionarias del campesinado; **N. I. Ksenzenko.** Resolución de la cuestión agraria en las regiones de Ucrania productoras de la remolacha azucarera (1917—1922); **V. L. Egorov.** Régimen estatal y administrativo de la horda Aurífera; **V. S. Parsadanova.** Lucha política en el movimiento campesino polaco (1944—1949); **V. N. Nikiforov.** De historia de la sinología soviética; **A. V. Raïkov.** Revolucionarios nacionales hindús y marxismo (1920—30); **Ensayos históricos:** **L. G. Beskrovny.** Guerrilleros en la Guerra Patria del 1812; **I. V. Orzhejovskiy.** Tercera sección; **Memorias:** **P. A. Ermolin.** Retaguardia del Ejército Rojo en la batalla de Moscú. **La ciencia histórica en la URSS y en el extranjero. Revistas:** **A. O. Zilberman.** Nuevas ediciones bibliográficas para los historiadores; **O. M. Medushevskaja.** Anuario documentológico polaco. **Reseñas de libros:** **F. M. Vaganov.** Desviación de derecha del partido bolchevique y su derrota (1928—1930); **G. Z. Ioffe.** Revolución de Febrero del 1917 en la historiografía burguesa anglo-norteamericana; **A. P. Pronstein.** Metodología de la investigación histórica; **V. A. Rizhikov.** «Socialismo» a la labourista: mitos y realidad; **D. Obolenskiy.** Comunidad bizantina de los estados de Europa Oriental. 500—1453 (London) etc. **Notas científicas. Hechos, acontecimientos, personalidades.** Notas de artículos, publicados en las revistas extranjeras; artículos en las revistas históricas soviéticas y extranjeras, nuevos libros soviéticos y extranjeros.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Р. Т. АХРАМОВИЧ, В. И. БОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, Г. Н. ГОЛИКОВ, Н. Н. ДЕМОЧКИН, И. В. ДУДИНСКИЙ, Е. М. ЖУКОВ, М. П. КИМ, А. Г. КУЗЬМИН (заместитель главного редактора), Л. Н. НЕЖИНСКИЙ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, А. Н. САХАРОВ, С. Д. СКАЗКИН, И. В. СОЗИН (ответственный секретарь), И. А. ФЕДОСОВ, А. С. ЧЕРНЯЕВ.

Технический редактор А. И. Евтушенко.

Адрес редакции: 103781, Москва, ГСП, М. Путинковский пер. 1/2. Телефон 228-96-21.

Сдано в набор 27/ХІІ 1971 г.

А 01467.

Подписано к печати 10/ІІ 1972 г.

Формат бум. 70×108^{1/16}.

Объем 19,60 усл. печ. л. 22,29 учетно-изд. л. Тираж 31 200 экз. Изд. № 470. Зак. № 2354.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

REDLICH J. and HIRST F. W. **The History of Local Government in England.** Being a Reissue of Book I of Local Government in England. 2-nd ed. with an Introd. and Epilogue by Bryan Keith-Lucas. London. «Macmillan». 1971. XVII, 284 p.

The Europa Year Book. 1971. A World Survey. Vol. I. P. I. International Organizations. P. 2. Europe. London. «Europa». 1971. XXIII, 1433 p.

TURNEY A. **Disaster at Moscow.** Von Bock's Campaigns, 1941—1942. London. «Cassell». 1971. XVII, 228 p.

McGREGOR J. F. **La red y la tijera.** Los medios de comunicación en la Argentina. Buenos Aires. «Abecé Ediciones». 1971. 255 p.

ALATRI P. **Le origini del fascismo.** Roma. «Editori Riuniti». 1971. 480 p.

GAY P. **Weimar Culture.** The Outsider as Insider. New York—Evanston. «Harper and Row». 1971. XV, 205 p.

GREEN G. **Crisis of the New Radicalism.** New York. «International Publishers». 1971. 224 p.

GREENBERG L. M. **Sisters of Liberty.** Marseille, Lyon, Paris and the Reaction to a Centralized State, 1868—1871. Cambridge (Mass.). Harvard Univ. Press. 1971. (9), 391 p.

HIGONNET P. L.-R. **Pont-de-Montvert. Social Structure and Politics in a French Village, 1700—1914.** Cambridge (Mass.). Harvard Univ. Press. 1971. XVI, 217 p.

PLAZA G. **Latin America Today and Tomorrow.** Washington. «Acropolis». 1971. 229 p.

PULLAN B. **Rich and Poor in Renaissance Venice.** The Social Institutions of a

Catholic State to 1620. Cambridge (Mass.). 1971. X, 689 p.

SMITH W. **Painted Ceramics of the Western Mound at Awatovi.** With a Note on Technology by A. O. Shepard. Cambridge (Mass.). 1971. XXIII, 630 p. (Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Harv. Univ.).

Akten der Reichskanzlei Weimarer Republik. Das Kabinett Scheidemann. 13. Februar bis 20. Juni 1919. Bearb. von H. Schulze. Boppard am Rhein. «Harald Boldt Verlag». 1971. 554 S.

Akten der Reichskanzlei Weimarer Republik. Das Kabinett Müller I. 27. März bis 21. Juni 1920. Bearb. von M. Vogt. Boppard am Rhein. «Harald Boldt Verlag». 1971. 375 S.

GÜNTHER K. **Der Kanzlerwechsel in der Bundesrepublik Adenauer-Erhard-Kiesinger.** Eine Analyse zum Problem der intraparteilichen De-Nominierung des Kanzlers und der Nominierung eines Kanzlerkandidaten am Beispiel des Streits um Adenauers und Erhards Nachfolge. Hannover. «Verl. für Literatur und Zeitgeschichte». 1971. 203 S.

BESSE G. e. a. **Lénine, la philosophie et la culture.** Paris. «Ed. sociales». 1971. 191 p.

DUCLOS J. **Mémoires.** 4. Sur la brèche 1945—1952. Des débuts de la 4e République au «complot» des pigeons. Paris. 1971. 496 p.

ERLANGER PH. **Rodolphe II de Habsbourg, (1552—1612).** L'empereur insolite. Par Philippe Erlanger avec le concours d'Eric Neweklowsky. Paris. «Michel». 1971. 262 p.

«**Detta djävla Norrland.** 20 författare möter Glesbygden. Göteborg. «Författarförl.». 1971. 193 s.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вопросы истории» принимает статьи объемом не более 1,5 авторского листа (36 стр. машинописи через два интервала); воспоминания, исторические очерки и публикации — по предварительному соглашению; обзоры — до 16 стр., письма и заметки — 6—8 стр., заметки о статьях, опубликованных в зарубежных журналах, — 3 стр. Все материалы представляются в редакцию в 2-х экземплярах. В случаях отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр; другой остается в архиве редакции.

Магазин № 155
Москниги принимает
предварительные
заказы
на выпускаемую
издательством
«Наука»

ИСТОРИЮ ФРАНЦИИ

В 3 ТОМАХ

Издание, осуществляемое в нашей стране впервые, систематически полно и всесторонне освещает многовековую историю Франции от древней Галлии до наших дней.

Первый том охватывает события с начала нашей эры до конца XVIII века.

Второй том — период от Великой Французской буржуазной революции до 1917 г., то есть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Третий том целиком посвящен новейшей истории Франции за последние полвека.

Издание подготовлено Институтом всеобщей истории АН СССР и выходит под редакцией А. З. Манфреда (ответственный редактор), В. М. Далина, В. В. Загладина, С. Н. Павловой, С. Д. Сказкина.

«История Франции», живо и популярно написанная и богато иллюстрированная, заинтересует не только историков-специалистов, но и широкие круги советских читателей.

Ориентировочная цена одного тома 2 р. 50 к. Издание будет осуществлено в 1972—1973 годах.

Присланный заказ сохраняется до высылки всех трех томов.

Книги высылаются наложенным платежом (без задатка).

Адрес магазина: Москва, И-254, ул. Яблочкова, 8.

Москнига